

1843

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЧИТ. ЗАЛ

Четверть века дружбы и сотрудничества

Новая ступень в советско-индийских
отношениях

Борьба Пекина против социалистического
содружества

Две линии в развитии монголо-китайских
отношений

Маоизм и великоханьский шовинизм

Мирные дни Вьетнама

1
1974

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

1 (9) 1974

W

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

ВЫВОДЫ
СЛУЖБА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЧИТ. ЗАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Четверть века дружбы и сотрудничества
(К 25-летию Соглашения об экономическом и культур-
ном сотрудничестве между СССР и КНР)
И. Т. Новиков

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 13 Новая ступень в советско-индийских отношениях
(о визите Л. И. Брежнева в Индию)
- 20 Борьба Пекина против социалистического содружества
А. Г. Кручинин
- 35 Социально-экономический аспект
населения КНР
Е. А. Коновалов
- 45 Две линии в развитии монголо-китайских отношений
(1949—1972 гг.)
О. Чулуун (МНР)
- 56 Топливо-энергетическая база КНР
В. И. Акимов
- 67 Некоторые вопросы китайско-сингапурских торговых
связей
Т. М. Лёвина

ИДЕОЛОГИЯ

- 74 Маоизм и великоханьский шовинизм китайской буржуа-
зии
В. А. Кривцов

ИСТОРИЯ

- 88 Метаморфоза западной буржуазной синологии
В. Н. Никифоров
- 101 Мориносукэ Кадзима — апологет японской экспансии
в Китае
С. С. Пасков

КОММЕНТАРИИ

- 110 Антисоветизм — основа внешнеполитического курса
Пекина
И. А. Алексеев

КУЛЬТУРА

- 115 О яньаньских выступлениях Мао Цзэ-дуна
А. Н. Желоховцев
- 123 «Литература национальной обороны» и фальсификации маонстов
Г. Я. Иванов

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ

- 133 В мирные дни
(из вьетнамского дневника)
М. М. Ильинский

ПУБЛИКАЦИИ

- 141 «Великое пустозвонство» и другие фельетоны
Дэн Го
- 149 Критические заметки
Лао Шэ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 155 Русско-китайские отношения в XVII веке (1686—1691 гг.)
Л. Г. Бескровный
- 159 За академическим фасадом — подстрекательство
Н. С. Каринин
- 164 С позиций марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма
Г. А. Алексеев
- 167 Экономика и политика современной Японии
В. М. Кузнецов
- 169 Своими глазами
Даниил Гранин
- 172 Монография о современном китайском языке
М. В. Софронов
- 176 Дж. К. Эммерсон о «японской дилемме»
А. П. Марков

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ

- 179 Драматургия А. Н. Островского в Китае (1920—1950 гг.)
- 182 Встреча обществоведов в Таллине

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДА-
НОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВ-
ЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1974

Четверть века дружбы и сотрудничества

К 25-летию Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР

*И. Т. Новиков,
заместитель Председателя Со-
вета Министров СССР, Предсе-
датель Советской части Меж-
правительственной Советско-
Корейской консультативной ко-
миссии по экономическим и на-
учно-техническим вопросам*

17 марта 1974 г. советский и корейский народы торжественно отмечают 25-ю годовщину со дня подписания Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой. Это Соглашение явилось документом, который положил начало новым отношениям КНДР с внешним миром на принципах социалистического интернационализма, полного равенства и уважения государственного суверенитета, невмешательства в дела друг друга, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи.

Советско-корейская дружба имеет глубокие корни. Эта дружба, зародившаяся в совместной революционной борьбе, приобрела новое содержание после победы народно-демократического строя в КНДР. Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве закрепило успехи и опыт первых лет советско-корейских отношений и открыло новые возможности дальнейшего развития экономического и культурного сотрудничества между советским и корейским народами.

В развитие вышеназванного Соглашения в 1949 г. между СССР и КНДР были подписаны другие документы, направленные на расширение торгово-экономических связей, в частности протокол о товарообороте и платежах, соглашение о предоставлении Советским Союзом КНДР долгосрочного кредита, соглашение об оказании СССР технического содействия КНДР в строительстве промышленных и других народнохозяйственных объектов.

Эти соглашения явились прочной базой для развития экономического сотрудничества между обоими странами. После освобождения от японского ига корейский народ под руководством Трудовой партии Кореи с большим подъемом приступил к ликвидации тяжелого колониального наследия. Советский Союз, выполняя свой интернациональный долг, поставлял в КНДР машины, оборудование, топливо, некоторые виды про-

ката черных металлов и другие товары, необходимые для восстановления и развития корейской экономики. Поставлялись также товары народного потребления, необходимые для снабжения населения.

Оценивая соглашения о предоставлении Советским Союзом КНДР долгосрочного кредита и об оказании СССР технического содействия КНДР в строительстве народнохозяйственных объектов, тов. Ким Ир Сен говорил: «Эти соглашения открыли новую страницу в развитии новых отношений между КНДР и Советским Союзом после освобождения Кореи, они имеют огромное политико-экономическое значение в деле повышения международного авторитета нашей молодой республики и обеспечения ее беспредельного расцвета и дальнейшего развития»¹.

После освобождения Кореи от японского ига корейский народ, проявляя исключительный героизм в труде, достиг замечательных успехов в строительстве новой жизни в республике. В 1949 г. по сравнению с 1946 г. выработка электроэнергии увеличилась на 51%, выплавка стали — почти в 3 раза; производство цемента — в 5,2; тканей — в 4,7; химических удобренней — в 3 раза.

Однако мирный, созидательный труд корейского народа был прерван войной, развязанной в 1950 г. американскими империалистами. В течение трехлетней войны (1950—1953 гг.) было разрушено около 600 тыс. жилых зданий общей площадью более 28 млн. кв. м, свыше 5000 учебных заведений, 1000 больниц и амбулаторий, тысячи учреждений культуры и предприятий коммунального хозяйства; многие города и села были превращены в пепелища.

Подверглись разрушению заводы и фабрики, в результате чего выпуск валовой продукции промышленности в 1953 г. сократился против 1949 г. на 36%. От варварских американских бомбардировок пострадало около 370 тыс. га пахотных земель, что привело к сокращению производства зерна в 1953 г. до 88% от уровня 1949 года².

Восстановление сильно разрушенного войной народного хозяйства КНДР потребовало огромных усилий корейского народа, больших финансовых и материальных средств.

В этой сложной обстановке корейскому народу оказали необходимую помощь Советский Союз и другие социалистические страны. СССР предоставил КНДР безвозмездную помощь в сумме 1,3 млрд. рублей³ (в дореформенном исчислении). В счет этой суммы Советский Союз поставил в КНДР в течение 1953—1957 гг. значительное количество различных машин, оборудования, металлопроката, нефтепродуктов и других товаров, необходимых для восстановления народного хозяйства и снабжения населения.

Сотрудничество с СССР и другими странами социализма помогло корейскому народу восстановить разрушенное хозяйство и успешно выполнить трехлетний план (1954—1956 гг.). В республике было восстановлено более 280 и построено свыше 80 крупных промышленных объектов. Валовая продукция государственной и кооперативной промышленности в 1956 г. увеличилась в 2 раза против 1949 года.

Осуществляя поставленные III и IV съездами Трудовой партии Кореи задачи по развитию народного хозяйства, партия и правительство КНДР мобилизовали внутренние ресурсы страны и активно развивали экономическое сотрудничество с социалистическими странами, особенно с СССР.

¹ «Внешняя торговля», 1959, № 3, стр. 6.

² См.: «КНДР». Пхеньян, 1958, стр. 184—185.

³ «Внешняя торговля», 1958, № 9, стр. 11.

При техническом содействии Советского Союза было восстановлено и вновь построено более 50 промышленных предприятий и других объектов, имеющих первостепенное значение для развития народного хозяйства КНДР. Среди них Сухунская гидроэлектростанция мощностью 700 тыс. квт, завод цветных металлов в Нампхо, металлургический завод им. Ким Чака, сталелитейный завод в Сонгдине, Хыннамский химический комбинат, Пхеньянский текстильный комбинат, цементный и трактороремонтный заводы, мяскокомбинат, рыбконсервный завод и др.

Для оказания корейским друзьям технической помощи в строительстве указанных промышленных предприятий и других объектов, в монтаже и наладке оборудования, в освоении производства различной промышленной продукции на предприятиях Советским Союзом было командировано в КНДР около трех тысяч советских специалистов.

Оценивая помощь СССР и других социалистических стран, тов. Ким Ир Сен писал: «Каждый раз, когда корейский народ оказывался в трудном положении, народы Советского Союза и страны социалистического лагеря оказывали ему моральную поддержку и бескорыстную экономическую и техническую помощь.

Интернациональная солидарность и сотрудничество с социалистическими странами, возглавляемыми Советским Союзом, являлись не только прочным залогом национальной независимости корейского народа, но и важным фактором, облегчающим построение социализма в нашей стране, укрепляющим ее общественное развитие и обеспечивающим победоносное движение нашей революции вперед»⁴.

* * *

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду тов. Л. И. Брежнев говорил: «Коммунистическая партия Советского Союза считала и считает своим интернациональным долгом всемерно содействовать дальнейшему росту могущества мировой системы социализма. Мы стоим за то, чтобы сотрудничество братских стран становилось все более разносторонним и глубоким, охватывало бы все более широкие массы трудящихся, чтобы основательнее изучался конкретный опыт друг друга на всех уровнях государственной, общественной, хозяйственной и культурной жизни»⁵.

Социалистические страны, руководствуясь марксистско-ленинским учением о закономерностях социально-экономического развития, мобилизуют свои внутренние ресурсы и осуществляют всестороннее сотрудничество между собой. При создании социалистической экономики и выполнении плана социалистической индустриализации в КНДР советско-корейское экономическое сотрудничество неизменно развивалось и углублялось. Оно приобрело всесторонний характер, оказывало и продолжает оказывать положительное воздействие на решение важных народнохозяйственных задач.

За последние годы, в условиях значительного расширения экономических связей между СССР и КНДР, приобретает все большее значение задача координации этих связей на перспективу, то есть разработка рекомендаций на долгосрочный период по вопросам экономического, научно-технического, торгового и культурного сотрудничества. Важную роль в развитии советско-корейских экономических отношений играет

⁴ Ким Ир Сен. Торжество идей Великого Октября. М., 1962, стр. 331.

⁵ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС. — «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 14.

созданная в 1967 г. Межправительственная Советско-Корейская консультативная комиссия по экономическим и научно-техническим вопросам.

Сессии Комиссии собираются 2 раза в год, поочередно в Москве и Пхеньяне. Всего проведено уже 10 сессий, на которых рассматривались важнейшие проблемы, связанные с развитием советско-корейского экономического и научно-технического сотрудничества, с поиском новых, наиболее эффективных форм хозяйственных связей — участие в кооперации, создание новых отраслей экономики и комплексное развитие народного хозяйства.

В настоящее время при техническом содействии СССР в КНДР строятся более 30 промышленных предприятий и других объектов, которые обеспечат значительный прирост мощностей по производству стали и проката, электроэнергии, азотных удобрений, добычи угля и железной руды и т. д.

Среди них такие крупные современные предприятия, как нефтеперерабатывающий завод в Унги, конверторный цех, цехи горячего и холодного проката стального листа на металлургическом заводе им. Ким Чака в Чонгдине, тепловые электростанции в Пукчане, в Унги и Чонгдине, завод по производству аммиака, завод по производству вискозной целлюлозы, аккумуляторный завод, подшипниковый завод, завод микроэлектродвигателей, алюминиевый завод, угольный карьер Енхын, вагоностроительный завод по производству цельнометаллических 62-тонных полувагонов и другие объекты.

Успешно осуществляется строительство крупной тепловой Пукчанской электростанции, первые семь энергоблоков которой пущены в эксплуатацию. Заканчивается поставка оборудования для следующих энергоблоков. По окончании строительства указанная электростанция будет одной из крупнейших в Азии.

В 1972—1973 гг. завершена в основном поставка оборудования и материалов и закончены строительно-монтажные работы на нефтеперерабатывающем заводе в Унги. Введена в эксплуатацию первая очередь этого завода, что позволило получать бензин, мазут, дизельное топливо и другие продукты нефтепереработки.

Выполнен большой объем строительно-монтажных работ по строительству конверторного цеха на металлургическом заводе им. Ким Чака в Чонгдине и заканчивается поставка оборудования для прокатного стана «1700» горячей прокатки листа. В целом вышеуказанные объекты будут введены в эксплуатацию в текущей шестилетке (1971—1976 гг.).

Все предприятия, строящиеся в Корейской Народно-Демократической Республике при экономическом и техническом содействии Советского Союза, спроектированы с учетом современных достижений науки и техники, оснащаются высокопроизводительным современным оборудованием, имеют высокий уровень автоматизации и механизации основных и вспомогательных производственных процессов.

Ввод в эксплуатацию указанных предприятий позволит увеличить выпуск соответствующей продукции по сравнению с 1970 годом: стали примерно на 30%, проката — на 40, угля — на 30, производство электроэнергии — более чем на 40, азотных удобрений — на 25% и т. д.

Большая помощь оказывается КНДР Советским Союзом в подготовке национальных квалифицированных кадров. Эта работа проводится по двум направлениям: непосредственно на предприятиях, строящихся в КНДР при техническом содействии Советского Союза, и путем производственно-технического обучения на аналогичных предприятиях в Советском Союзе.

Более 580 советских специалистов находилось в 1972—1973 гг. на строительных площадках в КНДР, оказывая техническую помощь корейским друзьям в строительстве предприятий, монтаже и наладке оборудования.

Советские люди, выполняя заказы социалистической Кореи на проектирование промышленных предприятий и других объектов и на изготовление оборудования для них, вкладывают в свой труд много творческой энергии, чтобы в срок и досрочно выполнить заказы братской страны.

ЦК ТПК и правительство КНДР, высоко оценив помощь советских специалистов и их вклад в укрепление дружбы между советским и корейским народами, наградили в 1970—1972 гг. свыше 400 советских специалистов орденами и медалями КНДР.

Вместе с другими социалистическими странами Советский Союз оказывает помощь корейским друзьям в восстановлении и создании судостроительной промышленности.

В июне 1966 г. был подписан Межправительственный протокол о сотрудничестве в области рыболовства между двумя странами, в соответствии с которым рыбопромысловые суда одной страны получили возможность заходить в порты другой страны для укрытия от штормов, ремонта, разгрузочно-погрузочных работ и снабжения судов водой, топливом и продовольствием. В развитие этого соглашения в том же году были переданы два крупнотоннажных транспортных судна, которые используются корейскими рыбаками в качестве плавбаз океанического лова в Северо-Западной части Тихого океана⁶.

Корейские организации в свою очередь по заключенным контрактам оказывают помощь советским рыбакам, в частности в ремонте на судоверфях КНДР советских рыболовных судов. Экономическое сотрудничество в области рыболовства продолжает развиваться.

В 1969 г. была создана Советско-Корейская смешанная комиссия по рыболовству, сессии которой проводятся регулярно.

В системе экономических связей значительную роль играет научно-техническое сотрудничество. Опыт свидетельствует о том, что социализм открывает широчайшие возможности для развития производства, науки и техники, создает условия для быстрого и массового внедрения в жизнь научно-технических достижений.

Между СССР и КНДР в феврале 1955 г. и в октябре 1967 г. были подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве. В соответствии с этими соглашениями стороны обмениваются различной технической документацией, что создает возможность с меньшими затратами и в более короткие сроки осваивать производство необходимых видов продукции, в том числе сложных современных машин и оборудования.

Взаимный обмен с КНДР научно-техническими достижениями в разных областях осуществляется, как и с другими социалистическими странами, безвозмездно: оплачиваются только расходы, связанные с изготовлением и доставкой копий документации.

За период научно-технического сотрудничества Советский Союз передал КНДР 2679 комплектов различной технической документации, которые охватывают геологию, тракторостроение, станкостроение, автомобилестроение, металлургическую, химическую, пищевую, рыбную промышленность, энергетическое и сельскохозяйственное машиностроение и другие отрасли хозяйства.

⁶ См.: «Мировое рыболовство», 1971, № 6, стр. 14.

За последние годы на важнейших предприятиях СССР более 3 тыс. корейских специалистов проходили производственно-техническое обучение. Ознакомление с достижениями и опытом советских предприятий производилось в следующих отраслях промышленности: в строительстве электростанций, в изготовлении крупных гидрогенераторов и турбогенераторов, в технологии производства листового проката из нержавеющей стали, в производстве алюминия, строительстве предприятий черной и цветной металлургии, легкой и пищевой промышленности.

По просьбе Корейской стороны советские организации передали КНДР 5335 различных стандартов для использования советского опыта при создании и развитии национальной службы стандартизации. В целях оказания помощи корейским организациям в создании и развитии народного просвещения и высшего образования советскими организациями были переданы КНДР более 1100 различных учебных программ и инструкций для учебных заведений.

КНДР в свою очередь передала советским организациям различную техническую документацию, в том числе на производство поливинилового спирта, о методах интенсификации прудового рыболовства, о рецептуре комбикормов для форели, о лове кальмара с помощью электрического света, о технологии обработки морской капусты, сушении рыбы и креветок горячим воздухом. Кроме того, получены образцы сельскохозяйственной продукции, материалы о возделывании некоторых сельскохозяйственных культур и лекарственных растений.

Советские специалисты выезжали в КНДР, где знакомились с производственным опытом и научно-техническими достижениями в различных отраслях народного хозяйства.

Согласно договоренности между правительствами обеих стран в КНДР и Советском Союзе был организован и проведен ряд выставок. В частности, в августе 1960 г. в Пхеньяне была проведена советская выставка «Достижения народного хозяйства СССР», на которой были широко представлены машины и оборудование горнорудной, металлургической, автомобильной промышленности, сельскохозяйственные машины, продукция других отраслей промышленности.

В 1966 г. в Пхеньяне была организована Советским Союзом выставка, приуроченная к 17-й годовщине подписания Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР. На ней было представлено свыше шести тысяч различных экспонатов, демонстрировавших достижения Советского Союза в области производства товаров народного потребления. Широко были также представлены медицинские препараты (антибиотики, витамины и другие медикаменты), медицинское оборудование.

КНДР в июне 1968 г. в Хабаровске организовала и провела свою выставку, где были представлены главным образом товары народного потребления, а также металлорежущие станки, бытовая электротехника, различные инструменты. Всего было экспонировано около 4 тыс. наименований товаров.

Эта выставка широко познакомила население районов Советского Дальнего Востока с товарами, вырабатываемыми корейской промышленностью.

В мае 1971 г. в Москве была проведена корейская выставка товаров народного потребления. Экспонаты выставки вызвали интерес у москвичей и гостей столицы.

Советские и корейские выставки явились одной из форм сотрудничества и имели важное практическое значение. Посетители обеих стран

широко ознакомились с научными достижениями и внедрением их в народное хозяйство СССР и КНДР.

Важным событием в развитии торгово-экономических отношений между СССР и КНДР явилось подписание 22 июня 1960 г. в Москве Договора о торговле и мореплавании.

В результате заключения этого договора экономическое сотрудничество между обеими странами значительно расширилось. Торговля стала осуществляться на базе долгосрочных соглашений, что придало ей стабильный характер. Первое торговое соглашение, рассчитанное на 5 лет (1961—1965 гг.), было перевыполнено. Товарооборот в 1965 г. по сравнению с 1960 г. увеличился в 1,6 раза. Объем торговли между СССР и КНДР в 1972 г. по сравнению с 1958 г. увеличился почти в 4 раза.

Динамика советско-корейского товарооборота

	в млн. руб.			
	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1972 г.
Оборот	103	160	329	379
Экспорт . . .	36	81	207	251
Импорт	67	79	122	128

В результате успешного развития народного хозяйства КНДР в целом, машиностроения в особенности, произошли изменения в структуре поставляемых товаров, в корейском экспорте, наряду с традиционными товарами (металлопрокат, цветные металлы и т. д.) появились новые товары, которые раньше не вывозились за границу, в том числе металлорежущие станки различных типов, электродвигатели, трансформаторы, разные металлорежущие инструменты, кабельные изделия и другие товары. Поставки в СССР изделий корейского машиностроения только за последние шесть лет увеличились в несколько раз. В 1972 г. в СССР были поставлены машины и оборудование, в том числе станков металлорежущих более 2 тыс. шт., в то время как в 1966 г. они совсем не поставлялись.

Значительно увеличился выпуск продукции легкой промышленности, что положительно сказалось на объеме экспорта таких товаров. В 1972 г. экспорт товаров народного потребления из КНДР в СССР увеличился по сравнению с 1966 г. почти в 6 раз. В 1972 г. Корея поставила в СССР одежду на сумму более 12 млн. рублей, посуду фарфоровую — на 2,1 млн. рублей, около 2 млн. пар спортивной обуви.

Благодаря неуклонному росту сельскохозяйственного производства увеличились поставки в Советский Союз продукции сельского хозяйства. Так, в 1972 г. было экспортировано около 20 тыс. т свежих яблок. КНДР продолжала поставлять в СССР рис в обмен на пшеницу, экспортировать кукурузный крахмал, листовой табак и другие товары.

Успешное развитие строительной промышленности позволило КНДР увеличить экспорт в Советский Союз цемента, листового оконного стекла, облицовочной плитки и других строительных материалов.

В корейском импорте из Советского Союза занимают большое место товары производственного назначения, и в первую очередь машины и оборудование, на долю которых приходилось в 1972 г. 38% корейского импорта из СССР.

Дальнейшее развитие народного хозяйства КНДР вызвало значительное увеличение потребности в топливе, горючем, сырьевых и других

материалах. В силу этих и других причин за последние годы резко возросли поставки из Советского Союза в КНДР коксующегося угля, нефтепродуктов. В экспорте появились и такие товары, которые раньше не поставлялись в КНДР, например сахар, сера, растительное масло и т. д.

В целях рационального использования имеющихся экономических ресурсов СССР и КНДР применяют новые формы в торговле. Так, Центросоюз СССР через свои местные организации на Дальнем Востоке успешно ведет пограничную торговлю с Центральным советом потребительских обществ КНДР. Объем этой торговли в 1970 г. увеличился по сравнению с 1966 г. более чем в 2,5 раза, а по сравнению с 1955 г. — в 31 раз⁷. Центросоюз СССР экспортирует в КНДР фотоаппараты, фотобумагу, часы, швейные изделия, хозяйственное мыло и другие товары. Советская кооперация импортирует из КНДР для нужд Дальнего Востока свежие яблоки, груши, помидоры, огурцы и другие фрукты и овощи, а также предметы широкого потребления.

Установление прямых торговых связей между пограничными районами позволяет лучше использовать местные ресурсы, исключает перевозку их на большие расстояния и расходование значительных средств на оплату за транспорт. Эта форма торговли имеет большие перспективы.

Правовая основа связей между СССР и КНДР в области культуры и искусства была заложена заключением в марте 1949 г. Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве. Дальнейшее развитие эти связи получили после подписания 5 сентября 1956 г. Соглашения о культурном сотрудничестве между нашими странами.

На основе этих соглашений разрабатываются годовичные планы научного и культурного сотрудничества, которые предусматривают обмен в области культуры и искусства, гастроли художественных коллективов, групп артистов и отдельных солистов, обмен делегациями работников различных учреждений культуры и т. д.

Планами культурного сотрудничества предусматривается ежегодный обмен различными выставками. За последние годы Министерством культуры СССР и другими советскими ведомствами были организованы и показаны в КНДР выставки советского изобразительного искусства, политического плаката, экспозиция «Советская Армия в изобразительном искусстве», фотодокументальные выставки и выставки графических работ.

В СССР корейские организации провели выставки, посвященные 40-й годовщине создания Корейской Народной армии, 24-й и 25-й годовщинам образования КНДР, а также выставку прикладного искусства. В Советском Союзе находилась делегация работников музеев КНДР, которая ознакомилась с работой музеев Москвы, Ленинграда, Риги, Киева и с мемориальным комплексом в Ульяновске.

Сотрудничество в области культуры предоставляет возможность советскому и корейскому народам лучше ознакомиться с культурой и искусством другой страны, способствует дальнейшему развитию и укреплению дружественных связей между СССР и КНДР.

* * *

⁷ В. А. Соболев. Внешняя торговля Центросоюза. М., 1968, стр. 39.

Корейский народ под руководством Трудовой партии Кореи за короткий срок добился выдающихся успехов в строительстве новой жизни. КНДР, отсталая в прошлом колония японских милитаристов, превратилась в социалистическое государство — одно из наиболее развитых в промышленном отношении государств Азии.

Достигнуты большие успехи в развитии промышленности. Объем ее валовой продукции в 1970 г. по сравнению с 1960 г. увеличился в 3,3 раза, годовой прирост промышленного производства за последние 15 лет составил 19,1%. В настоящее время промышленность дает 75% валового национального продукта. Создана тяжелая промышленность с ее сердцевинной — машиностроением. Построены крупные гидро- и электростанции, получили дальнейшее развитие металлургия и химия.

Достигнуты большие успехи в сельском хозяйстве. Решена проблема обеспечения населения продовольствием, кооперированное крестьянство из года в год добывается высоких урожаев, превышающих 5 млн. т зерна в год.

С каждым годом улучшается жизнь и благосостояние трудящихся. В 1970 г. доля национального дохода на каждого человека по сравнению с 1946 г. увеличилась в 9,4 раза.

Широко известны достижения КНДР в развитии образования, национальной культуры и искусства. Примечательным фактором стали полная ликвидация неграмотности и введение всеобщего обязательного десятилетнего образования.

Социализм не только обеспечил огромный прогресс в экономическом и культурном строительстве, но и коренным образом преобразил облик людей. Примером этого является массовое участие трудящихся в социалистическом соревновании и стремление к увеличению производства и новаторства.

В декабре 1972 г. была принята новая социалистическая конституция КНДР, которая законодательно закрепила происшедшие большие изменения и установила новые нормы экономической, культурной и политической жизни корейского народа, определила перспективы дальнейшего строительства социализма.

Выполняя шестилетний план развития народного хозяйства КНДР на 1971—1976 гг., корейский народ добывается хороших показателей. К середине 1972 г. был достигнут уровень, запланированный на конец шестилетнего плана в области машиностроения, производства химического волокна и хлорвинила.

В 1973 г. наращивались темпы трудового энтузиазма, машиностроители немногим больше чем за год освоили производство 100 новых марок металлорежущих станков. Рабочие тракторного завода «Кымсон» досрочно выполнили план производства 80 тыс. тракторов.

Сельскохозяйственные кооперативы в 1973 г. вырастили и собрали богатый урожай зерновых культур. В отдельных уездах страны собрано по 10—13 т риса с гектара. Успешно выполняется шестилетний план и в других отраслях экономики.

Миролюбивая внешняя политика правительства КНДР и принципиальная позиция по мирному объединению страны способствуют признанию КНДР на международной арене. В настоящее время КНДР установила более чем с 60 государствами дипломатические отношения и поддерживает более чем с 80 странами торгово-экономические связи. КНДР является членом многих международных организаций. В 1973 г. она принята в Межпарламентский союз и Всемирную организацию здравоохранения, а в июне 1973 г. учредила миссию своего Постоянного наблюдателя при ООН.

Замечательные победы корейского народа в развитии производительных сил страны, в хозяйственном и культурном строительстве ярко свидетельствуют о том, что социализм является неисчерпаемым источником творческой энергии народа, освобожденного от эксплуататорского гнета. Это говорит и о великой жизненной силе социалистического интернационализма. Объединение усилий братских стран социализма является могучим фактором, ускоряющим поступательное движение вперед, способствующим более полному проявлению преимуществ социалистического строя, обеспечивающим выполнение в кратчайший срок намеченных перспективных задач. Единство действий социалистических стран необходимо для их успешной борьбы против сил империализма и реакции, за мир, демократию и социализм.

КПСС и Советское правительство, верные великим марксистско-ленинским идеям пролетарского и социалистического интернационализма, неуклонно развивают и укрепляют всесторонние связи с социалистическими странами, в том числе с КНДР, с которой Советский Союз имеет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный в июле 1961 года.

Апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС вновь подчеркнул правильность этого принципиального курса нашей партии.

Правительства СССР и КНДР выступают за ослабление напряженности и обеспечение мира на нашей планете и безопасности в Азии. Советский и корейский народы решительно выступают против происков империализма в любом районе земного шара, активно поддерживают движение за освобождение от колониальной зависимости и укрепление экономической самостоятельности в Азии, Африке и Латинской Америке.

Советский Союз последовательно поддерживает справедливую борьбу корейского народа за мирное объединение Юга и Севера на демократических началах и новые инициативные шаги в этом направлении. «Советский Союз, — говорил тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС, — поддерживал и поддерживает предложения правительства КНДР о мирном демократическом объединении страны, требования корейского народа о выводе американских войск с юга Кореи»⁸.

Отмечая 25-ю годовщину со дня подписания Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве, советские люди с чувством искренней радости воспринимают большие достижения КНДР в строительстве социализма, еще раз заявляют о братской солидарности с борьбой корейского народа за мирное объединение родины и выражают твердую уверенность в том, что нерушимая дружба и тесное всестороннее сотрудничество советского и корейского народов будут и впредь неуклонно развиваться и укрепляться на незыблемой основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

⁸ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 10.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Новая ступень в советско-индийских отношениях

К итогам визита

тов. Л. И. Брежнева

в Индию

Будущие историки, исследуя нашу эпоху, несомненно, уделят особое внимание прошедшему 1973 г., положившему начало процессу потепления в отношениях между государствами на нашей планете, отмеченному многими выдающимися международными событиями. Среди этих событий важное место занимает официальный дружественный визит Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева в Республику Индию, состоявшийся с 26 по 30 ноября и явившийся яркой демонстрацией советско-индийской дружбы.

Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневу и сопровождавшим его лицам повсеместно был оказан сердечный прием, свидетельствующий о чувствах искренней дружбы и уважении народа Индии к советскому народу и руководителям Советского Союза. Во время пребывания в Индии тов. Л. И. Брежнев имел ряд встреч и бесед с премьер-министром Индии Индирой Ганди и другими руководителями Индийского государства, с представителями индийской общественности. Он выступил перед членами парламента Индии, которые с большим интересом и вниманием выслушали его речь.

В ходе переговоров между сторонами, проходивших в атмосфере доверия, дружбы и взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов советско-индийских отношений и перспектив их дальнейшего всестороннего развития, а также по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Обе стороны с удовлетворением отметили широкое совпадение взглядов по обсуждавшимся вопросам и выразили глубокое удовлетворение успешным развитием дружественных отношений и сотрудничества во всех областях между Советским Союзом и Индией.

Итоги визита тов. Л. И. Брежнева в Индию целиком и полностью отвечают выдвинутой апрельским Пленумом ЦК КПСС (1973 г.) задаче — добиваться того, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер.

* * *

Тесные дружественные отношения между Советским Союзом и Индией основаны на длительных и прочных исторических традициях. С первых же дней после Великой Октябрьской социалистической ре-

волюции Советская страна проводила политику, направленную на поддержку национально-освободительных движений народов колониальных и зависимых стран. Одним из существенных элементов этой политики была поддержка справедливой борьбы народа Индии за ликвидацию английского колониального господства в этой стране, за достижение ею полной национальной независимости. Основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин еще полвека назад подчеркивал, что «русские трудящиеся массы с неослабным вниманием следят за пробуждением индийского рабочего и крестьянина».

15 августа 1947 г. эта борьба увенчалась провозглашением суверенной и независимой Республики Индии, одним из основателей и первых руководителей которой был выдающийся лидер индийского народа Джавахарлал Неру. За прошедшие с тех пор 26 лет свободолюбивый и трудолюбивый индийский народ добился серьезных успехов в строительстве новой жизни, сделал крупный шаг к полной ликвидации наследия колониализма и феодализма, осуществил многие прогрессивные социально-экономические преобразования.

В течение всех 26 лет существования свободной и независимой Индии Советский Союз неизменно проводил политику, направленную на расширение и укрепление дружественных добрососедских отношений с Индией, предоставлял ей большую и всестороннюю экономическую помощь.

Долгие годы английского колониального владычества оставили тяжелый след на экономике, на всем социальном облике Индии ко времени образования республики. Колонизаторы препятствовали промышленному развитию страны, способствовали застою сельского хозяйства, консервировали древнюю феодальную систему, при которой Индия была разбита более чем на пятьсот феодальных княжеств. Возможность получить образование была привилегией немногих. Население было разделено на многочисленные неравноправные касты. Женщины находились в угнетенном положении. Подавляющее большинство народа существовало буквально на грани голодной смерти, а массовая гибель от голода во время неурожая была обычным явлением.

В интервью, данном группе советских журналистов накануне визита в Индию тов. Л. И. Брежнев, премьер-министр Индии Индира Ганди указала, что после достижения независимости в Индии была принята система планирования, являющаяся орудием, которое столь эффективно помогло Советскому Союзу и другим странам стать экономически сильными и современными. С помощью планирования более чем в два раза был увеличен выпуск сельскохозяйственной продукции, причем в 1973 г. производство зерна составило 115 млн. т. Более чем в три раза выросло за годы независимости промышленное производство. В настоящее время Индия, не имевшая, по существу, при колонизаторах собственной тяжелой промышленности, производит локомотивы, автомобили, самолеты, суда, электротурбины, различное тяжелое машинное оборудование.

Большие успехи достигнуты в области просвещения и здравоохранения. Число учащихся школ возросло за годы после получения независимости в четыре раза и достигло 80 млн. человек, в 8 раз увеличилось количество студентов. В результате развития здравоохранения средняя продолжительность жизни населения (до освобождения от колониализма одна из самых низких в мире — 32 года) ныне составляет более чем 55 лет.

Одним из крупнейших завоеваний индийского народа явилось создание государственного сектора экономики, который уже превратился,

по существу, в краеугольный камень всей национальной экономики. На его долю уже сейчас приходится примерно половина всех капитальных вложений в современной промышленности Индии. Государственный сектор контролирует железнодорожный и авиационный транспорт, ведущие банки страны, крупные электростанции, средства связи и т. п. Более четырех пятых всего импорта Индии сейчас приходится на долю государственного сектора, причем эта доля постоянно растет. В 1972 г. предприятиями государственного сектора было произведено 60% стали в стране, свыше половины всей нефти, более половины продукции станкостроения.

Немалую помощь в решении задачи создания современной экономики, индустриализации страны оказал и продолжает оказывать Индии Советский Союз. Экономическое и техническое сотрудничество СССР с Индией началось более 18 лет назад, когда было заключено соглашение о строительстве Бхилайского металлургического завода, который спроектирован и построен с помощью советских специалистов. Тогда проектная мощность завода в Бхилаи достигала 1 млн. т стали в год, а сейчас уже намечается довести выплавку стали на этом предприятии до 7 млн. т в год.

В настоящее время в Бокаро совместными усилиями индийцев и советских специалистов воздвигается еще один, более крупный металлургический комбинат, который по завершении строительства будет ежегодно выплавлять до 10 млн. т стали. Это будет крупнейшее предприятие черной металлургии не только в Индии, но и во всей Юго-Восточной Азии.

С помощью Советского Союза за последние годы в Индии сооружены также многие крупные предприятия металлургии, машиностроения, горной и нефтедобывающей промышленности, электрооборудования, медицинского оборудования и т. д. Всего в Индии за последние два десятилетия при широком содействии советской стороны построено и строится свыше 80 крупных промышленных объектов. Это во многом способствовало успешному решению многих стоящих перед страной экономических задач и заложило прочные основы для ее дальнейшего быстрого продвижения вперед по пути экономического и социального развития.

Большое развитие приобрели за последние годы советско-индийские торговые отношения. Ныне торговый оборот между обеими странами достигает 4 млрд. рупий в год. Советский Союз поставляет Индии станки, автомобили, морские суда, сельскохозяйственные машины, подшипники, электроэнергетическое и электронное оборудование. Из Индии наша страна получает шерсть, кожу, чай, кофе, джут и джутовые изделия, ткани, слюду, промышленные товары широкого потребления.

Во время визита тов. Л. И. Брежнева в Индию была достигнута договоренность принять меры к тому, чтобы обеспечить к 1980 г. рост объема советско-индийской торговли в полтора-два раза. В этих целях соответствующие организации сторон в 1974 г. разработают совместные предложения по дальнейшему развитию торговли между двумя странами на долговременной стабильной основе и в больших масштабах. Эти предложения должны предусматривать новые формы взаимовыгодного сотрудничества с учетом специализации и кооперирования производства отдельных видов промышленной продукции, строительство в СССР и Индии новых и расширение действующих предприятий для увеличения взаимных поставок товаров, необходимых СССР и Индии.

Широкое развитие за последние годы приобрели также советско-индийские связи в области науки, искусства, литературы, образования, здравоохранения, прессы, радио, телевидения, кино, туризма и спорта. Эти связи в дальнейшем будут продолжать расширяться и совершенствоваться.

Отмечая большое значение для Индии помощи, которую ей оказывал и продолжает оказывать во всевозрастающих масштабах Советский Союз, Индира Ганди во время пребывания тов. Л. И. Брежнева в Индии заявила: «Мне хотелось бы выразить нашу глубокую признательность за ту бесценную помощь, которую индийско-советское сотрудничество оказало нам на нашем пути к созданию современной индустриальной экономики, позволяющей опираться на собственные ресурсы. Особая черта этой помощи состоит в том, что ее получает наш государственный сектор, на который мы возложили важнейшую роль в наших планах, а если говорить точнее, такие ключевые отрасли промышленности и производство электроэнергии, от которых в столь большой степени зависит будущий рост нашей экономики. Наше сотрудничество символизируют Бхилаи, Бокаро, Матхура и др. Если говорить об этом сотрудничестве в целом, Советский Союз внес весьма существенный вклад в столь необходимую перестройку нашей экономики и повышение нашего производственного потенциала. И благодаря этому мы сейчас получили новые возможности для дальнейшего развития нашего сотрудничества и расширения торговли, которое должно его сопровождать».

Как указывается в постановлении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР «Об итогах визита тов. Л. И. Брежнева в Индию», в результате этого визита, проходившего в обстановке массовой демонстрации дружбы индийского народа к Советскому Союзу, советско-индийские отношения, базирующиеся на прочной основе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией, поднялись на более высокую ступень.

В ходе обмена мнениями между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и премьер-министром Индии Индирой Ганди по актуальным международным проблемам стороны с удовлетворением констатировали совпадение или близость позиций СССР и Индии по важнейшим вопросам международного положения.

Обе стороны положительно оценили серьезный перелом в международных отношениях, общее оздоровление международной обстановки, достигнутое в 1973 г., и выразили надежду, что эти перемены послужат делу дальнейшего развития мирного сотрудничества между всеми государствами. Они приветствовали происходящий в Европе процесс углубления разрядки напряженности и укрепления мира на этом континенте. Они подчеркнули большое значение совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое призвано внести весомый вклад в разрядку напряженности и заложить прочный фундамент мира, безопасности и сотрудничества на Европейском континенте.

Во время советско-индийских переговоров подробно обсуждалась обстановка на Азиатском континенте. Советский Союз и Индия приветствовали позитивные сдвиги, происшедшие в этом районе мира за последнее время, и выразили точку зрения, что восстановление мира во Вьетнаме на основе парижского соглашения от 27 января 1973 г., а также подписание соглашения о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе создают условия для оздоровления

обстановки в Азии и во всем мире, для урегулирования других нерешенных международных проблем.

Стороны с удовлетворением констатировали наличие совпадающих точек зрения по таким насущным проблемам Азиатского континента, как взаимоотношения между Севером и Югом Кореи, положение на Индостанском субконтиненте, необходимость быстрее достижения политического урегулирования в этом районе без какого бы то ни было вмешательства извне.

Советский Союз и Индия подтвердили, что они придают особое значение широкому развитию взаимовыгодного сотрудничества и укреплению мира и стабильности в Азии, основанных на совместных усилиях всех государств этого самого крупного и населенного района мира. Советский Союз и Индия согласились содействовать созданию таких условий, при которых народы мира могли бы жить в обстановке мира и добрососедства, чтобы ресурсы, в том числе людские, направлялись на решение социальных и экономических проблем, от которых в первую очередь зависит подъем жизненного уровня народов, подъем экономики и культуры.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР в постановлении «Об итогах визитов тов. Л. И. Брежнева в Индию» с удовлетворением отметили «положительные результаты широкого обмена мнениями, состоявшегося во время переговоров в Дели по проблемам Азии. Советский Союз, две трети территории которого расположены в Азии, и крупное азиатское государство Индия глубоко заинтересованы в сохранении мира и стабильности в этом районе, основанных на совместных усилиях азиатских государств».

Вместе с тем на советско-индийских переговорах в Дели было отмечено, что в некоторых районах мира все еще сохраняются очаги напряженности, и подчеркивалась необходимость направлять усилия на ликвидацию существующих остатков колониализма, неоколониализма, расовой дискриминации и политики апартхеида. Обе стороны выразили свою поддержку всем правительствам, борющимся против сил реакции и империализма. Они вновь заявили о готовности обоих государств прилагать все усилия для ликвидации все еще существующих очагов войны, которые угрожают международной безопасности, миру во всем мире и взаимовыгодному сотрудничеству между народами.

Советский Союз и Индия выразили глубокую озабоченность в связи с положением на Ближнем Востоке, где в результате продолжающейся оккупации Израилем арабских территорий осенью прошлого года вновь вспыхнули военные действия. Обе стороны согласились, что установление прочного мира в этом районе невозможно без полного освобождения оккупированных Израилем арабских территорий и обеспечения законных прав арабского народа Палестины. Они заявили о своей твердой решимости продолжать оказывать всестороннюю поддержку правому делу арабских государств и народов.

Результаты обмена мнениями между советской и индийской сторонами нашли свое выражение в совместной советско-индийской декларации, отмеченной высокой степенью единодушия, полным совпадением или близостью точек зрения и подхода обеих сторон к широкому кругу важнейших международных проблем и вопросов.

Совпадение это носит отнюдь не случайный и преходящий характер, а имеет в своей основе глубокую общность интересов и уходящих корнями в прошлое исторических традиций в области внешней политики.

В основе внешнеполитического курса СССР с самых первых дней существования Советского государства лежит выдвинутый Владимиром Ильичом Лениным принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Этот принцип составляет фундамент принятой XXIV съездом КПСС Программы мира, ныне успешно претворяемой в жизнь в результате активной многосторонней деятельности КПСС, Советского государства, лично тов. Л. И. Брежнева.

Основные принципы внешней политики Индии, сформулированные Джавахарлалом Неру — первым премьер-министром Республики Индии, тоже включают в себя приверженность идее мирного сосуществования государств с различным общественным строем, отказ от участия в военных блоках, противодействие агрессии и колониализму. И именно это определяло в прошлые годы и с еще большей силой определяет сейчас тесные дружественные отношения между двумя странами на благо их народов, во имя торжества мира во всем мире. Эти отношения, которые были закреплены в 1971 г. Договором о мире, дружбе и сотрудничестве между Индией и Советским Союзом, ныне в результате новых конструктивных усилий обеих сторон поднялись на новую, более высокую ступень.

Это нашло свое выражение и подтверждение в совместной советско-индийской декларации, в подписанных во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева в Индию соглашениях, среди которых:

Соглашение о дальнейшем развитии экономического и торгового сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией, а также протокол, намечающий ряд конкретных шагов по реализации этого соглашения;

Соглашение о сотрудничестве между Государственным плановым комитетом Союза Советских Социалистических Республик и плановой комиссией Республики Индии;

Консульская конвенция между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Республики Индии.

Эти соглашения, несомненно, явятся новым крупным вкладом в дело дальнейшего укрепления дружбы и разностороннего сотрудничества между СССР и Индией.

Результаты визита тов. Л. И. Брежнева в Индию привлекли широкое внимание международной общественности, вызвали положительные отклики, одобрение и поддержку со стороны всех тех, кому дороги дело мира между народами, прогрессивные идеалы человечества. Индийская газета «Нэшнл геральд» в редакционной статье писала: «Визит г-на Брежнева в Индию стали называть историческим, так как он неизбежно скажется на ходе истории». Газета «Хиндустан таймс» назвала Л. И. Брежнева «самым желанным гостем в Дели». А английская газета «Файнэншл таймс» констатировала, что Л. И. Брежневу в Индии «был оказан самый теплый прием из всех, выпадавших на долю кого-либо из зарубежных гостей за более чем десять лет».

Вместе с тем нельзя не отметить, что определенные круги некоторых зарубежных стран, а также реакционные элементы в Индии пытались представить в искаженном свете цели и результаты советско-индийских контактов, публикуя за отсутствием соответствующих фактов различные нелепые измышления о характере отношений между двумя странами. Откуда бы такие голоса ни раздавались и на каких бы нотах они ни пели — всех их объединяло одно, а именно отрицательное отношение к начавшейся разрядке международной напряженности, стремление помешать ее дальнейшему углублению, любыми способами вос-

препятствовать налаживанию конструктивного сотрудничества в международных отношениях. Премьер-министр Индии И. Ганди по достоинству назвала таких людей «клеветниками», указав, что их «обвинения и инсинуации не имеют под собой почвы».

* * *

В речи на массовом митинге у Красного форта в Дели тов. Л. И. Брежнев сказал: «Дружба и сотрудничество с Индией — это неотъемлемая составная часть внешней политики Советского Союза... Развитие наших отношений находится на верном пути и имеет прочную основу. Дружба между нашими странами стала не только делом правительств и политических деятелей, но и народов... Развитие нашей дружбы подобно восхождению на вершину: чем выше мы поднимаемся, тем больше горизонты открываются перед нами. И хочется подниматься все выше, чтобы открывались все новые, зовущие к себе перспективы».

Как подчеркивалось в совместном заявлении более 300 депутатов центрального парламента Индии, принадлежащих к различным политическим партиям, «пребывание Л. И. Брежнева на индийской земле должно стать памятным историческим событием в жизни народов Индии и Советского Союза и еще больше упрочить индийско-советскую дружбу. Мы, — подчеркивали депутаты, — исключительно высоко оцениваем личный вклад Леонида Ильича Брежнева, великого лидера советского народа, в дело мира и международного сотрудничества».

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Индию и состоявшиеся во время визита переговоры означают новый важный вклад в дело дальнейшего развития дружбы и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Индией, в дело упрочения мира в Азии и во всем мире.

Борьба Пекина против социалистического содружества

А. Г. Кручинин

С момента возникновения первого социалистического государства развитие общественных процессов в мире определяется борьбой социализма против капитализма. В ней находит концентрированное выражение историческое противоборство сил прогресса и сил реакции современной эпохи. Все подлинно передовое и революционное в мире тяготеет к социализму, к сплочению и единству с ним, все реакционное на планете так или иначе демонстрирует свою враждебность к нему, и прежде всего к Советскому Союзу, наиболее полно воплощающему социальные завоевания рабочего класса, могущество и международный авторитет мирового социализма.

Весь ход мирового развития в нашу эпоху убедительнейшим образом подтверждает, что не было, нет и не может быть действительной борьбы за социализм, равно как и действительной борьбы против империализма, если она ведется под флагом антисоветизма, если она направлена на подрыв социалистического содружества. Поэтому характер отношения к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству со стороны государств, политических партий и течений был и остается единственно надежным объективным критерием для определения их места и роли в противоборстве мировых сил прогресса и реакции. Этот критерий позволяет совершенно точно установить, в частности, подлинное классовое содержание внешней политики Пекина, антисоциалистическую направленность, реакционный смысл продолжающейся с конца 50-х годов эволюции курса китайского руководства на международной арене.

Внешнеполитическая линия X съезда КПК — линия усиления борьбы против социалистического содружества. X съезд в своих документах вполне определенно зафиксировал факт дальнейшего сползания руководства КНР вправо, к тотальной борьбе против мирового социализма, к практически ничем не ограниченному противоборству с ним.

Четыре с лишним года, отделяющие X съезд КПК от IX, были отмечены острой борьбой в пекинском руководстве между теми силами, которые при всем своем национализме и ревизионизме продолжали видеть в империализме главного врага, и теми силами, которые во имя великодержавных целей были готовы прекратить борьбу с империализмом и вступить с ним в самый тесный альянс. В сущности, эта борьба началась еще до IX съезда. По утверждению Чжоу Энь-лая, подготовленный под руководством Линь Бяо и Чэнь Бо-да политический отчет IX съезду был отвергнут, и Линь Бяо зачитал на съезде текст, составленный под наблюдением Мао Цзэ-дуна.

Прежде всего в документах двух съездов даны разные определения современной эпохи. Если на IX съезде говорилось, что «наша эпоха есть эпоха, когда империализм идет к всеобщему краху, а социализм — к победе во всем мире»¹, то X съезд, полностью игнорируя сам факт существования социализма и его решающее влияние на характер мирового развития, использовал верную для дооктябрьского периода марксистскую формулу о том, что современная эпоха есть эпоха империализма и пролетарских революций². X съезд представляет положение в мире таким образом, будто бы все еще стоит задача заложить основы реального социализма и что эту задачу как раз стремится решить Китай. Подобная трактовка мировой обстановки прямо вытекает из маоистского тезиса о том, что для построения социализма требуется 100—200 лет, а также из тезиса о пресловутом «буржуазном перерождении» СССР и других социалистических стран.

Следовательно, такое определение эпохи должно, по мнению его авторов, оправдать борьбу маоистов против социалистического содружества и дать им возможность квалифицировать его как угодно, в том числе и как «социал-империализм», как главного врага всех других политических сил мира, в борьбе против которого эти силы-де могут и должны вступать в союзы и блоки.

В документах IX съезда подчеркивалось, что американский империализм — «злейший враг народов всего мира» и что Китай «четко отмежевался» от него³. И хотя в докладе Чжоу Энь-лая на X съезде утверждается, что КПК и китайское правительство «твердо и решительно проводят в жизнь внешнюю политику, разработанную IX съездом»⁴, в документах X съезда подобных заявлений об американском империализме уже не встретишь.

Между тем курс на борьбу против СССР и других социалистических и революционных сил мира получил в них дальнейшее развитие, а также и более откровенное выражение. X съезд впервые официально закрепил маоистскую установку о том, что-де Советский Союз, или, по пекинской терминологии, «социал-империализм», является главным врагом китайского государства и всех других стран. Подготовка к войне с СССР фактически объявлена съездом самой актуальной задачей китайского народа. В документах съезда она сформулирована с характерным для маоизма оборонительным лицемерием — быть полностью готовыми «особенно к внезапному нападению социал-империализма на нашу страну»⁵.

X съезд, безусловно, явился вехой в процессе перерождения китайского руководства в одну из наиболее активных реакционных сил современности. Он завершил определенный этап борьбы группировок в пекинских верхах. В этой борьбе одержали верх самые темные силы китайского социал-шовинизма, использовавшие «ультралевую» демагогию, под прикрытием которой они фактически «очистили» внешнеполитическую программу Пекина от социальных целей, сведя задачи партии и государства к борьбе за великоханьские идеалы.

От стратегии «борьбы на два фронта» к стратегии блокирования с империализмом. «Культурная революция» закрепила в качестве офи-

¹ «IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая». Документы. Пекин, 1969, стр. 150.

² «Жэньминь жибао», 1. IX. 1973.

³ «IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая». Документы. Пекин, 1969, стр. 77, 91.

⁴ «Жэньминь жибао», 1. IX. 1973.

⁵ Там же.

циональной внешнеполитической доктрины маоистского военно-бюрократического режима доктрину «борьбы на два фронта» — против империализма и «современного ревизионизма», против американского империализма и так называемого «социал-империализма».

Упомянутая доктрина, дополненная, однако, заявлениями о готовности КНР развивать отношения со всеми странами, включая США, на основе откровенно националистически истолкованных принципов мирного сосуществования, и стала после IX съезда КПК (апрель 1969 г.) определять практический подход Пекина к решению крайне важной для него на том этапе проблемы выхода из международной изоляции.

Судя по последующим кардинальным изменениям внешнеполитического курса Китая, скорректированная стратегия «борьбы на два фронта» главным образом отражала платформу группировки Линь Бяо — Чэнь Бо-да. Крайне правые националисты, возглавляемые группой Мао — Чжоу, приняли эту стратегию, во-первых, потому, что были вынуждены считаться с усилившими свои позиции сторонниками «левой» программы, во-вторых, потому, что «левые» своими «ультра-революционными» призывами способствовали закреплению великодержавного национализма, а также антисоветизма как одного из важнейших направлений внешней политики китайского государства, и, в-третьих, потому, что линия «борьбы на два фронта», дополненная установкой на мирное сосуществование со всеми государствами, открывала правым возможность для самых активных поисков путей к блокированию с любыми реакционными силами на международной арене.

Явно компромиссный характер принятой в конце 60-х годов внешнеполитической стратегии Пекина привел к тому, что выход КНР из международной изоляции поначалу совершался весьма противоречиво. Например, общеизвестно, что «культурная революция» прошла под знаком преимущественной демонстрации вражды к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству в целом. И тем не менее в 1970 г. тенденция к первоочередной нормализации отношений с социалистическими странами, в том числе с СССР, была вполне очевидной, хотя ориентация Пекина на все более широкое развитие связей со странами капитализма стала еще четче.

«Смягчающая корректировка», коснувшаяся курса Пекина в отношении социалистических стран, несомненно, была осуществлена под давлением обстоятельств, среди которых в первую очередь нужно указать на чрезвычайно активную позицию СССР и других социалистических государств, направленную на устранение напряженности во взаимоотношениях с КНР⁶. Далее. К концу 60-х годов явно имело место определенное усиление той части группировки китайского руководства, которая все же видела главного врага Китая в империализме, особенно в американском, и стремилась продолжать борьбу за гегемонистские цели, добиваясь превращения Китая в некий «центр сплочения революционных сил мира».

Однако иллюзорность надежд этой части китайского руководства добиться великодержавных целей с позиций враждебности двум мировым социалистическим системам была очевидна с самого начала. Беспринципность, игнорирование классового подхода к формированию внешнеполитического курса не только сдвинули Китай вправо, но и печально

⁶ Это признают даже такие далекие от симпатий к СССР западные наблюдатели, как известный американский «советолог» У. Гриффит, который писал: «После пограничных инцидентов 1969 г. русским удалось втянуть китайцев в переговоры по пограничному вопросу...» — William E. Griffith. *The Great Globe Transformed. The Sino-Soviet-American Relationship*. Cambridge, USA, 1971, p. 15.

закончились для значительной части «левого» крыла пекинского руководства.

В ходе утверждения курса «борьбы на два фронта» все попытки Пекина под прикрытием «ультралевой» демагогии опереться на революционные силы и общедемократические движения современности оказались тщетными. Более того, социалистические страны, международное коммунистическое движение, прогрессивная мировая общественность выступили как непримиримые и последовательные противники гегемонистских устремлений маоизма. Именно они стали главным препятствием в борьбе пекинских социал-шовинистов за великодержавные цели. С другой стороны, на фоне прокламируемой «непримиримости» к главной силе мирового капитализма — американскому империализму — мера враждебности в отношении социалистического содружества, продемонстрированная Пекином, тоже оказалась недостаточной, чтобы обеспечить Китаю открытую благосклонность и активную поддержку со стороны хотя бы части мощных капиталистических государств. Во всяком случае, за многие годы игры на противоречиях между США и другими империалистическими державами Пекин не получил ощутимых выгод ни в плане попыток подорвать позиции американского империализма в ближайших к Китаю регионах, ни в плане использования связей с этими державами для ускорения экономического роста КНР.

Как основа для преодоления международной изоляции и, следовательно, для поисков опоры во внешнем мире «борьба на два фронта» оказалась явно неэффективной. Она могла привести лишь к чисто формальному восстановлению международных связей Китая при сохранении настороженности по отношению к нему со стороны государств, входящих в обе противостоящие друг другу социальные системы. Иначе говоря, эта линия могла обеспечить Китаю то международное положение, которое сложилось еще накануне «культурной революции». И в общем, итоги усиления внешнеполитической активности Пекина в 1969—1970 гг. были именно таковы. К началу 1971 г. КНР дополнительно установила дипломатические отношения только с шестью странами. Ни в 1969 г., ни в 1970 г. КНР не получила большинства голосов при обсуждении вопроса об ее участии в ООН и других важнейших международных организациях.

Таким образом, стратегия враждебного противостояния одновременно двум мировым социальным системам пришла в противоречие с генеральной великодержавной задачей маоизма. Без существенной опоры во внешнем мире маоистский режим уже был не в состоянии ни вести во всевозрастающих масштабах «борьбу на два фронта», ни сократить отставание в экономическом развитии от наиболее мощных держав мира. А это отставание в условиях нарастающей научно-технической революции становилось все более значительным и оказывало огромное отрицательное влияние на условия борьбы Пекина за великодержавные гегемонистские цели.

Линия «борьбы на два фронта» и группировка, отстранявшая ее, превращались в преграду на пути крайне националистических элементов в китайском руководстве. С их точки зрения, эта линия сделала свое главное дело: под шум «ультралевых» призывов она закрепила враждебность к реально существующему мировому социализму как якобы идеологически «оправданное», «нормальное» явление и тем самым открыла возможность для превращения этой враждебности в альфу и омегу деятельности военно-бюрократического режима Китая на международной арене.

Иллюзии маонизма, связанные с надеждами добиться превращения Китая в некий новый центр притяжения революционных сил мира и, следовательно, в какой-то третий политический центр земли, явно рушились. Пекин оказался вынужден заново определять свое место в борьбе двух мировых социальных систем. Явное банкротство «левацкой» формы маонизма делало неизбежным для пекинских социал-шовинистов открытые поиски опоры на стороне мировой реакции, прямое блокирование с империализмом.

Подготовка Пекином нового поворота вправо. Крайне националистические элементы китайского руководства, вдохновляемые группой Мао — Чжоу, давно исподволь вели подготовку идеологических, политических и психологических предпосылок для пересмотра стратегии «борьбы на два фронта», в принципе сформулированной еще в первой половине 60-х годов. Под давлением этих сил накануне и в ходе «культурной революции» интенсивно происходил процесс подмены идеологических основ внешнеполитической стратегии Пекина. Псевдореволюционная, «левацкая» идеология последовательно заменялась откровенным национализмом. Действительно, борьба против «современного ревизионизма», обозначающего в маонистской терминологии все социалистические страны и компартии, выступившие против «особой позиции» Пекина, была постепенно сведена сначала к борьбе против «советского ревизионизма», затем к борьбе против «социал-империализма» и, наконец, к борьбе против «советской сверхдержавы». Соответственно и антиимпериализм во внешнеполитической платформе Пекина был сужен до антиамериканизма и затем до противостояния «американской сверхдержаве».

Квалифицировав своих основных противников как «две сверхдержавы», Пекин свел свои противоречия с ними, их взаимные противоречия до уровня межгосударственных, выхолостив из этих противоречий классовое содержание, перечеркнув их органическую связь с борьбой между двумя противоположными социальными системами. Национализм, таким образом, из доминирующей превращался в единственную основу внешней политики Китая, в единственную исходную базу для поисков опоры во внешнем мире, для привлечения союзников по борьбе против «двух сверхдержав». Отсюда и родился призыв Пекина к объединению всех «малых и средних» государств независимо от их социального строя в единый фронт борьбы против США и СССР.

От националистического представления о главном противоречии современности как о противоречии между всеми «малыми и средними» государствами и «двумя сверхдержавами» оставался всего шаг к постановке и решению вопроса о том, какую из «сверхдержав» считать главным, а какую второстепенным противником, и, следовательно, к допущению возможности сотрудничества с одной из них против другой.

На протяжении ряда лет, прикрываясь дымовой завесой антиамериканских призывов и угроз, группировка Мао — Чжоу упорно и систематически стремилась убедить как китайский народ, так и внешний мир в том, что главным противником Китая, а также «малых и средних» государств на международной арене якобы является Советский Союз. Еще в начале 60-х годов в выступлениях некоторых пекинских лидеров проскальзывали намеки на то, что-де империализм менее опасен, чем «современный ревизионизм», который якобы много раз без оснований потрясал ядерным оружием, в то время как империализм «повсюду и произвольно не применял ядерного оружия и не осмелится

так поступить»⁷. Уже в первые дни «культурной революции» в маоистской пропаганде появился новый лозунг: «Советский Союз — наш смертельный враг». В дальнейшем все призывы китайских лидеров готовиться к войне практически сводились к рекомендации укреплять оборону на Севере, повышать бдительность в отношении опасности, якобы угрожающей Китаю именно оттуда, а отнюдь не из-за океана. Чтобы домыслы об «угрозе с Севера» казались более убедительными, Пекин прибег весной и летом 1969 г. к вооруженным провокациям на советской границе.

Хотя империализм и «советский ревизионизм», империализм и «социал-империализм» фигурировали в маоистских установочных заявлениях периода «культурной революции» как устоявшиеся парные термины, в документе IX съезда КПК уже цитировалось «новейшее высказывание Мао Цзэ-дуна, где «социал-империализм» был поставлен на первое место⁸. В «Уведомлении ЦК КПК о визите Никсона в Пекин от 20 июля 1971 г.» говорилось: «Приглашение Никсону нанести визит является важным стратегическим маневром, направленным на изоляцию советского ревизионизма — социал-империализма... На нынешнем этапе китайско-советские противоречия являются антагонистическими и самыми главными противоречиями в наших отношениях с внешним миром»⁹. Наконец, в связи с официально объявленной подготовкой к китайско-американским контактам на высшем уровне в печати КНР стали недвусмысленно рассуждать о необходимости использовать второстепенного врага для борьбы с врагом номер один. Статья «Мощное оружие для сплочения народа на борьбу за победы над врагом», помещенная в сентябре 1971 г. в журнале «Хунци», проводила эту мысль почти незавуалированно¹⁰.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что в 1969—1970 гг. группировка Мао — Чжоу в основном завершила подготовку идеологических и психологических предпосылок для фактического пересмотра стратегии «борьбы на два фронта», а к лету 1971 г. практически осуществила его. Прямым отражением этого и явилось «сенсационное» китайско-американское сближение.

Однако Пекин и сегодня пытается представлять свою линию на международной арене как линию «борьбы на два фронта», стремясь изобразить дело так, будто бы он изменил лишь внешнеполитическую тактику.

Новые тактические зигзаги или все же «корректировка» стратегии? Действительно, в конце 60-х — начале 70-х годов китайское руководство внесло значительные изменения тактического характера, практически затронувшие все направления его внешнеполитической деятельности. К концу 60-х годов тактика лобовых атак, максималистских требований была заменена по форме более или менее последовательным соблюдением общепринятых норм и форм международных отношений. Маоистский военно-бюрократический режим даже стал в позу поборника миролюбия и международной справедливости. Для него привлекательной оказалась перспектива участия КНР в международных организациях.

К 1971 г. тактика Пекина в отношении социалистического содружества претерпела следующие существенные изменения:

⁷ «Жэньминь жибао», 10. IX. 1963.

⁸ «IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая». Документы. Пекин, 1969, стр. 94.

⁹ «Синдао жибао», 18. II. 1972.

¹⁰ «Хунци», 1971, № 9.

Центр тяжести борьбы против Советского Союза и других социалистических стран был перенесен из сферы непосредственно двусторонних межгосударственных отношений с ними в сферу мировой политики, охватывающей многообразные проблемы глобального и регионального противоборства между социализмом и капитализмом, между силами прогресса и силами реакции. Линия на всемерное нагнетание напряженности в двусторонних отношениях с Советским Союзом была дополнена и в известной мере смягчена попытками блокировать настойчивые усилия СССР, направленные на нормализацию отношений с Китаем, с помощью «сдержанного и в высшей степени неторопливого» реагирования на любые конструктивные предложения советской стороны.

Рассматривая социалистическое содружество как «зону непосредственного влияния» СССР, Пекин в 1969—1970 гг. начал усиленно демонстрировать стремление к улучшению двусторонних отношений со всеми социалистическими странами, практически, казалось бы, игнорируя степень их сплочения с СССР, принципиальность и последовательность в борьбе против маоизма. Он почти перестал реагировать на их критику, а в ходе контактов с их представителями подчеркивал наличие у КНР непримиримых противоречий только с Советским Союзом. Пропаганду на эти страны Пекин уже строил почти исключительно в плане клеветы на роль СССР в социалистическом содружестве и на международной арене, не затрагивая, как правило, их внутреннее положение и политику.

Совершенно новым тактическим моментом в политике КНР по отношению к социалистическому содружеству, несомненно, можно считать то, что, не оставляя идеи создания под своей эгидой блока из некоторых стран мировой социалистической системы, Пекин после «культурной революции» начал всемерно поддерживать и инспирировать тенденции к образованию региональных, в частности балканского и азиатского, союзов, в которые вошли бы, помимо ряда социалистических стран, два-три капиталистических или развивающихся государства. В «регионализме» Пекин усмотрел более эффективное, чем призывы к сплочению непосредственно вокруг Китая, средство борьбы против углубляющихся интеграционных процессов в мировом социализме.

Все эти и другие новшества во внешней политике Пекина появились в период весны 1969 — начала 1971 г. В последующем они не получили сколько-нибудь существенного дальнейшего развития. Следовательно, более или менее серьезные изменения тактического порядка были внесены во внешнеполитическую линию Пекина еще в рамках стратегии «борьбы на два фронта», скорректированной в 1969 г. заявлением о готовности КНР развивать отношения со всеми государствами на принципах мирного сосуществования.

Что же касается перемен в «американской политике» Пекина, то они явно разрывали рамки этой стратегии. Простое установление дипломатических связей с Соединенными Штатами, нормализация отношений с ними никак не противоречили бы данной стратегии. В конце концов именно на ее основе Пекин пошел на некоторую нормализацию отношений с Советским Союзом, продолжая изображать его «смертельным врагом Китая». Поскольку вынужденные шаги навстречу миролюбивым инициативам СССР не затрагивали сложившихся и официально закрепленных IX съездом КПК основ внешней политики маоистского режима, никаких видимых потрясений в «пекинских верхах», естественно, не произошло. Между тем в сентябре 1971 г., то есть вскоре после

приглашения Никсона в КНР, с политической арены в Пекине исчезла большая группа крупных фигур, включая Линь Бяо.

«Сентябрьский кризис» явно завершил определенный этап скрытой борьбы в китайском руководстве, нараставшей и обострявшейся в 1969—1971 гг. Этот кризис, конечно же, мог быть связан не только с пересмотром внешнеполитической стратегии. Однако в этот период во внутренней и внешней политике КНР не было каких-либо изменений, хоть в какой-то мере сравнимых по значимости с шагами в сторону сближения с Соединенными Штатами. Поэтому можно уверенно утверждать, что между подготовкой к китайско-американским контактам на высшем уровне и «сентябрьским кризисом» в Пекине существует прямая причинная связь. К такому заключению приводят и такие факты, как совпадение обоих событий во времени и то, что в процессе начавшегося в конце 50-х годов сползания Пекина вправо каждый новый крутой поворот в этом направлении неизменно сопровождался устранением с политической арены в Китае наиболее влиятельных и активных партийных и государственных деятелей.

Разумеется, самые убедительные подтверждения кардинальных перемен во внешнеполитической платформе китайского руководства дала практическая деятельность Пекина на международной арене в 1971—1973 гг. Многочисленные общеизвестные факты блокирования Пекина с Вашингтоном по важным и острым вопросам мировой политики свидетельствуют о том, что китайское руководство приняло линию опоры на американский империализм, а это уже по-новому ставит вопрос о главных врагах и союзниках маоистского режима в мире и, следовательно, затрагивает область стратегии, а не тактики.

Конечно, как способ ускоренного выхода из международной изоляции и расширения позиций Китая на международной арене шаги по сближению с Америкой имели для китайского руководства самостоятельное тактическое значение. С начала 1970 по июнь 1972 г. с КНР установили официальные отношения 26 государств капиталистического мира, в том числе 21 — в 1971—1972 гг. (до июня), то есть в период, когда взаимное сближение между Пекином и Вашингтоном стало очевидным фактом. Однако нет никаких сколько-нибудь серьезных оснований считать, что политически крайне дорогостоящий флирт с Соединенными Штатами затевался Пекином исключительно во имя важных, но все же тактических целей. Между тем для оценки сближения с Вашингтоном как поворота в долгосрочной стратегии Пекина есть достаточно веские основания.

Прежде всего здесь имеется в виду реакционный, милитаристский характер маоистского режима, определяющее влияние великодержавных устремлений на его политику, а также непримиримый антагонизм между этими устремлениями и целями социалистических сил мира, с одной стороны, и близость буржуазно-националистических основ внешней политики маоизма и империализма — с другой.

Далее. К началу 70-х годов полностью выявилась бесперспективность стратегии «борьбы на два фронта» — против СССР и США. Эта стратегия не дала Китаю могущественных союзников ни в лагере революционных сил мира, ни в мировой капиталистической системе¹¹.

¹¹ Это отмечают и наблюдатели на Западе. «Как только премьер Чжоу Энь-лай приобрел достаточно полномочий, он быстро принял меры, чтобы спасти Китай от той опасности, которая исторически была для него катастрофой, — быть одновременно в ссоре с державой, лежащей к северу, и с державой, которая контролирует Тихий океан. Он принял меры, чтобы ликвидировать ссору с державой, контролирующей Тихий океан, — с Соединенными Штатами». — «United States news and World Report», 2. X. 1972.

Перспективу же получения значительной помощи извне для реализации великодержавных целей нынешнее китайское руководство могло и может связывать только с мировой капиталистической системой. Но, выступая против США — главной силы этой системы, Пекин сам делал подобную перспективу проблематичной, существенно обесценивал в глазах капиталистического Запада свою многолетнюю борьбу против Советского Союза, против социалистического содружества. Поэтому, только практически исключив антиамериканизм из своей внешнеполитической доктрины, Пекин дал наконец империализму возможность по-настоящему оценить роль маоистского режима, его действительное место в мировой расстановке политических сил. В связи с этим более реальной стала крайне важная для маоистов на современном этапе поддержка со стороны империализма в целом. Ставка на эту поддержку является фактически единственным средством самосохранения маоистского режима и предпосылкой для дальнейшего его перерождения в реакционный фактор мировой политики.

Вместе с империализмом — против мирового социализма. Неизменным элементом внешнеполитической стратегии китайского руководства на современном этапе осталась лишь конечная цель — превращение Китая в центр мира, в его гегемона. Сам же общий план достижения этой цели претерпел глубокие изменения.

Во-первых, имевшее место и в прошлом частичное блокирование Пекина с отдельными отрядами империализма переросло в стремление к установлению практически неограниченного альянса с империализмом в целом, без каких-либо исключений. Следовательно, международный империализм вообще исключен маоистами из числа принципиальных непримиримых врагов нынешнего китайского государства. Во-вторых, новая пекинская внешнеполитическая стратегия оказалась обращенной исключительно против одного глобального противника — СССР, в результате чего маоистский антисоветизм — это концентрированное выражение враждебности Пекина к социалистическим силам — вобрал в себя все противоречия военно-бюрократического режима в Китае с международными силами мира и прогресса. В-третьих, в связи с пересмотром вопроса о главных союзниках и врагах «третий мир», большинство «малых и средних» государств в значительной мере утратили прежнее место во внешнеполитических расчетах Пекина.

Указанные выше принципиальные изменения в пекинской стратегии требуют определенных комментариев особенно в связи с тем, что тезис о «едином фронте малых и средних государств» для борьбы «против диктата двух сверхдержав» формально декларируется Пекином и поныне. Но, как говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «единственный способ не ошибиться в политике — это верить практическим делам, а не словесным декларациям»¹².

Практические же дела Пекина говорят о том, что его так называемые антиимпериализм и антиамериканизм сведены теперь к «разумному» противостоянию империалистическим державам лишь по узкому кругу вопросов, относящихся к действительным национально-государственным интересам КНР (в частности, к проблеме Тайваня), а также к вопросам, связанным со стремлением обеспечить Китаю наиболее выгодные условия для смыкания с «сильными мира капитализма». Даже имперские интересы Пекина в Азии временно отступили на второй план, стали, так сказать, мздой за возможность участия в антисоветском, антисоциалистическом фронте международной реакции. Примечательно, что

¹² «Правда», 3. VI. 1970.

ни в ходе китайско-американских, ни в ходе китайско-японских контактов на высшем уровне практически не ставился вопрос о каком-либо изменении позиций КНР, США и Японии на этом континенте. Статус-кво пока вполне удовлетворяет все три державы.

Практические дела Пекина говорят и о том, что его расчет на ближайшую обозримую перспективу заключается в следующем: путем свертывания борьбы против США и оказания им всевозможной поддержки в вопросах мировой политики, а также путем поощрения консолидации военно-политических группировок в капиталистическом мире не допустить ослабления позиций империализма под всевозрастающим давлением социалистических и других антиимпериалистических сил. Такие расчеты связаны с надеждами китайского руководства в худшем случае просто выиграть время для самоусиления китайского государства и в лучшем — добиться ускоренного роста могущества Китая за счет широкой экономической и научно-технической помощи со стороны империализма. И в том и в другом случае Пекин надеется на то, что в период превращения Китая в мощную державу его главный противник — мировой социализм — по крайней мере не станет относительно сильнее.

«Уточнив» свою внешнеполитическую стратегию, китайское руководство тем самым «уточнило» и свое представление о линии политического размежевания мира. В результате на одной стороне оказались СССР и сплотившиеся вокруг него социалистические, все антиимпериалистические силы современности, а на другой — империализм, националистическая реакция и маоистский режим.

В соответствии с этой схемой подход Пекина к поискам опоры на международной арене стал полным зеркальным отражением его подхода к борьбе против подлинных сил мирового социализма. Если в этой борьбе он руководствуется принципом «бить по голове, остальное само развалится», то, и добиваясь поддержки со стороны мировой капиталистической системы, он исходит из посылки, что блокирование с наиболее могущественной империалистической державой в противостоянии социалистическому содружеству автоматически повлечет за собой и более широкое сотрудничество в этом деле с системой в целом.

Действительно, наметившийся в начале 70-х годов поворот в политике США к развитию широких политических контактов с Пекином сыграл роль своеобразного и, может быть, даже более сильного, чем полагали в Вашингтоне, катализатора, резко ускорившего процесс признания КНР капиталистическими странами и отказа многих из них от позиции недопущения ее в ООН и другие международные организации. С полным основанием можно констатировать, что такое «массовое» дипломатическое признание КНР с их стороны явилось выражением готовности империализма более широко и активно содействовать укреплению международных позиций маоистского режима как новой значительной силы, способной тормозить развитие мирового освободительного процесса, ослаблять все революционные силы современности, и социалистическое содружество в особенности.

Надежды, возлагаемые на пекинский режим, очевидно, достаточно велики и могут побудить империализм на оказание ему более активной поддержки и в плане укрепления военно-экономической базы КНР.

Как и в какой мере Пекин сумеет реализовать свои расчеты на экономическую помощь Запада, пока судить трудно, но эти расчеты, несомненно, являются существенным элементом нынешней внешнеполитической стратегии китайского руководства. И оно делает все, чтобы создать самые благоприятные условия для принятия Западом существенных решений по вопросу о поддержке Китая. Именно в этом плане прежде

всего следует рассматривать тот факт, что с конца 1971 г. Пекин стал относить КНР к числу «развивающихся стран», к «третьему миру». Конечно же, правящим кругам Запада легче преодолевать сопротивление оппозиции по вопросам своей «китайской политики»: одно дело — решать эти вопросы в отношении страны, которая декларирует свои внешнеполитические устремления с позиций социализма, пусть даже конфликтующего с реальным социализмом, с социалистическим содружеством, и совсем другое дело — решать эти вопросы в отношении страны, которая объявляет себя находящейся на перепутье общественного развития, причем с явным креном вправо.

В свете нынешней внешнеполитической стратегии Пекина такие аспекты его политики, как курс в отношении «третьего мира» и курс в отношении «малых и средних» государств, представляются уже по преимуществу средством сближения и сотрудничества с наиболее мощными империалистическими державами, которые играют решающую роль в противоборстве с мировой системой социализма и для которых это противоборство является делом жизни и смерти.

Более чем десятилетние усилия Китая по проникновению в страны Азии, Африки и Латинской Америки дали достаточно свидетельств того, что он стремится укрепить здесь свои позиции почти исключительно за счет подрыва влияния СССР и других социалистических государств и, следовательно, выступает не как противник, а как союзник империалистических держав. Конечно, в течение многих лет претендуя на роль «заступника и лидера» развивающихся стран и теперь причислив себя к ним, Китай надеется упрочить свои позиции в «третьем мире». Поддержка многочисленных стран этой зоны, несомненно, могла бы служить в руках Пекина и важным средством в политическом торге с империализмом. Однако очевидно, что «третий мир», представляющий собой сложный конгломерат отсталых стран, большинство которых объективно стоит на антиимпериалистических позициях и глубоко заинтересовано в теснейших связях с социалистическим содружеством, не может служить основой в борьбе Пекина против СССР и других социалистических государств. Помимо всего прочего, развивающиеся страны не могут не видеть угрозы в том, что маоистский режим делает ставку на те международные силы, которые, вне сомнения, готовы помочь ему частично удовлетворить великодержавные притязания за счет подрыва влияния социалистического содружества, за счет национальных интересов самих же развивающихся стран. Активно враждебное отношение Пекина к национально-освободительной борьбе восточных бенгальцев и к Народной Республике Бангладеш, крайний цинизм его позиции в связи с трагедией чилийского народа, попытки китайского правительства помешать мирному урегулированию обострившегося в октябре 1973 г. ближневосточного кризиса — все это новые свидетельства того, что нынешние правители Китая во имя сближения с империалистической реакцией бесстыдно предают интересы народов «третьего мира».

Точно так же обстоит дело и с соотношением стратегических и тактических ценностей в позиции Пекина, выраженной тезисом о сплочении всех «малых и средних» государств в единый фронт для борьбы против СССР, всего социалистического содружества. Объявляя Советский Союз главным и самым опасным врагом всех стран, твердя о том, что «американский империализм, «этот бумажный тигр, уже давно проткнут насквозь народами мира и сброшен со своей вершины»¹³, Пекин тем самым отвлекает внимание от империализма как подлинного врага

¹³ «Хунци», 1972, № 11.

социального прогресса человечества и объективно работает в пользу международной реакции. Включая на равных в единый фронт «малых и средних» государств такие империалистические державы, как Япония, Франция, Англия, ФРГ, Италия, Португалия, Австралия, Канада и др., китайские социал-шовинисты откровенно придают этому фронту антисоциалистический, по преимуществу антисоветский характер.

В свете всего этого маоистская доктрина борьбы «малых и средних» государств против «двух сверхдержав» при всем ее видимом безразличии к главному противоречию современности — противоречию между социализмом и капитализмом — на деле означает поддержку последнему, а потому не может нести какого-либо действительного антиимпериалистического заряда и не несет, как об этом свидетельствует опыт политической борьбы на международной арене в последние годы.

Что же касается практических попыток Пекина так или иначе сыграть на существующих межимпериалистических противоречиях, в том числе на противоречиях «малых и средних» империалистических государств с «американской сверхдержавой», а также на противоречиях развивающихся стран с той же «сверхдержавой» и с теми же «малыми и средними» империалистическими государствами, то еще не известно, смогут ли подобные попытки способствовать хотя бы, скажем, определенной перегруппировке сил в мировом антисоветском, антисоциалистическом лагере в пользу Китая: на этом пути стоит миролюбивая политика СССР, всего социалистического содружества, которая отвечает объективным требованиям мира и прогресса и с которой не может не считаться ни одна страна — ни большая, ни малая. Зато совершенно очевидно, что подобная политика открывает возможности для игры империалистических сил и ослабляет антиимпериалистический фронт.

Рассматривая нынешнюю внешнеполитическую стратегию пекинского руководства, нельзя не обратить внимания на то, что его борьба за влияние на социалистические страны в определенном отношении утратила свое прежнее место в пекинской шкале политических ценностей и очередностей. Дело в том, что, абстрагировав глобальные противоречия двух мировых систем от их классовой сущности, Пекин тем самым стер качественную разницу между странами. Доля стран социализма в общем числе «малых и средних государств» не так уж велика, не более 10%, а в основных международных организациях и того меньше. Следовательно, для великодержавных интриг на международной арене, то есть на главном участке борьбы Пекина против социалистических сил мира, эти страны в глазах нынешней руководящей группировки Китая не могут иметь большого значения. Сохраняющаяся все же заинтересованность Пекина в отколе хотя бы некоторых стран от социалистического содружества связана со стремлением действовать на том же генеральном направлении, на котором сосредоточивают свои усилия империалистические страны против СССР, всего социалистического содружества.

Наконец, анализируя внешнеполитическую стратегию Пекина на современном этапе, нельзя не видеть, что новый взгляд маоистского режима на вопрос о своих союзниках и врагах изменил в известном смысле и само представление пекинских лидеров о путях достижения конечной цели их борьбы. Если в 60-х годах она представлялась Пекину как установление гегемонии Китая в мире в результате одновременного оттеснения и разгрома так называемого «современного ревизионизма» и американского империализма, то теперь выполнение стратегических планов расчленено на задачу-минимум и задачу-максимум. Решение первой, судя по всему, мыслится в Пекине как результат разгрома «социал-империализма» объединенными усилиями «старого империализма» и Китая,

а решение задачи-максимум — как следствие постепенной сдачи «старым империализмом» своих позиций фронту неких международных сил, возглавляемых Китаем.

На современном этапе внешнеполитической деятельности Пекина, начавшемся в 1971 г., как никогда прежде, бесспорным становится тот факт, что синтезирующим моментом стратегии маоистского режима, как и стратегии империализма, выступает антисоветизм, являющийся воплощением враждебности мировой реакции к социалистическим и всем другим революционным силам современности.

«Корректировка» внешнеполитической стратегии Пекина в начале 70-х годов явилась новым подтверждением того, что политические течения, которые руководствуются националистическими побуждениями, рано или поздно уходят так далеко «влево» или вправо от позиций социализма, что неизбежно оказываются на стороне империализма и ведут свою контрреволюционную деятельность в направлении его региональной и глобальной политики¹⁴.

В этой связи весьма кстати будет напомнить собственные слова Мао Цзэ-дуна, абсолютно точно раскрывавшие механику превращения маоизма в разновидность антикоммунистической реакции. В январе 1940 г. в статье «О новой демократии» он писал: «...Западные империалисты намерены бороться с СССР, бороться с коммунистами. Пойдешь на союз с ними, а они потребуют от тебя «с боем — на Север», и от твоей революции ничего не останется»¹⁵.

Соответствие этих слов нынешним делам Пекина настолько полно, что едва ли есть необходимость в каких-либо дополнительных комментариях.

Сплочение всех антиимпериалистических, миролюбивых сил — настоятельное требование времени. Конечно, взятые в контексте объективных закономерностей мирового развития, уходящие в глубь грядущего великодержавные мечтания пекинских националистов относятся к области утопий.

Известно, что международный антисоветский, антисоциалистический фронт за последние полвека с лишним не раз перестраивал свои боевые порядки как на идеологическом, дипломатическом, так и на военном фронтах, выдвигая вперед то одну, то другую «ударную бригаду». Однако стратегическая цель этого фронта — уничтожить социализм или по крайней мере поставить какой-то предел его распространению — так и осталась недостигнутой: историю нельзя повернуть вспять. Напротив, социализм всего за пять десятилетий в невероятно трудных исторических условиях проявил могучую творческую созидательную силу, превратился в мировую систему государств, стал знаменем времени, надеждой человечества. Он с успехом разрешил комплекс сложнейших социальных, экономических, межнациональных, культурных и международных проблем, проявил себя главным фактором обеспечения мира на земле. И в авангарде социалистических сил, как и изначально, — созданное великим Лениным Советское государство, которое империализм оказался не в

¹⁴ Помещая отчет о трехдневном семинаре «высокопоставленных» специалистов по анализу стратегической обстановки из десятика стран, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» от 2 октября 1972 г. писал: «Большинство наиболее хорошо осведомленных специалистов по азиатским делам считают, что соотношение сил в этом районе мира меняется в направлениях, которые, несомненно, благоприятны для Соединенных Штатов». В числе причин, вызвавших такие перемены, участники семинара назвали поворот в позиции Китая в сторону сближения с Америкой.

¹⁵ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. М., 1953, т. III, стр. 244.

состоянии уничтожить даже тогда, когда оно находилось еще в младенческом возрасте.

В наше время только политические маньяки могут себе позволить роскошь пробавляться сочинением долгосрочных стратегических планов, рассчитанных на разрушение монументального здания мирового социализма. Что же касается пекинских деятелей, то их попытки строить такие планы особенно тщетны, потому что само существование маоистского режима, находящегося в непримиримом противоречии с характером общественного строя, заложенного в Китае после 1949 г., с коренными социальными и национальными интересами китайского народа, постоянно стоит под большим вопросом.

Абсурдность подобных планов, однако, вовсе не означает, что от них можно отмахнуться. Во-первых, они подкрепляются той реальной властью, которую они пока сохраняют в китайском государстве, во-вторых, заинтересованностью империализма во всемерном использовании антисоветских, антисоциалистических потенций маоистского режима. Поэтому новая фаза эволюции Пекина вправо становится особенно опасной для судеб социализма в самом Китае и создает серьезные трудности для мирового социализма в его противоборстве с мировым капитализмом, для всех прогрессивных сил современности. Это требует более тесного сплочения и систематической координации усилий всего антиимпериалистического фронта в борьбе с теорией и практикой маоизма, стремящегося вдохнуть новую энергию в международные антикоммунистические силы, побудить их на активизацию, ужесточение конфронтации с социалистическим содружеством.

Пекинское руководство в последние годы проявило себя в борьбе с мировым социализмом как несравненно более твердолобый сторонник «холодной войны», чем правящие круги иных империалистических держав, все-таки сумевшие реалистически оценить существующую расстановку классовых сил в мире. Как отмечал в своей речи в Киеве 26 июля 1973 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «сейчас абсурдность разглагольствований о «советской военной угрозе» и бесперспективность курса на военную конфронтацию с нами вынуждены признать не только широкие общественные круги, но и ответственные руководители крупнейших буржуазных государств»¹⁶.

Знаменательные сдвиги в сторону разрядки международной напряженности, происшедшие в 1972—1973 гг., свидетельствуют о том, что социалистическое содружество, весь мировой антиимпериалистический фронт серьезно упрочили свои позиции, несмотря на предательские удары, наносимые им маоистами. Указывая факторы, предопределившие эти важные перемены в мире, Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил подчеркнул: «Трудно переоценить ту роль в происходящих в наши дни позитивных сдвигах, которую играют силы социализма, социалистическое содружество. Свою борьбу за улучшение и упрочение мира Советский Союз ведет вместе со своими добрыми друзьями и единомышленниками — странами социалистического содружества». Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев указал также на важный вклад, который вносят в дело мира государства, сбросившие колониальное иго и добившиеся национальной независимости, и отметил, что «один из важнейших факторов современного международного развития — это активное участие народных масс, их организаций, их политических партий в решении проблем войны и мира»¹⁷.

¹⁶ «Правда», 28. VII. 1973.

¹⁷ «Коммунист», 1973, № 15, стр. 7, 11.

Именно рост всех этих сил, их сплоченность и скоординированные действия в защиту безопасности народов, конструктивная и в высшей степени инициативная внешняя политика СССР и других братских стран позволили сорвать обоюдные попытки маоистов и наиболее экстремистских империалистических кругов возродить в отношениях с социалистическим содружеством дух «холодной войны», укрепить контрреволюционный, враждебный делу мира альянс маоистского социал-шовинизма и империализма¹⁸.

Однако ни империалистическая реакция, ни маоисты не оставляют надежд воспрепятствовать усилиям социалистического содружества сделать необратимыми благоприятные для дела мира и прогресса народов перемены в международной обстановке. Именно поэтому огромное внимание сплоченно и единству социалистических и всех миролюбивых сил земли было уделено на очередной Крымской встрече руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшейся 30—31 июля 1973 г. «Политика разрядки напряженности и развития мирного сотрудничества государств пользуется горячей поддержкой народов, всей прогрессивной, миролюбивой общественности мира», — говорится в коммюнике об этой встрече. Вместе с тем в нем подчеркивается, что «по-прежнему существуют силы, которые, действуя в духе «холодной войны», противятся международной разрядке, выступают за наращивание военных приготовлений, раздувание военных бюджетов», и что «необходимы постоянная бдительность в отношении политики этих сил, противодействие их попыткам вводить в заблуждение мировое общественное мнение, сеять недоверие и вражду между народами, использовать разрядку напряженности для подрыва позиций социализма»¹⁹.

Опыт истории и современности вновь и вновь подтверждает, что только возрастающее единство и сплоченность социалистических и всех других революционных, демократических сил способны сорвать любые происки империализма, всевозможных разновидностей антикоммунизма и реакции в их борьбе против социализма, национальной независимости и мира.

¹⁸ В статье Гарри Шварца, опубликованной 21 августа 1973 г. в «Нью-Йорк таймс», китайско-американское сближение оценивается следующим образом: «По существу, была заложена политическая основа для возможного будущего китайско-американского союза против СССР».

¹⁹ «Правда», 1. VIII. 1973.

Социально-экономический аспект народонаселения КНР

*Е. А. Коновалов,
доктор экономических наук*

Состояние народонаселения — одно из основных условий материальной жизни общества, важный фактор, обуславливающий размеры общественного богатства, возможности экономического развития. Взаимосвязь общественных условий, численности и структуры населения сложна и многообразна, однако в конечном итоге определяющее воздействие на режим воспроизводства населения оказывает характер социально-экономического строя.

Воспроизводство населения Китайской Народной Республики складывалось под влиянием конкретных исторических условий общественного развития и характеризуется следующими особенностями: традиционно высоким уровнем рождаемости, высокой смертностью, малой подвижностью населения, крайней неравномерностью его расселения.

Наличие огромного населения и высокие темпы его прироста могли бы оказать благоприятное воздействие на экономическое развитие страны. Однако в условиях антимарксистского подхода пекинского руководства к общественным явлениям этот факт оказывает обратное воздействие на условия общественного развития.

Демографические процессы, современная структура населения

В течение двадцати лет существования КНР (1949—1969 гг.) население страны увеличилось на 200 млн. человек, в том числе в первом десятилетии — на 130 млн., или на 25%, а во втором — на 70 млн. человек, или на 9%. Среднегодовые темпы прироста населения на первом этапе после образования КНР были одними из наиболее высоких на земном шаре. Сейчас Китай по этому показателю находится на одном из последних мест в мире. Были годы, когда прирост населения не превышал и 0,5%. В КНР имеются провинции с абсолютным снижением численности населения частично из-за его механического оттока.

Резкое изменение режима воспроизводства населения в Китае на протяжении двух последних десятилетий не может быть объяснено лишь изменением социально-экономических условий, хотя они в значительной

мере повлияли на показатели рождаемости и смертности. Необходимо еще анализ политики китайского руководства к вопросу народонаселения.

В первом десятилетии после образования КНР показатель рождаемости держался на очень высоком уровне — 40 человек на 1 тыс. жителей. Во втором десятилетии рождаемость резко снизилась под влиянием двух причин: ухудшившегося в начале 60-х годов продовольственного положения и повышения среднего возраста вступления в брак.

Изменение демографической ситуации не замедлило сказаться на увеличении численности населения в молодом возрасте. По расчетам автора, в 1950 г. численность лиц в возрасте от 15 лет составляет 170 млн. человек, в 1955 г. — 200 млн., а в 1960 г. — 245 млн. человек.

Однако решающим условием, повлиявшим на возрастание темпов роста населения, послужило исключительно быстрое понижение смертности. В старом Китае высокая смертность объяснялась прежде всего значительной детской смертностью (250—300 человек на 1000 новорожденных), а также смертностью от остроинфекционных заболеваний и болезней, связанных с недостаточным питанием. После освобождения влияние этих факторов систематически ослабевало. В результате детская смертность в период 1949—1959 гг. понизилась в 3—4 раза (75 на каждую тысячу детей).

Средний показатель смертности в первое десятилетие существования КНР уменьшился вдвое — 12—14 человек на 1000 жителей. При этом следует отметить, что коэффициент смертности в возрасте 1—14 лет и 15—49 лет изменился в незначительной мере, ибо для снижения заболеваемости и ликвидации случаев летальности для этих возрастных групп требовались уже не только санитарно-гигиенические меры, но и заметное улучшение питания, условий жизни, быта и труда, то есть коренное улучшение всей совокупности условий жизни человека.

В целом демографическая ситуация в КНР в 1949—1959 гг. характеризовалась ускорением темпов естественного прироста населения в результате двукратного снижения коэффициента смертности при почти неизменно высоком уровне рождаемости. Это предопределило увеличивающийся из года в год абсолютный прирост населения. Он составлял в этот период 14—16 млн. человек в год, то есть более чем 2%.

В структурном отношении население современного Китая имеет ряд специфических особенностей. Во-первых, следует отметить преобладание количества мужского населения над женским. За годы после образования КНР этот разрыв увеличился в абсолютном выражении с 18 млн. до 22 млн. человек. На каждые 100 женщин в КНР приходится 107 мужчин.

Постоянное и значительное превышение количества мужского населения над женским объясняется исключительно тяжелыми условиями труда и быта китайских женщин: ранний труд, ранние браки, частые роды в юном возрасте, сочетание домашнего труда с тяжелыми работами на производстве, хроническое недоедание и т. д. Все это обуславливает высокую заболеваемость и смертность среди женщин Китая. Продолжительность жизни женщин на 4—5 лет ниже, чем у мужчин, и составляет в среднем по стране всего 40—42 года.

Возрастная структура населения Китая характеризуется интенсивным процессом омоложения: увеличивается доля молодых возрастов (до 16 лет), снижается доля лиц в пожилом возрасте (свыше 60 лет). В первые годы после образования КНР на молодые возраста приходилось 34% общего населения, в настоящее время — свыше 43%. Нельзя не признать, что эти изменения неблагоприятно отражаются на эконо-

мическом положении семей. В 1949 г. на одного работающего приходилось 1,3, а в 1969 г. — 1,7 иждивенца.

Примерно через 15 лет после начала демографического оживления в Китае количество трудоспособных лиц резко увеличилось. Это требовало создания определенных экономических условий для целесообразного использования всевозрастающего трудоспособного населения, чтобы дополнительные ресурсы рабочей силы действительно становились источником роста производства и богатства страны. В противном случае дополнительные людские ресурсы становятся тяжким бременем для общества. Именно такое положение сложилось в КНР.

Демографическая политика

Можно проследить три основных периода эволюции взглядов китайских руководителей на проблемы народонаселения.

Первый период (1949—1956 гг.) характеризовался целым рядом социально-экономических мероприятий, проводившихся правительством КНР, которые оказали непосредственное воздействие на воспроизводство народонаселения. Так, важнейшими причинами, повлиявшими на рост уровня рождаемости, были благоприятные условия формирования новых семей: мероприятия по ликвидации безработицы, аграрная реформа, резко изменившиеся условия занятости сельского и части городского населения, создание системы здравоохранения и т. д. В этот период произошло снижение среднего брачного возраста — сначала в городах, затем в сельских районах: изменилось отношение масс населения к созданию семьи. Как известно, в старом Китае основным мотивом поздних браков было отсутствие регулярных источников средств существования из-за безземелья или малоземелья и безработицы.

Создание с помощью Советского Союза общегосударственной системы охраны здоровья матери и ребенка в свою очередь позволило сократить или ликвидировать главные причины высокой материнской и детской смертности. Наконец, с помощью СССР была создана общегосударственная противоэпидемической службы. Благодаря этому резко снизилась смертность от холеры, чумы, оспы и шистозоматоза.

Второй период — период подготовки и проведения «большого скачка» — характеризовался, с одной стороны, появлением работ китайских социологов и экономистов, в которых легко проследить паническое отношение к проблемам народонаселения. Представители интеллигенции Китая (в большинстве случаев это были ученые, получившие образование и специальную подготовку на Западе и частично подверженные мальтузианским взглядам) стали высказывать мнение о необходимости решительных мер по обузданию процесса бурного роста населения. В результате было разрешено искусственно прерывать беременность и развернута пропагандистская кампания, в ходе которой популяризировались операции по стерилизации и пр.

С другой стороны, по-прежнему господствовала точка зрения маоистского руководства, которая формировалась так: «Много людей — это хорошо!» Эта догма содержала элементы, свойственные раннему китайскому феодальному обществу в подходе к большой семье как к богатству, и китаецентристский взгляд на огромное население как на оплот и признак могущества и процветания государства. Маоистское руковод-

ство решило продемонстрировать «всемирно-исторический» эксперимент по использованию огромного населения. Вся практика «большого скачка» и «народных коммун» базировалась на максимальном использовании огромных ресурсов живого труда для достижения высоких темпов развития производства. Путем принудительного привлечения сотен миллионов человек к бесплатному труду по 16—18 часов в сутки пекинское руководство пыталось доказать «исключительность» китайского пути строительства коммунистического общества.

В 60-е годы произошло резкое изменение режима воспроизводства населения. Пекинские руководители, пытаясь ослабить давление растущего населения, встали на путь формирования у народных масс иного отношения к деторождению и размерам семьи: настоятельно пропагандировались поздние браки и выгода (для государства, семьи и здоровья женщин) малого числа детей в семьях (не более двух). Причиной такого поворота в политике пекинского руководства послужили катастрофические последствия «большого скачка» и «народных коммун». Резко ухудшившееся продовольственное положение в стране, ликвидация приусадебных участков и обобществление мелкого сельскохозяйственного инвентаря привели к спаду общественной и трудовой активности рабочих и крестьян, к резкому ухудшению их материального положения и как следствие к переосмыслению ими перспектив развития семьи. В течение весьма короткого срока рушились вековые идеалы большой семьи, становилась очевидной необходимость повременить с рождением ребенка. Именно на эту «почву» и падали зерна пропагандистской кампании за сокращение рождаемости.

В условиях голода, морального подавления и бессистемной переброски миллионов людей с одних видов работ на другие, то есть в условиях нестабильности условий труда, жизни и быта, нежелание вступать в брак и иметь многодетную семью быстро охватило значительные массы городского, а затем и сельского населения. Показатели воспроизводства населения выглядели следующим образом: смертность оставалась почти неизменной (в пределах 10—13‰ ежегодно), коэффициент рождаемости резко снизился — с 32—34‰ в начале 60-х до 22—24‰ в конце 60-х годов.

На основе проделанного нами расчета запрет ранних браков (до 28 лет для мужчин и 25 лет для женщин) начиная с 1961 г. дал ощутимый эффект. Если учесть, что в Китае на женщин в возрасте 20—24 лет приходится примерно 45—55% общего числа рожениц, то запрет женщинам моложе 25 лет вступать в брак снизил рождаемость на 8—10 млн. детей.

Третий период эволюции взглядов руководства КПК на проблемы народонаселения наступил вслед за крушением политики «большого скачка» и «народных коммун». Произошла крутая смена экономической стратегии: взамен «революционных мероприятий» в экономике — меры по ее урегулированию и стабилизации; бездумный оптимизм в отношении сроков построения коммунистического общества сменился скептическими предсказаниями о невозможности осуществления индустриализации в условиях Китая в ближайшие десятки и даже сотни лет.

Это нашло отражение и во взглядах на проблему народонаселения. Старая формулировка «Много людей — это хорошо!» была дополнена: «Много людей — это хорошо и плохо».

От попытки разрешить противоречие между растущим населением и ограниченными экономическими ресурсами методами «большого скачка» китайские руководители перешли к активным административным мерам, направленным на ограничение деторождения. При этом исполь-

зуются такие крутые меры, как официальное введение поздних браков, насильственное разлучение молодых супружеских пар путем многолетней командировки одного из супругов, широкая пропаганда безвредности стерилизации для здоровья, перестройка карточной системы в ущерб многодетным семьям и др. Вся эта кампания «сдерживания» роста населения, таким образом, основывается на административно-бюрократических мерах, не являющихся составным элементом какого-то общего генерального плана социально-экономических преобразований. Совершенно очевидно, что подобные меры могут дать лишь временный эффект. Мы уже не говорим о том, что административно-бюрократические методы проведения демографической политики являются антигуманными, антисоциалистическими. За последние месяцы, судя по материалам китайской прессы*, во многих районах страны местное руководство добивается от молодежи и супружеских пар составления «индивидуальных планов» по определению конкретных сроков вступления в брак и рождения первого ребенка. Нарушение этих планов чревато различными административными санкциями.

Народонаселение и занятость

За 20 лет существования КНР, по подсчетам автора, сфера занятости возросла в абсолютном выражении в городах с 10,5 млн. до 40 млн. человек, а в сельских районах — со 170 млн. до 240—250 млн. человек. Таким образом, абсолютный прирост занятых оказался весьма значительным. Однако и численность населения в трудоспособном возрасте за эти 20 лет увеличилась на сто с лишним миллионов человек. Тем самым расширение сферы занятости в целом за годы существования КНР в лучшем случае соответствовало росту количества трудоспособного населения. Если же учесть огромную безработицу в городах и аграрное перенаселение, доставшееся в наследство новой власти, то следует констатировать, что в КНР не удалось кардинально разрешить проблему занятости, особенно обеспечения женщин и подрастающего поколения работой.

По-прежнему нерациональной остается структура распределения рабочей силы между отраслями народного хозяйства. Как показали подсчеты, в 1950 г. в КНР численность трудившихся в сельском хозяйстве составляла 90%, а в промышленности — лишь 1,5% общего числа занятых. За 20 лет численность промышленно-производственного персонала возросла с 3 млн. до 16 млн. человек, а его удельный вес повысился до 6%. В сельском же хозяйстве продолжает работать 80% общей численности занятых.

Таким образом, на сегодняшний день занятость в КНР представляет собой пирамиду, широким основанием которой является труд крестьян, вооруженных примитивными орудиями труда, с низким уровнем общего образования и агротехники. Следующий этаж занятого населения представлен (более чем 10% общей численности занятых) работниками сферы обслуживания, местного транспорта и кустарями. Эта группа также плохо оснащена производственными фондами. Труд носит сезонный характер. Численность работающих в этих сферах значительно колеблется в разные сезоны года. Их доходы крайне неустойчивы. И наконец, вершиной этой пирамиды являются работники современной про-

* «Жэньминь жибао», 13. III. 1973, 17. IV. 1973.

мышленности и транспорта, а также высококвалифицированный научно-технический персонал. Их удельный вес составляет всего 7% работающих в стране.

В период восстановления и во время первой пятилетки важнейшая цель экономической политики правительства в области занятости состояла в ликвидации безработицы в городах (к 1950 г. в Китае насчитывалось свыше 3 млн. официально зарегистрированных безработных), в снижении давления перенаселенной деревни на города (в сельских районах в период проведения аграрной реформы насчитывалось свыше 100 млн. полностью незанятых крестьян, а более половины остальных отрабатывало менее 120 дней в год) и в постепенном вовлечении женщин-домохозяек в общественное производство (из 10 женщин в трудоспособном возрасте, проживавших в городах, 9 не работали). Очевидно, что решение этих проблем было связано с гигантскими трудностями. Партия и государство уделяли этому вопросу очень большое внимание.

В ходе восстановления народного хозяйства, проведения аграрной реформы и выполнения задач первой пятилетки удавалось в значительной мере ослаблять влияние огромных масс неиспользуемых ресурсов труда на экономические ресурсы. Создание с помощью СССР и других социалистических стран крупных современных промышленных объектов создавало благоприятные условия для вовлечения значительных масс трудящихся в сферу современной промышленности. Этому способствовали реконструкция и развитие железнодорожного транспорта, развертывание крупного гражданского строительства. В сельском хозяйстве в результате ликвидации помещичьей собственности и внедрения простых форм кооперации труда значительно возросла численность занятых и масса отработанного времени, приходящаяся на одного занятого. Несмотря на то что в деревне немеханизированный труд по-прежнему был преобладающим и давал более $\frac{2}{3}$ прироста сельскохозяйственной продукции, тем не менее средний уровень фондовооруженности труда постепенно повышался и весьма высокими темпами росла производительность труда.

Таким образом, даже в этих исключительно тяжелых условиях КПК удавалось, применяя общие принципы марксистско-ленинской экономической теории и учитывая специфику многоукладного хозяйства страны, сделать первые шаги на пути ликвидации технико-экономической отсталости. При этом активно использовался опыт Советского Союза, других социалистических стран.

Однако с конца 1957 г., и особенно в 1958 г. нынешние китайские руководители, отвергнув марксистско-ленинский курс, навязали партии «новую генеральную линию». Мелкобуржуазно-шовинистическая по своей сущности, эта программа уповала на «исключительные условия Китая». По замыслу китайских руководителей, решающую роль должны были сыграть количество рабочих рук, масса живого труда. Однако попытка «за 3—5 лет перегнать капиталистические страны по промышленному производству» (как в своих лозунгах обещали руководители) на базе массового применения ручного труда, использования дешевых и примитивных орудий, а также «экономии» при оплате живого труда не могла не кончиться и кончилась крахом.

Дело в том, что политика «большого скачка» нарушала важнейшие объективные законы экономического развития. Она не была обеспечена ни достаточными материальными средствами, ни техникой; миллионы участников «борьба за сталь» не имели необходимого опыта и квалификации, отсутствовал спрос на готовую продукцию, которую производила «малая металлургия». Соотношение гигантских затрат живого тру-

да, сырья и материалов с ничтожной общественной ценностью полученных результатов убедительно показало крайнюю неэффективность такого метода руководства народным хозяйством.

Третий период в решении проблем занятости населения начался с 1961 г. и был связан с ликвидацией экономических трудностей, вызванных «большим скачком». Основная задача экономических мероприятий Пекина в этот период состояла в том, чтобы с помощью политических и идеологических кампаний удержать народное хозяйство от полного развала и путем крутых мер по централизации хозяйственной деятельности направить экономику страны на путь милитаризации.

На фазе «урегулирования» экономики (1961—1965) произошло резкое изменение всей стратегии по вопросам занятости: в течение 1961 г. в деревню было отправлено свыше 20 млн. горожан. Численность занятых в промышленности с 25 млн. сократилась до 10 млн. человек, на 5 млн. человек уменьшилось также число занятых в капитальном строительстве, на транспорте и других отраслях материального производства. Наряду с недавними сельскими жителями из городов административным путем были высланы миллионы работников умственного труда.

Однако увеличение численности работающих в сельском хозяйстве при неизменных масштабах производства и крайне ограниченной фондовооруженности труда не могло сыграть положительной роли в экономике. В сущности, это вело к снижению производительности труда в сельском хозяйстве и увеличению фонда оплаты труда и потребления. Эффективность всего сельскохозяйственного производства от этого снизилась, норма и масса прибавочного продукта упали. Крупная промышленность резко сократила поставку средств производства в сельское хозяйство. «Народные коммун» были крайне бедны и не имели средств для приобретения даже того небольшого количества машин и оборудования, которое предлагалось промышленностью. В таких условиях, чем больше нагнеталось простого неквалифицированного ручного труда в сельском хозяйстве, тем меньшими возможностями оно располагало для расширенного воспроизводства.

Нынешние пекинские руководители пытались «интенсифицировать» сельскохозяйственное производство дополнительной рабочей силой. На деле «интенсификация трудом» является самой очевидной формой экстенсивного ведения хозяйства, так как она неминуемо вела к прогрессирующему снижению удельного веса затрат овеществленного труда и сокращению ресурсов воспроизводства в самом сельском хозяйстве. В настоящее время фонд воспроизводства в сельском хозяйстве Китая (то есть прибавочный продукт «народных коммун» за вычетом налогов и прочих поступлений в государственный бюджет) не превышает 5%. Зато по насыщенности сельского хозяйства живым трудом Китай является собой, пожалуй, небывалый пример во всей мировой истории.

А итог этой политики таков: в 1970 г. прямые затраты труда на производство 1 т зерна в КНР составили 250 человеко-дней, то есть на производство 4 кг зерна потребовался 1 человеко-день, в то время как в СССР (1967 г.) за 1 человеко-день производилось в среднем 240 кг зерна.

Огромную неэффективность сельскохозяйственного труда в КНР можно было бы подтвердить и сравнением стоимостных показателей по всей отрасли. В настоящее время средняя выработка сельскохозяйственной продукции в КНР на одного человека составляет всего 105 долл.

Производительность труда в сельском хозяйстве Китая выглядит следующим образом, если сравнить ее с показателями в других странах:

	Выработка на одного человека (в долл.)	Выработка на одного человека (процент к уровню КНР)
КНР	105	100
Япония	860	819
США	6545	6233

Общезвестны усилия китайского руководства на всемерное развитие мелкого традиционного промышленного производства.

Масштабы и формы мелкого производства в Китае имеют свои социальные и экономические границы. Они определяются достигнутыми социальными завоеваниями трудящихся, а также различной экономической эффективностью того или иного типа производства. Использование рабочей силы в мелком производстве предполагает относительно низкий уровень оплаты и высокую интенсивность труда. Для него характерны также сезонность и ритмичность производства, раздробленность рынков сырья и сбыта. Большие затраты живого труда в общих издержках производства отвлекают ресурсы на его оплату, мало оставляя средств для приобретения оборудования и повышения производительности труда.

Очевидно, что мелкое производство должно планомерно снабжаться средствами производства, выпускаемыми крупной промышленностью. Однако последняя, как известно, работает на военные нужды и не в состоянии повышать уровень механизации мелкого производства. Пекинское руководство не может создать промышленный комплекс, в котором бы крупное и мелкое производство взаимодополнялись. Отсюда попытка разом использовать «преимущества» Китая в виде доставшегося в наследство огромного населения. Уже в конце 50-х годов на местные средства, вручную, наспех во всех отраслях повсеместно воздвигались сотни тысяч примитивных кустарных предприятий, на которых предполагалось занять десятки миллионов людей. Считалось, что любое, даже неэффективное, производство лучше «праздного безделья». Затраты живого труда при строительстве и эксплуатации этих предприятий не принимались в расчет, зато проводилась экономия за счет приобретения материалов и тем более оборудования. Затраты сырья, топлива, транспортных средств на таких объектах на единицу продукции во много раз превышали затраты на современных предприятиях. Чрезмерно высокий ритм работы, большая интенсификация труда, малая экономическая эффективность — вот что было характерно для мелкого производства в период «большого скачка».

В последующий период масштабы мелкого производства на многие годы резко уменьшились, а построенные в период «большого скачка» мелкие объекты заброшены. С конца 60-х годов вновь отмечается возрождение мелких предприятий в целом ряде отраслей. Однако и на этот раз импульсом развития мелкого производства является не потребность народного хозяйства, не наличие материальной базы (строительных материалов, сырья и оборудования), а все тот же «доступный человеческий материал».

Другими словами, развитие мелкого производства в Китае в нынешнем виде хотя и способствует вовлечению в производство больших масс населения, тем не менее характеризуется крайне низким уровнем эффективности всего общественного производства. Занять население — еще не означает эффективно использовать людские ресурсы для общественного производства.

В 60-е годы китайские руководители предприняли еще один «эксперимент», который, в частности, должен был разрешить и проблему занятости населения. На этот раз они попытались использовать крестьянский труд для работы в промышленности. «Народные коммуны» по контракту направляли в города крестьян для работы, чаще всего на горнорудных предприятиях. Уровень оплаты их труда был очень низок, в 2—3 раза ниже, чем у кадровых рабочих. «Дерсвенские рабочие» не пользовались социальным страхованием, жили и трудились в исключительно тяжелых условиях. По истечении срока работы крестьяне возвращались в «народные коммуны».

Система «и крестьянин и рабочий» приводила к истощению крестьян, к противопоставлению кадровых рабочих временно работающим. Известны случаи серьезного недомогания крестьян-рабочих, которые обратились с коллективными петициями к правительству с требованием прекратить дискриминацию среди разных отрядов трудящихся. После «культурной революции» пропаганда «выгод» быть «и крестьянином и рабочим» постепенно заглохла. Эта кампания не смогла решить проблему занятости крестьян в свободное от полевых работ время.

Практика показывает, что оптимальное соотношение людских и экономических ресурсов общества может быть достигнуто лишь при условии, что весь комплекс социально-экономических проблем решается на строго научной марксистско-ленинской основе. Любая же попытка решить проблему народонаселения одним приступом, каким-нибудь административным путем заканчивается провалом и наносит огромный ущерб народному хозяйству страны.

Маоисты прибегают к методам массового использования изнурительного физического труда населения, обрекая его в то же время на хроническое недопотребление (недоедание, недоступность элементарного медицинского обслуживания, образования, культуры и т. д.). В конечном счете это неизбежно приводит к сокращению продолжительности трудовой жизни китайских трудящихся и преждевременной изнашиваемости сотен миллионов людей. Ускорение «оборота» трудовых поколений в Китае, как результат высокой смертности и короткой продолжительности жизни, маоисты используют в качестве «решения» проблемы народонаселения и преодоления экономической отсталости. Постоянно «экономя» таким образом на расширенном воспроизводстве рабочей силы, маоисты пытаются использовать беду Китая — тяжелое наследие от старого режима в виде громадного народонаселения — в своекорыстных националистических целях. Они пытаются достичь экономического эффекта без вложений в расширенное воспроизводство полноценной рабочей силы, а, говоря словами Маркса, при «быстрой смене хилых и недолговечных поколений»¹. Очевидно, что этот путь глубоко антинароден, принципиально противоположен идеалам научного социализма и чреват серьезными социальными конфликтами, обрекает маоистский режим на глубокий кризис.

* * *

Огромный интерес ученых мира к населению Китая объясняется масштабностью объекта исследования, его несхожей с другими странами структурой и противоречивыми тенденциями роста его численности. В последние годы на Западе опубликовано много новых работ по проблемам народонаселения КНР. Среди них немало откровенно враж-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 150.

дебных китайскому народу промальтузианских сочинений, ставящих целью доказать неизбежность мирового конфликта в результате «демографического взрыва» в Китае в нынешнем столетии. Наиболее откровенным является следующее высказывание Унгерн-Штернберга (ФРГ) из его доклада на II Всемирной конференции ООН по народонаселению. «Если теперь применить исторические уроки и опыт к демографическим условиям в Европе, Азии и Северной Африке, то нельзя исключить опасность того, что, особенно со стороны КНР, которая уже сейчас страдает от высокого давления населения, рано или поздно двинется нечто вроде лавины, обладающей взрывной силой»².

Между тем сознательное и несознательное обособление демографических проблем, придание им самодовлеющего значения всегда ведет к неправильным, ненаучным выводам. При всей серьезности и значимости проблем народонаселения в КНР их можно решить внутренними путями, на основе коренных социально-экономических изменений в стране.

² WPC/17, Белград, 1965.

Две линии в развитии монголо-китайских отношений (1949—1972 гг.)

*О. Чулуун (МНР),
кандидат исторических наук*

Монгольский народ, поднявшийся под руководством МНРП на антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу, сразу же после установления народной власти в 1921 г. встал на путь активной поддержки народов в их борьбе за независимость и социальный прогресс. Эта поддержка и помощь со стороны МНР была весьма ощутима для китайского народа в период его борьбы против агрессии японского милитаризма. В 1945 г. монгольский народ внес свой вклад в дело изгнания японских милитаристов с китайской территории, что обеспечивало благоприятные условия для развития народной революции в Китае. В свое время эта помощь весьма высоко оценивалась руководителями КНР. Так, выступая 11 июля 1955 г. на приеме в Пекине по случаю 34-й годовщины Монгольской народной революции, Чжоу Энь-лай заявил: «Китайский народ никогда не забудет, что 10 лет назад Монгольская народно-революционная армия вместе с Советской Армией помогла нам разгромить японских захватчиков»¹.

6 октября 1949 г. МНР одной из первых стран признала КНР. 16 октября китайская сторона выразила согласие на установление дипломатических отношений между КНР и МНР.

Установление дипломатических отношений и обмен послами в июле 1950 г. обеспечивали широкие возможности для развития всестороннего сотрудничества между МНР и КНР. Уже в 1950 г. стороны достигли договоренности о совместных усилиях по борьбе против агентуры иностранных империалистических разведок и гоминьдановских бандитов в пограничных районах. Совместными действиями было уничтожено более 400 бандитских групп.

Одновременно развивались торгово-экономические и культурные связи. В 1950 г. началось сотрудничество между банками КНР и МНР, была установлена почтовая и телеграфная связь между двумя странами. Начиная с 1952 г. в МНР проводились декады монголо-китайской дружбы. В Улан-Баторе была открыта выставка промышленности КНР, которая имела большое значение для пропаганды успехов китайского народа в социалистическом строительстве. На сценах монгольских театров ставились китайские пьесы, отражавшие революционную борьбу китайского народа; на монгольский язык переводились и издавались лучшие литературные произведения писателей КНР.

Важной вехой в развитии монголо-китайских связей явился визит в КНР в октябре 1952 г. партийно-правительственной делегации МНР

¹ «Жэньминь жибао», 22. VII. 1955.

во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР Ю. Цеденбалом. В результате переговоров стороны подписало соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, которое послужило хорошей основой для дальнейшего развития монголо-китайских экономических связей, обеспечило быстрый рост торговли между странами. Объем монголо-китайской торговли вырос с 1951 по 1961 г. в 24 раза, составив 24,6 млн. рублей.

Важную роль в развитии и укреплении монголо-китайских отношений сыграла Улан-баторская железная дорога, связавшая МНР с Китаем. Как подчеркивал Ю. Цеденбал, эта дорога «обеспечила благоприятные условия для дальнейшего развития дружеских отношений, экономических и культурных связей с великими соседями — СССР и КНР, которые из года в год увеличивают оказание помощи МНР»². Высоко оценивал значение дороги и Чжоу Энь-лай, выступая на встрече с правительственной делегацией МНР, посвященной торжествам в Пекине 5 января 1956 г. по случаю открытия прямого железнодорожного сообщения между КНР и СССР через территорию МНР. Из года в год росли доходы МНР от транзитных перевозок: в 1956 г. они составили 3 млн. руб., а в 1960 г. увеличились до 18,3 млн. руб.

Правительство КНР проявляло добрую волю, предоставив МНР в июне 1956 г. безвозмездную помощь в сумме 36 млн. руб. (в новом масштабе цен) для строительства промышленных, сельскохозяйственных и культурно-бытовых объектов, для оплаты поставок оборудования для промышленных предприятий. В связи с этим в августе 1956 г. в Улан-Баторе было подписано соглашение, по которому Китай взял на себя обязательство построить несколько объектов, в том числе камвольный комбинат в Улан-Баторе, кирпичный завод в Тологойте, завод сборных деревянных домов, бумажную и фанерную фабрики, тепловую электростанцию в Сухэ-Баторе, завод стеклянной и фарфоровой посуды, шоссейные дороги, оросительные системы, дворец спорта в Улан-Баторе и др.

Одновременно Китайская Народная Республика направляла в МНР квалифицированную рабочую силу. По соглашению 1955 г. в МНР прибыло более 8 тыс. китайских рабочих и специалистов на три года. Они работали на многих стройках в разных районах страны. В 1958—1960 гг. Китай направил в МНР еще 2 тыс. рабочих.

Правительство МНР проявило большую заботу о китайских гражданах, прибывших на работу. Их в первую очередь обеспечивали медицинским обслуживанием, предоставляли им все возможности для обучения детей, делали все, чтобы создать для них максимально хорошие бытовые условия, осуществляя при этом ряд мероприятий, даже не предусмотренных соглашением. Так, правительство МНР оказывало материальную помощь китайским рабочим и специалистам в строительстве частных жилых домов, выделяло земельные участки под огороды, разрешило иметь молочный и рабочий скот, предоставляло льготы по оплате бытовых услуг (квартиплата, освещение, отопление), освобождало от налогов и т. д. Власти МНР не ограничивали проезд в МНР членов семей китайских рабочих и предоставляли им бытовые услуги наравне с рабочими³.

Правительство МНР высоко оценило труд китайских граждан в МНР. Сотни китайских специалистов и рабочих, проявивших трудовую активность, были отмечены высокими правительственными наградами.

² Ю. Цеденбал. Доклады, статьи, выступления. Улан-Батор, 1966, том II, стр. 48.

³ В МНР в те годы проживало свыше 17 тыс. членов семей китайских рабочих.

Со своей стороны МНР в соответствии с заключенными соглашениями, а также в порядке безвозмездной помощи поставляла очень важные для КНР товары: мясной и рабочий скот и различные продукты сельского хозяйства. В годы стихийных бедствий Народная Монголия безвозмездно поставила Китаю 20 тыс. рабочих лошадей и 10 тыс. т риса. Китайские крестьяне, испытывавшие острейший недостаток в тягловой силе, очень высоко оценивали этот дружеский жест монгольского народа⁴.

Правительство МНР считало своим интернациональным долгом помогать монгольским братьям во Внутренней Монголии. Оно немедленно откликнулось на просьбу о присылке национальных кадров интеллигенции и направило в только что созданные средние и высшие учебные заведения Внутренней Монголии лучших преподавателей по ветеринарии и зоотехнии, специалистов монгольского языка, работников культуры и искусства.

Налаживались прямые контакты между государственными хозяйствами пограничных районов. Во время стихийных бедствий скотоводческие хозяйства Автономного района Внутренняя Монголия и МНР взаимно предоставляли друг другу пастбища для скота. Постоянно расширялся культурный обмен. Во Внутренней Монголии издавались книги МНР по различным отраслям знаний, в театрах ставились пьесы и демонстрировались монгольские кинофильмы. В 1957 г. в городе Хух-Хото было создано Генеральное консульство МНР.

В октябре 1959 г. КНР посетила партийно-правительственная делегация во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР Ю. Цеденбалом, которая была приглашена на празднование 10-й годовщины КНР. На переговорах с лидерами КНР тов. Ю. Цеденбал неизменно подчеркивал важность дальнейшего расширения и укрепления дружественных братских связей между народами и правительствами МНР и КНР, сплоченности всех социалистических стран. В мае 1960 г. по приглашению правительства МНР с ответным дружеским визитом в Монголию прибыл премьер Государственного совета КНР Чжоу Энь-лай. В результате переговоров были подписаны соглашение о взаимной помощи и совместное коммюнике, в котором говорилось: «Обе стороны заявляют о своей полной готовности и впредь расширять и укреплять братскую помощь и сотрудничество между народами обеих стран, укреплять сплоченность государств социалистического лагеря во главе с великим Советским Союзом, прилагать усилия в деле сохранения мира и безопасности народов»⁵.

Были ли искренни заверения китайской стороны? — Нет, они были насквозь фальшивыми, ибо почти одновременно маоистское руководство КНР совершило крутой поворот и перешло к открытой борьбе против стран социалистического содружества. И это было вполне закономерно, поскольку в основе внешнеполитических концепций маоистов лежали лишь до времени завуалированные гегемонистские, шовинистические устремления в отношении социалистических стран, и не в последнюю очередь в отношении Монгольской Народной Республики. И хотя после создания КНР ее руководители неоднократно заявляли о своем уважении независимости и целостности МНР, Мао Цзэ-дун почти с первого дня захвата им руководства в КПК ставил под сомнение независимость МНР. Еще в 1936 г. в беседе с американским журналистом Эд-

⁴ Архив Министерства иностранных дел МНР.

⁵ «Унэн», 1. VI. 1960.

гаром Сноу он заявил: «когда в Китае победит народная революция, Республика Внешняя Монголия, видимо, автоматически станет частью Китайской федерации»*.

Со временем стало очевидно, что Мао Цзэ-дун, по существу, придерживался той традиционной политики, которую в 1912 гг. проводили помещичье-буржуазные правительственные органы Монгольского народа, превратив ее в свою колониальную политику. Этот вопрос свидетельствовал о том, что маоистская националистическая линия МНР, по существу, всегда придерживалась МНР линии прежних китайских правителей. Например, в первой половине 50-х годов в Китае издававшаяся еще в первой половине 50-х годов в Китае «Китайская карта Китая», «Географическая карта КНР» включали 12 провинций и горные территории МНР в состав Китая. Граница, проведенная по территории МНР, обозначалась на карте как «неустановленная». Таким образом, часть территории МНР считалась «бесспорно китайской», а остальная часть — «спорной».

В 1954 г. китайские руководители зондировали возможность ликвидировать независимость Монгольской Народной Республики. Этот вопрос поднимался во время посещения партийно-правительственной делегации МНР, возглавляемой Председателем Великого народного хурала Ж. Самбу, прибывшим в Пекин на празднование 5-й годовщины образования КНР. Тогда же в беседе с членами правительственной делегации СССР китайские лидеры подняли вопрос о присоединении МНР к Китаю на том основании, что Монголия будто бы являлась частью китайской территории. Учитывая дружеские в тот период отношения с КНР, правительство МНР не пошло на обострение. Однако, преследуя свои шовинистические цели, Мао Цзэ-дун намеренно искажал историческую правду. А состояла эта правда в том, что Монголия, как и Китай, находилась более 200 лет под маньчжурским владычеством, а когда в ходе революции 1911—1912 гг. китайский и монгольский народы сбросили иноземное иго, то они создали свои независимые государства. Поэтому великодержавная постановка вопроса китайских руководителей, естественно, не встретила понимания и какой-либо поддержки со стороны Советского Союза.

Тем не менее в том же 1954 г. в КНР была издана работа Лю Пэй-хуа «Краткая история современного Китая», рекомендованная в качестве учебного пособия для высшей школы, к которой прилагалась карта «утраченных Китаем территорий». В эти территории включалась вся МНР.

Несмотря на продолжавшиеся уверения в дружбе, которые особенно щедро расточал Чжоу Энь-лай во время визита в МНР в мае 1960 г., китайская сторона то и дело организовывала провокации на монголо-китайской границе, предъявляя притязания на различные районы монгольской территории. Лишь после неоднократных требований правительства МНР китайские руководители, которые к тому же стремились в условиях развязанного ими тогда пограничного конфликта с Индией укрепить свое положение в глазах общественного мнения азиатских и африканских стран, были вынуждены пойти на урегулирование пограничного вопроса с МНР.

В декабре 1962 г. в Пекине был подписан официальный договор о границе между МНР и КНР. Но и после подписания этого документа в

* Edgar Snow. Red star over China. New York, 1938, p. 88—89.

Китае не переставали высказывать территориальные притязания к МНР. О таких притязаниях открыто заявляли в 1964 г. Мао Цзэ-дун в беседе с группой японских социалистов и член Политбюро ЦК КПК Пэн Чжэнь на встрече с членами партийно-правительственной делегации МНР. В этих заявлениях содержались также попытки вбить клин в отношения между МНР и Советским Союзом, в адрес которого было брошено лживое обвинение в «оккупации» территорий МНР.

Монголия заявила решительный протест против подобных политических провокаций. 9 сентября 1964 г. агентство МОНЦАМЭ выступило со специальным заявлением, в котором разоблачило великодержавную сущность политики китайского руководства. «Мао Цзэ-дун,— говорилось в заявлении,— в беседе с японскими социалистами откровенно высказал свои агрессивные устремления, без каких-либо оснований выступил с притязаниями на территории соседних социалистических стран...

С давних пор китайские правители мечтали господствовать над Монголией, превратить МНР в провинцию Китая...— отмечалось в заявлении МОНЦАМЭ.— После образования КНР Мао Цзэ-дун и другие руководители Китая стремились решить судьбу Монголии за спиной нашего народа, включить МНР в состав Китая... Мао Цзэ-дуна приводят в неистовство непреодолимые препятствия на пути осуществления его мечты превратить Монголию в часть Китая, революционные успехи монгольского народа, его братская нерушимая дружба с советским народом»⁶.

Мечтая превратить МНР в провинцию Китая, Пекин всячески мешал укреплению роли и престижа МНР на международной арене, фактически смыкаясь в этом с чанкайшистскими правителями на Тайване. Известно, что чанкайшистский представитель в ООН многие годы препятствовал принятию МНР в члены ООН, мотивируя это тем, будто она является частью Китая. Представители КНР на I Конференции солидарности стран Азии и Африки (Каир, 1957 г.) также мешали принятию решения с требованием о предоставлении МНР законного места в ООН. Когда в 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла МНР в число своих членов, чанкайшистский представитель в знак протеста покинул заседание. Все социалистические государства горячо поздравили МНР с вступлением в члены ООН, а правительство КНР ограничилось кратким сообщением в печати и хранит гробовое молчание. Между тем правительство МНР всегда поддерживало требование о восстановлении прав КНР в этой организации*.

Получив от правительства и монгольского народа достойный отпор своим притязаниям, китайские националисты перешли к тактике экономического давления на МНР, к политике подрыва монголо-советской дружбы. С 1962 г. китайские руководители начали выискивать различные поводы для сокращения китайско-монгольских экономических связей, прежде всего торговли, перенося идеологические разногласия на межгосударственные отношения. В результате такой политики Пекина объем торговли КНР с МНР из года в год снижался и в 1967 г. составил всего лишь 0,6 млн. руб. против 24,6 млн. руб. в 1961 г.

Стремясь затормозить экономическое развитие МНР, китайские руководители не только резко сократили китайско-монгольскую торговлю, но и создавали всевозможные препятствия для подрыва внешней тор-

* Б. Ширендыб. Избр. произв. М., 1973, стр. 292.

⁶ «Унэн», 10. IX. 1964.

говли МНР с другими странами, сокращения экспортно-импортных возможностей МНР. Пекин в одностороннем порядке сорвал монголо-китайские, а также многосторонние соглашения о перевозках товаров по Улан-баторской железной дороге из Советского Союза и других братских стран в КНР, ДРВ и Японию. В результате этих действий Пекина доходы МНР от транзитных перевозок по Улан-баторской железной дороге упали с 18,3 млн. руб. в 1960 г. до 0,4 млн. руб. в 1968 г. Резкое сокращение запланированных поступлений от транзитных перевозок крайне отрицательно сказалось на внешней торговле МНР, нанесло ущерб социалистическому строительству в стране.

Китаем не были выполнены соглашения 1958 и 1960 гг. о предоставлении Монголии кредита в размере около 300 млн. руб. для строительства предприятий. Из 92 объектов строительства в 1961—1965 гг. были закончены лишь 12. Следует отметить низкое качество строительства большинства объектов, построенных в МНР с китайской помощью. Многие из них через год-два после сдачи в эксплуатацию выходили из строя.

Китайские строительные организации в одностороннем порядке повышали стоимость строительства, переносили сроки сдачи объектов в эксплуатацию, тем самым также значительно увеличивая стоимость предприятий. Они отказались строить некоторые предприятия, имеющие важное значение для народного хозяйства МНР, не выполняли статьи соглашения, разрешавшие монгольской стороне вносить предложения о строительстве новых объектов за счет неиспользованных остатков китайского кредита. Часть недостроенных китайской стороной объектов пришлось достраивать с помощью СССР и других братских стран. Строительство ряда объектов было законсервировано до 1973 г., когда между сторонами была достигнута договоренность о передаче их МНР.

Общезвестно, что иностранные граждане обязаны соблюдать законы, уважать обычаи и традиции народа той страны, в которой они находятся. Китайско-монгольское соглашение о командировании китайских специалистов и рабочих в МНР предусматривало, что «китайские рабочие, служащие и члены их семей обязаны соблюдать законоположения МНР, уважать обычаи и традиции монгольского народа». До начала 60-х годов китайские рабочие строго соблюдали трудовую дисциплину. Однако с 1961 г. основная часть китайских рабочих стала вести себя вызывающе. По известным данным, с конца 1961 г. до середины 1964 г. китайские граждане в МНР устроили приблизительно 500 различных провокаций, свыше 360 раз нарушили таможенные правила, около 40 раз — общественный порядок, под различными надуманными предлогами на несколько дней прекращали работу. Монгольские власти долгое время не могли понять причину такого, совершенно несвойственного китайским рабочим, поведения. Позже было установлено, что они так действовали по прямому указанию из Пекина, что их провокационная деятельность направлялась посольством КНР в МНР.

Одновременно китайское руководство из года в год свертывало культурное сотрудничество с МНР, и к 1966 г. китайско-монгольское соглашение о культурном сотрудничестве от 21 февраля 1958 г. фактически перестало выполняться.

Таким образом, в первой половине 60-х годов возглавляемое Мао Цзэ-дуном националистическое руководство КНР сорвало выполнение всех монголо-китайских договоров и соглашений, отошло от общепринятых международных норм отношений между странами, перешло к «новым», маоистским, методам дипломатии, которые, по существу, ничем не отличаются от методов агрессивных империалистических держав.

для которых договоры и соглашения зачастую являются лишь проформой, используемой для прикрытия агрессивных замыслов.

Главная цель всех подрывных действий Пекина в МНР состояла в том, чтобы изолировать МНРП от международного коммунистического движения, оторвать Монголию от социалистического содружества, навязать ее руководству провозглашенный Пекином в 1963 г. «особый» курс, чуждый генеральной линии международного коммунистического движения.

Руководство МНРП и МНР твердо отстаивало согласованную братскими странами и партиями марксистско-ленинскую линию, давало решительный отпор раскольническим великодержавным акциям пекинского руководства. Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал еще в 1962 г., во время подписания в Пекине соглашения о границах, откровенно высказал критическое отношение к позиции китайских руководителей, по-дружески советовал им исправить ошибочную политику. В декабре 1963 г. V пленум ЦК МНРП специально обсудил вопрос о разногласиях руководителей КПК с международным коммунистическим движением. В своем решении пленум подчеркнул, что МНРП решительно осуждает и отвергает несостоятельные попытки китайских руководителей навязать МНРП чуждую марксизму-ленинизму линию, оторвать ее от мирового коммунистического движения и его авангарда — КПСС — и тем самым столкнуть монгольский народ с единственно правильного пути — пути тесной и нерушимой дружбы с советским народом, народами других социалистических стран. В решении пленума указывалось: «Основной причиной разногласий китайских руководителей с международным коммунистическим движением является догматизм, национальный эгоизм, мелкобуржуазный «левый» оппортунизм, великодержавный шовинизм»⁷. Монгольские коммунисты и весь монгольский народ единодушно поддержали это решение Пленума ЦК МНРП.

12 июня 1964 г. ЦК МНРП направил ЦК КПК письмо, в котором прямо и откровенно осуждал подрывные действия китайских руководителей в международном коммунистическом движении, их попытки оказывать давление на МНРП и в то же время заявлял, что монгольский народ, неизменно руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, был и остается преданным делу укрепления братской дружбы и сотрудничества с китайским народом. Китайские лидеры не дали на письмо ЦК МНРП никакого ответа. Дружеские советы и пожелания были встречены в Пекине в штыки, беззастенчиво искажались и извращались. Китайская печать развернула открытую клеветническую кампанию против братских партий и стран, в том числе и против МНР.

Несмотря на это, ЦК МНРП и правительство МНР, разоблачая ошибочный курс китайских лидеров, вместе со всеми братскими партиями продолжали прилагать усилия для преодоления разногласий китайского руководства с международным коммунистическим движением. В 1966 г. ЦК МНРП по традиции, установившейся в отношениях между братскими партиями, пригласил делегацию КПК принять участие в работе XV съезда МНРП. В ответ была получена оскорбительная телеграмма ЦК КПК.

Таким образом, все усилия МНРП и правительства МНР, направленные на нормализацию межпартийных и межгосударственных отно-

⁷ «Унэн», 18. VI. 1964.

шений с КНР на основе принципов марксизма-ленинизма, не привели к положительным результатам. А с началом «культурной революции» в Китае отношения между КНР и МНР по вине китайской стороны еще больше обострились.

Одним из важнейших направлений «культурной революции» в КНР была клевета и провокации против братских социалистических стран, в том числе и против МНР. Грубые провокации в отношении Монголии приобрели особо острый и возмутительный характер в начале 1967 г. Китайские преподаватели и сотрудники Посольства КНР в МНР учинили дебош на вокзале в Улан-Баторе. Вслед за этим хунвэйбины в течение нескольких дней осаждали посольство МНР в Пекине. 9 августа они учинили расправу над водителем автомобиля Посольства МНР за то, что тот не пожелал взять предложенный ему портрет Мао. Атташе и переводчик Посольства МНР в КНР, прибывшие на место происшествия, были зверски избиты. Спустя 3 часа толпа хулиганов ворвалась на территорию Посольства МНР и начала избивать его сотрудников. Погромщики выкрикивали через громкоговорители ругань в адрес МНР, МНРП и официальных представителей МНР в Пекине. Бесчинства не утихали несколько дней. Одновременно печать и радио КНР развернули злобную антимонгольскую кампанию.

Все требования Посольства МНР, обращенные к Министерству иностранных дел КНР, прекратить бесчинства и провокации оставались без ответа. 10 августа 1967 г. правительство МНР выступило со специальным заявлением, разоблачающим провокации маоистов и требующим положить им конец. В заявлении отмечалось, что методы и приемы пекинских провокаторов нововы. «Злостные намерения и несбыточные попытки маоистов унаследованы от маньчжурских завоевателей и реакционной чанкайшистской клики, как это неоднократно было подтверждено публичными высказываниями самого Мао Цзэ-дуна и его сторонников относительно государственного суверенитета и национальной независимости Монгольской Народной Республики. Китайские провокаторы должны знать, что монгольский народ не поддастся никаким угрозам и шантажу, не потерпит посягательств на честь и достоинство своей свободной родины»⁸. Правительство МНР настаивало, чтобы Правительство КНР в соответствии с общепринятыми нормами международного права приняло срочные меры для создания нормальных условий деятельности Посольства МНР в Пекине и обеспечило полную безопасность его сотрудников, а также возместило причиненный ущерб.

В годы «культурной революции» в КНР использовались все средства массовой пропаганды для грубой лжи и клеветы на МНР, на монголо-советские отношения. Свыше 50 радиостанций ежедневно вели злобные клеветнические передачи на 120 волнах на монгольском, русском и китайском языках. В китайской печати, включая печать красных охранников, были опубликованы тысячи антимонгольских клеветнических статей и материалов. По своему содержанию клеветническая кампания против МНР и СССР ничем не отличалась от кампаний такого рода проводимых империалистической пропагандой. Пекинские печать и радио перепевали давно известные и столь же давно опровергнутые жизнью песни западной буржуазной печати о «превращении Монголии в колонию СССР»⁹, о «развале экономики МНР» («Жэньминь жибао» от

⁸ «Унэн», 11. VIII. 1967.

⁹ «Жэньминь жибао», 27. V. 1967.

10 июля 1967 г.), о «провале некапиталистического пути развития страны» («Жэньминь жибао» от 17 октября 1967 г.) и т. п.

Действительность полностью опровергает маоистские домыслы о «развале экономики», о «провале некапиталистического пути развития МНР». Неуклонно следуя ленинскому учению о возможности перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капитализм, МНР совершила огромный скачок от феодализма к социализму. Монгольский народ гордится тем, что под руководством МНРП он первым среди ранее отсталых народов Востока осуществил эту смелую ленинскую идею.

Успехи Монголии на этом пути подтверждают все, кто побывал в МНР и стремился объективно оценить реальные факты. Член Верховного суда США Уильям Дуглас писал: «Мое первое впечатление состоит в том, что монголы — это дружелюбный народ, живо интересующийся внешним миром... Во-вторых, создается впечатление, что монгольский народ полон энергии и энтузиазма, что он прекрасно сознает свои достижения, что он уверен в своих силах и оптимистически смотрит в свое будущее. Это гордый народ, объединенными усилиями делающий свое великое дело»¹⁰.

Корреспондент японской газеты «Асахи», посетивший МНР, заявил: «Жизненный уровень в Монголии исключительно высок. Мне кажется, что в некоторых отношениях он намного выше, чем в Японии. Увидев, как счастливо живет народ Внешней Монголии и каких больших успехов добился он в развитии экономики, я пришел к выводу, что этот народ действительно искренне и честно стремится к миру»¹¹.

Секретарь канадского движения студентов-христиан, совершивший туристскую поездку в Монголию, говорил своим новым монгольским друзьям: «Вы, монголы, являетесь всему миру великолепный пример практического, недогоматического подхода к строительству новой жизни»¹². «Большое впечатление на меня произвел культурный и опрятный вид города и то, что люди, которых я видел на улицах, хорошо одеты, здоровы и жизнерадостны»¹³, — подчеркивал общественный деятель Бولивин Герман Кирота Гальдо.

Можно привести сотни примеров объективной оценки успехов и достижений Монголии людьми, побывавшими в МНР и видевшими жизнь ее народа собственными глазами. Правда состоит в том, что жизненный уровень монгольского народа повышался и повышается из года в год, и эту правду не может опровергнуть маоистская пропаганда.

XVI съезд МНРП (июнь 1971 г.) дал глубокий анализ достижений в области общественного развития МНР и указал перспективы и задачи, стоящие перед МНР. В отчетном докладе Ю. Цеденбала были раскрыты основные направления развития, подробно изложены конкретные задачи всех звеньев народного хозяйства и подчеркнуто, что развитие страны теснейшим образом связано с монголо-советскими отношениями, с той помощью, которую постоянно получает МНР от СССР. Именно поэтому маоисты так настойчиво стремятся опорочить успехи МНР, чтобы тем самым бросить тень на монголо-советские отношения. Но монгольский народ, познавший на собственном опыте великую силу интернационального союза народов двух стран и все более растущую беспокойную, многогранную помощь Советского Союза, питает глубочайшее

¹⁰ «Молодость древней Монголии». М., 1964, стр. 255.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

чувство доверия, безграничной любви и неизменной дружбы к народам СССР, впервые проложившим человечеству путь к социализму.

МНР — первая страна Азии, сбросившая колониальное иго, ставшая независимой социалистической страной благодаря прямой помощи Советского Союза. Монголо-советская дружба и сотрудничество стали примером новых, равноправных отношений между государствами, основанных на принципах пролетарского интернационализма, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимного уважения, национальной независимости и суверенитета.

Полувековая история МНР и ее всестороннее сотрудничество с Советским Союзом — это яркий пример торжества марксистско-ленинского учения о путях и перспективах социального прогресса ранее отсталых народов при помощи победившего пролетариата передовых стран.

В решениях VII пленума ЦК МНРП, состоявшегося в 1969 г., дается высокая оценка монголо-советской дружбе и подчеркивается решимость отстаивать эту дружбу от всех враждебных происков. В них отмечается, что коммунисты и трудящиеся МНР прилагают неустанные усилия для всестороннего укрепления и развития братской монголо-советской дружбы, что они боролась и будут бороться против всяких попыток нарушить эту дружбу. В решениях также говорилось, что МНРП наряду с принципиальной борьбой против чуждого марксизму великодержавного шовинизма, против враждебных действий нынешних китайских руководителей будет также бороться за укрепление дружбы монгольского и китайского народов, за нормализацию отношений между обеими странами.

Маонстов приводит в неистовство твердая и последовательная политика МНР, направленная на дальнейшее расширение братского союза со Страной Советов и другими странами социалистического содружества. Вот почему меры, предпринятые Правительством МНР по укреплению безопасности своих границ после спровоцированных маонстами вооруженных конфликтов на китайско-советской границе, равно как и меры Советского правительства, были клеветнически объявлены в Пекине «угрозой с Севера», а Монголия стала изображаться пекинской пропагандой как «база советской агрессии» против Китая. Эти домыслы были повторены представителем КНР на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1973 г. Представитель МНР в ООН полностью отверг эту клевету Пекина и показал, что она понадобилась китайским лидерам, чтобы снова выступить с притязаниями на независимость МНР.

Изданный в Пекине в начале 70-х годов «Атлас мира» показывает, что нынешнее руководство Пекина придерживается в отношении МНР той самой политики, которую в свое время проводили правители императорского Китая, а затем и гоминьдановские реакционеры. В комментариях к «Атласу мира» снова утверждается, будто Монголия с давних пор является частью Китая, и даже не упоминается об изменении ее статуса после буржуазной революции 1911—1912 гг. Нет в этом атласе и упоминания о том, что монгольский народ в 1921 г. своей упорной борьбой добился государственной независимости и самостоятельности.

Партия и правительство МНР противопоставляют маонстской политике вражды и ненависти политику дружбы, братства и добрососедских отношений с китайским народом. МНРП воспитывает монгольский народ в духе дружбы к китайскому народу, уважения к его славной истории, революционным свершениям. Большую и плодотворную деятельность ведет Общество монголо-китайской дружбы. В последние годы

им проведены вечера, посвященные памяти великого китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена, видного китайского коммуниста-интернационалиста, одного из основателей КПК Ли Да-чжао, основоположника современной китайской литературы Лу Синя. Центральные органы печати МНР выступали в этой связи со специальными статьями.

Дружба и сотрудничество между МНР и Китаем отвечают коренным интересам народов обеих стран, а также интересам мира, демократии и социализма во всем мире.

Такова принципиальная позиция МНРП. Она была четко выражена в Отчетном докладе ЦК XVI съезду партии. «Позиция МНР по отношению к КНР,— указывал в докладе товарищ Ю. Цеденбал,— определяется ее принципиальной линией, направленной на укрепление дружбы народов. Правительство МНР твердо придерживалось и придерживается политики укрепления дружеских отношений монгольского и китайского народов, развития сотрудничества с КНР»¹⁴.

Неизменный курс МНРП на дружбу с Китаем сочетается с решительной борьбой против антиленинской, антинародной сущности политических и идейных установок нынешних пекинских лидеров, против их раскольнической, антисоветской, антимонгольской деятельности.

¹⁴ «Унэн», 8. VI. 1971.

Топливо-энергетическая база КНР

В. И. Акимов,
доктор экономических наук

Топливная и энергетическая промышленность относится к числу наиболее важных отраслей экономики, оказывающих глубокое влияние на развитие не только промышленности, но и всей экономики в целом. Топливо-энергетическая база — составной элемент современной военно-промышленной системы Китая. Как показали расчеты, в 1972 г. удельный вес топливной и электроэнергетической промышленности в валовой продукции всей китайской промышленности составил 8,7% (в 1952 г. — 4,5%). В этих отраслях занято около 3 млн. человек. В настоящее время по годовому объему добычи угля Китай занимает 3 место в мире, сланца — также одно из первых мест, по добыче нефти — 14, по производству электроэнергии — 9.

Несмотря на значительные масштабы добычи, топливо в Китае относится к числу дефицитных видов промышленной продукции; подобное положение распространяется и на электроэнергию. Угольная, газовая и электроэнергетическая отрасли являются слабейшими в китайской промышленности. Отставание топливной промышленности и электроэнергетики тормозит развитие производительных сил Китая, серьезно снижает промышленный потенциал страны.

* * *

Топливная и электроэнергетическая промышленность КНР располагает необходимыми природно-сырьевыми ресурсами. Ученные запасы угля оцениваются в 1500 млрд. т, а прогнозируемые — в 9000 млрд. т¹. Выявленные ресурсы нефти, по разным оценкам, достигают 2—6 млрд. т. Запасы горючих сланцев составляют многие десятки млрд. тонн. Имеются в КНР месторождения газа, большие залежи торфа, ресурсы атомного сырья. Запасы гидроэнергии превышают 540 млн. квт, из них практически могут быть использованы около 300 млн. квт². Наличие крупных разведанных запасов каменного угля, огромных гидроресурсов, значительных ресурсов нефти и других видов топлива — сильная сторона экономического потенциала Китая. Страна располагает необходимыми запасами минерального топлива, потенциально вполне достаточными для полного самообеспечения топливом даже при более высоком уровне его потребления, чем в настоящее время.

Развитие топливной и электроэнергетической промышленности КНР отличается сложностью и противоречивостью (см. табл.). В 1949—

¹ И. И. Баженов, И. А. Леоненко, А. К. Харченко. Угольная промышленность Китайской Народной Республики. М., 1959, стр. 44, 76.

² Ю. И. Березина. Топливо-энергетическая база КНР. М., 1959, стр. 80.

1952 гг. с помощью СССР были быстро восстановлены пострадавшие от многолетних войн отрасли топливной промышленности и электроэнергетика. В период планового экономического строительства (1953—1957 гг.) добыча угля и сланцев возросла вдвое, производство электроэнергии — в 2,7 раза, нефти и смолы — в 3,3 раза. В первую пятилетку Китай получил большую помощь в развитии своей топливно-энергетической базы от СССР и других социалистических стран.

Таблица

Производство топливной и электроэнергетической промышленности КНР*

Отрасль	Год								
	1949	1952	1957	1959	1962	1966	1967	1971	1972
Уголь (в млн. т)	32,4	66,5	130,0	347,8	200	245	170	280	300
Нефть и смола (в млн. т)	0,12	0,44	1,46	3,7	6	12	10	25	29
Сланцы (в млн. т) . . .	—	7,7	15,7	17	28	35	30	50	50
Газ (в млрд. куб. м) . .	—	—	0,2	0,5	1	2	1,5	7	8
Электроэнергия (в млрд. квт·ч)	4,3	7,26	19,3	41,5	35	70	55	77	83

* Данные за 1949—1959 гг. взяты из официальных китайских публикаций за 1962—1972 гг. — расчетные, добыча газа за все годы — наши расчеты.

В годы «большого скачка» (1958—1960 гг.) развитие топливной и энергетической промышленности было искусственно форсировано мао-цзедуновским руководством волюнтаристскими методами в связи с выдвинутым планом «сверхиндустриализации». В ведущей отрасли, угольной промышленности, тесно связанной с черной металлургией, значительная часть прироста добычи угля приходилась на долю успешно построенных угольных шахт и разработок кустарного типа ((в 1958—1960 гг. 40—50% добычи угля дали плохо оснащенные мелкие и средние предприятия³). Увеличилась добыча угля и на современных шахтах и карьерах, но это увеличение во многих случаях сопровождалось резким ухудшением качества добытого топлива.

В электроэнергетической промышленности основными факторами роста производства электроэнергии в этот период были: ускорение строительства и ввод в эксплуатацию новых электростанций и расширение части имевшихся, систематическая перегрузка производственного оборудования, рост выработки электроэнергии на мелких электростанциях.

С другой стороны, нельзя не учитывать, что в годы «большого скачка» в КНР были построены несколько десятков крупных угольных шахт, углеобогатительных фабрик, электростанций при техническом и экономическом содействии Советского Союза и ряда других социалистических стран. Эти предприятия дали значительный прирост промышленной продукции различных отраслей топливной и энергетической промышленности.

Крах политики «большого скачка» вызвал, как известно, большие экономические трудности в стране, сопровождавшиеся падением промышленного производства. В начале 60-х годов сильно сократилась добыча угля, что в значительной степени было связано с прекращением эксплуатации десятков тысяч мелких угольных шахт, которые были за-

³ «Китайская Народная Республика». М., 1970, стр. 86

брошены. В эти годы уменьшилась также выработка электроэнергии.

«Культурная революция», развязанная маоистами, привела к заметному снижению добычи топлива и выработки электроэнергии. В итоге в течение 60-х годов угольная промышленность находилась в кризисном состоянии. Большие трудности испытывала и электроэнергетическая промышленность, ощущавшая хроническую нехватку угля для тепловых электростанций.

В ином положении оказалась нефтяная промышленность. Китайское руководство еще в начале 60-х годов в качестве одной из своих главных задач в области промышленности поставило уменьшение зависимости Китая от импорта нефти. В связи с этим в нефтяную промышленность были направлены за счет других отраслей крупные капиталовложения, в итоге добыча нефти заметно выросла.

Нет сомнений, что, если бы Китай продолжал после 1957 г. развитие по пути социалистической индустриализации, сотрудничества с социалистическими странами, уровень производства топлива и электроэнергии в настоящее время был бы несравненно большим. Как показали расчеты, произведенные чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковским, в случае поступательного планового развития Китай еще в 1969 г. смог бы произвести: угля — 525 млн. т, электроэнергии — 180 млрд. квт·ч⁴. Фактически же достигнутый объем производства упомянутых видов продукции оказался меньше возможного: угля — в 2,4, электроэнергии — в 2,8 раза.

Топливно-энергетической базе КНР свойственны следующие характерные особенности.

1. Значительное отставание от развитых стран мира по объему производства топлива и электроэнергии в расчете на душу населения.

Как показали подсчеты, в 1971 г. в КНР на душу населения было произведено не более 0,4 т топлива и электроэнергии. В этом же году производство топлива и электроэнергии в пересчете на условное топливо на душу населения составило: США — 10,8 т, СССР — 5,4 т, Англия — 3,1 т, ФРГ — 2,8 т, Франция — 1,3 т. Если в 1971 г. в КНР электроэнергии на душу населения было выработано только 95 квт·ч, то во всем мире в среднем 1430 квт·ч. Показательно, что по объему производства электроэнергии на душу населения КНР уступала всем социалистическим странам Западной Европы, 15 странам Азии, 16 странам Африки, 22 странам Америки, 4 странам Австралии и Океании заняв лишь 88 место в мире.

2. Крайне неравномерное развитие отдельных отраслей топливной промышленности. В настоящее время наиболее развита угольная промышленность. Несмотря на быстрый рост добычи нефти, нефтяная промышленность все еще занимает скромное место в общей добыче минерального топлива в стране. В зачаточном состоянии находится газовая промышленность. Невелико значение торфяной и сланцевой отраслей промышленности. Подсчеты показывают, что в 1971 г. в Китае было произведено примерно 320 млн. т топлива в пересчете на условное, в том числе угля — около 260 млн. т, или 81,4% всего производства топлива (в 1957 г. — 94,4%), природной нефти — 33,6 млн. т (удельный вес во всем производстве топлива 10,4 против 1,0% в 1957 г.), газа — 8,5 млн. т (2,6 против 0,2% в 1957 г.), сланца — 17,9 млн. т (5,6% против 4,4% в 1957 г.). Некоторое значение в топливном балансе играют дрова, производство которых в пересчете на условное топливо составляет 4—5 млн. т в год.

⁴ М. И. Сладковский. Китай и Япония. М., 1971, стр. 290.

3. **Неравномерное географическое размещение топливной и энергетической промышленности.** В КНР большое внимание придавалось развитию топливно-энергетической базы во внутренних и западных районах страны, однако добыча топлива и производство электроэнергии до сих пор в значительной степени сосредоточены в восточной части страны. Так, в начале 70-х годов доля отдельных крупных экономических районов в добыче угля составила в процентах (для сравнения в скобках приводятся данные за 1957 г.): Северо-Восточный Китай — 30 (33), Северный — 25 (34), Восточный — 20 (12), Центральный и Южный Китай — 10 (9), Юго-Западный — 10 (8), Северо-Западный — 5 (4)⁵. Таким образом, на три крупных экономических района — Северо-Восточный, Северный и Восточный Китай — приходится 75% добычи угля в КНР (в 1957 г. — 79%).

Еще более разительный пример в нефтяной промышленности: на Северо-Восточный и Северо-Западный Китай приходится в сумме около 90% нефтедобычи и производства искусственного жидкого топлива (примерно такое положение было и к середине 50-х годов).

Подобное положение неизбежно вызывает необходимость крупных перевозок топлива из одних районов в другие, что при нынешней недостаточной провозной способности транспорта, особенно железнодорожного, затрудняет нормальное снабжение топливом многих провинций и автономных районов.

Весьма высока территориальная концентрация производства электроэнергии. В последние годы доля отдельных крупных экономических районов в производстве электроэнергии составила (в процентах): Северо-Восточный Китай — 35, Северный — 15, Восточный — 20, Центральный и Южный — 15, Юго-Западный — 5 и Северо-Западный — 10. То есть только три района — Северо-Восточный, Северный и Восточный Китай — производят 70% всей электроэнергии, тогда как обширные центральные, южные, юго-западные и северо-западные районы — лишь 30%.

4. **Техническая отсталость угольной и электроэнергетической промышленности, а также ряда предприятий нефтяной промышленности.** Многие предприятия угольной и электроэнергетической промышленности располагают морально устаревшими и значительно физически изношенными производственными фондами, в своей массе не подвергавшимися модернизации и обновлению в течение последних 10—15 лет.

В угольной промышленности эксплуатируется большое количество мелких и средних плохо оснащенных шахт и разработок, на которые приходится до 30% всей добычи угля в стране⁶. По свидетельству канадских специалистов, на шахтах годовой мощностью менее чем 500 тыс. т угля (а таких шахт абсолютное большинство) широко используется малопродуктивный ручной труд⁷. Применяемые на открытых угольных разработках одноковшовые экскаваторы имеют емкость ковша не более 4—6 куб. м; в Китае совершенно не используются высокопроизводительные роторные экскаваторы и отвальные мосты.

В электроэнергетической промышленности имеется масса мелких тепловых и особенно гидравлических электростанций. Многие мелкие ГЭС оснащены несовершенным оборудованием, кустарно изготовленным на

⁵ По данным атласа «Китайская Народная Республика». США, 1972, а также: Ил. И. Баженов, И. А. Леоненко, А. К. Харченко. Угольная промышленность Китайской Народной Республики. М., 1959, стр. 19.

⁶ «Цзунго», 1972, № 98, 99.

⁷ «Canadian Mining Journal», 1973, № 1, 3.

местах. Максимальная мощность одного энергоагрегата на тепловых станциях не превышает 125 тыс. квт, к тому же таких агрегатов в Китае считанные единицы. Из-за технической отсталости установленного оборудования удельный расход топлива на каждый квт·ч электроэнергии, произведенной на тепловых электростанциях Китая, минимум на 30% выше, чем в развитых странах. Вплоть до настоящего времени в КНР нет ни одной атомной электростанции.

Несколько выше, чем в упомянутых отраслях, технический уровень в нефтяной промышленности, что в немалой степени связано с использованием иностранного оборудования и передовых научно-технических достижений. Однако и в нефтяной промышленности КНР далеко еще не достигнут современный мировой технический уровень. Итальянская печать, например, отмечала, что «технологические дефекты» есть даже на Дацинских нефтепромыслах⁸, объявленных в Китае образцом для всей промышленности. Показателен и следующий факт. Китайская печать много и шумно писала о строительстве Пекинского нефтехимического комбината, который был частично введен в эксплуатацию в 1969 г. По проекту комбинат рассчитан на переработку 2,5 млн. т нефти в год. Посетившие в 1972 г. нефтехимический комбинат американские специалисты отмечали, что это предприятие является экономически недостаточно рентабельным⁹. На комбинате занято около 10 тыс. человек, а то время как на аналогичном американском — около 800.

Китай испытывает серьезные трудности в развитии своей топливно-энергетической базы. Прежде всего остро сказывается нехватка финансовых ресурсов, что является результатом медленного экономического развития страны и недостаточной эффективности китайской экономики, а также следствием огромных военных расходов. Как известно, топливная и энергетическая промышленность отличаются большой капиталоемкостью. Например, чтобы в Китае ежегодно строить на достаточном высоком техническом уровне крупные и средние угольные шахты суммарной годовой производительностью 30 млн. т топлива, необходимо капиталовложения в размере 900—1200 млн. юаней. Для ежегодного прироста добычи нефти в объеме 5 млн. т требуются затраты порядка 1,5—2 млрд. юаней. Ввод в эксплуатацию каждого млн. квт мощностей на крупных и средних тепловых электростанциях сопряжен с затратами до 900 млн. юаней. Отдавая приоритет военным расходам, пекинские руководители не делают крупных капиталовложений в угольную и электроэнергетическую промышленность.

Другая важная причина медленного развития топливно-энергетической базы заключается в трудностях с материально-техническим обеспечением строек и действующих шахт, карьеров, промыслов, электростанций и т. д., необходимыми материалами и оборудованием. Проводимая политика «опоры на собственные силы» и отказа от широкого сотрудничества с СССР и большинством других социалистических стран усугубляет эти трудности. Китайская промышленность производит оборудование для топливной и электроэнергетической отраслей в недостаточных количествах, и зачастую довольно низкого качества. Как правило, подобное оборудование предназначено для небольших и средних по мощности предприятий. Китай вынужден импортировать часть необходимого оборудования, но из-за недостатка средств возможности импорта ограничены.

⁸ «Successo», 1972, № 10.

⁹ «New York Times», 2. VIII. 1972.

Топливо-энергетическая проблема в КНР осложняется и в связи с недостаточно эффективным использованием топлива по сравнению с развитыми странами мира. В частности, в Китае на железных дорогах все еще преобладают паровозы, у которых коэффициент полезного использования топлива в 5—6 раз ниже, чем у тепловозов. Огромное количество топлива употребляется на бытовые нужды населения. Зачастую топливо сжигается в примитивных топочных устройствах, в которых используется в 4—8 раз меньше энергии топлива, чем в крупных котельных или на ТЭЦ.

Как показывают расчеты, в Китае на каждую единицу производимого топлива обычно выпускается в несколько раз меньше важнейших видов продукции, чем в СССР, США, Англии и других развитых странах. Например, в 1971 г. производство электроэнергии в КНР в расчете на тонну условного топлива (240 квт·ч) было в 2,7—6 раз меньше, чем в СССР, США, Англии.

Состояние важнейших отраслей топливо-энергетической базы Китая

Угольная промышленность развивается на основе богатейших и весьма разнообразных по марочному составу ресурсов углей. Подавляющая часть ресурсов твердого топлива приходится на битуминозные угли (77% всех учтенных запасов). На антрациты падает относительно небольшая часть общих запасов (19% учтенных запасов), а доля бурых углей ничтожна (4%). Такой состав ресурсов угля выгодно отличает Китай от многих других стран мира. Однако значительная часть угольных пластов китайских месторождений относится к многозольным и высокосернистым, притом с зачастую труднообогатимым углем. Китайская печать писала о нехватке разведанных запасов углей, пригодных для коксования¹⁰.

После 1949 г. в Китае было построено около 800 крупных и средних шахт¹¹, подверглись реконструкции и расширению многие старые шахты. Однако такие масштабы строительства оказались недостаточными. Как отмечала иностранная печать, в Китае «строительство новых шахт и снабжение их оборудованием проводится медленно и обходится дорого»¹². Одной из неудачных попыток форсированного развития добычи угля при минимальных капиталовложениях со стороны государства явилось массовое строительство мелких кустарного типа шахт и открытых разработок. Первая такая попытка была предпринята в период «большого скачка», когда было построено около 100 тыс. шахт кустарного типа и открытых углеработок. Но в последующие годы подавляющее большинство таких предприятий было заброшено. В период «культурной революции» и в последние годы в Китае вновь стали увлекаться строительством и эксплуатацией мелких угольных шахт, однако, как показала сама китайская действительность, такими методами нельзя добиться существенных сдвигов в развитии угольной промышленности.

¹⁰ «Нэймэнгу жибло», 7. IV. 1965.

¹¹ «Mainiti Daily News», 28. IX. 1972.

¹² «Far Eastern Economic Review», 1963, № 45.

В недостаточных масштабах в последние годы осуществляется сооружение новых сравнительно крупных шахт и других объектов угольной промышленности. Судя по сообщениям китайской и зарубежной печати, в 1972 г. в эксплуатацию были введены всего лишь 6 шахт мощностью по 600 и 900 тыс. т в год, открытый угольный карьер Да-фэн в Нинся (видимо, годовой производительностью не более 1 млн. т), две углеобогатительные фабрики, одна из которых имеет мощность 600 тыс. т.

В настоящее время в КНР средняя мощность более или менее современных угледобывающих предприятий составляет около 150 тыс. т в год. Лишь около 50 угольных шахт и разрезов имеют годовую мощность по 900 тыс. т и более. Наиболее крупные китайские шахты, эксплуатирующиеся на коях Кайлуань и Фушунь, имеют годовую мощность 3—4 млн. т и более, но таких шахт немного. Уникальный Фушуньский западный карьер перерабатывает в год до 40 млн. т горной массы (включая уголь, горючие сланцы и пустую породу)¹³.

В китайской угольной промышленности слабо развиты такие прогрессивные способы добычи топлива, как открытая и гидравлическая добыча. Основная причина недостаточных масштабов открытой добычи угля — нехватка соответствующих видов оборудования, прежде всего мощных экскаваторов, конвейерного транспорта, тяжелых автосамосвалов. Гидродобыча угля тормозится из-за недостатка оборудования, рассчитанного на сравнительно высокое давление, стальных труб и повышенного расхода электроэнергии.

Одна из серьезных проблем китайской угольной промышленности — нехватка мощностей по обогащению добытого угля. Вследствие большой зольности (15—35%) и повышенного содержания серы (0,5—2%) требуется обогащать весь добытый для коксования уголь, тогда как этой технологической операции подвергается всего лишь 10—15% добытого угля.

В Китае насчитывается более 100 центров угледобывающей промышленности. Угольные копи Фушунь и Фусинь (провинция Ляонин), Кайлуань (Хэбэй) ежегодно добывают до 20 млн. т топлива каждый. Датун (Шаньси), Хуайнань (Аньхой), Хэган и Цзиси (Хейлунцзян) от 10 до 17 млн. т¹⁴. Годовая производственная мощность еще двух десятков угольных копей составляет 3 млн. т и более топлива. Большинство важнейших центров угледобывающей промышленности находится в Северо-Восточном, Северном и Восточном Китае.

В КНР уже много лет решается проблема улучшения снабжения углем южных районов за счет развития в них в необходимых масштабах добычи топлива при одновременном всемерном сокращении завоза угля из северных провинций. С периода «культурной революции» кампания за сокращение завоза угля из северных районов в южные стала рассматриваться как одно из важных мероприятий в плане подготовки к войне.

Нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность. В настоящее время крупнейший нефтедобывающий район Китая — равнина Сунляо, где еще в середине 60-х годов выявленная нефтеносная площадь превышала 10 тыс. кв. км, а разведанные запасы нефти по

¹³ «Canadian Mining Journal», 1973, № 1, 3; И. И. Баженов, И. А. Леоненко, А. К. Харченко. Угольная промышленность Китайской Народной Республики. М., 1959, стр. 344—345.

¹⁴ «Mining Annual Review», VI, 1971, и др.

категории А+В составили 120 млн. т¹⁵. На равнине Сунляо, в юго-западной части провинции Хэйлунцзян, были созданы Дацинские нефтепромыслы, на которых в 1961 г. действовало 90 скважин, давших 300 тыс. т нефти. По японским данным, Дацин в 1971 г. дал около 7 млн. т нефти, здесь эксплуатировалось 1,7 тыс. скважин¹⁶. На Северо-Востоке в промышленной разработке находится еще ряд месторождений.

Вторым крупнейшим нефтепромысловым районом КНР считается Карамай (точнее, Карамай-Урхэ), расположенный в западной части Джунгарской впадины, в Синьцзяне. Выявленная здесь нефтеносная площадь оценивается в 4,7 тыс. кв. км, запасы нефти по категории С — 2,1 млрд. т. В 1955 г. в Караме была пробурена первая скважина, давшая мощный нефтяной фонтан. К середине 60-х годов здесь действовало 220 продуктивных скважин, давших около 3 млн. т нефти. В 1971 г., по оценке японских специалистов, в Караме было добыто 5 млн. т нефти¹⁷. В Синьцзяне имеется еще несколько нефтепромыслов, в их числе Душаньцзы, в Таримской впадине, и другие. Все они небольшие по масштабам добычи жидкого топлива.

Третий крупный нефтедобывающий район — Юймыньский, находящийся во впадине Цзюцюань, в провинции Ганьсу, объединяющий ряд отдельных нефтеразработок. Добыча нефти здесь началась в 1938 г. Запасы одного из главных Юймыньских месторождений — Лаоцзюньмяо — оценивались в конце 1966 г. в 280 млн. т, а другого — Яэрся — по категории А — 70 млн. т, по категории С — 600 млн. т¹⁸. Юймыньский район дал в 1965 г. 1,8 млн. т нефти, в 1971 г. — 2,5 млн. т. В последние годы с Юймыньских нефтепромыслов часть производственного оборудования и большое количество нефтяников переброшены на другие нефтепромыслы страны.

Прочими важными нефтепромыслами считаются: Шэнли (Шаньдунский полуостров, промышленная эксплуатация началась в 1965 г., добыча в 1971 г. достигла 2 млн. т), Цайдамские (провинция Цинхай, промышленная эксплуатация началась в 1958 г., добыча в 1971 г. составила 1,5 млн. т), Сычуаньские (добыча нефти началась в 1959 г. и в 1965 г. составила 0,9 млн. т).

В своем развитии китайская нефтедобывающая промышленность сталкивается со значительными трудностями. Прежде всего сказывается отставание в производстве отечественного оборудования, особенно буровых станков для средних и больших глубин, современных буровых инструментов, труб, арматуры и т. д. Китай систематически импортирует часть недостающего оборудования, но он далеко не всегда может закупить в нужных количествах необходимое оборудование и материалы.

Рост нефтедобычи, а также нефтепереработки в ряде районов осложняется слабым развитием транспортных связей с основными потребляющими районами страны. Прежде всего это относится к месторождениям Синьцзяна и Цинхая, а также Юймыня. В Синьцзяне и Цинхэ для перевозок сырой нефти и нефтепродуктов широко используется автомобильный транспорт, потребляющий значительную часть перевозимого горючего.

Железные дороги Китая не справляются с нефтеперевозками. Трубопроводный транспорт пока еще слабо развит. К настоящему времени

¹⁵ «Цзуго», 1967, № 34.

¹⁶ «Тисицу тэсацэ гэппо», 1972, № 8.

¹⁷ «Chemical Economy and Engineering Review», 1973, № 2.

¹⁸ «Цзуго», 1967, № 34.

построены и эксплуатируются всего лишь несколько нефтепроводов: Карамай—Душаньцзы, Юймынь—Ланьчжоу, Шэньян—Люйда, Яньчэн—Сиань, Шэли—северное побережье Шаньдуна, а также нефтепровод, проложенный от Чунцина в северном направлении. Высокое содержание парафина в нефти ряда месторождений осложняет ее перескачку по нефтепроводам.

Китай относится к числу немногих стран мира, которые развивают сравнительно дорогостоящее производство искусственного жидкого топлива (ИЖТ) путем переработки горючих сланцев и угля. Первые предприятия этой отрасли были сооружены японцами в оккупированной Маньчжурии, где в 1936 г. было произведено 123 тыс. т сланцевой смолы. В КНР производство искусственного жидкого топлива увеличилось с 0,24 млн. т в 1952 г. до 2,5 млн. т в 1971 г. Однако из-за более быстрого роста добычи нефти удельный вес ИЖТ в общем производстве нефти и ИЖТ снизился с 55 в 1952 г. до 10% в 1971 г., что в принципе имеет положительный характер. Действительно, по своему качеству искусственная смола из сланца или угля уступает природной нефти, а изготовленные из нее нефтепродукты хуже, чем из естественной нефти. Кроме того, себестоимость каждой тонны добытой природной нефти в несколько раз ниже, чем одной тонны искусственной смолы.

Нефтеперерабатывающая промышленность отстает в своем развитии от нефтедобывающей и сдерживает развитие последней. К началу 1973 г. в Китае имелся 21 нефтеперерабатывающий завод общей мощностью не более 25 млн. т¹⁹.

Уровень технической оснащенности большинства китайских нефтеперерабатывающих заводов Китая недостаточно высок, нефть на них зачастую перерабатывается несовершенными методами. Большинство заводов, особенно мелкие, оснащены лишь установками по первичной перегонке, термокрекингу и некоторыми другими видами оборудования, позволяющими производить главным образом только неглубокую перегонку нефти. Весьма слабо развито производство по глубокой переработке нефти, включая десульфуризацию, каталитический крекинг, каталитический риформинг и т. д.

Китайское руководство еще в 1963 г.²⁰ заявило о том, что Китай в состоянии обеспечить себя нефтепродуктами. Резко был сокращен импорт нефти и нефтепродуктов. Если в 1956 г. импортные нефтепродукты составили 44% в общем объеме их потребления в Китае, то в 1966 г. этот показатель равнялся 6—7%, а в настоящее время еще меньше. В стране уже длительное время осуществляется жесткое лимитирование потребления нефтепродуктов, проводится политика искусственного занижения их потребления, по уровню которого на душу населения Китай находится на одном из самых последних мест в мире.

В 1972 г. Китай продал Японии около 1 млн. т нефти, а в январе 1973 г. он заключил торговую сделку на поставку Японии 2 млн. т дацинской нефти²¹. Иностранная печать отмечает, что экспорт нефти в Японию объясняется, во-первых, нехваткой мощностей по переработке нефти в Китае, а во-вторых, чисто политическими причинами. Прежде всего, отмечает иностранная печать, китайское руководство пытается помешать советско-японскому сотрудничеству в области освоения нефтяных богатств в восточных районах СССР.

¹⁹ «Chemical Economy and Engineering Review», 1973, № 2.

²⁰ «Дагун бао», 26. XII. 1963.

²¹ «Chemical Economy and Engineering Review», 1973, № 2.

Электроэнергетическая промышленность в последние 4—5 лет стала одной из самых отстающих отраслей китайской экономики. Китайская промышленность оказалась не в состоянии ежегодно поставлять необходимое количество оборудования для новостроек электроэнергетических предприятий. Ввод новых мощностей на тепловых и гидравлических электростанциях в 1969—1971 гг. не превышал 1 млн. квт ежегодно и лишь в 1972 г., видимо, мог составить около 2 млн. квт²².

Не оправдалась и надежда китайского руководства на значительный ежегодный прирост производства электроэнергии за счет массового строительства мелких ГЭС. Как сообщала китайская печать, в 1972 г. в КНР находились в эксплуатации 35 тыс. мелких ГЭС. Их общая мощность составила 16% общей мощности всех ГЭС в Китае, то есть около 0,6—0,7 млн. квт. Выработка ими электроэнергии составила 2—2,5 млрд. квт·ч.

В обстановке дефицита электроэнергии в Китае в 1970—1971 гг. стала проводиться реконструкция ряда электростанций и значительно увеличиваться перегрузка оборудования при его эксплуатации. Подобное явление напимнает практику «большого скачка», когда часть оборудования из-за сильной перегрузки выходила из строя.

С 1972 г. КНР приступила к крупным закупкам электроэнергетического оборудования в социалистических и некоторых капиталистических странах; к середине 1973 г. были размещены заказы на закупку оборудования мощностей несколько млн. квт для тепловых и гидравлических электростанций, включая агрегаты мощностью 125 тыс. квт и более. Эти крупные закупки наглядно свидетельствуют о банкротстве курса «опоры на собственные силы» в развитии китайской электроэнергетики.

Китайская электроэнергетика развивается главным образом путем строительства и расширения тепловых электростанций (ТЭС), на которых в 1972 г. было сосредоточено примерно $\frac{3}{4}$ всех мощностей по производству электрической энергии. Лишь около 1% имеющихся в стране богатейших гидроэнергоресурсов используется для выработки электроэнергии.

Китай располагает большим количеством мелких электрических станций мощностью в несколько десятков или сотен квт, что приводит к резкому повышению издержек производства и экономически нерентабельно. По своим технико-экономическим показателям китайская электроэнергетическая промышленность заметно отстает от мирового уровня. Подавляющее большинство китайских ТЭС работает на паре низких или средних параметров. В эксплуатации находится много устаревшего оборудования, включая маломощные турбины и генераторы с невысоким коэффициентом полезного действия.

К середине 1973 г. максимальная мощность установленного на китайских ТЭС электрооборудования не превышала 125 тыс. квт и совершенно отсутствовали более мощные паротурбоагрегаты, получившие широкое распространение в мировой энергетике. К концу 1966 г. на китайских гидроэлектростанциях было не более 15 гидроагрегатов мощностью 70—75 тыс. квт каждый и несколько более крупных. После 1966 г. были смонтированы и сданы в эксплуатацию еще несколько новых машин мощностью по 70—100 тыс. квт.

Развитие электроэнергетики требует также соответствующего развития сетевого хозяйства, обеспечивающего передачу электроэнергии потребителям. Однако в этой области КНР испытывает особенно значительные трудности, которые обуславливаются наличием большого коли-

²² Оценка на основе сообщений «Гуанмин жибао», 14. 11. 1973.

чества различных напряжений в сетях и очень большим процентом линий относительно невысокого напряжения. Естественно, подобное явление усложняет эксплуатацию сетевого хозяйства и изготовление необходимого оборудования.

В Китае слабо развиты энергосистемы. По имеющимся данным, к концу 1959 г. в КНР было создано всего 28 энергосистем напряжением 110 кв, к которым подключено 80% всего электроэнергетического оборудования. Число энергосистем мощностью 100 тыс. квт каждая и выше достигло 18. В последующие годы число упомянутых энергосистем несколько увеличилось.

Крупнейшей объединенной энергосистемой является Северо-Восточная, мощность которой оценивается почти в 4 млн. квт. Другая крупная по масштабам Китая энергосистема — Цзяннаньская мощностью около 2 млн. квт. В зону ее действия входят Шанхай, южная часть провинции Цзянсу, экономические центры провинций Аньхой и Чжэцзян. Третья по мощности в стране энергосистема в провинции Хэбэй, охватывающая зону городов Таньшань—Тяньцзинь—Пекин—Чжанцзякоу. Не исключено, что эта энергосистема в последние годы соединена с Северо-Восточной энергосистемой. Важное экономическое значение имеют и такие менее крупные энергосистемы, как Саньмыньская в среднем течении реки Хуанхэ; Шаньдунская (охватывает зону городов Цзинань, Цзыбо, Циндао); Тайюаньская; Баотоуская; Уханьская (район Ухань—Дае); Чунцинская; Ланьчжоуская; в дельте реки Чжуцзян.

Наличие в Китае отдельных изолированных энергорайонов и энергоцентров, отсутствие мощных объединенных межрайонных энергосистем препятствуют рациональному распределению электроэнергии, ее переброске из более благоприятных по снабжению электроэнергией районов в менее благоприятные. Кроме того, подобное явление зачастую делает невозможным развитие энергоемких производств ряда важных видов продукции в тех районах, где имеются достаточные сырьевые ресурсы, но ощущается нехватка электроэнергии.

Некоторые вопросы китайско-сингапурских торговых связей

Т. М. Лёвина

Исторические особенности возникновения и развития китайской эмиграции предопределили систему и характер постоянных связей между Китаем и китайскими общинами за рубежом, особенно в странах Юго-Восточной Азии, и в частности в Сингапуре — государстве, три четверти населения которого (1634,6 тыс. человек) составляют китайцы. Капитал китайских эмигрантов наиболее широко здесь представлен в сфере внутренней и внешней торговли. Дело в том, что зарождение китайской буржуазии в Сингапуре было преимущественно связано с ее деятельностью в сфере торговли, с проведением реэкспортных торговых операций, характерных для такого торгово-распределительного центра, каким является этот порт.

КНР с первых дней своего существования стремилась сохранить и упрочить торговые отношения с Сингапуром, понимая важность использования широких деловых связей и прочных экономических позиций местной китайской буржуазии.

Китайско-сингапурские торговые отношения развивались неравномерно и прошли через несколько этапов: первый — с 1949 г. по май 1951 г., второй — период войны в Корее (1951—1953 гг.), третий — с 1954 г. по настоящее время.

В первый период развитие нормальных торговых связей между КНР и Сингапуром осложнялось враждебной антикитайской политикой США. Позиция Англии по этому вопросу была в известной мере иной. Это объяснялось прежде всего тем, что Лондон опасался за судьбу значительного английского имущества в Китае¹. И кроме того, англичанам приходилось считаться с мнением сингапурских деловых кругов, заинтересованных в торговле с КНР. Поэтому Англия, чьей колонией был Сингапур до 1959 г., хотя и поддерживала агрессивную политику Вашингтона и его попытки изолировать КНР, была вынуждена все-таки фактически не прерывать китайско-сингапурской торговли.

После резкого падения товарооборота между Китаем и Сингапуром в 1949 г. (вызванного гражданской войной в Китае в 1946—1949 гг.) в 1950 г. в торговле между ними наблюдался подъем.

Дальнейшему развитию китайско-сингапурской торговли помешала война в Корее в 1951—1953 гг. Этот второй период в их торговых отношениях характеризовался тем, что торговля носила почти односторон-

¹ В 1946 г. собственность Англии в Китае оценивалась в 1322,1 млн. долл. См.: Вэй Цзы-чу. Капиталовложения империалистов в Китае. М., 1956, стр. 5 (кит. яз.).

ний характер — преимущественно продавались товары КНР. Запрещение под давлением империалистических держав продажи КНР стратегических товаров, к которым был отнесен и каучук — основная статья китайского импорта из Сингапура, — привело к резкому падению его закупок, что ударило по интересам сингапурских экспортеров этого товара.

Однако империалистам не удалось осуществить экономическую блокаду КНР. На помощь китайскому народу пришли СССР и другие социалистические страны, ставшие в эти годы его главными торговыми партнерами. В условиях, когда перед капиталистическими странами встала угроза полной потери китайского рынка, отдельные фирмы, принадлежащие местной китайской буржуазии, стремились найти обходные пути для продолжения торговли с КНР.

С 1954 г., после Женевского совещания по Индокитаю² и Бандунгской конференции в 1955 г., начался третий период китайско-сингапурских торговых отношений. Это было связано с тем, что успешное осуществление первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР (1953—1957 гг.), ее миролюбивая внешняя политика, опирающаяся на сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами, способствовали росту в странах Азии и во всем мире ее авторитета.

В Сингапуре, в котором учитывалось быстро изменяющееся в мире политическое и экономическое положение Китая, нарастало движение за установление с ним нормальной торговли. Так, в мае 1954 г. председатель местной Китайской торговой палаты³ потребовал «в интересах экономики страны» снять эмбарго на поставку каучука КНР. В июне 1956 г. на совместном заседании трех организаций торговцев каучуком один из крупнейших каучуковых магнатов Тан Ларк Се подчеркнул необходимость скорейшего начала переговоров с Китаем о каучуке, утверждая, что «в противном случае другие страны могут обогнать Сингапур».

К этому времени правительство Англии убедилось в провале эмбарго на торговлю с КНР. Оно видело, что Китай свободно обходится без сингапурского рынка каучука, контролировавшегося в то время англичанами, и закупает этот товар на Цейлоне. Вместе с тем торговые круги Сингапура оказывали постоянное давление на Лондон. Все это вместе привело к тому, что в июне 1956 г. правительство Англии объявило о введении системы «исключения» отдельных товаров из списков запретных для торговли с КНР, что на практике означало снятие эмбарго на торговлю каучуком. Сингапурские экспортеры, понимая, что «торговля каучуком жизненно важна для Сингапура», выражали надежду, что «Китай будет его покупать».

В том же 1956 г. в Китай впервые была направлена неофициальная делегация Китайской торговой палаты Сингапура. По заявлению генерального секретаря делегации, сингапурская сторона надеялась на большое расширение товарооборота с КНР — примерно в 3 раза. Результатом поездки было подписание контрактов на поставки в КНР каучука и ответные закупки китайских товаров.

30 мая 1957 г. правительство Англии объявило о снятии специальных ограничений в торговле с КНР и всем фирмам разрешалось торго-

² Во время переговоров в Женеве в 1954 г. представители деловых кругов Англии заступили в контакт с представителями внешнеторговых организаций КНР по вопросу расширения экономических связей.

³ Китайская торговая палата создана в 1906 г. с целью «развития деловой активности китайской эмиграции». Сейчас это самая крупная и влиятельная организация Сингапура. Все фирмы, участвующие в торговле с КНР, — члены палаты.

вать с Китаем на тех же условиях, что и с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Этот шаг положительно сказался на объеме торговли между КНР и Сингапуром. Так, если за 1954—1956 гг. объем товарооборота между ними оценивался в 301,8 млн. сингапур. долл., то за 1957—1959 гг. он возрос до 632 млн. сингапур. долл., то есть более чем в два раза.

Заметный спад товарооборота, особенно китайского экспорта в Сингапур, произошел в годы, последовавшие за «большим скачком» (1960—1962 гг.), когда народное хозяйство КНР было серьезно подорвано маоистскими экономическими экспериментами.

Начиная с 1965 г. заметно возрастает ввоз в КНР сингапурского каучука и других товаров, в результате чего стоимость импорта из Сингапура, составившая в 1961—1965 гг. 53,5 млн. сингапур. долл., возросла за последующие семь лет (1966—1972 гг.) до 558,4 млн. сингапур. долл., то есть увеличилась более чем в 10 раз.

Такова общая картина развития торговли между Китаем и Сингапуром за 1949—1972 гг.

* * *

Экспорт КНР в Сингапур носит потребительский характер. По стоимости первое место в нем принадлежит текстильной группе товаров, среди которой около половины падает на хлопчатобумажные ткани, экспорт которых в последние три года составил около 100 млн. м. Заметно возрос также вывоз тканей из химических волокон: с 6,1 млн. м в 1965 г. до 22,4 млн. м в 1969 году. Другими словами, на каждого жителя Сингапура приходится около 50 м китайских хлопчатобумажных тканей, тогда как в самом Китае установлены нормы, которые никогда не превышали 10 м на человека в год.

Весьма важное место в структуре китайского экспорта принадлежит продовольственным товарам (фрукты, овощи, специи, продовольственное сырье).

Что касается товарной группы «машины и оборудование», то хотя общая стоимость ее в экспорте из Китая и возросла, однако этот рост произошел за счет увеличения вывоза швейных машин и велосипедов. Таким образом, КНР, по существу, не участвует в обеспечении машинами и оборудованием промышленного строительства Сингапура.

Номенклатура же товаров, закупаемых КНР в Сингапуре, крайне ограничена. Главной ее статьей является натуральный каучук (по своему происхождению малайзийский и индонезийский), ввозимый в свою очередь в Сингапур для переработки и доведения его до экспортных кондиций. Каучук составлял в 1969 г. 98,4% импорта КНР из Сингапура (в 1965 г. — 92%). В небольших количествах Китай закупает здесь также специи, копру, кокосовое масло, сырье растительного происхождения.

Таким образом, объем китайского импорта всецело определяется закупками каучука. Активную роль в возобновлении этих закупок со стороны КНР сыграла, как уже отмечалось раньше, Китайская торговая палата Сингапура. Однако ее надежды довести экспорт каучука в Китай до 100 тыс. т не оправдались. Это объясняется тем, что по соглашению с Цейлоном (1952—1956 гг.) КНР уже закупила к тому времени 250 тыс. т цейлонского каучука, почти полностью обеспечив свои потребности. Сделка же, заключенная миссией Китайской торговой палаты, предусматривала поставку в Китай ежегодно лишь 6 тыс. т каучука.

Эта незначительная сделка не могла иметь существенного экономического значения для КНР, но она давала возможность ей закрепить

связь с Сингапуром, используя его острую заинтересованность в продаже каучука. Что касается других статей импорта КНР из Сингапура (специи, копра и др.), то объем их продолжает оставаться незначительным, и вряд ли есть надежды на заметный рост в будущем.

* * *

Для развития экспорта в Сингапур КНР активно использует торговые организации и фирмы китайских эмигрантов. Так, например, еще в 1958 г. для увеличения ввоза китайского фарфора сингапурская Ассоциация торговцев фарфором приняла решение прекратить его закупки в Гонконге и Японии и переключиться на Китай. С этой целью в Сингапуре была создана специальная торговая организация содействия импорту из Китая посуды и продажи ее на территории страны, а также Малайи. Эта организация добилась расширения ассортимента китайской посуды до 1000 наименований.

Для быстрого продвижения своих товаров на рынок Сингапура Китай специально приглашает на Кантонские торговые ярмарки, проводимые два раза в год, до 200 представителей сингапурских китайских фирм.

Одной из форм распространения китайских товаров как среди населения самого Сингапура, так и среди многочисленных туристов этого порта-государства являются созданные в течение последнего десятилетия «китайские специализированные магазины», или эмпориумы. Под специализированностью этих магазинов имеется в виду то, что в них продаются, как правило, товары только китайского производства.

Сингапурская печать утверждает, что хотя уже в начале 60-х годов местный рынок ощущал воздействие нарастающего ввоза китайских товаров, однако по-настоящему это влияние стало заметным после создания в декабре 1966 г. (т. е. после индонезийских событий 1965 г. и в разгар «культурной революции» в Китае) первого эмпориума «Дунфан» («Восток»). Открывая двери «Дунфан», один из его владельцев заявил, что основная цель открытия эмпориума состоит в том, чтобы служить различным слоям потребителей, особенно средним и низшим слоям.

Известно также, что владельцы «Дунфан», размещая в сингапурских газетах рекламу, которая стоит довольно дорого (от 500 до 3 тыс. сингапур. долл. за полосу), требовали от их издателей не публиковать материалы, направленные против КНР. Таким образом, эмпориумы становились не только ярмаркой и выставкой китайских товаров, но и средством финансового воздействия на сингапурскую прессу в нужном для пекинского руководства политическом направлении.

Вслед за «Дунфан» последовало открытие ряда других эмпориумов. Их создавали лишь те сингапурские фирмы, которые уже поддерживали торговые связи с КНР. Самой большой такой фирмой является «Линь Синь-фа К°», поставляющая товары для эмпориумов «Дунфан», «Дунфэн» и «Чжунхуа». «Линь Синь-фа К°» уже более 10 лет участвует в выставках китайских товаров в стране. Она стала усиленно помогать развитию торговли КНР с Сингапуром после событий 1965 г. в Индонезии.

Обращает на себя внимание обслуживающий персонал эмпориумов. В отличие от других китайских магазинов Сингапура, где продавцы обычно не носят подчеркнута национальной формы одежды и говорят по-английски или на диалектах Южного Китая, выходцами из которого является абсолютное большинство китайцев этого города, в эмпориумах продавцы носят китайскую национальную одежду, а говорят и на северном (пекинском) диалекте.

Территориальное размещение эмпориумов в Сингапуре и ассортимент продаваемых ими товаров рассчитаны на определенные слои населения отдельных районов города. Так, например, в торговом и торгово-административном районе расположены эмпориумы «Дунфан» и «Дунфэн». Они обслуживают в основном (60%) иностранных туристов, моряков, государственных служащих, а также жителей бедных китайских районов Дапо и Сяопо; в полуторговом районе находятся эмпориумы «Чжунхуа» и «Юи». Эти магазины посещаются в основном туристами, моряками и богатыми жителями этого района; в жилых районах («серебряный пояс») расположены остальные эмпориумы — «Дачжун», «Синьцзяпо», «Жэньминь», «Синьхуа», «Чжунцяо», а также отделение эмпориума «Чжунхуа».

Следовательно, эмпориумы охватывают все основные районы и все слои населения Сингапура. Торговля их приспособляется к режиму дня работающего и неработающего населения. В административном районе, где служащие заканчивают работу в 18 часов вечера, эмпориумы работают до 21 часа, в жилых кварталах — до 22 часов, а в конце недели — даже до 23 часов. Если в центре города самыми ходовыми товарами являются товары промышленного производства, а также зимняя одежда (для иностранных покупателей), антикварные изделия, ткани, учебные пособия, то в кварталах, населенных простым людом, на первом плане стоит продовольствие.

Уже сейчас китайские эмпориумы играют важную роль в обеспечении сингапурского населения многими товарами. Об этом свидетельствует проведенный в местном Наньянском университете специальный анализ деятельности эмпориумов и их влияние на население Сингапура. В конце 1971 г. сингапурская газета «Синьжюу жибао» в связи с этим сообщила, что в настоящее время китайские эмпориумы стали важнейшими поставщиками потребительских товаров. Основными покупателями являются лица в возрасте от 20 до 30 лет; по своему социальному положению это домохозяйки, мелкие торговцы, служащие, учащиеся, рабочие и лица без определенных занятий. В эмпориумах мало кожгалантерей, предметов косметики, музыкальных инструментов и научной аппаратуры, поскольку китайские товары не могут конкурировать с аналогичными товарами промышленных капиталистических стран и пользуются ограниченным спросом местного населения.

Анализ показывал также, что чуть больше половины посетителей приходят в эмпориумы для покупки товаров, а остальная часть направляется туда для обозрения китайских изделий, рассматривая эти магазины как выставочные павильоны.

Стремление КНР к увеличению экспорта своих товаров в Сингапур наиболее ярко проявляется прежде всего в политике цен, проводимой эмпориумами. Их владельцы при установлении цен исходят из самого низкого уровня цен сингапурского рынка, беря за основу наиболее дешевые японские товары. Второй отличительной особенностью является относительная стабильность цен, игнорирование рыночных колебаний. Низкие цены дают возможность перекупщикам перепродавать китайские товары на других рынках. Многие товары закупаются местными китайцами для отправки посылок родственникам, живущим в КНР. Официально у Сингапура нет с КНР соглашения о посылочном обмене и формально посылочные операции не разрешаются. Однако, как следует из сообщений прессы, посылки из Сингапура в КНР часто направляются через Гонконг.

В последнее время на прилавках эмпориумов отмечается значительное расширение ассортимента товаров, учитывающее спрос как местного

населения, так и туристов. Заметно улучшилось качество, а также внешний вид и упаковка потребительских товаров. В большом количестве представлены китайские ювелирные изделия из золота и серебра, драгоценные и полудрагоценные камни и антикварные изделия.

Укрепление позиций эмпориумов на сингапурском рынке и их переход на продажу товаров улучшенного качества дали возможность им в течение последнего времени несколько поднять уровень цен, хотя в общем они остаются более низкими, чем цены на товары других стран. По данным статистики, с 1960 по 1968 г. цены на товары в Сингапуре в среднем повысились на 11,4%⁴. В китайских же эмпориумах рост цен был менее значителен.

Успехи, достигнутые эмпориумами в последние годы, позволили КНР отказаться от торгующим Китаю устанавливать прямые связи с розничным рынком таким образом извлекать прибыли не только от оптовой торговли. Кроме того, направляя свои товары непосредственно в кредит, как это обычно было в Сингапуре, эмпориумам 6-месячного кредита позволяет Китаю фактически расширить свою торговлю. В таких условиях экспортные организации Китая имеют возможность компенсировать потери в прибылях в связи с повышением правительством Сингапура импортных пошлин на ряд товаров и увеличением на 0,5% общего налога на торговлю с Китаем и Албанией.

Существование конкуренции между несколькими китайскими эмпориумами породило конкуренцию между ними — «войну цен». Для устранения этого управляющие эмпориумов стали систематически проводить совместные заседания, на которых согласовываются все коммерческие вопросы.

В стремлении более полно удовлетворять запросы своей клиентуры и устранить конкуренцию других продавцов китайские эмпориумы стали довольно широко заниматься продажей товаров других стран и сингапурских изделий. Такое расширение торговой деятельности эмпориумов позволяет КНР оказывать воздействие на сингапурский рынок не только своими товарами, но и путем использования механизма розничного товарооборота в целом. В этих условиях можно не удивляться, что среди местных китайских националистов существует убеждение, что между покупателями в китайском эмпориуме и тем, что они китайцы, есть прямая связь⁵.

Статистика свидетельствует о том, что эмпориумы позволяют КНР быстрее расширять экспорт в Сингапур. Годовой оборот эмпориумов в 1968 г. составил, по сообщению «Нью-Йорк таймс», 100 млн. долл. Сейчас в связи с увеличением числа эмпориумов (с 6 в 1967 г. до 9 к концу 1970 г.) и расширением ассортимента товаров сумма их товарооборота намного выше. По самым скромным подсчетам число посетителей китайских эмпориумов за один день достигает не менее 50 тыс. человек.

* * *

Факты двадцатилетнего периода торговых отношений между КНР и Сингапуром показывают, что Китай добился в этой области определенного успеха. Его постоянное активное торговое сальдо превратило

⁴ «Singapore Herald», 15.X.1970.

⁵ «Синьчжоу жибао», 3.I.1972.

Сингапур в источник довольно крупных сумм свободно конвертируемой валюты.

Кроме того, Китай, используя положение Сингапура как крупного рэкспортного порта, получает возможность выйти на рынок третьих стран.

Решение правительства КНР о «строгой экономии расходов иностранной валюты и плановом ее накоплении» в полной мере осуществлялось в торговле с Сингапуром. Так, за период 1949—1970 гг. активное сальдо китайской стороны составило 3281,6 млн. сингапур. долл. Особенно внушительных размеров оно достигло в течение 1967—1971 гг., составив за пятилетие 1578,6 млн. сингапур. долл., или в среднем 315,7 млн. сингапур. долл. ежегодно.

Известно, что в торговле с крупными капиталистическими странами КНР, закупая у них материалы и оборудование, имеет значительное отрицательное сальдо (за период 1960—1970 гг. дефицит в торговле с крупными капиталистическими странами составил около 3,5 млрд. долл.). Таким образом, торговля с Сингапуром играет определенную роль в попытках КНР покрыть этот дефицит за счет развивающихся стран Азии.

Однако местные сингапурские промышленники опасаются конкуренции товаров КНР. Так, под нажимом сингапурских промышленников правительство еще в 1958 г. ввело временные ограничения на ввоз определенных товаров китайского производства и даже приостановило выдачу лицензий на импорт «некоторых видов изделий из КНР»⁶. 22 января 1959 г. был принят также закон, дающий право правительству вводить протекционистские пошлины на импортируемые промышленные товары⁷.

Эти действия Сингапура вызывали со стороны КНР ответные меры. «Китайский комитет содействия международной торговле» известил сингапурских торговцев о том, что они не будут в дальнейшем получать товары из КНР из-за «ряда мер, предпринятых недавно правительством Малайи и Сингапура, направленных на дискриминацию китайских товаров»⁸.

Требование об ограничении импорта некоторых китайских товаров выдвигалось сингапурскими фирмами также и в последние годы. Это нашло отражение в законодательных актах правительства страны. Например, на некоторые товары, поступающие из КНР, были введены высокие пошлины: на обувь — до 50%, на медикаменты — до 10%.

Вместе с тем совершенно очевидно, что для сингапурских фирм большой интерес представляет китайский рынок каучука, импорт которого возрос после разрыва китайско-индонезийских отношений в 1965 г. Ввоз каучука после 1965 г. в КНР стал расти и колебался в пределах 60—100 тыс. т в год. Известно, что если в 1965 г. доля КНР в экспорте каучука Сингапура не превышала 3%, то уже в 1968 г. она поднялась до 8,5%. Видимо, каучук и будет составлять тот продукт, ввоз которого в КНР будет неизменно расти.

⁶ «Far Eastern Economic Review», 1958, vol. XXV, № 20, p. 635.

⁷ «Far Eastern Economic Review», 1959, vol. XXVI, № 6, p. 174.

⁸ «Far Eastern Economic Review», 1958, vol. XXIII, № 23, p. 707.

ИДЕОЛОГИЯ

Маоизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии

В. А. Кривцов,
кандидат философских наук

Связь маоизма с великоханьским шовинизмом предопределяется прежде всего тем, что как первый, так и второй возникли на одной и той же буржуазной социальной почве, с той, однако, разницей, что в формировании шовинизма решающую роль сыграла средняя и компрадорская китайская буржуазия, а маоизма — мелкая. Помимо определяющего социального фактора, в Китае существует и ряд других факторов, влияние которых способствует развитию в нем шовинизма. Первый из них — сама история страны, которая знала периоды величия во времена царствования династий Хань, Тан, Мин и Цин. Другим серьезным фактором является давление традиционной китайской идеологии и социальной психологии, на которых периоды, когда Китай становился великой империей, оставили свой неизгладимый след.

Марксисты-ленинцы в рядах КПК понимали, что эти факторы могут оказать свое влияние на Китай, когда он начнет выходить из состояния экономической и культурной отсталости. «Когда изменятся условия, — говорилось в статье «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата», — тенденция к великодержавному шовинизму, несомненно, станет серьезной опасностью, если не предотвратит ее»¹. Эту тенденцию как раз и выразил маоизм.

Большинство исследователей маоизма приходит к выводу, что в основе его идей и политических действий лежит национализм, который с середины 50-х годов стал быстро превращаться в великоханьский шовинизм, образовавший некое ядро, вокруг которого так или иначе концентрируется вся теоретическая и практическая деятельность современного маоизма. Трудность понимания этого вопроса состоит в том, что маоизм всегда маскировался марксизмом-ленинизмом, клялся в верности пролетарскому интернационализму и прикрывался «левой», временами ультрареволюционной фразой. Однако даже далекие от марксизма-ленинизма наблюдатели уже с середины 40-х годов стали приходить к выводу, что маоизм — это национализм и реформизм, выступающий под маской марксизма-ленинизма.

В журнале «Проблемы Дальнего Востока» были опубликованы статьи кандидата философских наук В. А. Кривцова «Об одном реакционном идейно-политическом анахронизме XX века» (№ 1, 1972 г.) и «Маоизм и конфуцианство» (№ 3, 1973 г.). В них содержится анализ некоторых аспектов теоретической и идейно-политической деятельности маоистов, маоистских идеологических концепций и их истоков. В этом номере мы публикуем статью В. А. Кривцова, в которой автор подробно рассматривает еще одну сторону идейно-теоретической основы маоизма — преемственность и связь его с реакционной идеологией великодержавного китайского шовинизма.

¹ «Жэньминь жибао», 29.XII.1956.

Показательна, например, следующая характеристика, которая была дана еще в 1945 г. воздействию «идей Мао» на марксизм-ленинизм в Китае: «Марксизм-ленинизм — основная идеология в пограничном районе, однако она проявляется уже не в прежнем виде, поскольку сейчас в пограничном районе марксизм-ленинизм видоизменяется в соответствии с лозунгами Мао Цзэ-дуна. Это марксистско-ленинский национализм»².

О влиянии национализма на часть руководителей КПК сообщалось в докладе «Китайское коммунистическое движение», подготовленном разведывательным управлением министерства обороны США в 1945 г. В этом докладе, в частности, отмечалось, что националистические элементы в руководстве КПК отказались от социалистических революционных идеалов, считают, что Китай «не созрел для социализма и не созреет по меньшей мере полвека»³.

Поскольку в основе маоизма находится великоханьский шовинизм, особенно важно проследить идейные и социально-психологические истоки последнего.

Шовинизм, как разновидность национализма, появился в Китае во второй половине XIX — начале XX в. вместе с развитием китайской буржуазии и становлением китайской нации.

В процессе развития китайской нации, который шел в тяжелых условиях борьбы против маньчжуров, подчинивших себе страну, и империализма, разделившего Китай на сферы влияния и превратившего его фактически в полуколонию, следует строго различать и отделять друг от друга становление национального самосознания китайцев (которое обычно называли прогрессивной стороной китайского национализма) и появление собственно национализма, перераставшего в шовинизм и расизм.

Возникновение национального самосознания китайцев представляло собой явление неизбежное и прогрессивное, оно отражало патриотические интересы всей китайской нации и было направлено на достижение свободы, равенства, национальной независимости и суверенитета на международной арене в сложной обстановке угрозы полной колонизации Китая империалистическими государствами, что порождало объяснимую ксенофобию и другие крайности в отношении китайцев с иностранцами. Складывающееся национальное самосознание китайцев было выражено с наибольшей полнотой в первые два десятилетия XX в. Сунь Ят-сеном, Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао и другими китайскими революционными демократами.

Сунь Ят-сен, например, в своем завещании писал: «Я посвятил сорок лет своей жизни делу национальной революции лишь с одной целью — поднять положение Китая до уровня свободы и равенства»⁴. Таким образом, для Сунь Ят-сена главным было достижение равноправного и свободного положения Китая в международных отношениях. Следует, однако, заметить, что и Сунь Ят-сен не смог избежать влияния конфуцианского этноцентризма.

Однако наряду с национальным самосознанием в Китае под влиянием главным образом конфуцианского этноцентризма, легистского милитаризма и европейского социал-дарвинизма и расизма появился и собственно национализм, быстро перераставший в шовинизм и расизм. Китайская буржуазия была крайне слабой экономически (Сунь Ят-сен

² «Мао Цзэ-дун инсян». Чунцин, 1945.

³ См. «Hearings of the Institute of the Pacific Relations». Part 7A appendix II.

⁴ Сунь Ят-сен. Избр. произв., 1956, т. 2, стр. 921 (на кит. яз.).

даже считал, что в Китае нет крупной буржуазии вообще: «Поскольку китайская промышленность еще не развита и машинное производство еще не получило широкого распространения, в Китае нет такой крупной буржуазии, как за рубежом»⁵) и политически, и поэтому ее экономическое и тем более политическое положение отнюдь не способствовало появлению претензий на мировую гегемонию. Решающую роль здесь сыграли историческое прошлое Китая, его идейные и социально-психологические традиции, а также борьба империалистических стран за раздел мира и соответствующая империалистическая идеология, так или иначе оказывавшая воздействие на умы китайских националистов.

Само собой разумеется, что этот национализм с самого начала имел реакционный характер. Он проявлялся на широком и ярком фоне крепнувшего национального самосознания китайцев и не был достаточно заметным, особенно на ранней стадии своего развития. Китайский национализм прошел в своем становлении через ряд этапов, которые можно разделить на ранние (до 1921 г.) и поздние (после 1921 г.). Ранний китайский национализм связан с деятельностью представителей как либерально-реформаторского крыла китайской буржуазии (главным образом Кан Ю-вэй, Лян Ци-чао, Янь Фу и др.), так и революционно-демократического ее крыла (в основном Цзоу Жун, Чэнь Тянь-хуа, Чжан Бин-линь и др.).

Поздний китайский национализм представляли, с одной стороны, реакционные гоминьдановские теоретики — Дай Цзи-тао, Ху Хань-минь, Ван Цзин-вэй, Чан Кай-ши, Чэнь Ли-фу, с другой — крайние националисты из партии младоземлетисов Ли Хуан, Чэнь Ци-тянь и др. и, наконец, буржуазные ученые-националисты вроде Лян Су-мина, Чжан Дун-суня и им подобных. Несмотря на различия во взглядах и борьбу между собой, всех их объединяла ненависть к марксизму-ленинизму, коммунизму и Советскому Союзу.

Знакомство с биографией Мао Цзэ-дуна убеждает в том, что он оказался под воздействием как раннего, так и позднего китайского национализма. Хорошо известно его увлечение в юности взглядами Кан Ю-вэя и Лян Ци-чао. «Я читал две книги, присланные мне моим двоюродным братом, в которых рассказывалось о реформаторском движении Кан Ю-вэя. Одна называлась «Журнал нового народа» («Синьминь цунбао»), который издавал Лян Ци-чао. Я читал и перечитывал их до тех пор, пока не выучил наизусть. Я поклонялся Кан Ю-вэю и Лян Ци-чао», — рассказывал Мао Цзэ-дун Эдгару Сноу⁶.

В 1922 г. II съезд КПК принял решение о едином фронте КПК с гоминьданом. В 1924 г. на I конгрессе гоминьдана было одобрено предложение о принятии китайских коммунистов в гоминьдан на условиях, что они вступают в индивидуальном порядке, а не как партия в целом. В связи с этим в середине 20-х годов Мао Цзэ-дун оказался связанным с гоминьданом. Он был избран кандидатом в члены ЦИК гоминьдана и занимал ответственный пост в центральном гоминьдановском аппарате, исполняя обязанности заместителя руководителя отдела агитации и пропаганды, а также работал редактором гоминьдановского «Политического еженедельника» («Чжэнчжи чжоубао»). В гоминьдане китайские коммунисты сохраняли свою независимость и последовательно отстаивали свои самостоятельные взгляды и линию. Принимая решение о едином фронте КПК с гоминьданом, II съезд КПК обратил внимание партии на то, что «... совместная борьба ведется не в интересах го-

⁵ Сунь Ят-сэм. Избр. произв., 1956, т. 2, стр. 841.

⁶ Edg a r S n o w. Red Star over China. London, 1961, p. 123—156.

миньдана. Мы не приносим себя в жертву гоминьдану, но мы боремся только за получение временной свободы. Пролетариат не должен забывать о своей собственной независимой организации в течение этой борьбы»⁷. Однако Мао Цзэ-дун, занимая пост секретаря Исполкома гоминьдана в Шанхае, выдвигал в КПК идею, что вся работа коммунистов должна направляться гоминьданом. На этой почве у него возникли острые противоречия с руководством КПК, в результате чего он был вынужден покинуть Шанхай под предлогом болезни⁸.

О влиянии гоминьдановской идеологии на Мао Цзэ-дуна в это время убедительно говорит его статья «Пекинский политический переворот и торговцы», в которой он признает руководящую роль в китайской революции торговой буржуазии. Он утверждает, что самые большие страдания от гнета милитаристов и иностранцев в Китае испытывают китайские торговцы, а не другие классы китайского народа. Стюарт Шрам полагает, что эта статья была написана Мао Цзэ-дуном, чтобы «снизить расположение в гоминьдане»⁹. Одновременно Мао Цзэ-дун считал, что рабочее движение в Китае должно быть подчинено национальному движению, не должно носить самостоятельный характер.

Все эти факты позволяют утверждать, что в 20-е годы Мао Цзэ-дун хотя и являлся членом КПК, однако фактически по-прежнему оставался китайским революционным демократом, в сознании которого национализм и шовинизм пустили глубокие корни, что впоследствии оказало решающее воздействие на маоизм как идеологическое, а затем и социально-политическое течение. «Если характеризовать сознание и личность Мао накануне периода 4-го мая (т. е. в 1919 г. — Прим. авт.), то следует подчеркнуть у него, — пишет С. Шрам, — две наиболее глубокие черты — акцент на военной силе и героизме и сильный национализм»¹⁰. Маоизм не только полностью унаследовал все основные черты и особенности китайского национализма, причем как раннего, так и позднего, но значительно их усилил и развил, превратившись таким образом в наиболее реакционное социал-шовинистическое течение нашего времени.

В процессе возникновения и развития китайского национализма большое воздействие на него оказало конфуцианство, особенно конфуцианский этноцентризм, убежденность в моральном, политическом и культурном превосходстве китайцев над другими народами, мессианская вера в то, что эти народы ждут приобщения к китайской культуре. Видно, совсем неслучайно наиболее махровые китайские националисты считали конфуцианство явлением прогрессивным для XX в., настаивали на возрождении в Китае конфуцианской морали, политики и культуры (Кан Ю-вэй, Дай Цзи-тао, Чан Кай-ши, Лян Су-мин и др.).

Китайский национализм включил в себя и ряд идей легизма — преклонение перед насилием, веру в войну как средство утверждения величия государства, необходимость создания сильного государства и могущественной армии (фуго цянбин) и др.

Китайский национализм формировался также под сильным воздействием западного социал-дарвинизма, начавшего проникать в Китай с конца XIX века. Сторонниками социал-дарвинизма были не только представители либерально-реформаторского крыла китайской буржуазии, но и представители буржуазной революционной демократии.

Особенно заметную роль в распространении в Китае идей социал-дарвинизма сыграли Лян Ци-чао, Янь Фу, Чэнь Тянь-хуа и др. Благо-

⁷ Warren Kuo. Analytical History of the CCP, vol. I, 1968, p. 110—111.

⁸ Чжан Го-тао. Во дун хуэй и Гонконг. — «Ming Pao», vol. I, № 12, 1966, p. 84.

⁹ С. Шрам. Мао Цзэ-дун. Тексты. Париж, 1963, стр. 74.

¹⁰ С. Шрам. Политическая мысль Мао Цзэ-дуна. Лондон, 1963, стр. 9.

даря их усилиям социал-дарвинизм стал неотъемлемой частью китайского национализма.

В своей «Автобиографии» Ху Ши вспоминает о воздействии идей социал-дарвинизма на китайцев: «То, что они поняли, была важность таких фраз, как «сильные побеждают, а слабые гибнут», в приложении их к международной политике... В течение нескольких лет эти идеи распространились, как огонь в степи, охватывая пламенем сердца многих молодых людей. Технические термины, например «эволюция» и «естественный отбор», сделались обычными в газетной прозе и лозунгами на устах патриотически настроенных юных героев»¹¹.

Под влиянием социал-дарвинизма китайские националисты придавали особое значение многочисленности китайской нации и ее способности к размножению. «Согласно законам биологии, — писал журнал «Далу», — расы, обладающие большой способностью к размножению, имеют превосходство в борьбе за существование. Например, способность французов к размножению слабеет, и население день за днем сокращается, пусть даже они талантливы, умны и быстро прогрессируют, они, конечно, не смогут занять превосходящего положения среди человечества. Китайцы же, наоборот, обладают страшной, огромной способностью к размножению...»¹² Далее журнал утверждал, что в связи со способностью к размножению китайцы наделены и способностью к колонизации, поэтому на земном шаре якобы нет ни одного места, где бы не было следов китайцев.

Социал-дарвинизм повсюду шел рука об руку с расизмом. В этом отношении Китай не представлял исключения, и в нем воздействие социал-дарвинизма сопровождалось появлением расизма. Китайские сторонники социал-дарвинизма быстро оказались под влиянием расистских идей. Они считали, что борьба за существование заставляет людей объединяться друг с другом для защиты от других людей, также объединенных в группы. При этом самым эффективным объединением является якобы объединение людей одной расы. Таким образом, раса оказывается под воздействием законов естественного отбора — может выжить или, наоборот, погибнуть в борьбе за существование.

Кан Ю-вэй в «Датун шу» выдвинул идею ликвидации национальных границ и государств. Хотя он и выступал за равенство государств, тем не менее считал, что «уничтожение цивилизованными государствами варварских государств — это культурная революция» и что в будущем цивилизованные государства «объединят мир» с целью осуществления идеала датун. «Поглощение сильными и уничтожение слабых явится предтечей датун», — писал он.

В главе «Уничтожение границ и рас» он стоял на позициях расизма, утверждал, что белая раса — выдающаяся, а черная — ущербная и поэтому должна подвергнуться эволюции.

Лян Ци-чао представлял себе будущее человечества в виде неизбежного расового конфликта и призывал народы желтой расы к борьбе против народов белой расы¹³. Чэнь Тянь-хуа полагал, что желтой расе угрожает белая раса, число людей которой растет, в то время как число людей других рас сокращается. Поэтому раса ханьцев должна стать мощной и сильной, особенно в военном отношении. Ян Юй-линь утверждал, что для борьбы с «белой опасностью» надо сплотить народы жел-

¹¹ Ху Ши. Автобиография, 1933, стр. 50.

¹² «Преобразование Китая». — «Далу», 1903, № 3.

¹³ С. Л. Тихвинский. Национализм и классовая борьба в Китае в новое время. — «Вопросы истории», 1971, № 11, стр. 71.

той расы, причем сделать это могут только китайцы¹⁴. Ху Хань-минь считал, что белая раса, пользуясь достижениями индустриальной революции, силой подчинила себе другие расы¹⁵. Для Дай Цзи-тао китайская нация была политическим воплощением китайской расы¹⁶.

Для китайского национализма с самого начала были характерны идеи исключительности Китая среди других стран мира, превосходства китайской расы и нации (последнюю китайские буржуазные националисты даже в 1950 г. именовали «чудом человечества»), мессианской роли Китая в истории человечества и, наконец, господства Китая «на пяти континентах», превращения его в «хозяина мира». Эти доминировавшие в китайском национализме идеи сочетались с установками на создание «совершенного», «богатого и милитаризованного» государства, способного обеспечить реализацию идей господства Китая на земном шаре.

Китайские националисты изображали Китай как страну особенную, которая во многих отношениях превосходит все другие страны мира.

«Границы Китая расположены в самом центре Поднебесной, — писали Хэ Ци и Ху Ли-дань. — В Поднебесной климат Китая самый лучший, горы и холмы самые прекрасные, реки и моря самые судоходные, почвы самые плодородные, полезные ископаемые самые богатые. Его столица, этикет и законы, мораль самые древние, самые совершенные и самые прекрасные»¹⁷.

Мысль о превосходстве Китая над другими странами была выражена Цзоу Жунем следующим образом: «Наш Китай имел данные для того, чтобы держать в своих руках весь мир, потрясать весь земной шар, опекать другие государства, притеснять пять континентов. Только один Китай имеет два миллиона квадратных ли земли, четыреста миллионов способных граждан, историю, насчитывающую более пяти тысяч лет, политику, созданную двумя императорами и тремя князьями, он расположен в теплом климате, народ его разумен, ресурсы богаты, реки обильны. Ни у одного государства на земле нет этого»¹⁸.

Журнал «Дунфан цзачжи» (№ 6 в 1907 г.) подчеркивал ассимиляторские способности китайской нации, благодаря чему она якобы не знала поражений: «Наша нация сильна тем, что она ассимилирует другие национальности, она никогда не была побеждена другими нациями»¹⁹.

Китайские националисты наделяли китайскую расу и нацию особыми чертами, считали, что китайцы во многих отношениях превосходят другие народы. «Способности китайцев в производстве и экономике являются в человеческом обществе превосходящими. Общество представляет собой объединение индивидов, а китайцы являются самыми выдающимися индивидами»²⁰, — подчеркивал журнал «Далу».

Цзоу Жун утверждал, что китайская раса — «это самая особенная раса в истории Дальнего Востока»²¹.

¹⁴ А. М. Григорьев. Антимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров. 1895—1905. М., 1966, стр. 65.

¹⁵ «Revolutionary Leaders of Modern China». London, 1971, p. 271—294.

¹⁶ См. статью Сэйвелла о Дай Цзи-тао в: «Journal of Asian and African Studies», vol. V. Toronto, 1970, № 4.

¹⁷ Хэ Ци, Ху Ли-дань. Синь чжэн чжи цюань.

¹⁸ Цзоу Жун. Геминцизюнь. — «Синьхай гэмин». Шанхай, т. 1, стр. 333.

¹⁹ С. Л. Тихвинский. Национализм и классовая борьба в Китае в новое время. — «Вопросы истории», 1971, № 11, стр. 71.

²⁰ «Далу», 1903, № 3.

²¹ Цзоу Жун. Геминцизюнь. — «Синьхай гэмин». Шанхай, т. 1.

В таком же духе неоднократно высказывался и Сунь Ят-сен. «Какое место занимал в мире Китай в древности? — спрашивал он в шестой лекции о национализме. И отвечал: — Прежде Китай был очень сильной, просвещенной страной, в мире он был первым могущественным государством и занимал место намного более высокое, чем современные державы вроде Англии, Америки, Франции, Японии. Ибо в то время Китай был в мире гегемоном». Далее он говорил о том, что «В Китае имеется самая систематизированная политическая философия, которой еще не видели больше иностранные политики», что прежде «способности китайцев были намного больше, чем способности иностранцев», и что «важнейшие вещи, имеющиеся сейчас за границей, все были прежде изобретены китайцами»²².

Поскольку националисты считали, что Китай, ханьская нация и китайская раса превосходят другие страны, нации и расы, то они делали вывод, что и китайская революция тоже особая, она не идет в сравнение с прежними революциями. Ху Хань-минь, например, утверждал, что китайская революция — первая революция в Восточной Азии — произошла американскую, французскую и русскую революции не только разрушением монархической тирании, но и созданием идей «трех народных принципов» Сунь Ят-сена²³.

Дай Цзи-тао полагал, что китайская культура совершенна и универсальна и что это якобы дает Китаю право распространять ее на другие народы, не считаясь с политическими границами их проживания. Лян Су-мин настаивал на том, что китайская конфуцианская культура настолько совершенна, что будущая мировая культура будет китайской культурой. Когда культура Запада, рассуждал он, иссякнет, Запад неизбежно повернется к «китайскому образу жизни»²⁴.

Маоисты взяли из китайского национализма идею превосходства китайской нации, которую они трансформировали в тезис об особой революционности китайского народа, превосходящей якобы революционность других народов, и вытекающей отсюда его особой миссии в мировой истории. В 1955 г. Мао Цзэ-дун утверждал, что китайское крестьянство якобы «превосходит» по своим революционным качествам советский, европейский и американский рабочий класс²⁵.

Мечтая об установлении господства Китая «на пяти континентах», китайские националисты одновременно разрабатывали программу территориальных претензий к соседним странам. При этом их мало интересовали какие-либо обоснования этих претензий, они полностью полагались на своих феодальных предшественников, когда-либо в прошлом подчинивших себе или просто посещавших соседние государства и выдававших эти контакты за вассальную зависимость. Китайские националисты считали, что Корея, Монголия, Индокитай, Бирма, Непал, часть территории Индии и часть территории СССР — китайские земли, которые должны быть возвращены Китаю.

Маоисты не только полностью восприняли эти взгляды китайских националистов (в 1939 г. Мао Цзэ-дун заявил: «Нанося Китаю военное поражение, империалистические державы силой отняли у него значительное число подчиненных Китаю стран и захватили часть его исконных территорий: Япония присоединила Корею, Тайвань, Порт-Артур,

²² Сунь Ят-сен. Избр. произв., 1956, т. 2, стр. 647—660 (на кит. яз.).

²³ «Revolutionary Leaders of Modern China». London, 1971, p. 289.

²⁴ Лян Су-мин. Культура Запада и Востока и их философия, 1922, стр. 203 (на кит. яз.).

²⁵ Мао Цзэ-дун. О борьбе против правого уклона и консерватизма, 1955.

острова Рюкю и Пэнху; Англия отторгла Бирму, Бутан, Непал и Гонконг; Франция захватила Аннам, и даже такое мизерное государство, как Португалия, отняло у нас Макао»²⁶), но и выдвинули новые территориальные претензии, в том числе к Советскому Союзу.

Характерно, что буржуазный национализм перерастал в шовинизм не только во взглядах представителей китайской либерально-реформаторской буржуазии, но и буржуазии революционно-демократической. При всех различиях политических идей они сходились не только на идее превосходства Китая над другими странами, но и на том, что Китай в будущем обретет господство «на пяти континентах» и станет «хозяином мира».

Мысль о господстве Китая «на пяти континентах» и «расширении китайской нации» за пределы границ Китая достаточно отчетливо сначала была выражена лидерами либерально-реформаторского крыла китайской буржуазии Кан Ю-вэем и Лян Ци-чао. Кан Ю-вэй так сформулировал мысль о необходимости милитаризации Китая и установления его господства «на пяти континентах»: «Поспешим развить нашу промышленность и создать паровые машины. Мы можем черпать наши ресурсы из Европы и Америки. У нас четыреста или пятьсот миллионов людей, из которых мы можем на вербовать десять миллионов солдат. У нас неисчерпаемые запасы железа и металлов, из которых мы можем построить тысячи военных кораблей. И тогда мы сможем пройти через пять континентов, на которых вы увидите, как развеваются и танцуют флаги желтого дракона»²⁷. Кан Ю-вэй предлагал назвать Китай «срединным цветущим государством» и осуществить в нем программу реформ, благодаря которым Китай сможет всего за десять лет добиться гегемонии над остальными странами²⁸.

«Если в дальнейшем в стране не возникнет бунта, — рассуждал Кан Ю-вэй, — то безразлично, какие марионетки у нас будут сидеть в правительстве, мы станем гегемоном мира...»²⁹

Ученик Кан Ю-вэя Лян Ци-чао был сторонником идеи создания в Китае сильного милитаризованного государства. Именно поэтому в его журнале «Синьминь цунбао» значительное внимание уделялось вопросу милитаристского воспитания народа. В качестве образца такого воспитания журнал брал опыт школы легистов, и в частности взгляды на этот счет Гуань-цзы и Шан-цзюня.

Говоря о чертах, которые должны быть присущи «новому народу» или, другими словами, народу, складывающемуся в нацию, Лян Ци-чао подчеркивает необходимость любви к военному делу, Лян Ци-чао понимал историю Китая как «расширение китайской нации».

Идея «расширения китайской нации» была изложена Лян Ци-чао следующим образом: «Есть одно великое дело, ради которого наши предки трудились непрерывно пять тысяч лет. Что это за дело? Я называю его «расширением китайской нации». Сначала наша китайская нация представляла собой всего лишь несколько маленьких племен, проживающих в Шаньдуне и Хэнани. В течение тысяч лет они росли, росли, росли и выросли в великую нацию, создавшую огромное и величественное государство. Наша нация росла двумя путями: первый путь — это ассимиляция бесчисленных народностей внутри и за преде-

²⁶ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Харбин, 1948, стр. 210.

²⁷ Цит. по: «Symposium in chinese culture». Shanghai, 1938, p. 308.

²⁸ С. Л. Тихвинский. Национализм и классовая борьба в Китае в новое время. — «Вопросы истории», 1971, № 11, стр. 71.

²⁹ Ю. В. Чудодеев. Накануне революции 1911 г. в Китае. М., 1966, стр. 123

лами наших границ; второй путь — это переселение из года в год людей нашей нации к границам и расширение территории... История в течение пяти тысяч лет шла этим путем...»³⁰ Далее Лян Ци-чао пишет о том, что развиваются не только китайская нация, но и другие нации. Поэтому не следует медлить в деле расширения территорий.

Не менее отчетливо и настойчиво выражали стремление к господству Китая «на пяти континентах» и представители революционно-демократического крыла китайской буржуазии. Как это ни парадоксально, но для многих китайских революционных демократов конечной целью революции в Китае было господство Китая на земном шаре. Так, Цзоу Жун, перечисляя причины, вызывающие необходимость свершения в Китае революции, писал: «Если наш Китай хочет стать прославленным государством на земном шаре, хозяином земного шара, он должен совершить революцию»³¹.

«Если бы не маньчжурская агрессия, — утверждал Цзоу Жун, — то не западные державы подчинили бы себе Индию, Польшу, Египет и Турцию, а вполне вероятно — Китай»³².

Чэнь Тянь-хуа кончил свое знаменитое обращение к соотечественникам «Набат» такими словами: «Наша китайская раса, безусловно, может создать совершенное государство и превзойти пять континентов. Я осмелюсь обратиться к моим соотечественникам с призывом: «Да здравствует китайская раса! Да здравствует Китай!»³³ Он же заявил: «Мы, китайцы, фактически обладаем силой, чтобы стать хозяевами мира».

Считая, что китайская нация выше других, поскольку она имеет долгую историю и развитую культуру, Чжан Бинь-линь утверждал, что китайцы должны быть хозяевами других наций, удел которых — подчиняться китайской ассимиляции³⁴.

Китайский революционно-демократический журнал «Гоминьбао» заявил на своих страницах в статье «Китай XX века»: «Китай, безусловно, имеет все данные для того, чтобы воинственно смотреть на мир, устрашать и потрясать земной шар, распорядиться государствами и попирать пять континентов»³⁵. Даже приобретение Китаем свободы и равенства, по мнению журнала, должно было повести к тому, чтобы Китай стал во главе всех стран мира: «Когда мы получим действительное счастье свободы и равенства, наш Китай сделается вождем всех государств земного шара»³⁶.

Аналогичные идеи выражались в известной брошюре Оу Цзюй-цзя «Новый Гуандун» (1902 г.): «Если бы на севере Китая, давшего самую раннюю в мире цивилизацию, имеющего самые большие реки и горы, самые обширные моря и сушу, самые богатые полезные ископаемые и самый лучший климат, появился Тимучин Тимур, то его железная пята могла бы достичь границ Европы и Африки, и если бы на юге Китая появился Нельсон, то его флот смог бы целиком завладеть морскими правами всех государств, и тогда Китай превратился бы в хозяина мира и стал бы главой союза всех государств»³⁷.

³⁰ «Цзуй цзинь чжи уши нянь». Шанхай, 1922.

³¹ «Чжунго цзиньдай сысян ши цанькао цзыляо цзяньбянь». Байцзин, 1957.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Чжан Бинь-линь. Чжунго миньго цзе. — «Миньбао», № 15, стр. 6.

³⁵ «Гоминьбао», № 1, 10.V.1901.

³⁶ Там же.

³⁷ Оу Цзюй-цзя. Синь Гуандун, 1902 г.

Линь Се, один из основателей журнала «Чжунго байхуа бао», писал: «Если мы обладаем способностью убивать, в таком случае мы обладаем и способностью жить... Если у ханьской расы нет такого рода способности и она не может противостоять одной расе, тогда, позвольте спросить, как мы будем иметь величественную силу править различными расами?» И далее: «Современный мир характеризуется необыкновенно острой расовой борьбой. Наша ханьская раса должна думать относительно соперничества с расами мира. Эта способность не развивается вдруг... Она должна быть испробована сначала на местном уровне. Если мы не сможем решить небольшой вопрос изгнания маньчжуров, то как мы сможем довести до конца наш высший замысел, реализовать наше правление величественной власти?»³⁸

Идеализируя захватническую политику китайских императоров, китайские революционные демократы рассматривали ее как «помощь слабым» и поэтому считали китайское господство в Аннаме, Бирме, Корее, Сиаме благом для этих стран и гарантией их «независимости»³⁹.

В конце 20-х годов идея китайского гегемонизма стала появляться в работах реакционных гоминьдановских теоретиков Дай Цзи-тао и Ху Хань-миня. Интересно, что именно Дай Цзи-тао одним из первых в Китае выразил мысль о том, что Китай должен «освободить все человечество». «Если мы стремимся к действительному освобождению всего человечества, — писал он, — тогда мы должны сделать идею доброжелательности, свойственную Китаю, основой морали и создать научную культуру на этом моральном базисе благожелательности»⁴⁰. Между прочим, Чан Кай-ши также неоднократно говорил о необходимости «освободить человечество».

Исследователи взглядов Дай Цзи-тао отмечают, что основная цель Дай Цзи-тао состояла в том, чтобы добиться восстановления великого Китая⁴¹. Восстановление китайского величия Дай Цзи-тао связывал с восстановлением китайской гегемонии прежде всего в Юго-Восточной Азии и китайским руководством «миром цветных» народов в их борьбе против империализма. Он утверждал, что только Китай может возглавить цветные народы в их борьбе за свободу и только Китай может обеспечить выживание цветных народов благодаря его моральному и политическому руководству. Гармония в международных отношениях может быть установлена только благодаря Китаю.

Подобно Лян Ци-чао, Дай Цзи-тао оправдывал идею расширения политических границ за пределы проживания китайской расы, обосновывая это фактическим превосходством китайской культуры. Эти идеи Дай Цзи-тао необыкновенно близки взглядам маонистов, которые уже с конца 30-х годов утверждали, что народы колоний и полукolonий пойдут по пути Китая, что последний является их естественным лидером в борьбе против империализма.

Чан Кай-ши считал захватническую политику китайских императоров в Азии «спасением» азиатских народов и «помощью слабым». «В периоды мощи и расцвета Китая, — писал он, — азиатские нации никогда не сталкивались с фактами экономической агрессии и политической аннексии, не встречались с империализмом и не разделяли судь-

³⁸ Чжан Нань, Ван Жэнь-чжи. Синьхай гэмин цян ши нянь цзянь ши баяньсюань цзи, 1970, т. 1, стр. 902—903, 911.

³⁹ Сунь Ят-сен. Избр. произв., 1956, т. 2, стр. 660 (на кит. яз.).

⁴⁰ Дай Цзи-тао. Сунь вэнь чжу-и-ды чжэсюэ цзичу. Кантон, 1925.

⁴¹ См. статью Сэйвелла о Дай Цзи-тао в: «Journal of Asian and African Studies», vol. V, Toronto, 1970, № 4.

бу колоний»⁴². Он утверждал, что независимость и усиление Китая будут гарантией безопасности народов Азии: «Если Китай не сможет добиться независимости и самоусиления, нации Азии попадут под железную пята врага»⁴³. Здесь нелишним будет вспомнить, что появившаяся в начале 40-х годов в Китае школа националистов-историков «Чжаньгоцэ» (Линь Тун-ци, Хэ Юн-цзе, Чэнь Цюань и др.), стоявшая на позициях социал-дарвинизма и ницшеанства, считала, что современный мир будет объединен с помощью насилия некоей «великой империей». «Великое единство мира, — писал один из представителей этой школы, — может быть осуществлено лишь при нашем военном господстве»⁴⁴.

Таким образом, идеологи китайской буржуазии, почти как правило, так или иначе мыслят глобальными категориями, одним будущее Китая представляется в виде господства на земном шаре, другим — в виде руководства народами в их «свободном освобождении» и создании мирового единства под эгидой китайского идеала всеобщего благоденствия — датун. Если иметь в виду, что конфуцианство в течение двух тысяч лет воспитывало китайский народ на концепции «Тянься» — Поднебесной, — в центре которой находится Китай и где нет политических границ, и ставило конечной целью социальных преобразований «наведение порядка в Поднебесной», то глобальные претензии китайских националистов не должны вызывать удивления.

Гегемонистские претензии обнаруживаются в маоизме уже с конца 30-х годов, когда он начинает рассматривать Китай в качестве образца для народов колониальных и зависимых стран. С того времени в маоизме идет процесс развития этих претензий. В начале 50-х годов претензии маоистов выходят за рамки национально-освободительного движения и распространяются на международное коммунистическое движение. Чэнь Бо-да заявляет в 1951 г., что «учение Мао Цзэ-дуня» имеет «всемирно-историческое значение для всего международного коммунистического движения»⁴⁵.

В 1956 г. эти претензии проявляются в виде ставки на скорейшее превращение Китая в первую державу мира: «Мы должны стать первой страной мира по развитию культуры, науки, техники и промышленности, — заявил тогда Мао Цзэ-дун, — у нас социалистической строй надо приложить еще немного усилий, и этого можно достичь. Иначе к чему трудолюбие и мужество шестисотмиллионного народа? Не должно случиться так, что спустя несколько десятилетий мы все еще не станем первой державой мира»⁴⁶.

Насколько известно, с наибольшей полнотой и откровенностью мысль о подчинении Китаю всего мира была выражена Мао Цзэ-дуном в 1959 г. на расширенном военном совещании. Он сказал тогда следующее: «Мы должны покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар... Что же касается работы и сражений, то, по-моему, важнее всего наш земной шар, где мы создадим мощную державу. Непременнo надо проникнуться такой решимостью»⁴⁷.

⁴² Чан Кай-ши. Судьбы Китая. Чунцин, 1943, стр. 102.

⁴³ Там же, стр. 207.

⁴⁴ Хэ Юн-цзе. О политике государственной силы. — «Чжаньго цэ», № 13.

⁴⁵ Чэнь Бо-да. Идеи Мао Цзэ-дуня — соединение марксизма-ленинизма с китайской революцией. Пекин, 1956.

⁴⁶ Мао Цзэ-дун. Выступление на совещании по вопросу об интеллигенции 9 января 1956 г.

⁴⁷ Мао Цзэ-дун. Выступление на совещании по внешним политическим вопросам 11 сентября 1959 г.

В 1963 г. Мао Цзэ-дун снова, но уже в поэтической и иносказательной форме, вернулся к мысли о необходимости покорения мира, причем давал понять, что «время торопит» и не следует откладывать дело «сметения всей мразы» (под которой имелись в виду СССР, США, Индия и другие неугодные маоистам страны) в долгий ящик:

«Вертится мир.
Время торопит.
Десять тысяч лет слишком долгий срок.
Спорим каждое утро и вечер.
Вскипают все четыре моря, бушуют воды и тучи.
Пять континентов дрожат под ударами грозы.
Сметем всю мразь!
Нет врагов, которые бы были способны нам противостоять!»

Само собой разумеется, что в духе этих шовинистических установок в Китае в 60-х годах стала высказываться и пресса, причем эти высказывания порой поразительно напоминали соответствующие заявления китайских буржуазных националистов. Разве не похоже приведенное выше заявление Лян Ци-чао о «расширении территории» на следующее высказывание журнала «Синь цзяньшэ»: «Нельзя расширение территорий считать агрессивней, а слабые гибнущие национальности объявлять объектами агрессии, сочувствовать им. Действия сильной нации или государства, направленные на расширение своей территории, соответствуют законам общественного развития своего времени».

Такие высказывания дополнялись заявлениями вроде следующего: «Китайский народ морально готов всеми силами бороться за возвращение потерянных территорий, когда-то принадлежавших Китаю»⁴⁸.

В период «культурной революции» мысль о мировой гегемонии Китая выражалась открыто в виде призыва «утвердить знамя идей Мао Цзэ-дуна на всем земном шаре» и обязательства «освободить все человечество» (последнее в виде обязанности членов партии даже было включено в Устав КПК, принятый на IX съезде в 1969 г.). При этом китайский народ уверяли в том, что «пролетариат для окончательной победы во всем мире не может обойтись без войны», что «победивший пролетариат... создаст на развалинах умерщвленного империализма и социал-империализма цивилизацию, в сотни тысяч раз лучшую, чем капиталистическая»⁴⁹.

На X съезде КПК в 1973 г. в связи с изменившейся международной обстановкой и другими причинами маоисты были вынуждены говорить об «освобождении всего человечества» вскользь, заменяя эту идею менее понятной для иностранцев мыслью о том, что Китай должен внести «сравнительно большой вклад в дело человечества». При этом, однако, открыто утверждалось, что народы всего мира возлагают надежды на Китай, то есть давалось понять, что они ждут, что Китай принесет им «освобождение».

На X съезде утверждалось также, что современное международное положение характеризуется «большими потрясениями» или, говоря другими словами, войнами и революциями (между которыми, кстати, маоисты, как и троцкисты, не видят разницы). Но именно эти «беспо-

⁴⁸ «Жэньминь жибао», 5.XI.1966.

⁴⁹ «Цзэфан цзюнь бао», 14.V.1969.

рядки» маоисты считают залогом победы своего «нового» мира «на всей земле».

В пьесах, шедших на китайской сцене в начале 70-х годов («Морской порт», «Луцзянский гимн»), раздавались призывы выполнить «великую миссию Китая по освобождению человечества». Даже в популярной научной литературе пропагандировалась идея особой миссии китайской нации, утверждался тезис, что именно перед китайской нацией стоит задача совершения и доведения до конца мировой революции⁵⁰.

Для китайского национализма, особенно позднего, типично преклонение перед насилем, идущее от легизма, социал-дарвинизма и милитаризма. Китайские националисты считали, что война — это основная форма решения социальных проблем, в том числе и осуществления революции в Китае. Власть отождествлялась ими с господством армии. В 1938 г. Мао Цзэ-дун говорил: «После революции 1911 г. все милитаристы всегда дорожили армией, как своей жизнью; они всегда чтили истину: есть армия — есть власть... Для Чан Кай-ши армия — это его жизнь... «есть армия — есть власть», «война решает все» — эти истины он прочно усвоил. В этом отношении мы должны у него учиться»⁵¹.

Более того, Мао Цзэ-дун считал использование армии в качестве основы политической власти «особенностью Китая» и сам, разумеется, поступал в духе китайских националистов, то есть старался держать армию под своим контролем. Его восхождение к вершинам политической власти началось, как известно, с совещания в Цзуньи, когда ему удалось поставить под свой контроль китайскую Красную армию. Именно поэтому он утверждал, что «винтовка рождает власть», что «располагая винтовкой, можно действительно создавать партийные организации... Можно также создавать кадры, создавать школы, создавать культуру, создавать массовое движение... С помощью винтовки добывается все... перестроить мир можно только с помощью винтовки»⁵².

В 1957 г. Мао Цзэ-дун заявил: «Наш коронный номер — это война, диктатура»⁵³.

Есть все основания утверждать, что маоистский милитаризм, который из доктрины 30-х годов в 60-е годы стал превращаться в практику, неразрывно связан с китайским буржуазным национализмом и милитаризмом.

Характерно, что как Чан Кай-ши, так и Мао Цзэ-дун утверждают, что с войной можно покончить только с помощью войны.

Особенность позднего китайского национализма заключается в его попытках противопоставить марксизму-ленинизму фальсифицированную интерпретацию «трех народных принципов» Сунь Ят-сена и разжечь в китайском народе антисоветизм.

Ху Хань-минь, например, считал, что, несмотря на общность целей национализма, анархизма и коммунизма, с одной стороны, и трех народных принципов Сунь Ят-сена — с другой, последние превосходят все остальные учения, поскольку лишь они якобы дают реальную цель народу и указывают практические средства для ее достижения. Иными словами, Ху Хань-минь рассчитывал помешать распространению марк-

⁵⁰ Ши Сии. Первобытное общество. Шанхай, 1972, стр. 54; Тан Сяо-вэнь. Труд создал человека. Пекин, 1972, стр. 59.

⁵¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. М., 1953, т. 2, стр. 386.

⁵² Там же, стр. 388.

⁵³ Мао Цзэ-дун. Беседа с представителями журналистских и издательских кругов 10 марта 1957 г.

сизма-ленинизма в Китае с помощью трех народных принципов, которым он давал свою собственную интерпретацию.

Как и Ху Хань-минь, Дай Цзи-тао писал, что марксизм не подходит для Китая, поскольку последний является не индустриальным, а аграрным обществом. Уже в 1925 г. Дай Цзи-тао начинает атаки на марксизм-ленинизм. В своих работах «Национальная революция и китайский гоминьдан» и «Философские основы суньятсенизма» Дай Цзи-тао отрицает значение марксизма для Китая, противопоставляет марксизму искаженный суньятсенизм. Огонь своей критики Дай Цзи-тао направляет против марксистского учения о классовой борьбе, которую он пытался заменить идеей классового мира и гармонии в конфуцианском духе. С аналогичными же заявлениями в Китае выступали и младоэтатисты, утверждавшие, что «советский коммунизм» не подходит для Китая, поскольку в Китае нет крупных помещиков и крупных капиталистов, которые были в России⁵⁴. Они обрушивались на марксизм и коммунизм за их критику буржуазного государства, выступали против диктатуры пролетариата и руководства одной партии в Китае.

Подобно гоминьдановским шовинистам Ху Хань-миню и Дай Цзи-тао, стремившимся под предлогом несоответствия марксизма-ленинизма китайской специфике противопоставить последнему фальсифицированные ими три народных принципа Сунь Ят-сена, Мао Цзэ-дун также пытался, ссылаясь на специфику Китая, противопоставить марксизму-ленинизму свою теорию новой демократии, заимствовавшую, кстати, многие идеи трех народных принципов. Именно поэтому он заявил на II пленуме ЦК КПК 7-го созыва (апрель 1949 г.): «Ленинизм для Китая неприемлем. Китай пойдет не по пути ленинизма, а по пути маоизма»⁵⁵.

Не выступая открыто против классовой борьбы, Мао Цзэ-дун в своей теории новой демократии фактически исходит, подобно Дай Цзи-тао, из идеи классового мира. Кстати, это было, видимо, одной из причин и отрицания им диктатуры пролетариата, поскольку, только пролетариат может довести до конца классовую борьбу в современном обществе.

Маоизм начал смыкаться с гоминьдановским шовинизмом в его борьбе против марксизма-ленинизма и научного коммунизма в Китае уже в 40-х годах нашего века. Это смыкание стало еще более наглядным в 60-е годы, когда маоисты развернули последовательную борьбу против Советского Союза и социалистического содружества. Действительно, для позднего китайского национализма типична ненависть к Советскому Союзу, в котором он видел прежде всего угрозу своим гегемонистским замыслам и препятствие в деле реализации программы возвращения Китаю его прежних вассальных владений (например, Внешней Монголии). Идеологи позднего китайского национализма заявляли, что для уничтожения империализма надо прежде уничтожить коммунизм. Разве не с аналогичной идеей выступают сегодня маоисты, блокируясь с международным империализмом? Разве не они утверждают, что для уничтожения империализма нужно сначала покончить с Советским Союзом?

Сопоставление маоизма с великоханьским шовинизмом убедительно свидетельствует о том, что последний является одним из основных идейных истоков маоизма, который поэтому можно рассматривать как особую разновидность великоханьского шовинизма.

⁵⁴ «Синши», 1926, № 105.

⁵⁵ См.: М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М., 1969, стр. 17.

ИСТОРИЯ

Метаморфоза западной буржуазной синологии

В. Н. Никифоров.

доктор исторических наук

60-е и начало 70-х годов характеризуются форсированным развитием западной буржуазной синологии: почти во всех капиталистических странах создаются и расширяются китаеведческие центры, растет выпуск исследований по Китаю, усиливается подготовка китаеведческих кадров. Возникает вопрос: чем вызван столь повышенный интерес на Западе к Китаю?

Расширение западного китаеведения произошло прежде всего за счет значительного увеличения числа учреждений, занимающихся проблемами Китая. Сегодня Китай изучается в сотнях университетов США. Значительно возросли масштабы синологических исследований в Англии, ФРГ, Франции, созданы собственные китаеведческие учреждения в Бельгии, Дании, Канаде и Австралии. В большинстве других капиталистических стран сегодня функционируют синологические группы.

Происходят и существенные качественные изменения в буржуазной синологии в организационном отношении — синологическая интеграция капиталистических стран. Она проявляется в перемещении китаеведов из одних стран в другие, а также в координации научной деятельности этих стран. В частности, в результате этих тенденций английский журнал «Чайна квотерли» по составу авторов, в нем сотрудничающих, и членов редакционного совета является больше американским, чем английским.

Сегодня можно определенно говорить о том, что идет активный процесс сращивания американского китаеведения с китаеведением Англии и других англоязычных стран (Канада, Австралия), а также с синологическими центрами западноевропейских стран. Американские монополии не скупятся на расходы. Только Фонд Форда в 1959—1970 гг. вложил в китаеведение 23 млн. долл. Примерно 2,5 млн. долл. он «пожертвовал» китаеведам за рубежом. Благодаря средствам этого фонда был создан, например, Институт современного Китая при лондонской Школе востоковедения и африканистики. Значительные средства вкладывает в развитие отечественного и зарубежного китаеведения западногерманская монополия «Фольксваген».

За последние десять с лишним лет буржуазная синология явно отдает предпочтение изучению современных проблем Китая. При этом наблюдается процесс объединения усилий собственно китаистов и ученых-некитаистов разного профиля (экономистов, социологов); методологию и достижения общественно-экономических наук стремятся приложить к исследованию проблем Китая.

Все это говорит о том, что на Западе хотят глубоко и всесторонне изучать проблемы современного Китая. Повышенный интерес, несомненно, вызван крутым поворотом во внутренней и внешней политике мао-

истского руководства. Сегодня уже общеизвестно, что ведущие капиталистические страны Запада стремятся использовать «особый» курс маоистов в своих интересах.

Какие же аспекты нынешнего Китая больше всего привлекают внимание буржуазных сиологов?

Центральной темой, которой интересуются китаеведы капиталистических стран, с середины 60-х годов стал маоизм. Обстановка, сложившаяся в Китае, поставила со всей остротой вопрос о путях китайской революции и перспективах социалистического строительства. Пойдет ли Китай дорогой социализма или повернет на капиталистические рельсы — ответ на этот вопрос буржуазные теоретики ищут в истории китайской революции, в анализе эклектической маоистской идеологии, которую руководство КПК противопоставило марксизму-ленинизму.

Именно на разработке темы маоизма выросли наиболее авторитетные представители нового направления сиологов, ставшие известными в 60-е годы, например Стюарт Шрам. Основной смысл работы западных «маоистов» состоит сейчас в поддержке борьбы маоизма против марксизма-ленинизма и международного коммунистического движения.

Возникновение этого направления в буржуазной ориенталистике имеет свою историю, о которой в последние годы западные китаеведы охотно вспоминают. Еще в начале 30-х годов, в период советского движения в Юго-Восточном Китае, из общего антикоммунистического хора реакционных авторов выделялись отдельные голоса (например, Луи Фишера), указывавшие на желательность и возможность буржуазного перерождения китайских коммунистов. Поворотным пунктом, с которого западные «друзья Мао» начинают сейчас отсчет «новой эры», явилась поездка в Советский район Китая в 1936 г. Эдгара Сноу¹. Последний, как известно, не только информировал американское правительство, в том числе лично президента, об открывающихся для США новых возможностях в Китае, но и сделал нечто большее: стал соавтором Мао по созданию и распространению печатной легенды о нем. Фальсифицированная биография «Мао Цзэ-дуна — главный плод творческого содружества Мао и Сноу — долгое время служила основным источником сведений о Мао не только за пределами Китая, но и в самом Китае. В ней мы находим признание Мао великим самостоятельным мыслителем, не уложившимся в «догматические рамки ортодоксального марксизма», гипертрофированное преувеличение роли Мао на всех этапах истории КПК, намеки (в то время еще осторожные) на расхождение между Мао и Коминтерном, признание националистического характера маоистской доктрины и т. д. Таким образом, у истоков современных западных концепций, прославляющих Мао Цзэ-дуна, стоял сам Мао Цзэ-дун.

Это было началом. Сегодня мы являемся свидетелями того, как империалистические круги широким фронтом идут на сближение с маоистскими кругами. Оставим в стороне проблемы научной этики, на они есть. Ведь всем известно, что еще совсем недавно, когда Китай шел по пути национального и социального освобождения, когда он приступил к социалистическим преобразованиям внутри страны и вел активную борьбу против империалистических сил на международной арене, некоторые синологические центры вели разнузданную антикитайскую пропаганду, а сегодня, когда Китай вот уже 15 лет жестоко лихорадит, они хвалят виновников бедствий народа, ищут сближения с ними.

¹ См.: А. С. Титов. О политических контактах Мао Цзэ-дуна с Эдгаром Сноу. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2.

Первые исследования сторонников сближения «Запада» с Китаем относятся к 60-м годам, хотя массовый характер поворот приобрел в начале 70-х годов, особенно с момента, когда было объявлено о предстоящем визите Никсона в Китай.

Поворот сопровождается переоценкой ценностей и критикой предшественников. Критические выступления А. Д. Барнета и других буржуазных ученых в 60-х годах явились лишь началом. В 70-е годы группа американских и английских авторов — Марк Селтен, Эдвард Фридман, Джон Гиттингс и другие, — выступившая со сборником статей об американской политике в Азии², обвинила западных синологов в том, что те до сих пор рассматривали Китай только сквозь призму «холодных войн».

Любопытно, что подвергающиеся критике «старые», «негибкие» синологи, писавшие о Китае еще в период враждебных отношений между США и КНР, вынуждены, оправдываясь, иногда верно указывать на замалчиваемые их оппонентами отрицательные стороны маоистского режима. Так, видный специалист по внешней политике Китая О. Э. Клубб (США), возражая авторам упомянутого сборника, ссылается, например, на высказывания о Китае государственных и партийных деятелей социалистических стран, на оценки японских, французских и монгольских коммунистов, а также на факт, выявившийся в ходе «культурной революции», что часть членов КПК и ее руководства испытывала определенное недовольство политикой маоистского руководства. Признавая непригодность позиций антикоммунизма для объяснения событий в Китае, Клубб считает не лучшим и новый, полный симпатий к Мао, догматический подход: как первая, так и вторая догмы исходят, по его словам, из деления вещей лишь на «черное» и «белое»³.

Пересмотр прежней концепции в сторону идеализации маоизма характеризует многие современные западные работы по Китаю. Достаточно проследить страницы ведущего органа англо-американской синологии «Чайна кватерли», чтобы убедиться в этом. Мы найдем здесь критику английским китаеведом М. Яхуда старых работ «кремленологов» о советско-китайских отношениях и возражения ему со стороны таких известных «кремленологов», как Д. Загория⁴; резкую критику «молодыми» сборника, написанного коллективом с участием известных в прошлом антикоммунистов Ф. Майкла, Э. Керби — «Коммунистический Китай»⁵ (рецензент считает, что авторы не в состоянии подойти к своей теме всерьез, поскольку, очевидно, считают маоизм просто какой-то формой идиотизма⁶); статью Р. Пфэффера, призывающего пересмотреть позиции старой синологии; рецензию А. Ся, пропагандирующую промаоистские работы публициста из ФРГ И. Шикеля, которого рецензент снисходительно называет «мелкобуржуазным интеллигентом»⁷.

В современной буржуазной западной синологии необходимо отличать людей, запутавшихся идеологически, от сознательных проводников дальневосточной политики империалистических государств, задача ко-

² "America's Asia: Dissenting Essays on Asian-American Relations". New York, 1971.

³ О. Е. Clubb. China "Believed" or Enemy? — "China Quarterly", 1971, No. 48, p. 752.

⁴ См.: М. Yahuda. Kremlinology and the Chinese Strategic Debate, 1965—1966. — "China Quarterly", 1972, No. 49; D. S. Zagoria. On Kremlinology, A Reply to Michael Yahuda. — "China Quarterly", 1972, No. 50.

⁵ "Communist China 1949—1969"; A Twenty-Year Appraisal. New York, 1970.

⁶ См. "China Quarterly", 1971, No. 48, p. 772—773.

⁷ "China Quarterly", 1971, No. 45, p. 191—192.

торых состоит в том, чтобы использовать антисоциалистическую и антисоветскую политику маоистов для нужд империалистической реакции. Всем им, однако, свойствен антикоммунизм в большей или меньшей степени, сознательный или бессознательный. Все они вольно или невольно помогают империалистическому лагерю в борьбе против мирового коммунистического движения, против главной революционной силы современности — мировой социалистической системы.

Поворот, происходящий в среде буржуазных сиологов, затрагивает не только тех из них, кто недавно еще не смел призывать к «наведению мостов» между Вашингтоном и Пекином. Перестроились также ряды либералов, всегда осторожно высказывавшихся за налаживание взаимопонимания с Китаем. Несколько лет назад они считали неприличным не отмечать теневые стороны пекинских порядков, ныне на смену этому пришло беспримерное восхваление режима Мао. Метаморфоза столь разительна, что не может не вызвать сомнений в хваленой беспристрастности и самостоятельности суждений буржуазных ученых, ныне рабски следующих, оказывается, за политической конъюнктурой в соответствии с последним правительственным курсом.

Сегодняшние выводы западного «маоведения», в общем, состоят в следующем: Мао Цзэ-дун — представитель подлинных интересов трудящегося крестьянства, выразитель национальных интересов Китая. Китайская революция-де обязана своими успехами «независимой» линии Мао, проводившейся якобы вопреки «ошибочным» директивам Коминтерна⁸. Придание особого значения крестьянскому движению, армии, революционным базам — все это «открытия» Мао. Материалы, подкрепляющие данную концепцию, берутся буржуазными авторами из китайской маоистской литературы. Совершенно сознательно оставляются без внимания неопровержимые данные о том, что и инициатива развертывания крестьянской революции, и лозунг революционных баз, и указания на особую роль армии, и призыв к окружению городов сельскими повстанческими силами — все это принадлежало Коминтерну.

Современная ориентировка буржуазного китаеведения особенно заметна в освещении так называемой «великой пролетарской культурной революции». В момент самой «культурной революции» и короткое время после нее большинство непосредственных наблюдателей и историков, в общем, правильно оценивали «культурную революцию» как разгул насилия, борьбу за личную и групповую власть. Едва успела высохнуть типографская краска на работах 1965—1969 гг., как мы уже читаем нечто совершенно противоположное. Да, говорят сегодня буржуазные синологи, «культурная революция» была неприятным явлением, но объективно она оправдана борьбой против бюрократизма. Мао Цзэ-дун, уверяют эти авторы в один голос, указал китайскому народу «выход» из тупика, «культурная революция» обеспечила успешное развитие Китая в последние годы.

Свои прежние отрицательные оценки «культурной революции» буржуазная наука поэтому объявляет сегодня односторонними. «Культурная революция» теперь преподносится уже как победа «линии масс» над процессом бюрократизации; в качестве воплощения последней выдвигается Лю Шао-ци. Буржуазные авторы не без удовольствия ассоциируют «бюрократическое перерождение» с коммунистической партией, а «линию масс» — с бесчинствующими отрядами беспартийной молодежи, ослепленной культом Мао. Коварство подобного обращения с фак-

⁸ В данном вопросе нами использованы материалы Н. И. Пашенко.

тами состоит в том, что в политике КПК и в период перед «культурной революцией» действительно имели место серьезные бюрократические извращения (неизбежное следствие режима культа, игнорирования социалистической демократии).

Буржуазные авторы словно запамятовали, что в ходе «культурной революции» были ликвидированы подлинно демократические институты, в том числе партийные, комсомольские, профсоюзные органы и различного рода творческие союзы.

Напротив, анархистские и вандалистские стороны этой «культурной революции» тем именно и привлекают буржуазных идеологов, что разрушение в данном случае не только компрометирует коммунистическое движение, но и непосредственно направлено против коммунистической партии.

Несомненно, противоречивость современного развития КНР чревата новыми взрывами. Сложность всех этих процессов совершенно игнорируется теми западными исследователями, для которых изучение «культурной революции» и ее последствий имеет заранее заданную цель: оправдать и возвеличить маоизм.

Способ, которым буржуазные авторы пользуются во всех этих случаях, предельно прост: успехи Китая, достигнутые за период после революции 1949 г., сравниваются с итогами развития Китая при гоминьдане, и делается вывод: дела в Китае после «культурной революции» идут лучше, чем при гоминьдане. Сравнение положения до «культурной революции» и после нее обычно не производится или ограничивается практически анализом персональных изменений в партийном и государственном аппарате.

Успехи китайской революции до 1949 г., достигнутые вопреки маоистским извращениям, также приписываются буржуазной литературой проведению в Китае «независимой» маоистской линии. Нельзя отрицать, что такая фальсификация истории, построенная на смешении этапов и различных политических направлений, представляет определенные трудности для разоблачения, потому что базируется не столько на прямом искажении фактов, сколько на их тенденциозном отборе, ловком лавировании, при котором исследователь избегает некоторых (невыгодных ему) сторон изучаемого явления, базируется на отказе от анализа, то есть от методически обязательного разложения на части сложных, трудно делимых в жизни политических процессов.

Сложность задач, решаемых сегодня буржуазным китаеведением, выражается в том, что им приходится строить свою концепцию на двух органически несовместимых основах. Первая: подчеркивание немарксистского характера маоизма, его «крестьянской» основы, его «традиционных» старокитайских идеологических корней (характерно оформление обложки одной из книг на эту тему: рисунок в виде игральной карты, верхняя половина которой Мао Цзэ-дун, нижняя — Конфуций). «Диалектика» Мао Цзэ-дуна прямо выводится из «Ицзина», даже пресловутые заплывы Мао на Янцзы трактуются в качестве религиозного символа⁹.

Как показали исследования марксистских ученых, в первую очередь ученых социалистических стран, взгляды Мао действительно во многом зависят от китайской традиции; несмотря на это, можно констатировать, что буржуазная синология все же преувеличивает данную зависимость.

⁹ См.: W. Bauer. China und die Hoffnung auf Glück. München, 1971, S. 513, 538—539, 565—566.

Названному тезису буржуазного «маоведения», по существу, в корне противоречит второй: западные авторы убеждают нас в ценности вклада Мао, якобы сделанного в такое, по их собственным словам, чисто «западное» и вовсе «чуждое» Китаю учение, как марксизм-ленинизм.

Как ни странно, но в работах крупнейших «маоведов», например С. Шрама, оба тезиса мирно уживаются, прикрытые завесой туманных слов и гибких логических переходов¹⁰. Первый тезис нужен буржуазным ученым для убеждения западного читателя, в первую очередь правящих империалистических кругов, в возможности использования маоистского Китая империализмом для борьбы против мирового социализма и национально-освободительного движения народов. Второй тезис западным синологам неизбежно приходится заимствовать у маоистов, облекающих антисоциалистическую сущность своей теории и политики в «марксистский» словесный наряд.

Конечно, в похвалах, которыми западные противники марксизма награждают китайский «новый, свежий марксизм», отчетливо сквозит похвала маоистам за их антимарксизм, антикоммунизм.

Определенный научный интерес представляет для нас в работах буржуазных специалистов по маоизму конкретное доказательство ими первого названного тезиса — о фактическом немарксизме маоистской идеологии и политики. Здесь материалы, собранные и изученные западными авторами, как и некоторые их выводы, могут быть использованы нами для установления объективной истины.

Буржуазные исследователи не ограничиваются изучением работ одного Мао Цзэ-дуна. Из видных китайских идеологов и революционеров новейшего времени, привлекающих к себе их особое внимание, назовем Ли Да-чжао. Его роль в китайском революционном движении, которая первоначально была воскрешена марксистской наукой, сейчас вдруг стала усиленно изучаться буржуазными авторами. Упрощая его взгляды, они пытаются возвести Ли Да-чжао, этого первого пропагандиста марксизма в Китае и фактического основателя КПК, в прямые идейные предшественники Мао Цзэ-дуна¹¹.

В обоснование такой концепции приводятся как внешние соображения — вроде того, что Мао работал под начальством Ли в библиотеке Пекинского университета и, несомненно, испытал его влияние, — так и некоторые особенности взглядов Ли Да-чжао. Известно, что выдающийся китайский революционер до своего знакомства с марксизмом испытал влияние философии Бергсона; позже, будучи марксистом, Ли Да-чжао сохранил определенное подчеркивание субъективных творческих моментов в историческом процессе и несколько меньше говорил об определяющей роли объективных факторов. Эти слабости, вполне понятные в работах молодого марксиста, пытаются выдать в конечном счете за такую же субъективистскую систему взглядов, как та, что пышно расцвела впоследствии в произведениях Мао Цзэ-дуна.

Однако даже пристрастные буржуазные ученые не могут не признать, что взгляды Ли Да-чжао коренным образом отличались от маоизма, поскольку Ли высоко поднимал значение интернационализма, международной солидарности. Всегда в отличие от молодого Мао он мечтал не о величии одного Китая, а о братстве народов мира. Мы убеждены, что попытки изобразить Ли Да-чжао предшественником маоизма обречены на провал.

¹⁰ См.: S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung. London, 1969.

¹¹ См.: M. Meisner. Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism. Chicago, 1967.

Но симпатии буржуазных историков к маоистам проявляются не только при изучении ими истории КПК. Постепенно меняется и оценка западными авторами чанкайшистского гоминьдана; за ним признают все меньше заслуг, в его действиях находят все больше темных пятен. Американский китаевед Л. Истмэн, специально работающий над этой темой, сравнивая гоминьдановских синерубашечников с фашистами, находит у них все характерные черты фашизма, кроме, как полагает автор, одного — открыто расистских взглядов. Сравнивая гоминьдановские и фашистские порядки с маоистскими (в недавнем прошлом — любимый прием буржуазных авторов, причем выводы и сравнения делались ими отнюдь не в пользу маоистов), Л. Истмэн отчасти оправдывает Мао прогрессивными целями его политики и тем, что Мао в отличие от гоминьдановских лидеров понял истинную роль масс¹².

Д. Чэнь, сравнивая Мао Цзэ-дуна с Юань Ши-каем и Чан Кай-ши, также делает заключение, в общем, в пользу первого: Юань Ши-кай и Чан Кай-ши, пишет он, пытались опереться на культ Конфуция, это не принесло им успеха; Мао дерзнул заменить культ Конфуция культом собственной личности, и это оказалось эффективным¹³.

Крутой поворот, наблюдаемый сейчас во многих работах западных китаеведов по КПК и новейшей истории, не может не сказываться, хотя и в меньшей степени, на подходе и к другим, более ранним историческим проблемам. Поиски общественных и идейных корней маоизма возрождают интерес к таким течениям в общественной мысли Китая, как легизм, с его оправданием жестокой бюрократической централизации.

Западная наука последних десятилетий внесла, конечно, определенный вклад в понимание роли легизма в истории политической мысли Китая¹⁴. Однако некоторые исследователи, специально выделяя легистскую линию, на наш взгляд, несколько упрощенно, без должного историзма, осуждают на всех этапах легизм и безудержно идеализируют конфуцианство. В основе этих ошибочных тенденций лежат, как нам представляется, свойственный буржуазной науке недialeктический подход к историческим явлениям и все то же торопливое следование за политической конъюнктурой.

Вторым важнейшим направлением буржуазной социологии и синологии является попытка доказать, будто бы маоизм является закономерным порождением особого, не похожего на европейское, «азиатского» общества. На Западе в буржуазной литературе широко распространены «теории» о том, что китайское «традиционное» общество словно бы создано природой, чтобы опровергнуть марксистское представление об истории: «традиционный» Китай, мол, не знал частной собственности на землю, государство являлось представителем всего общества, без экономически господствующих классов; место господ занимали шэньши — ученые; государство непосредственно возвышалось над общинами, эксплуатируя их (не известно, в чью пользу, ибо классов, как таковых, «не было»). Эта картина китайского общества первоначально возникла из представлений некоторых европейских авторов, писавших о Востоке еще в XVII—XVIII вв.

¹² L. E. Eastman. Fascism in Kuomintang China: the Blue shirts.— "China Quarterly", 1972, No. 49, p. 30.

¹³ J. Ch'ên. Juan Shih-k'ai, 2-ed edition. Stanford, 1972, p. 213.

¹⁴ См.: Л. С. Переломов. О сущности легизма.— «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2.

Современной наукой доказано, что частная собственность на землю существовала в древнем и средневековом Китае, а господствующее сословие шэнши представляло экономически господствующий класс (точнее, часть его); классовая борьба крестьян против помещиков наполняет всю историю феодального Китая. Вопреки доказанным историческим фактам, которые признаются и наиболее добросовестными буржуазными исследователями, западная синология упорно держится за миф «особого» китайского общества, не поддающегося якобы общечеловеческим закономерностям, органически не способного воспринять «западные ценности», и в частности марксизм.

В одной из многочисленных книг, выходящих на Западе, говорится, например, что неуспехи США в Азии будто бы объясняются тем, что «американцы заявили о принципах. Они использовали западный лексикон, который не употребляется на Востоке, где слова часто имеют иное значение. Например, слово «коммунизм»... Для азиатов все это лишь пустой звук. В Азии практически никто не читал Карла Маркса, западный философ, по существу, не представляет интереса для азиатских умов»¹⁵.

Этот тезис о так называемом особом устройстве азиатских умов, которым будто бы недоступен «западный» марксизм, автор книги Э. Лоуренс развивает затем в целую декларацию: «...Дальний Восток — не культура, не область, даже не четко отграниченное место. Мне часто кажется, что это просто великий антимир, где живут другие существа, батальоны мрака, отрезанные от комфорта и снотворных таблеток»¹⁶.

По вопросу о степени специфичности восточного общества среди буржуазных ученых существует два основных направления. Одно представлено воинствующим антикоммунистом К. Виттфогелем. Его сторонники чрезвычайно расширяют понятие «азиатский» строй, распространяя его не только на почти весь современный «третий мир», но и на социалистические страны Европы, клеветнически изображая все это царством деспотической бюрократии, опирающейся на государственную собственность на землю и общественную структуру деревни. Главный фактор развития — современную крупную промышленность — такие авторы «забывают» включать в свою схему. У них получается господство «азиатчины» в большей части мира от древности до наших дней. Западные капиталистические страны выглядят как благословенный оазис частной собственности и демократии...

Чаще приходится встречаться с представителями другого, либерального направления синологов, так называемых традиционалистов, к которому принадлежит, в частности, Д. К. Фэрбэнк. Его последователи, наоборот, всячески отделяют Китай (и весь «Восток») от Запада, в том числе от социалистических стран. С этой целью специфика «традиционного» Китая абсолютизируется, китайцы изображаются особыми людьми, воспитанными исключительно на традициях, неспособными принять западные ценности, все они — от мала до велика, — так сказать, прирожденные националисты. С точки зрения этой концепции маоизм и только маоизм может быть продуктом китайского образа жизни и мышления.

Общим для обоих направлений является отрицание главного в материалистическом понимании истории: марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Буржуазные историки, как известно, в принципе отвергают научную периодизацию истории, отвергают сами понятия «рабовладельческий строй» и «феодализм». Если пос-

¹⁵ A. Lawrence. Foreign Correspondent. London, 1972, p. 123.

¹⁶ Там же, стр. 201.

ледний термин употребляется, то не в смысле определенной системы производственных отношений, а как синоним политической раздробленности.

Та же методология применяется немарксистской наукой к истории Китая. Поэтому мы встречаем рассуждения о «феодализме» в эпоху Чжоу, за 500—1000 лет до н. э. (период раздробленности), и об «отсутствии феодализма» в централизованных монархиях средних веков. Вся история Китая с III в. до н. э. по 1911 г. рассматривается как одна эпоха на том основании, что политическую надстройку китайского общества все это время составляла деспотическая монархия.

Некоторые ныне враждебные коммунизму синологи Запада, испытывавшие в свое время внешнее воздействие марксистских концепций, например ренегаты К. Виттфогель, Р. Гароди, пытаются использовать для своих антикоммунистических и антикитайских построений марксистский термин «азиатский способ производства» как обозначение «особого» китайского общества. Они изображают это общество примерно в тех же красках, что и указанные выше представители основных направлений буржуазной синологии.

Разоблачая их теории, ученые-марксисты уже указывали, что они не имеют ничего общего с наукой¹⁷. Нужно отметить, что вымученная концепция К. Виттфогеля не нашла признания и среди многих западных ученых¹⁸. Сейчас вчерашним днем науки стали споры между К. Виттфогелем и представителями либерального лагеря — Б. Шварцем, М. Мейснером и другими, справедливо обвинявшими Виттфогеля в «деспотизме концепции»¹⁹. Но дискуссии по существу вопроса не прекращаются и теперь. В этих дискуссиях, безусловно, предпочтительной является позиция тех историков, которые, несмотря на методологическую неправильность своей позиции, все же стоят на твердой почве фактов, источников и чисто эмпирически находят правильное решение отдельных вопросов. Они протестуют против абстрактных схем своих оппонентов, доказывая фактами, что в средневековом Китае господствовал класс крупных землевладельцев, показывая, что недооценка связи шэньши с экономической базой объясняется недостатком источников и недостаточно объективным подходом к ним. Таковы работы Д. Пуллиблэнка, Д. Твитчета с критикой социологических схем В. Эберхарда, Э. Балаша, монографий Чжан Чжун-ли.

Те достижения западных сиологов, которые основаны на объективном изучении фактического материала, несомненно, заслуживают признания. В то же время нельзя забывать, что авторы буржуазно-объективистского направления также придерживаются идеалистической методологии (особенно методологии Макса Вебера), это не может не препятствовать пониманию ими общего исторического процесса (критикуя К. Виттфогеля, буржуазные объективисты пытаются, например, объяснить схематизм и догматизм его взглядов рецидивами марксистских идей).

В заключение темы об изучении современной западной синологией китайского общества отметим, что провозглашенные с большим шумом несколько десятилетий назад новые социологические методы пока не

¹⁷ См.: Е. Ф. Ковалев. «Китайская проблема» в извращенном толковании Роже Гароди.— «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2.

¹⁸ См.: М. П. Павлова-Сильванская. Зарубежные критики о книге К. Виттфогеля «Восточный деспотизм». — «Народы Азии и Африки», 1971, № 2.

¹⁹ См.: М. Meisner. The Despotism of Concepts: Wittfogel and Marx on China.— «China Quarterly», 1963, № 15, p. 99.

нашли сколько-нибудь широкого применения. Это относится, в частности, к структурному анализу. Исследование по-прежнему ведется испытанными приемами классической синологии: знание языка — перевод источника — источниковедческий анализ — историографический анализ — обобщение — выводы; связи между явлениями нащупываются стихийно, события нанизываются на хронологический стержень.

Отношение ученых-марксистов к структурному методу в исторической науке общеизвестно. К. Маркс применял структурный анализ при изучении социальных явлений. Общественно-экономические формации — не что иное, как гигантские структуры. Однако беда современной буржуазной методологии в том, что она механически трактует структурный анализ как дробление живого исторического процесса на произвольно выделенные формальные структуры, отказывается видеть фактор, определяющий в конечном счете общественное развитие — фактор экономической.

Применение некоторыми западными исследователями к изучению китайского общества метода психологического анализа также пока не принесло плодов. По крайней мере, представителей «психологической» школы (Р. Соломона) справедливо упрекают в недостаточной доказательности, в неразборчивом подборе информации, в бессистемности (см. критические замечания Э. Вогеля²⁰). Не отвергая, разумеется, самого метода психологического анализа, отметим, однако, что в руках буржуазных ученых он служит средством «показать» вопреки истине определяющую роль психологии в истории, неприменимость к Китаю экономических законов, принципиально различное устройство головы у китаец и европейца.

В области исторической науки (как показал, в частности, XIII Международный конгресс исторических наук в Москве в августе 1970 г.) главным участком, на котором сторонники идеалистического мировоззрения ведут сейчас атаки на исторический материализм, являются такие категории, как общественный строй, общественно-экономическая формация. Отрицание существования общественно-экономических формаций и определяющей роли экономики в полной мере присутствуют, как мы видели, в буржуазной синологии. По нашему мнению, учеными СССР и других социалистических стран сделано еще далеко не все для отражения атак на этом участке идеологического фронта.

В изучении истории международных отношений и внешней политики «традиционалистское» направление имело до сих пор особенно прочные позиции в буржуазной синологии. В самом деле, пожалуй, ни в одной сфере политики китайского государства власть традиций не сказывалась так сильно и не приходила в такое противоречие с современной реальностью, как во внешней политике (главным образом — во внешнеполитической доктрине) Китая.

Нелепость китайских шовинистических претензий на гегемонию сначала во всем мире, потом — в XIX в. — хотя бы в Восточной Азии, незнание международного права и нежелание считаться с ним, обращение с независимыми соседями как с «вассалами» — все это отлично использовалось историками империалистических стран, чтобы скрыть вторую, более важную сторону проблемы — агрессивный колониальный характер политики империалистических держав по отношению к Китаю.

Так, выработанная Д. Фэрбэнком и другими концепция «опиумных» войн строилась исключительно на том, что Цинское правительство не

²⁰ "China Quarterly", 1972, No. 49, p. 157—160.

желало считаться со сложившимися нормами международного права. Динамичные капиталистические страны Европы «не могли»-де существовать без нормальных (дипломатических, торговых и прочих) связей с Китаем, между тем как косный, невежественный цинский двор отказывал им в этом. Они оказались «вынуждены» прибегнуть к силе. Эта «вынужденность» агрессии — тезис многих послевоенных историков колониализма. У. Черчилль, например, оправдывал факт создания Британской империи, называл его почти стихийным, вынужденным и в свойственной этому автору образной манере восклицал, что «Британская империя создана в припадке рассеянности»²¹.

Такие концепции, разумеется, целиком игнорируют теоретическую возможность для каждой страны самостоятельно воспринять общемировые достижения и вступить в общественные связи по собственной инициативе, без насильственного «подталкивания». Ограниченность цинских сановников была явлением исторически преходящим, китайское общество в силах было бы преодолеть это препятствие, не помешай ему раньше времени заморские «благодетели». Марксистско-ленинская трактовка истории как раз и имеет перед буржуазным объективизмом то огромное преимущество, что предполагает четкость позиции историка, в каждом конкретном случае становящегося на сторону тех или иных классов и народов, дело которых он считает исторически справедливым. Буржуазный объективизм, признавая неотвратимость «прогресса» (особенно когда речь идет о «прогрессе капиталистическом»), склонен оправдать любые, даже самые отвратительные его формы.

В настоящее время европоцентристское, проколониалистское описание всемирной истории явно становится анахронизмом. Актуальными отныне выглядят не оправдания благородной роли «цивилизаторов» и доказательство «бессмысленности» сопротивления «китайских националистов» западному «прогрессу», а прославление американо-китайской «традиционной дружбы», культивирование китайского национализма прежде и теперь... Эдгар Сноу, стоящий рядом с Мао Цзэ-дуном на Тяньаньмэне (этот символ современного американо-китайского сближения), видимо, преследует некоторых западных авторов, когда они берутся за сочинение новых книг по истории отношений Китая с империализмом²².

Правда, в данной области в отличие от изучения маоизма поворот окончательно не завершен (внешнеполитические концепции, как правило, оказываются консервативнее концепций внутривнутриполитических), но он уже четко намечен. Члены английской «Ассоциации радикального изучения Восточной Азии» в своем манифесте во главу угла ставят преодоление европоцентризма в истории, считая это, кажется, большим радикализмом²³. Ч. Кервин, один из лидеров названного течения, критикует книгу Д. Грегори, по старинке обеляющую британскую политику в Китае времен Тайпинского восстания: Британия, настаивает Кервин, не соблюдала подлинный нейтралитет, ее политика была «империалистической», и даже слово «циничная» к ней подходит²⁴.

В общем, поворот на сто восемьдесят градусов в этой области для буржуазной науки вполне доступен: старый колониализм безвозвратно

²¹ W. S. Churchill. A History of the English-Speaking Peoples, v. 111, The Age of Revolution. London, 1957, p. 182.

²² См.: T. S. Service. Edgar Snow: Some Personal Reminiscences, "China Quarterly", 1972, No. 50, p. 219.

²³ См.: AREAS (Association for Radical East Asian Studies), Manifeste.

²⁴ "Bulletin of the School of Oriental and African Studies". London, 1970, v. 33, No. 1, p. 230—232.

канул в вечность, и сегодня ради сближения с маоистами не жаль осудить прошлое. Уже сейчас некоторые западные историки находят слова для показа захватнической, империалистической сущности политики держав. Правда, пока делается это преимущественно в случаях, когда речь идет о других империалистических державах, а не о той, в которой живет и работает автор данной книги.

Определенные сдвиги намечаются и в освещении антиимпериалистических движений. В центре внимания, в частности, оказалось стихийное антиимпериалистическое восстание ихэтуаней (1898—1900). Выступление ихэтуаней, вдохновлявшееся справедливыми патриотическими целями, было, как известно, сложным по своей идеологии: повстанцы действовали под руководством мистических сект; их взглядам была свойственна ненависть ко всему иностранному, включая даже технический прогресс; наоборот, к феодальным правителям Китая ихэтуани отнеслись с чрезмерным доверием.

Прежде империалистическая историография широко использовала отрицательные черты движения ихэтуаней для того, чтобы представить его в виде слепого реакционного взрыва, враждебного прогрессу и делу сближения наций. Сейчас такая трактовка сменяется в работах западных историков внешне более объективной, к которой, однако, добавляется все большая доля оправдания всяких проявлений национализма, изображение национализма как неистребимой сущности мировоззрения народов азиатских стран.

В стремлении поссорить китайский народ с народами СССР и других социалистических стран империалистическая историография давно занимается фальсификацией истории русско-китайских отношений. Особенно это касается проблемы территориального размежевания между Китаем и Россией. Ничем не обоснованные территориальные претензии маоистов к СССР оживили интерес империалистических авторов к этой теме.

Когда буржуазные авторы обращаются к такому историческому эпизоду, как нападение Цинского государства на русские владения на Амуре в XVII в., тон большинства книг и статей не оставляет сомнения в «сочувствии» Китаю, который вопреки очевидным фактам изображается «жертвой» русской агрессии. Как известно, исследования советских ученых и опубликованные ими первоисточники делают сегодня картину событий на Амуре в XVII в. настолько ясной, что остается только ловить антисоветских комментаторов за руку, показывая игнорирование ими источников²⁵.

Справедливость требует отметить, что грубую несостоятельность территориальных притязаний китайских шовинистов к России (как и их претензий на территорию МНР) с исторической и правовой точек зрения не могут в какой-то степени не признавать (в большинстве случаев вполголоса или по отдельным вопросам) наиболее серьезные и компетентные буржуазные ученые. О. Латтимору, например, случалось писать, что территориальные претензии Китая необязательно справедливы. Даже в современной работе Р. Квестед, с ее явной прокитайской настроенностью, все-таки признает, что территориальные приобретения России на Дальнем Востоке в середине XIX в. сделаны мирным, дипломатическим путем и что речь идет о территориях, которые не были заселены китайцами²⁶.

²⁵ См. «Русско-китайские отношения. Документы и материалы». М., т. I (1969 г.), т. II (1972 г.).

²⁶ R. Quested. The Expansion of Russia in East Asia. 1857—1860. Kuala-Lumpur, Singapore, 1968.

В области изучения советско-китайских отношений буржуазными синологами господствует установка, будто СССР в отношениях с Китаем всегда неправ, а Китай прав — будь то переговоры о КВЖД (Китайская Восточная железная дорога), состояние торговых связей или даже помощь СССР китайскому освободительному движению. Таких ученых не смущает, что в период гоминьдановского господства в Китае буржуазные историки, осуждая и «разоблачая» СССР, утверждали, что помощь СССР китайским коммунистам огромна и имеет для китайской революции большое значение. Сегодня они с равным усердием осуждают СССР за то, что эта помощь КПК якобы была корыстной и недостаточной, что СССР-де больше помогал чанкайшистскому гоминьдану и т. п.

Таким образом, проблемы, изучаемые современной западной синологией, и решения, предлагаемые ею, не оставляют сомнения в том, с какой целью и в чьих интересах производилась и производится сейчас реорганизация китаеведения на Западе. Речь идет в конечном счете об интересах империалистических кругов, заинтересованных в том, чтобы максимально противопоставить Китай социалистическому лагерю. Бросается в глаза, что новые концепции прямо перекликаются с маоистскими фальсификациями истории Китая²⁷.

В самом деле, поддержка культа Мао, оправдание его политики и вообще китайского национализма, антисоветизм буржуазной синологии — прямо смыкаются с главными установками современной официальной пекинской исторической «науки».

Постепенное преодоление западной наукой европоцентристского взгляда на всемирную историю, явление само по себе необходимое и прогрессивное, может быть в то же время использовано в некоторых случаях заинтересованными империалистическими кругами для перехода от европоцентризма к китаецентризму, столь близкому сердцу великоханьского шовиниста.

Расхождения буржуазных и китайских ученых в оценке империализма также сглаживаются: «осуждение» империализма пекинскими учеными все более становится чисто словесным и, кажется, вот-вот сольется с таким же словесным «осуждением» старого колониализма, все чаще встречающимся в работах западных историков.

Остается расхождение в вопросе о докапиталистическом китайском обществе: преобладающая в Пекине концепция не признает «особого» развития Китая и настаивает на общности законов прогресса в Китае и во всем мире, стремясь лишь показать «классический характер» проявления в Китае общемировых закономерностей. Однако в этом пункте маоистская и западная концепции истории как бы питают друг друга взаимными слабостями и ошибками: вульгарное представление маоистских историков (Го Мо-жо) об отношении между базисом и надстройкой, компрометируя материалистический подход к истории, облегчает антимарксистам отрицание определяющей роли экономического фактора и существования общественно-экономических формаций.

Западная синологическая наука, даже буржуазная, не представляет, конечно, единого целого. Мы рассмотрели только явления, наиболее характерные для ее ведущих направлений. Несомненно, успехи марксистско-ленинского китаеведения, особенно в социалистических странах, оказывают все большее воздействие на мировую синологическую науку, поддерживая в ней положительные моменты, разоблачая империалистические и промаоистские концепции.

²⁷ Подробнее об этом см.: В. Никифоров. Перекраивание истории маоистами. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2.

Мориносукэ Кадзима—апологет японской экспансии в Китае

К вопросу о доктрине «специальных интересов» Японии на Дальнем Востоке

С. С. Пасков

Главным содержанием внешней политики японского империализма к началу XX в. стала попытка захвата Кореи и экспансия в Китае. В зависимости от этой политики складываются и отношения Японии с США, Россией, Англией, Германией и другими империалистическими государствами.

Основу японской политики в Китае в течение многих десятилетий составляла доктрина так называемых «специальных интересов», первое официальное упоминание о которой содержится в англо-японском союзном договоре от 30 января 1902 г.¹ Под «специальными интересами» имелись в виду экономические, политические, идеологические, военные и территориальные интересы японского империализма, обосновывавшиеся географической близостью Кореи и Китая, территория которых якобы была необходима Японии для обеспечения ее собственной безопасности. Названная доктрина преследовала цель полностью подчинить Китай Японии и вытеснить из зоны Дальнего Востока соперников, главным из которых с конца XIX в. являлись США и царская Россия.

Политика «специальных интересов» была противопоставлена американской доктрине «открытых дверей», против которой Япония боролась с момента ее провозглашения, хотя официально и признавала «открытые двери» в Китае. Японо-американские противоречия на Дальнем Востоке уже тогда носили непримиримый характер. Они неизбежно вели к войне на Тихом океане, что неоднократно подчеркивал В. И. Ленин².

После поражения Японии во второй мировой войне представители различных направлений и школ японской историографии обращаются к истории внешней политики японского империализма в поисках причин

¹ Текст договора см.: А. Гальперин. Англо-японский союз (1902—1921 гг.). М., 1947, стр. 420—422. Документы правительства Японии о доктрине «специальных интересов» в Китае см., например, в публикации: «Нихон гайко нэмпё нараби сюё бунсё, гаймусёхэн» («Хронологические таблицы и важнейшие документы по истории японской дипломатии», сб. МИД Японии). Токио, 1965, т. I, стр. 210, 306, 332 (на японск. яз.).

² См.: В. И. Ленин. Война и революция. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 98; «Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов». — Полн. собр. соч., т. 42, стр. 94.

тихоокеанской драмы³. Этим же задачам служили труды видного деятеля либерально-демократической партии, в то время государственного министра, депутата парламента, доктора юридических наук Мориносукэ Кадзима, положившего начало официальному направлению в послевоенной историографии внешней политики Японии⁴. В последующие годы он интенсивно продолжал исследования, что вызывалось настойчивым желанием обелить агрессивную политику Японии. Интерес к ее проблемам в свою очередь объяснялся стремлением националистических, консервативных кругов Японии использовать опыт дипломатической борьбы за господство в Восточной Азии в интересах нынешней политики Японии. Непосредственным ответом на этот социальный заказ явилось издание 38-томной «Истории японской дипломатии», которая стала выходить с марта 1970 г. Такое крупное издание дипломатической истории Японии предпринимается впервые. Его первая часть — от «открытия» Японии в 1853 г. до Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. — написана М. Кадзимой⁵. Всего в подготовке издания принимало участие более ста человек — главным образом бывшие крупные чиновники японского министерства иностранных дел, а также университетские историки.

Идейно-теоретическая основа работ Кадзимы — прагматизм, хотя сам автор отрицает присутствие какой-либо философии в его сочинениях⁶. Его антикоммунистическая и националистическая платформа отражает воззрения японской либерально-демократической партии⁷.

Внешняя наукообразность, которая создается введением в оборот обширного круга новых официальных дипломатических документов (иных источников, а также достижений других историков Кадзима не признает), все же не в состоянии скрыть тенденциозность главной концепции его трудов. Точка зрения Кадзимы не является господствующей в японской исторической литературе, но он и его коллеги пользуются поддержкой правящих кругов, не без помощи которых труды Кадзимы распространяются за рубежом в сокращенном переводе на английском языке⁸.

Предыстория доктрины «специальных интересов»

Из одиннадцати глав «Истории японо-американских дипломатических отношений» семь посвящены переговорам Японии и США, касающимся их политики в Китае; вопросы японо-китайских отношений рас-

³ См.: Синобу Сэйдзабуро. Тайсё сэйдзи си («История политики периода Тайсё»). В 4 томах. Токио, 1951—1952; Киёси Иноуэ. Нихон-но гункокусю («Японский милитаризм»). В 2 томах. Токио, 1953; «Нихон гайкоси кэнкю, Тайсё дзидай» («Исследования по истории японской дипломатии, период Тайсе»). — Сб. статей. Токио, 1958.

Период Тайсё по японскому летоисчислению охватывает 1912—1925 гг.

⁴ Кадзима Мориносукэ. Нитибэй гайкоси («История японо-английских дипломатических отношений»). Токио, 1957; «Нитибэй гайкоси» («История японо-американских дипломатических отношений»). Токио, 1958.

⁵ Кадзима Мориносукэ. Нихон гайкоси («История японской дипломатии»). Тома 1—13. Токио, 1970—1971.

⁶ Кадзима Мориносукэ. Нитибэй гайкоси, стр. 1—2; «Нихон гайкоси», т. 1. Предисловие, стр. 7.

⁷ О внешнеполитической идеологии ЛДП см.: И. А. Латышев. Правящая либерально-демократическая партия Японии. М., 1967, стр. 37—46; «Националистические тенденции в политике правящих кругов Японии». — «Народы Азии и Африки», 1971, № 3.

⁸ См., например, такие труды Кадзимы, как "A Brief Diplomatic History of Modern Japan". Tokyo, 1969; "Modern Japan Foreign Policy". Tokyo, 1970.

считаются в одиннадцати из тринадцати первых томов «Истории японской дипломатии», написанных Кадзимой. Такое внимание к японо-китайским отношениям соответствует месту, которое они занимали во внешней политике Японии.

Причины обострения японо-китайских отношений Кадзима видит в противодействии Китая мнимому стремлению Японии добиться «полной независимости Кореи» и его попытках усилить свое влияние в этой стране. Именно этим он объясняет возникновение японо-китайской войны 1894—1895 гг.⁹ Автор расписывает трудности Японии в этой войне; он утверждает, что державы Европы и Америки накануне войны считали, что выиграет Китай. Но они, по его мнению, переоценили силы дряхлого Цинского государства и игнорировали развитие новой Японии¹⁰.

Кадзима упивается победами Японии в японо-китайской войне и завоеванным ей «правом» диктовать условия — «умеренные», как считает автор. Противоречия между империалистическими державами на Дальнем Востоке, которые привели тогда к вмешательству Германии, России и Франции в условия японо-китайского мира с целью ограничения непомерных претензий Японии, он сводит к этической стороне, называя это вмешательство «печальной главой» в истории японской дипломатии.

Упорно подчеркивая одну сторону английской политики — тенденцию к сближению с Японией, Кадзима замалчивает другую — стремление Англии обострить русско-японские отношения¹¹. Не говорит он и об англо-японских противоречиях. Что касается оценки позиции США, то здесь Кадзима с прямым умыслом ищет непосредственную связь с современностью и постепенно подходит к определенной статичной схеме международных отношений: одной из ее составных частей является противопоставление СССР и США. На первый взгляд может показаться странным, что эта концепция обнаруживает явное сходство с маоистской теорией «двух сверхдержав», но и ту и другую концепции питают сходные корни, ибо и та и другая основываются на национализме.

Кадзима не только восторгается действиями Японии. Он критикует отдельные неудачи японской дипломатии. Здесь он не оригинален. Можно сказать, что в современной японской историографии вообще нет ни одного направления и школы, не высказавшей своего критического отношения к внешней политике Японии того периода. Но Кадзима выражает свое неудовольствие в форме констатации факта с откровенно империалистических позиций. Так, по его мнению, ошибка японской дипломатии прежде всего заключалась в том, что от Цинского Китая не было получено обязательство не уступать и не сдавать в аренду Ляодун третьему государству¹².

Как известно, опьянение победой над Цинским Китаем стимулировало дальнейший рост внешнеполитического авантюризма правящих кругов Японии. Этого «не заметил» Кадзима. Он лишь сожалеет, что вмешательство трех держав сулило Японии затруднения на этом пути в будущем; с другой стороны, он с удовлетворением отмечает, что Англия, намеревавшаяся заключить союз с Китаем, стала теперь склоняться к союзу с Японией¹³.

⁹ «Нихон гайкоси», т. 4. Введение, стр. 1.

¹⁰ Там же, стр. 1—2. Об оценке Англией и другими державами военных сил Китая и Японии см.: А. Гальперин. Указ. соч., стр. 26—27.

¹¹ О политике Англии подробнее см.: Л. Л. Зарина, С. Г. Лившиц. Британский империализм в Китае (1896—1901). М., 1970, стр. 16—17.

¹² «Нихон гайкоси», т. 4. Введение, стр. 4.

¹³ Там же. См. также: А. Гальперин. Указ. соч., стр. 27, 29.

После японо-китайской войны 1894—1895 гг. роль Китая во внешней политике Японии резко усиливается, особенно в годы борьбы империалистических держав за раздел этой страны. Япония хотела себе урвать наиболее крупные куски, играть здесь первую роль. Кадзима деликатно указывает, что раздел Китая был для Японии «жизненно важной проблемой, к которой она не могла относиться безучастно» (1). Автор там, где это ему выгодно, избегает четких формулировок. Известно, однако, что отношение к Китаю Японии определялось тогда и позже интересами империалистической экспансии, стремлением к захвату его территории, причем Япония стремилась обеспечить себе наибольшие преимущества.

Основная суть концепции Кадзими приводит его к традиционному тезису о «цивилизаторской миссии» Японии в Азии и одновременно об «особой агрессивности» России, настойчиво пропагандировавшемуся рядом японских дипломатов еще на рубеже XIX—XX вв.¹⁴ Кадзима вопреки фактам упорно пытается взвалить на царскую Россию всю ответственность за англо-русские противоречия и за агрессивные акции Англии на Дальнем Востоке, поскольку Россия якобы угрожала торговым интересам Англии и даже безопасности Индии и вообще всех английских колоний¹⁵.

Оправдание империалистической политики Англии — союзницы Японии по разбою на Востоке — нужно Кадзиме, как всегда, только для того, чтобы обосновать политику Японии — изобразить ее «защитницей» Китая, вступившей для этих целей в союз с Англией и поддерживавшей якобы все «справедливые» соглашения о Китае (например, англо-германское соглашение о территориальной целостности Китая, заключенное в октябре 1900 г.)¹⁶.

В полной мере необъективность Кадзими сказалась и на оценке им позиций США в отношении Китая и в связи с этим характеристики японо-американских отношений. Современный военно-политический союз с США поставил перед империалистическими кругами Японии задачу завуалировать японо-американские противоречия не только в настоящем, но и в прошлом. Ради этого реакционные ученые Японии идут, как мы увидим далее, на прямую фальсификацию истории.

Общеизвестно, что американская доктрина «открытых дверей» преследовала цель обеспечить США, как наиболее экономически мощной державе, преимущественное положение в Китае по сравнению с другими, более слабыми империалистическими соперниками¹⁷.

Кадзима делает вид, что не понимает этого. По его мнению, целью американской доктрины было обеспечить «совершенно равные возможности» для торговли и мореплавания всех стран в существующих и будущих сферах влияния и интересов держав в Цинском Китае. Рассматривая внешнюю политику в отрыве от экономического базиса, от уровня экономического развития, он пытается «не заметить», что в конечном итоге «открытые двери» должны были обеспечить значительные преи-

¹⁴ См., например: К о м у р а Д з ю т а р о. Нихон гайко нэмпё нараби сюё бунсё, т. 1. Документы, стр. 201.

¹⁵ «Нихон гайкоси», т. 5. Введение, стр. 2—3. Ср. А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956; А. Г а л ь п е р и н. Указ. соч.; Л. Л. З а р и н а, С. Г. Л и в ш и ц. Указ. соч.

¹⁶ «Нихон гайкоси», т. 5. Введение, стр. 4.

¹⁷ См.: Г. В. Е ф и м о в. Происхождение и империалистическая сущность доктрины «открытых дверей». — «Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук, выпуск 5». Л., 1955; А. А. Ф у р с е н к о. Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей», 1895—1900. М.—Л., 1956.

мущества в Китае наиболее развитой в финансово-экономическом отношении державе, то есть США. Позицию Японии он трактует весьма произвольно, утверждая, будто у Японии не было причин выступать против доктрины государственного секретаря США Хэя относительно «открытых дверей», так как Япония-де считала, что «открытые двери» в какой-то степени ограничат монополию России, Германии, Франции в Китае, и приняла американское предложение при условии, что с ним согласятся и другие державы¹⁸.

В действительности же согласие Японии было лишь формальным, она не желала остаться в изоляции и, хотя в последующие годы многократно заявляла о своей поддержке политики «открытых дверей», с самого начала повела активную борьбу против американской доктрины. Это отчетливо проявилось, например, в решении японского кабинета о финансировании предприятий в Китае и Корее от 2 октября 1902 г.¹⁹. Следовательно, и утверждение Кадзимы, что Япония вместе с Англией твердо поддерживала доктрину Хэя, лишено оснований, так как это была поддержка только на словах, маскирующая истинные цели японской политики.

Прямым и непосредственным отрицанием политики «открытых дверей» явилась встречная доктрина «специальных интересов» Англии и Японии на Дальнем Востоке.

Как отмечалось выше, англо-японский союзный договор, подписанный 30 января 1902 г., был первым официальным документом, в котором фигурировал термин «специальные интересы» Англии в Китае, а Японии — в Китае и Корее.

В Японии особо подчеркивалось политическое значение так называемых «специальных интересов».

Официальная трактовка доктрины «специальных интересов» содержится в мемуарах японского дипломата Кикудзиро Исии, который писал: «Под специальными интересами Японии в Китае подразумевались прежде всего *политические* (курсив наш. — С. П.) и лишь между прочим экономические интересы»²⁰. Для Исии принятие официальной концепции «специальных интересов» вполне естественно, он — один из проводников этой политики.

Чем же вызваны, по Исии, эти интересы? Оказывается, тем, что Япония «не может существовать без Китая, а японский народ не может прожить без китайского. Чем бы Китай ни болел — гражданской войной, эпидемией или политическими ересями, — зараза перекинется в Японию, и японский народ будет тоже страдать»²¹. Иначе говоря, империалистические замыслы японских монополий и военно-бюрократических клик относительно Китая выдаются здесь как «общность» и взаимозависимость судеб народов Японии и Китая. Знакомые паназиатские мотивы!

М. Кадзима приводит выдержки из документов — инструкций МИД японским дипломатам, протоколов дипломатических переговоров, в том числе бесед К. Исии с государственным секретарем США Робертом Лансингом в 1917 г., в которых содержится объяснение «специальных интересов» Японии в Китае. Область интересов Японии толкуется в этих документах несколько шире, чем в мемуарах Исии. Под ними понимаются и экономические и политические интересы, хотя преи-

¹⁸ «Нихон гайкоси», т. 5. Введение, стр. 4—5.

¹⁹ «Нихон гайко нэмпё нараби сюё бунсё», т. 1. Документы, стр. 206.

²⁰ Исии Кикудзиро. Дипломатические комментарии. Перевод с английского. М., 1942, стр. 102.

²¹ Исии Кикудзиро. Указ. соч., стр. 102.

мущество отдается последним. При этом подчеркивается, что другие державы, в частности США, имеют в Китае главным образом экономические интересы²². В этом усматривается разница между политикой Японии, с одной стороны, и США — с другой.

Политические интересы трактуются прежде всего с точки зрения обеспечения самообороны Японии; при этом указывается, что если какая-то держава попытается насадить свое политическое влияние в Китае, то Япония должна будет принять меры против нее²³. Тем самым косвенно признается, что Япония стремилась занять господствующее положение в Китае и вытеснить оттуда другие державы; агрессия лицемерно объявляется «самообороной».

Что касается экономических интересов, то Япония выражала намерение не препятствовать предпринимательской деятельности иностранных капиталистов в тех пределах, в каких она не нарушала японских «специальных интересов». Но какие-либо соглашения и контракты на строительство железных дорог и разработку природных богатств в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии должны были заключаться с японцами, а не с китайской администрацией²⁴.

Как видим, упорное стремление автора подчеркнуть ведущую роль политических интересов Японии представляет собой попытку поставить все с ног на голову, поскольку борьба Японии за Китай определялась в конечном итоге экономическими интересами японского империализма. В то же время несомненно и стремление японских правящих классов закабалить Китай политически, лишить его возможности самостоятельного и демократического развития.

Своеобразие японской политики состояло в частичной замене экономических мер военными акциями и прямым захватом территорий ввиду относительной экономической слабости японского империализма. Конечно, об этом Кадзима умалчивает.

Одним из аргументов при обосновании «специальных интересов» Японии в Китае является широко распространенный в реакционной историографии тезис о географической близости двух стран, также заимствованный из официальных дипломатических документов, где проводилась даже параллель с особыми отношениями между США и Мексикой²⁵.

Главный же аргумент состоял в том, что судьба Китая якобы не оказывала непосредственного влияния на другие державы, для Японии же это был «жизненно важный вопрос». Поэтому вмешательство во внутренние дела Китая — это обязанность (!) Японии с точки зрения ее благополучного развития²⁶.

Таким образом, Кадзима вытаскивает на свет и принимает за основу потерянные от многократного употребления тезисы из арсенала довоенных японских дипломатов и милитаристов. Доктрина «специальных интересов» предстает у него как якобы справедливая, обоснованная и единственно возможная политическая линия Японии в отношении Китая, диктуемая интересами безопасности японского государства. Не для того ли нужны автору старые аргументы, чтобы доказать право на экспансию современного японского империализма в странах Восточной Азии?

На базе этих «аргументов» Кадзима считает естественными все агрессивные акции Японии, предпринятые ею в отношении Китая на ос-

²² Кадзима Мориносукэ. Нитибэй гайкоси. 2-е изд. Токио, 1964, стр. 130.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 131.

²⁵ Там же, стр. 134.

²⁶ Там же, стр. 135.

нове доктрины «специальных интересов». Позицию и интересы последнего автор не принимает в расчет.

Формально разделяя с Англией влияние на Дальнем Востоке в соответствии с доктриной «специальных интересов», практически японский империализм старался монополизировать экономические и политические позиции в Китае.

В этом отношении показателен провал плана Гарримана о совместном японо-американском управлении ЮМЖД, которому Кадзима уделяет соответствующее внимание. Из приводимого им материала видно, что даже те японские государственные деятели, которые вначале одобрительно относились к плану Гарримана (например, маркиз Каору Иноуэ), рассчитывали использовать японо-американское сотрудничество против России²⁷.

Попытка реабилитации обанкротившейся доктрины

Кадзима поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу — реабилитировать своекорыстную японскую политику в Китае и одновременно обосновать «извечную» японо-американскую дружбу, несовместимую с этой политикой. Такие противоречивые цели порождают и противоречивые утверждения. Автору трудно лавировать в потоке официальных концепций и дипломатической казуистики²⁸.

Противоречит автор сам себе и когда пытается уверить читателя в необходимости и закономерности японской экспансии в Китае и одновременно — отсутствию у Японии стремлений к территориальным приобретениям. Так, Кадзима обращает внимание на обещания Японии не только вернуть Китаю захваченную японцами германскую военно-морскую базу Циндао, но и не требовать никаких других территорий. При этом он опускает широко известные факты о попытках Японии заручиться согласием Англии, Франции и царской России поддержать на мирной конференции после окончания первой мировой войны требования Японии о передаче ей германских прав на территории в Шаньдуне. Эти факты приводят как советские, так и японские прогрессивные историки. И конечно, в наиболее наглой форме грабительские планы японского империализма содержались в так называемом «21 требовании», предъявленном Японией правительству Юань Ши-кая (1915 г.).

Автор намеренно старается обойти новый этап в обострении противоречий между Японией и США, накануне и после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Напротив, он пытается доказать, что японо-американские противоречия в тот период сглаживались. Это проявляется в односторонней трактовке известного соглашения Лансинг — Исии (1917 г.). Кадзима придерживается традиционной оценки его как успеха японской дипломатии, добившейся признания американцами доктрины «специальных интересов». Оптимизм автора явно преувеличен: это был лишь временный компромисс²⁹, не да-

²⁷ «Нитибэй гайкоси», стр. 274—275. Подробно о плане Гарримана см.: П. П. Савостьянов. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке. М., 1958, стр. 17—30.

²⁸ «Нитибэй гайкоси», стр. 276.

²⁹ См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)». М., 1951, стр. 239—240.

вавший Японии оснований трубить победу в многолетней борьбе за дипломатическое признание ее основного внешнеполитического курса на Дальнем Востоке, хотя бы потому, что в секретном приложении к соглашению Япония согласилась не добиваться «особых прав и привилегий в Китае, которые поведут к ущемлению прав граждан других дружественных держав»³⁰. Американское же признание носило формальный характер. Дальнейшее обострение японо-американских противоречий в Китае и на Советском Дальнем Востоке, денонсация соглашения вскоре после Вашингтонской конференции, на которой «открытые двери» в Китае впервые получили фактическое международное признание, убедительно доказали это.

Кадзима не признает роли мирной политики Советской России в развитии международных отношений на Дальнем Востоке. Инициативу в попытках сохранить мир в этом районе и в борьбе за независимость Китая он приписывает империалистическим государствам. Такого рода утверждения характерны для реакционной буржуазной историографии в целом.

Автор дает патетически-восторженную оценку Вашингтонской конференции 1921—1922 гг., благодаря которой якобы «был гарантирован мир на Дальнем Востоке»³¹. Он словно не замечает, что Япония потерпела дипломатическое поражение на этой конференции, отмечая с протокольной торжественностью, что конференция достигла «больших результатов», в том числе и для Японии. Среди «результатов» не назван японо-китайский договор о возвращении Китаю провинции Шаньдун, ибо это была слишком явная уступка Японии нажиму держав, в первую очередь США.

К каким же выводам относительно доктрины «специальных интересов» Японии в Китае приходит доктор Кадзима?

Один из них был сформулирован еще в соглашении Лансинг — Исии: «...Территориальная близость создает специальные отношения между странами...»³². Осуществляются эти отношения с помощью политики «специальных интересов» в соседних странах, необходимой Японии якобы для защиты ее безопасности. Любые акции, предпринятые на основе этой политики, являются законными и справедливыми, поскольку совершаются в интересах японского государства (точнее — господствующего класса Японии. — С. П.).

Не стремление Японии установить безраздельное господство над Китаем и не острые империалистические противоречия, по Кадзиме, определяли японскую политику, а забота Японии... сохранить независимость, территориальную целостность Китая — таков главный вывод автора.

В этом вопросе, как пишет Кадзима, между Японией и США не было «никаких разногласий». Что же привело тогда эти страны к жестокой войне на Тихом океане? Япония, оказывается, здесь ни при чем, она боролась за мирное разрешение ситуации, США также не хотели войны. Война возникла сама по себе из-за гонки морских вооружений, она была порождена «технической необходимостью» военно-морских операций. На этом основании Кадзима пытается утверждать, что Япония не несет ответственности за развязывание тихоокеанской войны³³.

³⁰ См.: Х. Т. Эй дус. История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968, стр. 139.

³¹ «Нитибэй гайкоси», стр. 280.

³² Э. Д. Г р и м м. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927, стр. 194.

³³ «Нитибэй гайкоси», стр. 5.

Подкрасить прошлое, чтобы оправдать будущее, — такова задача японских псевдоученых историков-фальсификаторов. Кадзима, ссылающийся на официальные дипломатические документы, пишет, будто в них нет «никаких данных и доказательств», что Япония замышляла войну с США для защиты «специальных интересов»³⁴.

Материалы, обильно цитируемые Кадзимой, неизбежно вопреки намерениям автора подтверждают агрессивный курс японской политики в Китае. Предвзятый подход автора к истории не увязывается с его апелляцией к «объективности». Официальная задача Кадзимы сводится к апологии экспансионистской внешней политики Японии.

Но не один Кадзима пишет в Японии историю. Империалистическая сущность японской политики в Китае на убедительной документальной основе разоблачается в трудах прогрессивных японских историков³⁵, критически осмысливается в работах ряда представителей буржуазно-либерального направления.

С точки зрения современного высокого уровня развития исторической науки «работы» Кадзимы могли бы показаться вульгарным анахронизмом, который полагалось бы просто игнорировать. Но поскольку Кадзима претендует на роль официального историка, появляется необходимость со всей серьезностью разоблачать подобные фальсификации.

³⁴ «Нитибэй гайкоси», стр. 280—281.

³⁵ См.: Синобу Сэйдзабуро. Указ. соч.; Нэдзу Масаси. Нихон гэндайси («История современной Японии»). В 7 томах. Токио, 1966—1970.

КОММЕНТАРИИ

Антисоветизм — основа внешнеполитического курса Пекина

И. А. Алексеев

Все, кто следит за развитием событий в мире, отмечают резкое усиление анти-советизма в политической и пропагандистской деятельности Пекина после X съезда КПК, состоявшегося в конце августа 1973 г. Съезд усилил маоистский курс на вражду с Советским Союзом, на обострение международной напряженности.

Внутриполитический и внешнеполитический курс группировки Мао Цзэ-дуна отличается своей авантюристичностью, беспринципностью и противоречивостью. Прикрываясь «социалистической» фразеологией, он ориентирует страну на перманентные общественные потрясения типа пресловутой «культурной революции». Маоисты играют на противоречиях между различными категориями населения, искусственно обостряют эти противоречия, когда им это выгодно, всеми средствами поддерживают в стране обстановку «осажденной крепости».

Что касается политики Пекина в международных делах, то и здесь на первом месте ставка на «колоссальные потрясения», «великие смятения» и «великий раскол». Это было характерно для работы X съезда КПК, с этого начал свое выступление на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН глава китайской делегации Цяо Гуань-хуа. Он утверждал, что сегодня обостряются «основные противоречия в мире», пояснив, что под «основными противоречиями» маоисты понимают «противоречия между империализмом и колониализмом, с одной стороны, и угнетенными странами и народами — с другой, и противоречия между империалистическими странами, особенно между двумя сверхдержавами».

Маоисты сознательно искажают характер современной эпохи и ее основные противоречия, расстановку сил в мире. В их схеме отсутствует мировая социалистическая система, Советский Союз отнесен к категории империалистических стран, система империализма фактически состоит из «двух сверхдержав» — Советского Союза и США. Остальной же мир — это, по схеме маоистов, сфера антиимпериалистической борьбы. Эти спекулятивные манипуляции понадобились маоистам для того, чтобы сформировать в мире под своей эгидой фронт борьбы против «сверхдержав», а по существу против СССР.

При рассмотрении любой международной проблемы китайский представитель в ООН Цяо Гуань-хуа подходил с позиции тезиса о «двух сверхдержавах», их «соперничества за установление гегемонии над миром». Причем, как правило, он тут же разражался грубыми и многословными нападка на Советский Союз. Практически все положения его речи были проникнуты оголтелым антисоветизмом, стремлением любым способом очернить внешнюю политику СССР, подорвать дружбу Советского Союза с другими социалистическими странами, дискредитировать нашу страну в глазах народов развивающихся стран.

Объявив борьбу против «двух сверхдержав» главным вопросом современности, руководитель китайской делегации в ООН пытался навязать этот тезис большинству государств мира, отодвигая решение таких актуальных проблем, как разоружение, обеспечение мира и безопасности народов. Одним из важнейших элементов концепции «двух сверхдержав» являются попытки Пекина столкнуть США и СССР друг с другом. Маоисты спят и видят советско-американский вооруженный конфликт. Они не скрывают своих расчетов на то, что «схватка» между этими странами является «абсолютной и длительной», а нормализация отношений «относительной и временной». Выдавая желаемое за действительное, Цяо Гуань-хуа с трибуны ООН не раз пускался в расуждения об «отчаянной борьбе», «ожесточенной драке» между США и СССР.

Подоплека подобных «утверждений» хорошо известна. Любые признаки урегулирования проблем в советско-американских отношениях вызывают у официальных представителей КНР прямо-таки аллергическую реакцию. Цяо Гуань-хуа, например, никак не мог скрыть своего раздражения, когда говорил о подписании Советским Союзом и Соединенными Штатами соглашения о предотвращении ядерной войны, ибо оно никак

не вписывается в придуманную маонистами схему обострения «всеобщего хаоса в Поднебесной».

Есть еще одна сторона в высказываниях Цяо Гуань-хуа о советско-американском соглашении, на которой следовало бы остановиться. Китайский дипломат безапелляционно назвал это соглашение «просто клочком бумаги». Такое отношение к международным договорам и соглашениям характерно для нынешних китайских руководителей, которым ничего не стоит объявить любой неудобный им международный документ «клочком бумаги». Вот как, например, по этому поводу высказалась центральная пекинская газета «Жэньминь жибао»: «Всем известно, что от обязательств можно вероломно отказаться, а договоры порвать»¹. Опасная логика. Она должна насторожить любую сторону, вступающую в договорные отношения с Китаем.

Теория борьбы против «сверхдержав» направлена на раскол антиимпериалистических сил, на ее основе Пекин добивается сближения с наиболее реакционными и реакционистскими кругами в капиталистическом мире, пытается оправдать свой антисоветский курс, поссорить страны Азии, Африки и Латинской Америки с Советским Союзом и другими социалистическими государствами, лишить национально-освободительное движение его антиимпериалистической направленности. В то же время концепция «борьбы против сверхдержав» отнюдь не мешала китайским представителям при обсуждении на минувшей сессии Генеральной Ассамблеи ООН многих важных вопросов, затрагивающих интересы стран Азии, Африки и Латинской Америки и других «малых и средних стран», оказываться в одном лагере с Соединенными Штатами. Так было, например, при обсуждении проблем разоружения и обеспечения международной безопасности, положения на Ближнем Востоке, событий в Чили. 18 декабря 1973 г. Генеральная Ассамблея на своем пленарном заседании приняла резолюцию по укреплению международной безопасности, разработанную и внесенную совместно социалистическими и неприсоединившимися странами. За эту резолюцию было подано 97 голосов. Против голосовали представители Южно-Африканской Республики и Португалии. Делегаты Китая и Албании хотя и присутствовали на заседании, но от голосования уклонились. Среди воздержавшихся были США и другие страны НАТО.

Все очевиднее становится тот факт, что с помощью лозунга «борьба против сверхдержав» китайские представители в ООН и других международных организациях стремятся расколоть эти организации, разжечь антагонизм между их членами. Иначе говоря, деятельность маонистов направлена на подрыв одного из важнейших принципов ООН и ее органов — сотрудничества между всеми странами, независимо от размеров их территории, численности населения и уровня экономического развития.

С концепцией о «сверхдержавах» маонисты тесно увязывают и проблему разоружения. Представитель китайского руководства утверждал на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, что для подавляющего большинства государств, и в первую очередь для стран «третьего мира», проблемы разоружения вообще не существует, поскольку для них, дескать, главной задачей является не разоружение, а укрепление оборонительного потенциала в целях отстаивания своей независимости и борьбы против «посягательств со стороны сверхдержав». В то же время, как заявил Цяо Гуань-хуа, невозможно и разоружение «двух сверхдержав» в силу соперничества между ними. Другими словами, по логике пекинских лидеров, получается, что гонка вооружений неизбежна и необходима.

Пекинское руководство упорно уклоняется от участия в переговорах по разоружению и пытается сорвать любые мероприятия, направленные на обеспечение разоружения. Оно не хочет брать на себя никаких обязательств как в области ядерного разоружения, так и применительно к обычным видам вооружений, которые бы связывали ему руки в осуществлении широкой программы вооружений. КНР отказывается присоединиться к Московскому договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, к Договору о нераспространении ядерного оружия, к Договору о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсического оружия и об их уничтожении.

18 декабря 1973 г. на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялось голосование за резолюцию о созыве конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия. Сто членов ООН поддержали резолюцию и только делегаты Китая и Албании голосовали против.

Выступая в первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о созыве Всемирной конференции по разоружению 6 ноября 1973 г., представитель КНР заявил, что «настоящая Генеральная Ассамблея не должна принимать конкретного решения о созыве Всемирной конференции по разоружению и нецелесообразно заниматься подготовительной работой путем создания какого-то подготовительного органа, включая созыв Комиссии по разоружению ООН».

¹ «Жэньминь жибао», 6.XI.1973.

Чтобы скрыть негативный характер позиции КНР в вопросах разоружения и снять с себя ответственность за срыв дела разоружения, китайские руководители идут на всяческие уловки: то они выдвигают в ультимативной форме разного рода «предварительные условия», то делают демагогические «предложения», которые поставили бы Китай в преимущественное положение и позволили бы ему бесконтрольно проводить гонку обычных и ядерных вооружений. Китайские представители в ООН изображают, в частности, как панацею от всех бед принятие их требования о «неприменении первыми ядерного оружия». Совершенно ясно, однако, что это предложение призвано обеспечить Китаю свободу провокаций с использованием обычного оружия. Видно, не случайно Пекин и слышать не хочет о разоружении в области обычных видов вооружений. С другой стороны, обязательство о «неприменении первыми ядерного оружия» не налагает никаких ограничений на развитие и совершенствование Китаям ядерного оружия.

Этим, в частности, объясняются продолжающиеся резкие нападки Пекина на советское предложение «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия». Больше всего в предложении СССР китайских руководителей, очевидно, не устраивает наличие тесной взаимосвязи между обязательством о неприменении силы с использованием обычного оружия и обязательством о запрещении навечно применения ядерного оружия. Советское предложение, ставящее в равные условия все государства — большие и малые, слабые и сильные, обладающие ядерным оружием и не обладающие им, — является серьезной преградой на пути экспансионистских планов Пекина, который хотел бы сохранить за собой возможность устраивать вооруженные провокации с применением обычного оружия и одновременно обезопасить себя в ядерном отношении.

Китайские представители заняли резко отрицательную позицию и в отношении предложения СССР «О сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН на 10% и об использовании части сэкономленных средств на оказание помощи развивающимся странам» под тем предлогом, что это предложение, дескать, «трудно осуществимо». Однако главная причина их выступления против советского предложения заключается в том, что Пекин хочет скрыть от международной общественности расходы на вооружение, которые, по данным зарубежной печати, составляют свыше трети всех бюджетных расходов КНР.

Попытки маоистов под разного рода надуманными предлогами сорвать принятие этого важного конкретного предложения СССР потерпели провал. 8 декабря 1973 г. Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов одобрила советское предложение, продиктованное искренним стремлением закрепить успехи, достигнутые в деле оздоровления международной обстановки, сделать так, чтобы благами ослабления международной напряженности пользовались все народы мира. За соответствующий проект резолюции голосовали 83 страны, 38 стран воздержались и только две делегации — Китая и Албании — голосовали против. Таким образом, Пекин вновь противопоставил себя позиции большинства неприсоединившихся стран, у которых предложение СССР нашло широкую поддержку. Представителям развивающихся стран были непонятны выступления пекинской делегации против разрядки, и они твердо заявили о своей заинтересованности в ослаблении международной напряженности.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что одним из основных направлений деятельности китайской делегации на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи было стремление оклеветать политику Советского Союза в отношении развивающихся стран. Пытаясь воздействовать на африканские страны, китайский дипломат вновь прибег к бездоказательным обвинениям в «сговоре сверхдержав», которые, по его словам, «сеют раздор среди африканских стран, пытаются ловить рыбку в мутной воде». Лицемерно играя на антимпериалистических настроениях стран «третьего мира» и призывая бороться за полное равенство в международных отношениях, выдвигая фальшивые доктрины «борьбы против гегемонизма двух сверхдержав», «богатых против бедных стран», представитель Пекина упорно пытался толкнуть развивающиеся страны на путь конфронтации с Советским Союзом и социалистическим сотрудничеством.

Представители Китая всячески пытались очернить помощь Советского Союза развивающимся странам, в частности советскую военную технику, предоставленную арабским странам. Лучшим ответом на эти инсинуации маоистов является оценка советской помощи со стороны самих арабских народов. Выступая в Народном собрании АРЕ заместитель премьер-министра этой страны А. К. Хатем заявил: «Мы приветствуем дружественные страны, поддержавшие нашу справедливую борьбу, в первую очередь Советский Союз, социалистические, африканские и неприсоединившиеся страны. Политическая и экономическая помощь, оказанная нам Советским Союзом, советское оружие, с которым мы встретили агрессию, будут всегда составлять одну из самых прочных основ нашей дружбы»².

Известно, что возобновление военных действий на Ближнем Востоке было встречено в Пекине с большим удовлетворением, поскольку китайское руководство ожидало

² «Правда», 9.XII.1973.

в связи с этим обострения отношений СССР и США. Когда в октябре 1973 г. на Ближнем Востоке начались военные действия, нападки на политику СССР в этом районе мира заняли центральное место в антисоветской кампании, проводимой китайской делегацией в стенах ООН. Нелепые обвинения Советского Союза в «попустительстве и поощрении» агрессивных действий Израиля, в «подавлении освободительной борьбы арабских народов» были расценены в кулуарах ООН как явное желание погреть руки на арабо-израильском конфликте, подорвать дружбу Советского Союза с арабскими народами. Через все выступления Цяо Гуань-хуа и других представителей КНР в различных органах ООН в октябре — ноябре 1973 г. отчетливо проступало стремление подменить рассмотрение ближневосточного вопроса разглагольствованиями о так называемом «сговоре двух сверхдержав» в целях раздела Ближнего Востока. При этом маонистам совершенно безразлично, кто же является истинным виновником напряженности на Ближнем Востоке и кто прилагает все силы для того, чтобы найти скорейшее решение ближневосточной проблемы в интересах арабских народов.

В мировой прессе много писалось о том, каковы подлинные цели китайского руководства на Ближнем Востоке. Коротко говоря, они сводятся к тому, чтобы не допустить урегулирования конфликта на Ближнем Востоке, сохранить здесь очаг напряженности. Не случайно поэтому крайне раздраженную реакцию китайских представителей вызвала резолюция ООН о прекращении огня на Ближнем Востоке от 22 октября 1973 г., внесенная совместно Советским Союзом и США. КНР — единственная из членов Совета Безопасности — не поддержала резолюцию о прекращении огня (не участвовала в голосовании), действуя явно вопреки интересам арабских стран и играя при сложившихся обстоятельствах на руку Израилю. Глава китайской делегации Цяо Гуань-хуа в своем выступлении в Совете Безопасности 23 октября 1973 г. заявил, что резолюция Совета Безопасности о прекращении огня от 22 октября — это «клочок бумаги» и что арабский и палестинский народы «будут продолжать справедливую борьбу против агрессии».

В сложившихся условиях прекращения огня маонисты подстрекали арабские страны «решительно продолжать военные действия, не боясь жертв». Характер подобных провокационных призывов становится очевидным. Китайское руководство, практически не оказывая материальной, в частности военной, помощи арабским странам, «настоятельно рекомендует» им «опираться на собственные силы» перед лицом угрозы израильской агрессии, то есть отказаться от интернациональной помощи и поддержки всех прогрессивных сил, и в первую очередь Советского Союза и других социалистических стран, что означает остаться один на один с вооруженным до зубов агрессором.

Возмущение у представителей социалистических и развивающихся стран в ООН вызвало отношение Пекина к военному перевороту в Чили. Как известно, китайское руководство откровенно выразило свои симпатии главарям фашистского режима, свергнувшим законное правительство Альенде и развернувшим кровавый террор и преследование коммунистов, всех сторонников блока Народного единства.

Все это говорит о том, что китайское руководство во имя своих великодержавных целей все больше блокируется с наиболее реакционными силами, открыто становится на сторону империализма.

На XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи представители КНР вновь продемонстрировали, что они были и остаются противниками разрядки напряженности как в Европе, так и в Азии. Убедившись в том, что попытки сорвать совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе оказались бесплодными, маонисты изменили свою тактику. Используя трибуну ООН и аппарат своей внешнеполитической пропаганды, Пекин в последние месяцы усиленно стал запугивать Европу «советской угрозой», пытаясь вызвать рознь и вражду между европейскими странами, вернуть Европу к временам «холодной войны». При этом официальные китайские лица не скрывают, на чьей стороне находятся их симпатии. В беседе с американским журналистом Сульцбергером в конце октября 1973 г. Чжоу Энь-лай заявил, что если раньше он был против НАТО, то теперь он призывает этот блок «оставаться сильным», поскольку он якобы превратился в «оборонительный союз против Варшавского Договора, ставшего агрессивным».

Выявляется любопытная закономерность: чем более ощутимыми становятся положительные сдвиги в международной обстановке, тем сильнее шумят в Пекине по поводу так называемой советской «угрозы» или, как это делается в последнее время, возможности «внезапного нападения» СССР на Китай.

Однако, увлекшись подрывной деятельностью против европейской безопасности, пекинские пропагандисты в последнее время настолько зарпортовались, что, видимо, не заметили, как стали противоречить самим себе. Они выдвинули новую версию о том, что «острие стратегического наступления СССР главным образом направлено на Запад»³. Здесь уместно напомнить, что в Китае в свое время положительно относились к созданию системы коллективной безопасности в Европе, рассматривая ее как

³ «Жэньминь жибао», 7.XI.1973.

«единственный путь к устранению угрозы войны и обеспечению мира в Европе». «Создание такой системы,— подчеркивала в ноябре 1954 г. пекинская газета «Гуицзнь жибао»,— заложило бы основу для мирного сотрудничества в Европе... способствовало бы упрочению мира не только в Европе, но также в Азии и во всем мире».

Хорошо известно, что, когда КНР проводила политику мира и международного сотрудничества в одном строю со всеми социалистическими странами, ее правительство поддерживало предложение Советского Союза и о создании коллективной безопасности в Азии. Оно само высказывалось за заключение коллективного пакта о мире между странами Азии и бассейна Тихого океана, включая Соединенные Штаты, за создание в этом районе зон мира. Теперь же глава китайской делегации в ООН во всеуслышание называет систему коллективной безопасности в Азии «вздором», утверждает, что она якобы направлена против Китая, что Советский Союз — «европейская страна», и, дескать, с какой стати он так озабочен коллективной безопасностью азиатских стран.

Маоистов явно не устраивают такие основополагающие принципы будущей системы коллективной безопасности в Азии, предлагаемые Советским Союзом, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенность границ, недопустимость аннексии территории путем агрессии, урегулирование всех международных споров мирными средствами.

«Отношение к идее создания системы коллективной безопасности в Азии,— пишет прогрессивный индийский еженедельник «Блиц»,— служит своего рода водоразделом между силами, борющимися за превращение Азии в зону мира, и теми, кто не мыслит себе развития обстановки в этом районе без напряженности, пагнетаемой политикой сколачивания военных блоков, натравливания азиатских народов друг на друга»⁴.

Что касается аргумента об «антикитайской направленности» советского предложения, то он не выдерживает никакой критики. Позиция Советского Союза на этот счет неоднократно излагалась четко и ясно. Так, например, в выступлении на Всемирном конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 г. тов. Л. И. Брежнев подчеркнул: «Никто никогда не ставил вопроса о неучастии и тем более о какой-то «изоляции» Китая (не говоря уже о том, что вообще смешно думать об «изоляции» такой большой страны). Что касается Советского Союза, то он приветствовал бы участие Китайской Народной Республики в мерах, направленных на укрепление азиатской безопасности». В силу своей природы коллективная безопасность должна быть коллективным творчеством всех азиатских государств без каких-либо исключений.

Как видно, Пекин не желает связывать себя международными обязательствами, которые предлагается положить в основу коллективной безопасности в Азии. Не удивительно поэтому, что ни в одном внешнеполитическом документе Китая не содержится признания принципа недопустимости приобретения территории силой. И это понятно, поскольку нынешнее руководство Китая выдвигает территориальные претензии к своим соседям и подстрекает к этому другие страны.

Пекин яростно противодействует признанию принципа неприменения силы в качестве международно-правовой нормы. Как известно, руководство КНР отвергло все предложения советской стороны взять взаимные обязательства о ненападении или подписать договор о неприменении силы, в то время как оно согласилось проводить в жизнь этот принцип в отношениях с США и Японией.

В ноябре 1973 г. китайские представители в ООН отказались голосовать за проект резолюции по докладу спецкомитета об определении агрессии. За первый согласованный предварительный текст определения агрессии проголосовали 102 делегации. Китайская же делегация сначала пыталась использовать обсуждение этого вопроса для клеветы на внешнюю политику СССР, но, оказавшись в полной изоляции, игнорировала голосование.

Китайское руководство не может не видеть, что положительные сдвиги в международной обстановке в значительной степени явились результатом многолетних последовательных усилий Советского Союза и других стран социалистического содружества, подтверждением жизненности ленинской политики мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социально-политическим системам. Поэтому пекинские лидеры всячески пытаются опорочить миролюбивую политику СССР, сорвать проводимую Советским Союзом и другими социалистическими странами линию на разрядку международной напряженности, обеспечение прочного и длительного мира. Они выступают против любых конструктивных предложений Советского Союза и других социалистических стран, содействующих миру и безопасности.

Опыт трехлетнего пребывания представителей КНР в ООН убеждает, что маоисты, не имея собственной конструктивной позиции, стремятся увести ООН в сторону от делового обсуждения конкретных проблем, помешать этой организации эффективно выполнять ее главные задачи в области поддержания международного мира, безопасности и разоружения.

⁴ «Блиц», 7.XII.1973.

О яньаньских выступлениях Мао Цзэ-дуна

*А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук*

Ежегодно в мае месяце маоистская пропаганда обращается к теме о «победах» и «достижениях» в области культуры, проклиная противников «линии Мао Цзэ-дуна в литературе и искусстве». Этот своеобразный «сезон культуры» вызван к жизни тем, что в мае 1942 г. Мао Цзэ-дун дважды выступал в Яньани по вопросам литературы и искусства. С тех пор майская пропагандистская деятельность внешне носит юбилейный характер.

Прикрываясь юбилеем, китайская печать обливает грязью тех, кто не согласен с «идеями Мао Цзэ-дуна». Так, например, 6 мая 1972 г. «Жэньминь жибао» объявила, что творческая интеллигенция, высланная в деревню, перевоспитывается плохо и должна там оставаться подольше; в мае того же года «Гуанмин жибао» заявила, что если произведение искусства вызывает у людей сопереживание, то это, мол, «подмена классово-борьбы искусством»; тогда же «Жэньминь жибао» заявила, что типизация в литературе не должна иметь ничего общего с человечностью, а несколькими днями позже договорилась до того, что объявила талант вредным для художественного творчества. Все это подкреплялось цитатами из выступлений Мао Цзэ-дуна.

В мае 1973 г. по случаю 31-й годовщины выступлений Мао Цзэ-дуна в Яньани на страницах китайской печати вновь появились статьи по вопросам культурной политики. В них заметно стремление всю ответственность за «ликвидаторство» в области культуры переложить на одного Линь Бяо, который будто бы хотел «ликвидировать в корне революционную литературу и искусство»¹. Китайская печать вынуждена признавать, что желающим заниматься творческой деятельностью в Китае маловато, что имеет место пассивность и апатия, порожденные страхом перед эксцессами «культурной революции». Призывая активнее пропагандировать «идеи Мао Цзэ-дуна» средствами художественного творчества, газеты требуют усиления надзора за творческой деятельностью. «Руководящие товарищи, — пишет «Жэньминь жибао», — должны глубже погружаться в творческую практику, знакомиться с черновыми рукописями»². Иначе говоря, требуют усиления цензуры, контроля над мыслями.

Совещанию в Яньани по вопросам литературы и искусства и выступлениям Мао Цзэ-дуна на этом совещании посвящена обширная литература. В маоистском Китае она носит апологетический характер, в нашей стране — научно-исследовательский. Взгляды Мао Цзэ-дуна, изложенные в работах советских ученых, особенно в трудах В. Волжанина, неоднократно подвергались содержательному анализу³.

В настоящей статье предпринята попытка исторического подхода к этому основному документу маоизма по вопросам литературы и искусства. Цель автора — показать, что же действительно говорилось на яньаньском совещании в мае 1942 г. и насколько сказанное там получило отражение в конкретной политике китайского руководства и самого Мао Цзэ-дуна впоследствии.

Основной документ — текст выступления Мао Цзэ-дуна — существует в разных вариантах, между ними есть и существенные различия. Ныне принятый официальный документ сложился значительно позднее — в начале 50-х годов.

¹ «Жэньминь жибао», 28.IV.1973.

² «Жэньминь жибао», 23.V.1973.

³ См.: В. Волжанин. Политика группы Мао Цзэ-дуна в области культуры: теория и практика. — Сб. «Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэ-дуна». М., Политиздат, 1969, стр. 195—222; «Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна». М., «Мысль», 1970, стр. 248—280; В. Волжанин. Ленинизм и проблемы китайской культуры. Сб. «Ленин и проблемы современного Китая». М., Политиздат, 1971, стр. 187—216; И. М. Надеев. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. М., 1969.

Выступления состоялись 2 и 23 мая на первом и заключительном заседаниях совещания, между которыми было еще одно заседание, но точная дата его неизвестна. На первом и втором заседаниях Мао Цзэ-дун записал выступления участников, готовясь ответить на них в заключительном слове. Выступления участников совещания, кроме самого Мао Цзэ-дуна, не опубликованы, но они сохранились, о чем свидетельствует тот факт, что китайская печать иногда их цитирует. Так, некто Цзи Бэй-вэнь в «Гуанмин жибао» 9 августа 1970 г. писал: «В 1942 г., когда совещание по вопросам литературы и искусства в Яньани только началось, Чжоу Ян широкоовещательно заявлял, что «мы должны преемствовать историческую традицию новой литературы и искусства, сложившуюся в течение десятилетней деятельности Лиги левых писателей. Если мы отойдем от них, то утратим точку опоры».

Из сказанного следует, что материалы яньаньского совещания имеются, но хранятся в секрете, а Цзи Бэй-вэню было разрешено их использовать лишь в целях политической борьбы.

В августе 1966 г. мне довелось посетить Яньань и побывать на месте, где проводилось совещание. Здание, в котором оно проходило, невелико, комната — продолговатая по форме, середина ее занята составленными столами, за которыми на стульях сидели наиболее уважаемые участники, а остальные размещались на лавках вдоль стен или просто стояли; кто-то даже сидел на подоконнике. Последнее заседание проходило вечером в небольшом дворике, окруженном по китайскому обычаю высоким глиняным забором-дувалом. Выступали во дворе при свете костра.

Экскурсовод летом 1966 г. уже имел поручение «развенчивать» Чжоу Яна, фактического руководителя культурным фронтом Китая в 50-х — начале 60-х годов. В 1942 г. Чжоу Ян был профессором и заведующим учебной частью Академии искусств имени Лу Синя в Яньани. По словам экскурсовода, Чжоу Ян выступал на совещании дважды, причем его первая речь была расценена как противоречащая «идеям Мао Цзэ-дуна», а вторая речь состояла из покаяний в ошибках и клятв верности. Экскурсовод сказал также, что эти клятвы были лживыми. Нам сообщили, что каждый участник совещания выступал с речью в обязательном порядке, а некоторые, подобно Чжоу Яну, выступали дважды. Впоследствии такая форма стала общепринятой на маоистских собраниях и проработках в творческих организациях и вообще среди интеллигенции.

Общее число участников совещания, видимо, колебалось от заседания к заседанию, но на фотографии вместе с Мао Цзэ-дуном можно насчитать больше пятидесяти человек (фотография сильно выцвела)⁴. Так что число участников, вероятно, составляло около шестидесяти. Кроме деятелей культуры, там присутствовала молодежь из «Луи» — Академии искусств имени Лу Синя, например Вэй Дун-мин. На последнем заседании был Чжу Дэ, выступивший с кратким словом перед заключительной речью Мао Цзэ-дуна⁵.

Издававшаяся в Яньани газета «Цзефан жибао» откликнулась на проходившее совещание 14 мая, поместив объявление: «Совещание о литературе и искусстве, проводимое под руководством товарищей Мао Цзэ-дуна и Кай Фэна (бывшего тогда членом ЦК КПК. — А. Ж.), — большое событие, особенно для тех читателей, которые заинтересованы вопросами современного литературного движения. Газета решила поместить отдельные выбранные материалы, касающиеся этого совещания, а также мнения разных писателей «для обсуждения и сведения». На той же странице редакция поместила перевод статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Переводчик (под инициалами Р. К.) писал: «В настоящее время, когда мы проводим упорядочение стиля и обсуждаем некоторые вопросы литературы и искусства, эта статья имеет для нас наиважнейшее значение».

Ниже была напечатана статья писателя Сяо Цзюня «Мои взгляды по некоторым вопросам современной литературы и искусства». В ней было сказано: «2 мая под председательством товарищей Мао Цзэ-дуна и Кай Фэна было проведено совещание по литературе и искусству. Автор был одним из участников, выступил со своими мнениями по поставленным вопросам и сам выдвинул некоторые вопросы, ожидая от собравшихся дополнений и поправок. Здесь я думаю изложить то, что осталось в памяти от выступления для общего сведения».

На следующий день появилось выступление поэта Ай Цина под тем же заголовком, после чего публикации о выступлениях Мао прекратились.

Несомненно, какая-то часть из первого выступления Мао Цзэ-дуна легла в основу статьи Лю Бай-юя «Сомкнуться с реальной боевой жизнью», которая имеет тот же подзаголовок, что и статьи Сяо Цзюня и Ай Цина. 31 мая, в день публикации выступления Лю Бай-юя, редакция литературного приложения «Цзефан жибао» напечатала объявление: «Литературная страница приветствует следующие рукописи: 1. Очерки,

⁴ См. «Гэндай тюоку дзитэн». Токио, 1959, стр. 653.

⁵ Лю Шоу-сун. Очерк истории новой китайской литературы. Пекин, 1957, т. 2, стр. 31.

стихи и песни, рассказы, карикатуры и короткие пьесы и другие произведения о войне, о жизни Пограничного района; 2. Статьи о литературе и искусстве, рецензии и отзывы, заметки о книгах, а также боевые фельетоны по вопросам идеологии и культуры».

В дальнейшем внимание редакции газеты и большинства деятелей, находившихся в Яньани, привлекла кампания против взглядов писателя Ван Ши-вэя, но это уже особая тема, которая выходит за рамки настоящей статьи. Важно отметить, что текст выступлений Мао Цзэ-дуна в это время не публиковался. Первая публикация в газете «Цзефан жибао» имела место лишь 19 октября 1943 г.

Публикация называлась «Выступления тов. Мао Цзэ-дуна на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани в мае 1942 г.» и сопровождалась от редакции примечанием: «Публикуется в день 7-й годовщины со времени кончины Лу Синя». Тогда же издательство «Цзефан» выпустило текст выступлений отдельной брошюрой под заглавием «Вопросы литературы и искусства» («Вэньи взэньи»). В отличие от газеты в брошюре разделы заключительного выступления имеют отдельные заглавия, взятые первоначально из текста.

Это издание текста выступлений Мао Цзэ-дуна отнюдь не забыто в Китае и по-прежнему признается актуальным. Так, например, иллюстрированный журнал «Китай» недавно воспроизвел обложку брошюры с фотографиями связанными с деятельностью Мао Цзэ-дуна⁶.

Текст 1943 г. впоследствии публиковался в «Избранных произведениях» издания 1944 г. (Яньань), 1946 г. (Далянь), 1948 г. (Харбин). Заголовки в тексте и общее заглавие из яньаньской брошюры не удержались. В СССР имеется также брошюра издательства «Синь чжиши шудянь», которая озаглавлена «Направление движения за новую литературу и искусство» («Синь вэньи юньдунды фансян»). Текст 1943 г. значительно отличается от последующего текста 50-х годов, который ныне в Китае признан каноническим.

Однако возникает резонный вопрос: является ли текст 1943 г. тем самым, который произнес Мао Цзэ-дун в мае 1942 г.? Существующие материалы позволяют в этом усомниться.

Стилистическое изучение трудов Мао Цзэ-дуна предпринял Джером Чэнь. Он убежден, что выступления по вопросам литературы серьезно расходятся с другими текстами Мао Цзэ-дуна того времени, в частности с работой «Против шаблонных схем в партии» (февраль 1942). О самих выступлениях Джером Чэнь пишет: «Так как Мао не был начитан в современной литературе, вероятно, что оба эти эссе, особенно последний, как и многие другие его писания по политическим вопросам, давались его близким товарищам для замечаний до публикации или произнесения публично. В то время в Яньани Мао имел у себя под рукой для консультаций по интеллектуальным, особенно литературно-художественным вопросам Цзян Цин, Чжоу Яна и Чэнь Бо-да»⁷.

Однако гораздо больший интерес представляет не проблема авторства тех или иных маоистских «идей», а их политический смысл и значение. Что изменения в тексте происходили, сомнения нет. Но каковы они были, какую преследовали цель? Что же было действительно сказано Мао Цзэ-дуном, когда он выступал публично перед собранием в Яньани?

Имеется единственная в своем роде и поэтому весьма важная статья студента Вэй Дун-мина «Из института к практике», опубликованная в «Цзефан жибао» 2 июня 1942 г., десять дней спустя после заключительного выступления Мао Цзэ-дуна. Студент слушал речь Мао Цзэ-дуна и откликнулся на нее с юношеской непосредственностью. Его читателями были и те, кто слушал речь вместе с ним, знали эту речь и те работники редакции, кто печатал статью в газете. Так что нет оснований подозревать Вэй Дун-мина в искажениях: ему попросту не дали бы исказить смысл слов столь высокопоставленного оратора. Здесь интересен тот факт, что пересказ Вэй Дун-мина не находит соответствия в текстах выступлений — ни в канонизированном тексте 1953 г., ни в брошюре 1943 г.

Вэй Дун-мин писал то, что у него было еще свежо в памяти: «Интеллигенция должна орабочекрестьяниваться, — это указание призывает интеллигенцию произвести классовое перерождение, с мелкобуржуазных позиций перейти на пролетарские. Это перерождение, как указывал председатель Мао на совещании, очень важное дело; нужно принять важное решение, и потребует оно постепенного, длительного времени, не менее 8—10 лет. Председатель Мао также подчеркнул, что при контакте с массами надо самому стать белой бумагой, с искренним сердцем пойти на встречу с рабочими и крестьянами; нужно отбросить за облака девятого неба ученость марксистско-ленинских статей. Отсюда видно, что нельзя не разглядеть всего, что в тебе самом есть грязного; нельзя не заставить себя быть по-настоящему скромным и не стать листом чистой бумаги».

⁶ «Китай», 1971, № 10, стр. 26.

⁷ Jerome Chen. Mao's papers. 1970, XXVII—XVIII.

Эти условия, по Вэй Дун-мину, были совершенно обязательны для работников литературы и искусства, «иначе субъективное желание творить для масс превратится в критику масс». Свою статью автор охарактеризовал как «Протокол моего осознания (фаньсин) и решимости (цзюэсинь)», что свидетельствует о том, что она была написана в рамках всеобщего движения за «исправление стиля в работе».

Статья Вэй Дун-мина осталась исключением. Других подобных свидетельств яньаньских высказываний в китайской печати не появлялось. В аутентичности материалов Вэй Дун-мина не приходится сомневаться. Сравнение человеческого сознания с белым листом чистой бумаги позднее всплыло вновь в выступлениях Мао Цзэ-дуна⁸. На этот раз он употребил полюбившееся ему сравнение в отношении сознания народных масс, которое он рассматривал как чистый лист белой бумаги, иначе, чем в Яньани. Здесь он требовал от китайской интеллигенции самоотречения и отказа от марксизма. «Ученость» марксизма-ленинизма его не устраивала потому, что вступала в противоречие с его собственными «идеями».

Понятие «орабочекрестьянивания» («гуннунхуа»), возможно, тоже было произнесено Мао Цзэ-дуном, так как смысл его выступлений состоял в призыве к интеллигенции расстаться с передовым революционным учением и идти на выучку к «массам». О том, чтобы нести марксизм-ленинизм в массы, Мао Цзэ-дун не помышлял, а, напротив, опасался этого. Свидетельство Вэй Дун-мина показывает, что в своих выступлениях Мао Цзэ-дун фактически потребовал от слушателей отказаться от марксистско-ленинских принципов.

В публикации речей 19 октября 1943 г. исключены из текста прямые выпады против марксизма-ленинизма. Однако сущность выступления, его основная направленность осталась прежней, лишь слегка закамouflированной. В начале своего заключительного слова 23 мая Мао Цзэ-дун говорил: «При обсуждении любых вопросов мы должны исходить из действительности, а не из готовых определений. Было бы неверно разыскивать в учебниках определения — что такое литература, что такое искусство и, исходя из этих определений, устанавливать направление современного развития в нашей литературе и искусстве и судить о правильности тех или иных взглядов, тех или иных мнений, высказываемых ныне в спорах. Мы — марксисты, а марксизм учит нас при рассмотрении любых вопросов исходить не из абстрактных определений, а из объективно существующих фактов, выработать свой курс, свою политику, свои практические мероприятия на основе анализа этих фактов»⁹.

Из этих слов, без изменений переходивших из издания в издание, совершенно непонятно, на чем же должен основываться анализ объективных фактов. Для марксистов анализ фактов — это марксистский анализ, приложение теории к действительности. Именно этого избегает Мао Цзэ-дун. Его призыв к отказу от «готовых определений» и «учебников» лишь слегка замаскированный выпад против марксистско-ленинской теории, ибо хорошо известно, что каких-то иных определений и учебников у китайских революционеров в Яньани просто не было. Декларация же «мы марксисты» тоже потребовалась для маскировки. Так что элементы прямого выпада против марксизма сохранились и в каноническом варианте сочинений Мао Цзэ-дуна.

Антимарксистские выпады в «Цзефан жибао» яньаньского периода далеко не редкость. Статья Вэй Дун-мина представляет интерес тем, что в ней связывается такой выпад непосредственно с выступлениями по вопросам литературы и искусства. В те же майские дни 1942 г., когда проходило совещание, была опубликована статья Чэнь Хуан-мэя «Долой книжных червей!». Тогда Чэнь Хуан-мэй работал в Академии искусств имени Лу Синя.

«Если заглянуть в историю, — рассуждал Чэнь Хуан-мэй на страницах «Цзефан жибао», — то ни в древности, ни в современности, ни в Китае, ни за границей среди тех, кто поднимался на великое дело, среди героев — великих людей, не бывало ни единого червя. Теперь у нас завелись новые книжные черви, хотя, если говорить вообще, новые книжные черви сделали шаг вперед. Древние книжные черви болтали о совершенномудрых, а новые твердят о Марксе, Энгельсе, Ленине и Сталине. Так как они зубрят принципы самой передовой научной теории, то их нельзя сравнивать с теми червями, что рылись в старых, замшелых книгах. Но только они почти одинаково бесполезны... Долой книжных червей!»¹⁰

Это выступление Чэнь Хуан-мэя было одновременным и созвучным выступлением Мао Цзэ-дуна. Само движение за «исправление стиля», активно провозглашенное в февральских речах Мао Цзэ-дуна 1942 г., было в целом направлено на устранение от партийного руководства коммунистов-интернационалистов, объявленных «догматиками», сторонниками «шаблонных схем» или, как у Чэнь Хуан-мэя, «книжными червями»¹¹. Таким образом, если исходить из свидетельств Вэй Дун-мина, можно сделать вывод.

⁸ «Вторая сессия Всекитайского съезда КПК». Пекин, 1958, стр. 66.

⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, т. III, 1969, стр. 90.

¹⁰ «Цзефан жибао», 20.V.1942.

¹¹ См. «Новейшая история Китая, 1917—1970 гг.». М., 1972, стр. 199—202.

что в мае 1942 г. Мао Цзэ-дун позволил себе открытую критику марксизма-ленинизма в устном выступлении на совещании по вопросам литературы и искусства.

Текст выступлений Мао Цзэ-дуна, опубликованный 19 октября 1943 г., уже освобожден от открытых антимарксистских прокламаций. Тем не менее, несмотря на правку, он сохранил немало мест, которые позднее были исключены из канонического варианта 1953 г. Более того, в 1953 г. в текст были внесены новые поправки.

Принципиальное различие выявляется и в вопросе о культурном наследии. В «каноническом» варианте сказано: «Мы должны овладеть всем прекрасным литературным и художественным наследием прошлого...»¹²

Это марксистское положение, против которого невозможно возражать. Однако Мао Цзэ-дун в 1942 г. его не провозглашал. В тексте 1943 г. самого понятия «овладение наследием» нет. Вместо тезиса об овладении наследием, выдвигаемого марксистами, Мао Цзэ-дун предлагает использование «всего полезного» в качестве «подспорья». Перевод «подспорье» не очень ясен, в оригинале смысл точнее: «цзе-цзянь», что значит «предохранить себя от повторения чужих ошибок». Таким образом, Мао Цзэ-дун видит ценность человеческой культуры только в предохранении себя от чужих ошибок в процессе собственного творчества. При этом отпадает важнейший момент: ознакомление народных масс с накопленным человечеством культурными ценностями. Сравним два текста, связанные с вопросом об отношении к культурному наследию.

1953 г.

«Поэтому мы никак не можем отказаться от того, чтобы *принять как наследство* (курсив мой. — А. Ж.) и использовать в качестве подспорья в своей работе произведения древних и зарубежных писателей и художников, пусть даже феодальных или буржуазных. Однако заимствованием и использованием нельзя, да и невозможно, подменять собственное творчество. Некритическое заимствование или слепое подражание произведениям древних или зарубежных авторов — это самый никчемный, самый вредный догматизм в литературе и искусстве»¹³.

1943 г.

«Поэтому мы никак не можем отказаться использовать в качестве подспорья в своей работе произведения древних и зарубежных писателей и художников, пусть даже феодальных и буржуазных. Однако только использовать в качестве подспорья, а не подменять, подмена в этом невозможна. Некритическое заимствование или слепое подражание произведениям покойников или зарубежных авторов, подмена ими — это самый никчемный, самый вредный догматизм в литературе и искусстве»¹⁴.

В тексте 1943 г. нет ни звука о «принятии наследства», зато «подмена» собственного творчества произведениями зарубежных авторов и «покойников» названа никчемным и вредным догматизмом. Что же скрывается за понятием подмены по Мао Цзэ-дуну? Очевидно, популяризация отечественной классической литературы и искусства, а также литературы и искусства зарубежных стран. Уже тогда, в яньаньский период, Мао Цзэ-дун стремился к тому вакууму культуры, который ему удалось осуществить лишь после разгрома КПК в ходе «культурной революции». Примечательна переключка выдвигавших им в тексте 1943 г. положений с последующей практической политикой маоистских властей в годы «культурной революции». Видимо, правка 1953 г. так и осталась чуждой Мао Цзэ-дуну, сохранившему свои прежние устремления. Об этом говорит, например, такая деталь: в опубликованном в 1943 г. тексте речи классики литературы и искусства названы тем же пренебрежительным словом — «покойники», что и в документах «культурной революции». Даже в таких мелочах Мао Цзэ-дун годы спустя сохранял свою позицию и не принял редактуру 1953 г.

Термин «покойники» встречается в одном из документов 60-х годов — в резолюции Мао Цзэ-дуна о работе творческих организаций от декабря 1963 г.: «Во многих организациях результаты социалистического перевоспитания до сих пор незначительны... Во многих организациях до сих пор господствуют «покойники». Многие коммунисты горячо поощряют феодальное и буржуазное искусство, но у них не находится желания поощрять искусство социалистическое»¹⁵.

Отсюда очевидна преемственность идей «культурной революции» по отношению к выступлениям в Яньани, причем последующая редакция осталась органически чуждой Мао Цзэ-дуну.

Важное место в «идеях Мао Цзэ-дуна» занимает проблема «обеспечения общедоступности» и «повышения уровня» в литературе и искусстве. Изложение этой проблемы

¹² Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, т. III, 1969, стр. 99.

¹³ Там же.

¹⁴ «Вопросы литературы и искусства», Яньань, 1943, стр. 13.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 28.V.1967.

в тексте 1943 г. значительно расходится с последующим вариантом, когда в текст были внесены дополнения, затемняющие первоначальный смысл, порождая двусмысленности.

Говоря о доступности литературы и искусства, Мао Цзэ-дун рассуждал о рабочих, крестьянах и солдатах: «С чем нужно идти к ним? С феодальным? С буржуазным? С мелкобуржуазным? Все не годится. Только с их собственным, принадлежащим рабочим, крестьянам и солдатам. Поэтому задаче воспитания рабочих, крестьян и солдат предшествует задача учиться у рабочих, крестьян и солдат»¹⁶.

В «каноническом» издании текст пересмотрен¹⁷. Вместо вульгарно-социологического подхода к классовой принадлежности искусства акцент делается на том, в чем «нуждается» тот или иной класс, в частности на том, что «нужно» рабочим, крестьянам и солдатам. А это совсем иное, верное марксистское понимание. Ведь победивший народ нуждается во всех культурных богатствах, накопленных человечеством, и получает возможность овладеть ими только после своей победы. Ныне же «идея» Мао Цзэ-дуна в этом вопросе противоположна марксизму-ленинизму, и он остался верен своим взглядам яньаньских времен, когда проводил их в жизнь с помощью «культурной революции» в 60-х годах.

Итак, согласно Мао Цзэ-дуну, рабочим, крестьянам и солдатам надо нести не высокие культурные ценности, которые им прежде были недоступны в условиях эксплуататорского общества, а нечто новое, им самим уже принадлежащее. Что же это такое, собственная литература и искусство масс? Мао Цзэ-дун говорит, что надо исходить из «наличествующего культурного уровня и литературы и искусства, находящихся в зачаточном состоянии»¹⁸. Видимо, согласно высокомерному суждению Мао Цзэ-дуна, только это «зачаточное» искусство и может быть доступно массам. Однако перед ним немедленно встает задача использовать это искусство в практических целях. Тогда Мао Цзэ-дун выдвигает новое понятие: «литература и искусство в естественных формах». Он пишет: «Хотя литература и искусство в естественных формах являются единственным источником литературы и искусства в идеологических формах, хотя первые по содержанию неизмеримо живее и богаче последних, однако народ не удовлетворяется первыми и требует последних»¹⁹.

Под литературой и искусством «в естественных формах» здесь имеется в виду народное творчество, не прошедшее обработку в духе «идей Мао Цзэ-дуна». Именно к такой обработке и призывал Мао Цзэ-дун собравшуюся в Яньани творческую интеллигенцию: «Если нет сырья и полуфабрикатов, то тебе не к чему будет приложить свой труд»²⁰.

В издании 1953 г. исчезло само понятие «литература и искусство в естественных формах», причем в ущерб прямому смыслу. Перестроенная фраза лишь повторяет общезвестную мысль об источнике всякого творчества: «Хотя общественная жизнь человечества является единственным источником литературно-художественного творчества, хотя сама она по содержанию неизмеримо живее и богаче литературы и искусства, однако народ не удовлетворяется ею одной и требует литературы и искусства»²¹.

Как мы видим, противопоставление здесь общественной жизни литературе и искусству лишь плоско констатирует самый факт существования этих, по Мао Цзэ-дуну, «идеологических форм».

Следовательно, в Яньани Мао Цзэ-дун исходил из того факта, что в жизни китайских трудящихся — рабочих, крестьян и солдат, — как бы неграмотны и необразованны они ни были, искусство играет определенную роль, и это народное искусство называл «естественной формой», а всякое иное — «обработанным». Он прямо утверждает это: «Общедоступная литература и искусство, так же как и литература и искусство повышенного уровня, — это обработанная литература и искусство. Так какое же различие имеется между ними? Различие в степени»²². Это собственное искусство народных масс, по его мнению, — стенгазеты, корреспонденции, песни, мелкие труппы и т. п.²³. Вот что должно братья за основу. От этого уровня можно начинать постепенный подъем. В то же время задача «повышения уровня» оказывается далеко отодвинутой, потому что «поднимать надо только от уровня рабочих, крестьянских и солдатских масс»²⁴, которым тот же Мао Цзэ-дун отказал в возможности ознакомления с классическим искусством. Так возникает маоистский порочный замкнутый круг: массы должны получать только то, что уже имеют, но после «обработки». В условиях Китая ссылка на массы имеет в виду прежде всего крестьянство. Этот факт получил верную оценку

¹⁶ «Вопросы литературы и искусства». Яньань, 1943, стр. 12.

¹⁷ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, т. III, 1969, стр. 97—98.

¹⁸ «Вопросы литературы и искусства». Яньань, 1943, стр. 12.

¹⁹ Там же, стр. 14.

²⁰ Там же.

²¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, т. III, 1969, стр. 100.

²² «Вопросы литературы и искусства». Яньань, 1943, стр. 14.

²³ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, т. III, 1969, стр. 103.

²⁴ Там же, стр. 98.

в советском литературоведении: «...Ставить все развитие литературы и искусства в зависимость от способности крестьянина воспринимать — значит заведомо обрекать китайскую культуру на длительный застой. Мао Цзэ-дун видит первоочередную задачу деятелей литературы и искусства не в приобщении масс к знаниям и культуре, не в повышении уровня эстетического восприятия народа, а в приспособлении к существующим низким культурным потребностям китайского крестьянина», — писал В. Волжанин²⁵.

Порочность подобной концепции проявляется и в принципах обработки, которой все-таки должна подвергаться «литература и искусство естественных форм» и которая определяется Мао Цзэ-дуном весьма узко — как «подчинение революционным задачам данного периода революции»²⁶. Видимо, этот узкий утилитаризм уже тогда был непривлекателен для творческой интеллигенции, поскольку выступления Мао Цзэ-дуна в варианте 1943 г., все-таки более близком к первоначальному, содержат прямые угрозы: «В рядах деятелей культуры, литераторов, художников и вообще работников фронта литературы и искусства, которые вместе с коммунистической партией, Восьмой армией и Новым четвертым корпусом ведут великую освободительную борьбу, могут, конечно, находиться и временно примазавшиеся элементы, вплоть до лазутчиков, засланных под вывеской литературы и искусства врагом и гоминьдановскими агентурными органами, однако, кроме этих людей, подавляющее большинство работников фронта культуры отдает свои силы общему делу»²⁷. Замечание об агентуре гоминьдана и японцев, сделанное в разгар кампании за «исправление стиля», было угрожающим. Мао Цзэ-дун усилил его грозный смысл, когда стал перечислять, какого рода литература и искусство существует в Китае. Он назвал литературу феодальную и буржуазную, обслуживающую империалистов, и «литературу национальной измены». Он заявил: «Есть еще литература и искусство, обслуживающие агентурные учреждения, ее можно назвать агентурной литературой. Внешне такая литература и искусство могут быть очень революционными, но по существу они не выходят за пределы трех названных выше разновидностей»²⁸.

Здесь нет никакого классового анализа, ни следа классового подхода, а есть лишь стремление терроризировать слушателей возможностью огульного обвинения в предательстве. Причем масштабы обвинения широки — существование в Яньани целой «агентурной литературы», сопоставимой по масштабам с литературой феодальной или буржуазной!

Далее, в ходе выступления обвинения Мао Цзэ-дуна конкретизировались: «Есть люди, которым за всю свою жизнь так и не удалось приобрести облика коммуниста, и им остается только уйти из партии. Конечно, есть и еще похуже, те, кто организационно проник в партию, а принадлежат к партии прояпонской, ванцзиньзевской, партиям крупных помещиков и крупной буржуазии, и, однако, они пролезли в коммунистическую партию и ее руководящую организацию, нацепили ярлыки «членов партии и революционеров»²⁹.

Заявления Мао Цзэ-дуна об «агентурной литературе» оказались связанными с практическими обстоятельствами: стремясь всемерно подорвать влияние Компартии Китая на китайскую интеллигенцию, гоминьдановские организации в провокационных целях размножили и перепечатали критические высказывания литераторов о порядках в Яньани. В гоминьдановских районах были изданы произведения Ван Ши-вэя, Дин Лин, Ай Цина, Ло Фэна³⁰. Это была провокация, рассчитанная на то, чтобы навлечь репрессии, и угрозы Мао Цзэ-дуна, весьма страшные для слушателей, были на руку гоминьдановским провокаторам. Однако расправиться со всеми, кто ему неугоден, в 1942 г. Мао Цзэ-дуну не удалось. Со многими из них он расправился лишь в 50—60-х годах.

В свете сказанного становится ясно, что апологетические рассуждения некоторых западных синологов и журналистов о «сдержанности» Мао Цзэ-дуна, распространившиеся в последние годы, не имеют под собой никакой реальной почвы. А такие взгляды усиленно распространяются буржуазной печатью. Например, ренегат К. С. Кароль, которому была предоставлена возможность побывать в Китае, написал: «В своих «Выступлениях», хотя он полемизировал с интеллигентами и опровергал их критику, Мао никоим образом не оскорблял и не высказывал никаких угроз»³¹.

Такие заявления могут быть порождены либо незнанием материала, либо сознательной апологетикой. Куда объективнее мнение японских синологов. «Среди тех людей, кто участвовал в совещании в Яньани и аплодировал заключительному выступлению

²⁵ В. Волжанин. Лениннизм и проблемы китайской культуры. — «Ленин и проблемы современного Китая». М., 1971, стр. 203.

²⁶ «Вопросы литературы и искусства». Яньань, 1943, стр. 18.

²⁷ Там же, стр. 8.

²⁸ Там же, стр. 9.

²⁹ Там же, стр. 27.

³⁰ «Вань бао», 1958, № 2, стр. 3.

³¹ К. С. Кароль. Китай Мао. Париж, 1967, стр. 284.

Мао Цзэ-дуна, потом оказались писатели, заклеенные от имени КПК клеймом антипартийных элементов, и личные дела этих писателей показали, что движение за исправление стиля имеет абсолютное значение»³². Если говорить в целом о западной синологии, то для нее характерен исторический подход к «идеям Мао Цзэ-дуна» и отождествление их с марксизмом-ленинизмом. Примером тому могут служить даже самые документированные книги³³.

Антиисторический, некритический подход к текстам Мао Цзэ-дуна не удовлетворяет элементарным научным требованиям. Общеизвестен вопрос о творческом методе в литературе и искусстве, который решался Мао Цзэ-дуном по-разному в разные годы. «Мы стоим за пролетарский реализм», — сказано в тексте 1943 г.³⁴ В тексте 1953 г. «пролетарский реализм» был заменен «социалистическим реализмом»³⁵. С 1958 г. Мао Цзэ-дун выдвинул вновь — в третий раз — новую формулировку творческого метода как «сочетание революционного реализма и революционного романтизма»³⁶. Эти колебания уже сами по себе говорят о том, что подобные сдвиги не были случайны.

Особенности текста, опубликованного в Яньани в 1943 г., а также свидетельства о том, что говорилось в 1942 г., вновь раскрывают антимарксистскую, антиленинскую сущность «идей Мао Цзэ-дуна».

Вэй Дун-мин под непосредственным воздействием его речи говорил об «орбаче-крестьянничестве» творческой интеллигенции. Это сходно не с ленинизмом, а со статьей Плетнева, на полях которой В. И. Ленин написал — «вздор» — там, где утверждалось, что «Пролетарский художник будет одновременно и художником и рабочим»³⁷.

С вульгарных позиций отрицая классическое наследие, Мао Цзэ-дун рассматривает его только как «подспорье», лишая народные массы доступа к богатствам культуры. Это прямо противоречит словам В. И. Ленина о том, что «наши рабочие и крестьяне... получили право на настоящее великое искусство»³⁸.

В речи Мао Цзэ-дуна содержались прямые угрозы в адрес «агентурной литературы», которые означали, что с виновными будут обращаться как с агентами врага.

Эти «идеи Мао Цзэ-дуна» либо были убраны при редакции 1953 г., либо, как прямые антимарксистские высказывания, не вошли даже в текст 1943 г. Но практика «политической линии Мао Цзэ-дуна в отношении литературы и искусства» показывает, что он сохранил приверженность к провозглашенным в Яньани «идеям». С особой силой осуществление этих «идей» началось в годы «культурной революции» и после нее, когда Мао Цзэ-дуну удалось сломить оппозиционные силы в КПК и разгромить партию.

Официально в современном Китае текст 1953 г. продолжает считаться основным. Маоисты не возвращаются к первоначальной редакции. Но заявления самого Мао Цзэ-дуна — в резолюции о работе творческих союзов в 1963 г. — и его практическая политика после 1966 г. сохраняют преемственность по отношению к высказываниям в Яньани.

Нельзя не отметить, что опыт яньаньского совещания длительное время служил маоистам в качестве образца для проведения идеологической работы среди интеллигенции. Угрозы и запугивания были неотъемлемой чертой этих «совещаний» и «массовых движений». Начало этой практике, вне сомнения, положил сам Мао Цзэ-дун, в частности и своими выступлениями по литературе и искусству в 1942 г.

Анализ выступлений Мао Цзэ-дуна показывает, что ни в Яньани, ни в период народно-освободительной войны, ни в первое десятилетие после образования КНР высказанные им «идеи» не получали полной реализации в культурной политике КПК. Претворению их в жизнь препятствовали подлинные марксисты-ленинцы в рядах партии. Именно эти силы маоисты имеют в виду, когда говорят о «борьбе двух линий» в Китае. Только «культурная революция» предоставила Мао Цзэ-дуну возможность провести свои «идеи» в области культуры в жизнь. Это дорого стоило китайскому народу.

Осуществление маоистских «идей» привело к разрушению основ культурной жизни Китая и длительному упадку. В стране замерла творческая активность. 12 декабря 1971 г. печать воспроизвела новейшее указание самого Мао Цзэ-дуна о том, что «необходимо больше хороших произведений». Видимо, действительность побуждает Мао Цзэ-дуна в какой-то мере отойти от собственных ограничений ради политического маневрирования. Но тактические уловки современного китайского руководства, в сущности, вовсе не ведут к отказу от маоистских догм.

³² Тай дзюн Такэда, Минору Такэути. Мао Цзэ-дун: История жизни и деятельности. Токио, 1965, стр. 237.

³³ См.: Д. В. Фоккема. Теория литературы в Китае и советское влияние в 1956—1960 гг. Лондон, Гаага, Париж, 1965, стр. 8 и 10.

³⁴ «Вопросы литературы и искусства». Яньань, 1943, стр. 19.

³⁵ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, т. III, 1969, стр. 108.

³⁶ «Хунци», 1958, № 1.

³⁷ В. И. Ленин. О литературе и искусстве. М., 1969, стр. 464.

³⁸ Там же, стр. 665.

«Литература национальной обороны» и фальсификации маоистов

Г. Я. Иванов

Вымыслы о Лиге левых писателей

Не первый год группа Мао не только фальсифицирует историю КПК и китайской революции, но и извращает историю современной китайской литературы.

Во время «культурной революции» в целях восхваления так называемой «линии Мао Цзэ-дуна» в литературе и искусстве и «ниспровержения» китайской литературы 20-х — начала 60-х годов пекинскими властями был сфабрикован тезис о так называемой «борьбе между двумя линиями в литературе и искусстве 30-х годов»: «оппортунистической линией Ван Мина», якобы представляемой Чжоу Яном, и «революционной линией Мао Цзэ-дуна», которую будто бы представлял Лу Синь¹. Эти измышления имеют место по сей день.

Под вымышленной «оппортунистической линией Ван Мина» группа Мао подразумевает марксистско-ленинскую линию — линию Коминтерна, проводившуюся Коммунистической партией Китая в 30-х годах. Клеветнические выпады маоистской пропаганды направлены на дискредитацию как политического курса КПК в 30-х годах, так и политики КПК в области литературы и искусства этого периода.

В действительности большинство передовых работников революционно-демократического лагеря литературы и искусства тех лет (и Лу Синь в их числе) под руководством компартии проводили прогрессивную, революционную линию, восприняли богатое наследие критического реализма, достижения прогрессивного искусства всего мира, и в особенности драгоценный опыт советской литературы.

В марте 1930 г. состоялось учредительное собрание Лиги левых писателей. Новая творческая организация провозглашала классовость и партийность искусства, необходимость овладения марксистской наукой. Созданная под руководством КПК, Лига сумела развернуть большую работу среди деятелей литературы, помогая им идти в революцию, служить своим творчеством трудовому народу. Лу Синь к этому времени порвал с теорией эволюции и, как говорил его друг и соратник Цюй Цю-бо, «окончательно перешел от теории эволюции к теории классовой борьбы, от борьбы за раскрепощение личности к боевому коллективизму, преобразующему мир»². Что же касается самого Цюй Цю-бо — он был неутомим и как пропагандист марксистско-ленинской эстетики, и как переводчик русской и советской литературы, и как видный интернационалист в мировом коммунистическом движении, и как наставник китайских писателей. Именно Цюй Цю-бо первым дал самую высокую оценку творчеству Лу Синя и призвал передовых китайских писателей свято хранить его революционные традиции, учиться у него, вместе с ним идти вперед. Именно Цюй Цю-бо помог Лу Синю глубже разобраться в марксизме-ленинизме, стать по своим убеждениям коммунистом. И не только Лу Синю, но и Мао Дуню. Резкая, но принципиальная, обоснованная и справедливая критика рассказа Мао Дуня «Трое» во многом способствовала появлению в 1933 г. его талантливого и глубокого произведения — романа «Перед рассветом».

Благотворное влияние Цюй Цю-бо сказалось и на творчестве другого крупного писателя — Чжан Тянь-и. Касаясь его творчества, Цюй Цю-бо подчеркивал, что «если Тянь-и приложит максимум усилий к тому, чтобы создаваемые им образы были реали-

¹ «Хунци», 1966, № 9, 12, 14; 1967, № 9; 1970, № 10; 1971, № 3, 5 и т. д.

² Цит. по кн.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо. М., 1964, стр. 202.

стическими и жизненными, то это неизбежно приведет к радостному расцвету его способностей и таланта»³.

Пристально следил Цюй Цю-бо и за творчеством Ба Цзиня, видя в нем одного из крупнейших китайских писателей и разделяя с ним мысль о том, что «беднякам во что бы то ни стало надо выкорчевывать «рабский дух» из своих сердец». «Чем быстрее это произойдет, — добавлял Цюй Цю-бо, — тем увереннее будет их победа в борьбе».

«Пролетариату, писал Цюй Цю-бо, касаясь вопроса о творческом методе, не нужна фальшь, он не нуждается ни в какой идеализации, ни в каких иллюзиях, рассчитанных на самообман и обман других... Пролетариат не нуждается в подстегивании себя надуманной, одурманивающей романтикой»⁴.

На вышеприведенных примерах взаимоотношений и творческого содружества в Лиге левых писателей мы убеждаемся, что эта страница истории китайской литературы ничего общего не имеет с нынешними досужими вымыслами маоистской пропаганды. По статьям о Лу Синя, напечатанным в КНР в различных изданиях в последние годы, мы не можем составить себе правильного представления об этой организации. Критики-маоисты совершенно игнорируют тот факт, что эта организация, связанная в своей работе с Коминтерном, опирающаяся на помощь и совет Международного бюро революционной литературы, руководимая КПК, вдохновляемая молодой социалистической литературой Страны Советов, помогла и Лу Синю, и многим другим писателям обрести марксистско-ленинское мировоззрение и с ясным пониманием своего долга служить делу революции. Маоистские «критики» не видят в Лиге массовой организации, совершенно обходя молчанием ее интернациональный характер, ее подлинно революционный дух.

Это и понятно. Признать все это — значило бы признать роль Цюй Цю-бо как одного из руководителей Лиги, признать дружбу и творческое содружество, духовную близость Лу Синя и Цюй Цю-бо. И наконец, самое главное — признать, что взгляды Лу Синя в 30-е годы развивались и менялись от эволюционной теории к марксизму-ленинизму, а вовсе не к «идеям Мао», что и Цюй Цю-бо, и Лу Синь в своем творческом развитии шли к социалистическому реализму, были уверены в том, что «пролетариат не нуждается в подстегивании себя надуманной, одурманивающей романтикой». Эта их убежденность целиком и полностью противоречит так называемому «методу сочетания революционного реализма с революционным романтизмом», которым прикрываются нынешние «литература и искусство», призванные пропагандировать «идеи Мао Цзэ-дуна» и развивать культ его личности. «Овладение марксизмом, — пишет проф. Л. Д. Позднеева, касаясь мировоззрения Лу Синя, — работа в Лиге левых писателей, связь с КПК к концу 20-х годов дали писателю возможность еще яснее увидеть пути победы над старым. Переход к методу социалистического реализма обусловил большую силу его обобщений, более четкий социальный облик его типов»⁵.

30-е годы были самым плодотворным периодом в истории современной китайской литературы. Именно в то время создают свои значительные произведения такие писатели и поэты Китая, как Цзян Гуан-цы, Ай Цин, Ба Цзинь, Ван Тун-чжао, Вэнь И-до, Дин Лин, Е Шэн-тао, Жоу Ши, Инь Фу, Лао Шэ, Лу Синь, Тянь Хань, Ху Е-пинь, Цао Юй, Цюй Цю-бо, Чжан Тянь-и, Цзоу Тао-фэнь, Юй Да-фу, Ян Хань-шэи и другие. Многие из них начали свою творческую деятельность еще в начале 20-х годов, заложив основу современной китайской литературы. Нынешняя борьба маоистов против литературы 30-х годов и ее деятелей является одним из важнейших звеньев их борьбы против всей литературы и искусства и всех деятелей культуры 20—60-х годов. Литература 20-х и 30-х годов содержит множество выдающихся произведений прозы, поэзии и драматургии, созданных большими художниками слова, проникнутых подлинной народностью, партийностью и гуманистическим пафосом.

С другой стороны, в литературе и искусстве 30-х годов не могло быть и речи о какой-то особой «линии Мао» хотя бы потому, что «идеи Мао Цзэ-дуна» были провозглашены им лишь в 40-х годах. Деятельность Мао в 30-х годах еще не могла оказать решающего влияния на литературу и искусство, так как в то время он еще не захватил руководства в партии. Литература 30-х годов достигла больших успехов как раз потому, что отсутствовали влияние и засилье со стороны «теории» и практики маоизма на литературу и искусство и их работников. Только в 1942 г. в своих «Выступлениях» по вопросам литературы и искусства в Яньани Мао Цзэ-дун впервые сформулировал (тогда еще в завуалированной форме) свои особые «эстетические» концепции, составившие основу для политического руководства в области литературы и искусства в последующие периоды.

³ Цит. по кн.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо. М., 1964, стр. 206.

⁴ Там же, стр. 208.

⁵ Лу Синь. Собр. соч., т. 3, М., 1955, стр. 312.

В одном из основных официальных документов «культурной революции» — «Протоколе» совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии, созванном Цзян Цин в феврале 1966 г., в частности, говорится: «Все годы после провозглашения КНР работники литературы и искусства в основном не выполняли указаний (имеются в виду указания Мао.— Г. Я.). Хуже того, мы находились под диктатом антипартийной, антисоциалистической черной линии, противостоящей идеям Мао Цзэ-дуна»⁶. А эта «черная линия», мол, представляет собой «соединение идей буржуазии и современного ревизионизма в области литературы и искусства с так называемой литературой 30-х годов»⁷. «Протокол» призывает «решительно покончить с этой «черной линией» и предписывает не что иное, как полное отречение от национальной и мировой культуры. Таким образом, маоисты вынуждены признать: большинство работников литературы и искусства после «Выступлений» Мао в Яньани вплоть до «культурной революции» боролись против его курса и продолжали по мере возможности отстаивать принципы социалистической культуры. Поэтому маоисты жаловались на то, что в литературе и искусстве все еще не победила «линия Мао Цзэ-дуна».

В литературе и искусстве Китая 40—60-х годов действительно происходила борьба между двумя линиями, но это была борьба между марксистско-ленинской линией (которую маоисты именуют «буржуазной», «оппортунистической», «ревизионистской» и т. п.) и антимарксистской, антиленинской линией Мао Цзэ-дуна.

«Под предлогом того, что работники литературы и искусства 30-х годов следовали так называемой «линии Ван Мина в литературе и искусстве» и русским литературоведческим идеям, и того, что литература и искусство Китая не следуют идеям Мао Цзэ-дуна, все работники КПК и передовые беспартийные работники литературы и искусства от 20-х до 60-х годов названы «контрреволюционными ревизионистами» и «контрреволюционными черными бандитами», подверглись арестам, избиениям и осорблению, их заставляли шествовать в униженных колпаках, ссылали на каторгу, убивали»⁸.

Как маоистская пропаганда использует имя Лу Синя

В течение последних лет маоистская пропаганда то и дело упоминает имя Лу Синя, сотни раз повторяя при этом живые демагогические утверждения: «...учиться пролетарскому боевому духу Лу Синя, бороться против феодальной и буржуазной культуры, империалистической и ревизионистской литературы и искусства», «как Лу Синь, безгранично любить председателя Мао», «хранить безграничную верность пролетарской революционной линии председателя Мао», «как Лу Синь, беспощадно и до конца бороться со всякими «нечистыми», «классовыми врагами», «ревизионистами» и «проводниками буржуазной линии в литературе»⁹ и т. п.

В маоистской пропаганде Лу Синь остался единственным из всех деятелей культуры Китая, которого не подвергли шельмованию и «ниспровержению». События последних лет ясно говорят о том, что маоисты подняли на щит имя Лу Синя лишь для того, чтобы, извращая жизнь и творчество писателя, облегчить достижение своих корыстных целей.

В этой связи необходимо отметить, что еще в своей работе «О новой демократии», опубликованной в 1940 г., Мао Цзэ-дун не поспешил на льстивые эпитеты по адресу Лу Синя (которого к этому времени уже не было в живых): «величайший и отважнейший знаменосец новой армии культуры», «кормчий культурной революции в Китае», «самый безупречный, самый отважный, самый решительный, самый преданный, самый пламенный, невиданный дотоле национальный герой»¹⁰ и т. д. Одновременно Мао Цзэ-дун пытался бросить тень на политику КПК в области культуры и на деятельность всех других литераторов 30-х годов. Именно в этом заключался истинный смысл следующих его слов: «Но самое поразительное — это то, что «походы» в область культуры тоже закончились позорным провалом, хотя компартия в культурных учреждениях районов гоминьдановского господства не могла оказывать им никакого сопротивления. В чем же тут причина? Не следует ли над этим призадуматься? Ведь коммунист (по убеждениям) Лу Синь именно во время этих «походов» стал великим деятелем куль-

⁶ «Хунци», 1967, № 9, стр. 13.

⁷ Там же.

⁸ Ван Мин. О событиях в Китае. М., 1969, стр. 25.

⁹ «Хунци», 1966, № 14; «Жэньминь жибао», 1.XI.1966.

¹⁰ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, 1955, т. 2, стр. 691 (на кит. яз.).

турной революции в Китае»¹¹. Подобные утверждения Мао, как и непомерное возвеличивание им Лу Синя, вызвали законное недоумение и действительно заставляли призадуматься. «Культурная революция» раскрыла истинные замыслы и намерения Мао.

Маоистская пропаганда в период «культурной революции» подчеркивала, что в работе «О новой демократии» Мао дал «высочайшую оценку» Лу Синю для того, чтобы противопоставить Лу Синя «ошибочной» деятельности всех других деятелей литературы и искусства 20—30-х годов, так как их деятельность не соответствовала «идеям Мао Цзэ-дуна»¹². Об этом же, по существу, Мао говорил и в своих «Выступлениях» на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани (1942 г.). В этих «Выступлениях» (это тоже подчеркивается теперь маоистами) главной мишенью своих нападок Мао вновь избрал прогрессивных, революционных литераторов 20—30-х годов. Таким образом, еще в 40-х годах в своей борьбе против революционно-демократической литературы 20—30-х годов и ее лучших представителей Мао Цзэ-дун использовал авторитет Лу Синя.

Почему Мао Цзэ-дун сосредоточивает внимание лишь на Лу Синя и нигде не говорит о заслугах других деятелей литературы и искусства?

Не умаляя выдающегося вклада Лу Синя в развитие китайской литературы и культуры, отметим, что в 20—30-х годах они успешно развивались благодаря усилиям многочисленных партийных и прогрессивных деятелей культуры, благодаря руководству Коммунистической партии Китая, проводившей в тот период марксистско-ленинскую политику в области культуры. Так, например, Лига левых писателей, председателем которой был Лу Синь, не могла быть создана лишь одним человеком. Лига явилась организацией левых писателей, созданной и действовавшей в 1930—1936 гг. под руководством ЦК КПК. Все ее достижения были результатом больших усилий и жертв многих писателей-коммунистов и беспартийных революционных литераторов. Тем более нельзя сводить все движение новой литературы и новой культуры только к деятельности одного человека.

С другой стороны, у самого «великого кормчего», кроме нескольких стихотворений в старинном стиле (содержание которых отражает честолюбивые вожделения автора), нет других литературных «шедевров». Несмотря на это, находились люди (например, Го Мо-жо), которые по указке свыше восхваляли Мао, называя его «величайшим поэтом эпохи». Но все это выглядело слишком малоубедительным. Поэтому пришлось использовать чужую славу и чужой авторитет для утверждения собственного влияния на литературу и искусство.

Еще в 50-х годах в работах китайских литературоведов (Дин И, Ван Яо и др.) под влиянием «идей Мао» имели место утверждения, что-де «мысли Лу Синя наполнены сиянием идей Мао Цзэ-дуна», «победы Лу Синя на культурном фронте Китая и есть победы идей Мао Цзэ-дуна»¹³, «Лу Синь правильно и умело воплотил идеи Мао Цзэ-дуна в области литературы и искусства того периода (имеются в виду 20—30-е годы.— Г. Я.)»¹⁴ и т. д.

Во время «культурной революции» группе Мао удалось привлечь как пропагандиста «идей Мао» даже вдову писателя Сюй Гуан-пин. В одной из ее речей содержались, например, такие утверждения: «Идеи Мао Цзэ-дуна озарили Лу Синя», «Великий вождь председатель Мао был самым наикраснейшим красным солнцем в сердце Лу Синя», «Лу Синь безгранично любил председателя Мао», «безгранично преклоняясь перед ним», и т. д. и т. п.¹⁵ Эти утверждения, созданные по рецептам маоистской пропаганды, весьма далеки от истинного отношения Лу Синя к Мао Цзэ-дуну. Ведь хорошо известно, что при жизни Лу Синя ни он сам и никто другой не слышал и не мог слышать о каких-то «идеях Мао», ведь не было даже такого термина «идеи Мао Цзэ-дуна». Неясно ли после этого, что представлять Лу Синя сторонником маоизма и «верным подданным» «председателя» лишено всяких оснований и является абсурдным.

Лу Синь, чье творчество проникнуто подлинным гуманизмом, глубоко революционно по духу и интернационально, «никогда не был, как это пытается представить пекинская пропаганда, «леваком» в политике, антигуманистом в творчестве и нигилистом по отношению к мировому культурному наследию»¹⁶.

¹¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, 1955, т. 2, стр. 695 (на кит. яз.).

¹² «Хунци», 1966, № 9, стр. 37—38, 43, 53—55; № 12, стр. 29, 36, 37; 1967, № 9, стр. 12; 1970, № 10, стр. 55 и т. д.

¹³ Дин И (Е Дин-и). Очерки по истории современной китайской литературы. Пекин, 1956, стр. 226.

¹⁴ Ван Яо. Очерк истории новой китайской литературы. Пекин, 1951, т. 1, стр. 15.

¹⁵ «Хунци», 1966, № 14, стр. 15—16.

¹⁶ Цит. по ст.: М. Г. Теплицкий. Видимость перемены и реальные факты.— «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 150.

«Культурная революция» наглядно показала, что Мао «восхваляет» Лу Синя не для того, чтобы подтвердить его вклад в китайскую литературу и культуру, а для того, чтобы при помощи созданного им образа «Лу Синя — маонста» утвердить собственные «великие заслуги», и «абсолютный авторитет», и свои «идеи» в литературе и нанести удар по всем другим писателям и художникам, отвергнуть их достижения, дискредитировать марксистско-ленинскую эстетику. Этот вывод подтвержден всем ходом «культурной революции».

Спор о двух лозунгах: подлинные факты и маонистские измышления

Для «обоснования» вымышленной концепции о «борьбе двух линий в литературе 30-х годов» маонсты используют тот факт, что в 1936 г. в литературных кругах имел место спор по поводу двух лозунгов: лозунга «литературы национальной обороны», выдвинутого Чжоу Яном, и лозунга «массовой литературы национально-революционной войны», выдвинутого Лу Синем, Ху Фэном и др.

Ныне группа Мао представляет дело так, будто «литература национальной обороны» была «буржуазным» лозунгом «правооппортунистической линии Ван Мина», а «массовая литература национально-революционной войны» была «пролетарским» лозунгом, соответствовавшим вымышленной также самим Мао «правильной линии председателя Мао».

Как же в действительности обстоит дело?

1 августа 1935 г. Коммунистическая партия Китая выступила с «Обращением ко всем соотечественникам по поводу сопротивления Японии и спасения родины», и в «Манифесте 1 августа» глубоко обосновала необходимость антияпонского национального единого фронта. КПК призвала весь народ, все без исключения классы, партии, политические и военные группировки, включая гоминьдан и его армию, сплотиться и создать объединенное правительство национальной обороны и объединенную антияпонскую армию во имя спасения нации от гибели; потребовали от Чан Кай-ши прекратить гражданскую войну, направленную против КПК, и перейти к совместному сопротивлению японской агрессии.

Все слои китайского общества, в том числе и все патриотически настроенные писатели Китая, горячо откликнулись на призыв КПК.

Во имя создания антияпонского национального единого фронта и сплочения всех писателей весной 1936 г. Лига левых писателей объявила о своем роспуске. Так как создание единого национального фронта в литературном движении было единодушным требованием всех патриотически настроенных писателей, этот единый фронт должен был охватывать писателей, которые раньше не входили во фронт «революционной литературы», включая стоявших на буржуазных и даже феодальных позициях. Естественно, что такой единый фронт был рассчитан на период борьбы против японской агрессии и имел широкую социальную базу.

Лозунг «литература национальной обороны» явился откликом на призыв компартии и давал возможность создать антияпонский национальный единый фронт в области литературы и искусства. Чжоу Ян, разъясняя этот лозунг, писал, что он «призывает всех писателей, стоящих на позициях национального фронта, без учета того, к каким классам и слоям, идейным течениям и группировкам они принадлежат, создавать художественные произведения с целью отпора врагу и спасения родины; направляет антиимпериалистическое и антифеодалное литературное движение в общее русло борьбы против агрессоров и предателей»; а «левые писатели» должны «объединиться с теми писателями, которые находятся от них на немалом расстоянии в смысле идейных и художественных позиций»¹⁷.

Лозунг «массовая литература национально-революционной войны» основывался на другом обращении КПК, которое было обнародовано сразу же после событий 18 сентября 1931 г., когда японские войска оккупировали г. Шэньян (Мукден). В этом обращении был выдвинут лозунг «национально-революционная война вооруженного народа против японского империализма и защита национальной независимости, государственного единства и территориальной целостности Китая». В отличие от Обраще-

¹⁷ Чжоу Ян. Литература на нынешнем этапе. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия на современном этапе». Шанхай, 1936.

ния «Манифест 1 августа» акцентировал внимание на необходимость сотрудничества в первую очередь между двумя крупнейшими политическими и военными силами Китая — КПК и гоминьданом. Это был резкий поворот политического курса, и его осуществление, естественно, встретило немало трудностей. В соответствии с этим новым политическим курсом должна измениться и работа КПК во всех областях, в том числе в области культуры. В литературных кругах эти временные трудности перехода на новый политический курс выразились в споре о двух лозунгах.

В период «культурной революции» группа Мао распространила лживые утверждения о том, что якобы лозунг «литература национальной обороны» был выдвинут Чжоу Яном в соответствии с правооппортунистической линией Ван Мина, характерные черты которой заключаются в отказе от классовой борьбы и руководящей роли пролетариата, в опоре на помещиков и буржуазию, а не на трудовой народ. Как подчеркивал журнал «Хунци», это является «капитулянтством одного класса перед другим», «с головы до ног буржуазным лозунгом, противоречащим идеям Мао Цзэ-дуна об антияпонском национальном фронте»¹⁸.

Исторические события опровергают эти клеветнические измышления Мао. Цель их состоит в том, чтобы, во-первых, отрицать роль VII конгресса Коминтерна в разработке политики единого фронта в Китае и очернить деятельность Секретаря ИККИ Ван Мина, который внес важный вклад в претворение этой линии в жизнь, объявить эту политику «правокапитулянтской», а Мао Цзэ-дуна — «инициатором» единого фронта¹⁹. во-вторых, как уже говорилось, дискредитировать политическую линию КПК в 30-е годы и оправдать нынешнюю борьбу против подлинных коммунистов и деятелей литературы и искусства Китая.

Коммунистическая партия Китая руководила, организовывала и направляла борьбу пролетариата и всего народа против японских агрессоров и национальных предателей — против пораженчества и пассивного сопротивления чанкайшанского правительства, против антикоммунистических и антидемократических провокаций фашистской реакции внутри страны, — борьбу за единство действий всех патриотических сил.

Естественно, что союз различных классов и партий был временным, диктуемым агрессивной войной Японии против Китая. Значительная часть буржуазии и помещиков Китая (исключая лишь тех, кто полностью капитулировал перед японскими оккупантами) и представляющий их интересы гоминьдан были в конце концов вынуждены принять политику единого фронта, предложенную КПК. У коммунистов не было иллюзий на этот счет. Они хорошо понимали, что после завершения войны против японской агрессии еще предстоят ожесточенные сражения с классовыми врагами внутри страны: уже во время антияпонской войны не раз приходилось давать решительный отпор антикоммунистическим провокациям со стороны гоминьдана. Поэтому маоистские измышления о «классовом капитулянтстве» полностью лишены оснований.

«Политика антияпонского национального единого фронта для организации национально-революционной войны китайского народа против японской агрессии, за спасение родины, в тесном союзе с Советским Союзом для совместной борьбы против общего врага — японского империализма — одержала победу»²⁰. Именно этот политический курс проводили и отстаивали подлинные марксисты-ленинцы, интернационалисты Китая.

Мао Цзэ-дун же в период осуществления политики антияпонского национального единого фронта проводил курс, направленный против этой политики, на создание «античанкайшанского единого фронта в союзе с Японией и Ван Цзин-взем» с целью проведения японского империализма на войну против Советского Союза. Этот курс Мао потерпел полное поражение.

Маоисты представляют дело так, что будто бы лозунг «литература национальной обороны» был «нацелен на ликвидацию руководящей роли КПК, пролетарской культуры и коммунистической идеологии и результатом претворения этого лозунга в жизнь якобы явилось неизбежное превращение так называемой «литературы национальной обороны» Чжоу Яна и иже с ним в придаток капитулирующей перед империализмом литературы крупных помещиков и крупной буржуазии»²¹.

«Литература национальной обороны» не отрицала, а предполагала руководящую роль компартии и пролетариата, как и единый национальный фронт в целом, а также ведущую роль социалистической и демократической идеологии и культуры. Но коммунисты достигают этого не громкими криками о «своих особых привилегиях, отпугнув тем самым от себя союзников из других слоев»²², а многотрудной и кропотливой практической работой, требующей большой выдержки в тактике и гибкости в лозунгах, по

¹⁸ «Хунци», 1966, № 9, стр. 39.

¹⁹ Ван Мин. О событиях в Китае. М., 1969, стр. 39—40.

²⁰ Ван Мин. Ленин, ленинизм и китайская революция. М., 1970, стр. 17.

²¹ «Хунци», 1966, № 9, стр. 39.

²² Из письма Сюй Моу-юна к Лу Синю. См.: Лу Синь. Полн. собр. соч. Б. м. и., 1938, т. 6, стр. 531. (Далее: Лу Синь. Полн. собр. соч.)

сплочению всех патриотических сил и мобилизации их на борьбу за национальное освобождение, доказывая на деле, что именно коммунисты и пролетариат наиболее «верно понимают действительность и обладают могучей боевой силой»²³, что они — самые решительные и последовательные борцы за национальное освобождение.

Давая отповедь Сюю Хэну, открыто выступавшему против единого национального фронта в области литературы и искусства, Чжоу Ян писал: «Литература национальной обороны, с одной стороны, наследует революционные традиции предшествующей литературы, с другой — основывается на реальном подъеме национальной революции (здесь и далее имеется в виду национально-освободительная революция.— Г. Я.), поднимает антиимпериалистическую и антифеодалную задачу литературы на новый этап... Никто не может отрицать, что революционная литература, стоящая на позициях трудящихся масс, является самой последовательной антиимпериалистической и антифеодалной литературой и стержневой силой нового литературного движения. Именно потому, что существует такая сила, мы не только должны сохранить ее значение и достижения, но и расширить их. Мы должны признать, что, кроме революционной литературы, существует еще обширная литература среднего рода, обладающая большинством читателей. Мы можем среди средних и даже отстающих литераторов найти немало союзников. Утверждения о том, что только литература трудящихся масс может спасти Китай, равнозначны сужению основы и масштаба нынешней литературы от союзнической армии. Это ставит революционную литературу в положение крайней изоляции. Мы должны ясно понять: литература всех средних слоев, если только она направлена на спасение родины и против агрессоров, если хоть в той или иной мере отражает отдельные стороны национального движения, пусть она и не стоит на позициях трудящихся масс, тем не менее полезна делу освобождения китайской нации»²⁴. «Это не значит, что все писатели уже достигли полного единства в идеологии и что борьбу за самые передовые позиции и идеологию отныне можно прекратить. Нет, борьба не окончена, но форма борьбы изменилась: она должна соответствовать главной цели — борьбе за национальное освобождение. Одновременно надо учитывать разный уровень политического и идеологического сознания писателей различных слоев»²⁵. «Художественное изображение стремления широких народных масс к национальному освобождению — вот основная задача литературы национальной обороны. Она должна сочетать эту задачу с задачей воспитания читателей в духе социализма, тем самым повысить их понимание сущности национальной революции, указать читателям: «Социалистическая революция есть спасение для нации и открывает перед ней путь к процветанию» (Г. Димитров)»²⁶.

Инициаторы создания «литературы национальной обороны» были членами КПК, работниками партии в области литературы и искусства, находившимися в подполье. Они выдвинули свой лозунг в соответствии с новой партийной линией. Они же впоследствии осуществляли фактическое партийное руководство единым литературным фронтом.

Не налагая запрета на другие творческие методы, они считали, что все патриотические писатели должны стремиться к «прогрессивному реалистическому методу», имея в виду социалистический реализм. «Прогрессивный реалистический метод,— писал Чжоу Ян,— правдиво, конкретно-исторически, в революционном развитии изображает действительность в целях воспитания трудящихся масс в духе социализма»²⁷. По отношению к «литературе средних слоев» предполагалось наряду с «должной оценкой ее антиимпериалистических элементов одновременно... конкретно указать на то, как мелкобуржуазные взгляды и мировоззрение мешают пониманию сущности националь-

²³ Там же, стр. 530.

²⁴ Чжоу Ян. О литературе национальной обороны. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия». Шанхай, 1936, стр. 33—34.

²⁵ Чжоу Ян. Литература на нынешнем этапе. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия». Шанхай, 1936, стр. 76.

²⁶ Чжоу Ян. О литературе национальной обороны. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия». Шанхай, 1936, стр. 37—38.

В данной статье мы говорим лишь о позиции Чжоу Яна во время дискуссии о «литературе национальной обороны». Деятельность Чжоу Яна в последующие периоды — тема особого разговора. Отметим лишь, что в первой половине 60-х годов Чжоу Ян вместе с многочисленными работниками литературы, искусства и культуры пытался противодействовать дальнейшему осуществлению политики Мао в области литературы и искусства, так как «бесперспективность маоистской политики в литературе и искусстве, ее враждебность подлинным интересам китайского народа и принципам развития социалистической культуры на определенном этапе» осознали и те деятели, которые в течение долгого времени выступали в качестве глашатаев этой линии». (Цит. по: В. Ф. Волжанин. Из истории борьбы двух линий в литературе и искусстве КНР («Десять тезисов 1961 года»). — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1, стр. 141.)

²⁷ Там же, стр. 35.

ной революции и правильному художественному отражению»²⁸. При этом подчеркивалось, что мелкобуржуазная интеллигенция является надежным союзником пролетариата в национально-освободительной революции.

Таким образом, хотя «литература национальной обороны» делала акцент на демократический союз всех направлений и группировок писателей, представлявших различные классы и слои общества, она не «отменяла» революционную литературу трудящихся масс, а предполагала ее дальнейшее развитие на более широком поле деятельности — на «поле» «литературы национальной обороны».

Со статьями в поддержку «литературы национальной обороны» выступили Го Мо-жо, Чжоу Ли-бо, Хо Цзя-куй и многие другие. Мао Дунь также назвал «литературу национальной обороны» «центральной точкой опоры нынешней литературы»²⁹.

Ныне маонисты утверждают, что будто бы Лу Синь выдвинул лозунг «массовая литература национально-революционной войны» с целью «развенчания буржуазного лозунга «литературы национальной обороны», якобы имевшего «опасную тенденцию ликвидации классовой борьбы и проповеди классового сотрудничества», что будто бы Лу Синь «решительно боролся против капитулянтской линии», «решительно отстаивал революционную линию председателя Мао» и т. п.

Лу Синь и другие, выдвигая лозунг «массовая литература национально-революционной войны», действительно хотели подчеркнуть идею о том, что «выдвижение нового лозунга не означает ни прекращения революционного литературного движения... ни прекращения борьбы, которая велась против фашизма, против всей реакции... а усугубляет, расширяет эту борьбу... делает ее конкретной борьбой против японских агрессоров и предателей в Китае»³⁰. Но это было сделано не с целью «разоблачения» не существовавшей на самом деле «оппортунистической линии классового капитулянтства», а, как разъяснял Лу Синь, «с целью способствовать тому, чтобы левые писатели, до сих пор ограничивавшиеся пролетарской революционной литературой, устремились на фронт антияпонской национально-революционной войны», а также с целью, как считал Лу Синь, «восполнить неясность термина «литература национальной обороны» в значении литературоведческой мысли и исправить некоторые неправильные мнения, которые были привнесены в этот термин»³¹.

Лу Синь, говоря о том, что «революционная литература никоим образом не оставляет свою обязанность классового руководства», одновременно подчеркивал, что речь идет о том, как революционная литература «усиливает и увеличивает свою обязанность до такого масштаба, при котором вся нация без разделения на классы и партии направляет свои усилия на совместный отпор агрессии». Только такая национальная позиция является подлинной классовой позицией»³². Лу Синь также считал, что единый фронт в литературе должен состоять не из одних «левых» писателей, а из писателей любых направлений и группировок — на основе сопротивления Японии, — если только они «не национальные предатели»³³.

Лу Синь дал решительный отпор троцкистам, пытавшимся опорочить политику антияпонского единого фронта КПК. Именно троцкисты в то время кричали о «потере классовых позиций» КПК, о ее «капитуляции перед палачами народа ради создания с ними единого фронта» и о том, что КПК «изменила делу народных масс»; именно троцкисты в то время кричали о «гибели пролетарской литературы» в связи с созданием единого литературного фронта. Нынешние маонистские измышления как две капли воды напоминают троцкистскую клевету тех лет. Лу Синь говорил, что только японские агрессоры могут приветствовать такие «теории» троцкистов, но их не может одобрить китайский народ, так как такие действия троцкистов «противоречат человеческой ответственности нынешних китайцев»³⁴.

Таким образом, по самым основным и принципиальным проблемам антияпонского национального единого фронта сторонники того и другого лозунга пришли, по существу, к идентичным позициям.

Первое время некоторые участники дискуссии, не разобравшись в сущности разногласий, спорили по поводу трактовки этих лозунгов, о преимуществах и «ортодоксальности» того или другого лозунга; о том, какой из них должен стать главным лозунгом единого литературного фронта, какой лозунг даст больше простора творческой деятельности.

²⁸ Чжоу Ян. О литературе национальной обороны. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия». Шанхай, 1936, стр. 34.

²⁹ Мао Дунь. Нужна центральная точка опоры. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия». Шанхай, 1936, стр. 28—30.

³⁰ Лу Синь. Поли. собр. соч., т. 6, стр. 589—590.

³¹ Там же, стр. 538.

³² Там же, стр. 590.

³³ Там же, стр. 534, 535.

³⁴ Там же, стр. 588.

Чжоу Ян считал, что «литература национальной обороны» может объединить всех патристически настроенных писателей, а «массовая литература национально-революционной войны» приемлема лишь для «левых» писателей и потому не может стать лозунгом единого фронта³⁵.

Лу Синь же писал, что «массовая литература национально-революционной войны» является «главным девизом», а «литература национальной обороны» — «конкретным лозунгом»³⁶.

Чжоу Ян полагал, что «тема национальной обороны» должна стать центральной в произведениях всех писателей. Это не только не сузит тематику творчества, считал он, а, наоборот, расширит ее, так как «в этой главной теме заключено безграничное множество других тем революционной литературы»³⁷. У Мао Дуня была иная точка зрения: «Все литераторы должны объединиться под знаменем «национальной обороны», а не под знаменем «литературы национальной обороны», ибо это поставит вне движения за национальную оборону писателей, не затрагивающих непосредственно тему национальной обороны»³⁸.

Но благодаря наличию общих позиций по наиболее основным, существенным вопросам единого фронта участники дискуссии вскоре пришли к единственно верному выводу: оба лозунга не только не антагонистичны, но и взаимодополняют друг друга.

Придерживаясь лозунга «массовой литературы национально-революционной войны», Лу Синь не выступал, по существу, против «литературы национальной обороны». Об этом он ясно заявил в написанной в августе 1936 г. статье «Ответ Сюй Моу-юню и проблемы антияпонского единого фронта»: «Я вовсе не рассматривал два лозунга как чуждые друг другу»³⁹.

Сюй Моу-юнь в письме к Лу Синю отмечал, что тот, мол, «проявил непонимание нынешнего основного политического курса» и что выдвигать левые лозунги (имеется в виду лозунг «массовая литература национально-революционной войны». — Г. Я.) ошибочно. Это вредит единому фронту⁴⁰. В своем «Ответе» Лу Синь отверг эти упреки и заявил о своей полной и безоговорочной поддержке единого фронта в области литературы. Лу Синь разъяснил: «Массовая литература национально-революционной войны» выдвинута главным образом по отношению к передовым, всегда называвшимся «левыми» писателям как пожелание им стремиться идти вперед... Эта литература должна касаться писателей различных течений. «Литература национальной обороны» является одним из конкретных лозунгов нашего нынешнего литературного движения... он может расширить наше политическое и литературное влияние; он может быть объяснен как объединение писателей под знаменем национальной обороны, как патристическая литература в широком смысле... и он, этот лозунг, должен существовать, потому что это в интересах антияпонского движения»⁴¹.

Мао Дунь в свою очередь пришел к выводу о том, что «массовая литература национально-революционной войны» должна стать нынешним творческим девизом левых писателей. «Литература национальной обороны» знаменует собой отношение между всеми писателями всей страны»⁴². В тогдашних условиях это одна из наиболее удачных формулировок, которую можно рассматривать как итог этой дискуссии.

Здесь нет возможности остановиться на всех подробностях и деталях этой дискуссии. Но одно несомненно: факты неопровержимо свидетельствуют о том, что дискуссия о двух лозунгах в 1936 г. сводилась лишь к расхождению во мнениях по некоторым литературным вопросам, носившим временный характер, в основном возникшим из-за недоразумений в отношениях между соратниками по общей борьбе, стоявшими на общей революционной и патристической платформе. Результатом этой дискуссии стало то, что литераторы, преодолев разногласия и допущенные ошибки, сумели прийти к общим, правильным выводам и единым взглядам, еще более сплотили свои ряды и направили все силы против общих, подлинных врагов.

Об этих исторических фактах китайские литературоведы до «культурной революции» не высказывали особых сомнений. Это и не удивительно. Ведь, во-первых, спор о двух лозунгах в 1936 г. не носил характера «борьбы между двумя классовыми

³⁵ Чжоу Ян. Обсуждение с господином Мао Дунем лозунга «литературы национальной обороны». Цит. по кн.: «Литературная дискуссия». Шанхай, 1936, стр. 321—322.

³⁶ Лу Синь. Полн. собр. соч., стр. 590.

³⁷ Чжоу Ян. Литература на нынешнем этапе. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия». Шанхай, 1936, стр. 79—80.

³⁸ Мао Дунь. О двух спорных лозунгах. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия», стр. 313.

³⁹ Лу Синь. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 537.

⁴⁰ Там же, стр. 531.

⁴¹ Там же, стр. 538—539.

⁴² Мао Дунь. О двух спорных лозунгах. Цит. по кн.: «Литературная дискуссия». Шанхай, 1936, стр. 315.

линиями»; во-вторых, в то время Мао Цзэ-дун еще не сфабриковал версию о наличии этих «двух линий». Например, критик Дин И в «Очерках по истории современной китайской литературы» писал:

«В то время как шел спор между сторонниками направлений «литература национальной обороны» и «массовая литература национально-революционной войны», а все требовали создания антияпонского единого фронта, часть писателей (Тянь Хань, Чжоу Ян и др. — Г. Я.) создала в июне 1936 г. «Союз деятелей литературы и искусства Китая»; другая часть писателей (Лу Синь, Ху Фэн и др. — Г. Я.) опубликовала «Декларацию работников литературы и искусства Китая». В их точках зрения не было большой разницы: все выступали за сплочение во имя национальных интересов; судя же по составу той и другой стороны, обе они включали писателей, придерживавшихся различных позиций; обе группы являлись организациями единого фронта. Но хотя первоначальным намерением у той и другой было содействовать сплоченности, тем не менее образовались две новые группировки, противостоящие друг другу. Так действовать, конечно, было ошибкой. Благодаря правильному руководству Компартии Китая, разрешению спора о двух лозунгах, в силу настоятельной необходимости, диктуемой революционной ситуацией в стране, ошибки вскоре удалось исправить, и организации единого фронта в области литературы и искусства получили дальнейшее развитие. Это выразилось в «Манифесте о сплочении всех литературных кругов для отпора внешнему врагу и о свободе слова»⁴³. «Манифест» призывал всех литераторов без разделения на течения и группы объединиться во имя сопротивления Японии и спасения родины, «создавать по всей стране литературу национального освобождения, или патриотическую литературу», не ограничивая при этом «свободное развитие и свободное творчество всех писателей всех групп»; требовал от гоминьдановского правительства «немедленной свободы слова для народа; немедленной отмены цензуры в печати»⁴⁴.

Этот «Манифест» был подписан писателями, представившими самые различные круги (среди них и Лу Синем), и таким образом заложил основу антияпонского национального единого фронта в области литературы и искусства.

«Манифест» был опубликован в начале октября 1936 г. А 19 октября в Шанхае скончался Лу Синь. Трагическая весть вызвала всеобщую скорбь в стране. В те дни в парижской газете «Цзюго шибао» была опубликована статья Ван Мина «Тяжелая утрата китайского народа», в которой выражались искренняя любовь, уважение к великому революционному писателю и публицисту, глубокая скорбь в связи с его кончиной, высоко оценивалась его деятельность на благо дела национального и социального освобождения китайского народа⁴⁵.

В 1938 г. была создана «Всекитайская ассоциация деятелей литературы и искусства по отпору врагу», руководящее ядро которой состояло из писателей-коммунистов. Вокруг ассоциации объединились все писатели и художники, кому была дорога судьба родины. Ассоциация стала самой широкой организацией единого фронта со времен движения «4 мая» 1919 г., объединившей всех работников литературы и искусства страны. Эта организация внесла большой вклад в дело сплочения работников литературы и искусства, мобилизации их на служение делу освобождения китайского народа, на практике доказала, что под знаменем национального освобождения все прогрессивные, а также либерально настроенные писатели вполне могут объединиться, укрепить взаимопонимание и сотрудничество, способствуя тем самым развитию литературы.

Прогрессивные писатели, поэты, драматурги, художники с первых же дней войны против японских захватчиков стали в ряды защитников свободы и суверенных прав китайского народа. Работники литературы и искусства, объединившиеся в единый фронт, проводили большую творческую работу и внесли немалый вклад в пропаганду идеи Сопротивления, мобилизуя духовные и материальные силы китайского народа на борьбу против агрессора.

Таковы некоторые факты искажения деятельности Лу Синя и фальсификации истории китайской литературы маонистами. История опровергает их клеветнические измышления. Прогрессивная, революционная китайская литература, богатая традициями борьбы против реакции и мракобесия, несомненно, в конечном счете вновь выйдет на широкую дорогу служения народу.

⁴³ Дин И (Е Дин-и). Очерки по истории современной китайской литературы. Пекин, 1956, стр. 111.

⁴⁴ Там же, стр. 112.

⁴⁵ См. «Цзюго шибао», 25.X.1936. В сб. «Лу Синь (1881—1936)», АН СССР, 1938, стр. 23—28.

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ

В мирные дни

(из вьетнамского дневника)

М. М. Ильинский

«Подарите мне кисть о пяти цветах, наделите меня талантом, накопленным моим народом за тысячелетия, и только тогда я возьмусь описать красоту и богатство моей родины, ее бескрайние изумрудные рисовые поля, восход и закат солнца, бирюзовые горы, сливающиеся с небом на горизонте, чудесные скалистые острова и людей, населяющих эту землю». Эти строки величайшего вьетнамского поэта Нгуен Ба Тхонга мне вспомнились, когда я беседовал перед дальней дорогой на юг Вьетнама с известным современным поэтом, крупнейшим археологом профессором Фам Хюи Тхонгом.

С кистью о пяти цветах издревле ассоциируется во Вьетнаме познание прекрасного, талант поэта или живописца.

— Можно ли подняться на вершину познания красоты, — говорит мой собеседник Тхонг. — Немногим это удавалось. Но тот, кто искренне стремился ее достичь, оставлял важную веху в истории вьетнамской культуры. Разыщите на дорогах Вьетнама эти вехи — и те, что бережно хранятся народом уже многие века, и те, что воздвигнуты в последние годы, и те, что вырастают сейчас в период первых послевоенных месяцев.

Мудрость слов двух Тхонгов разделяет более пяти столетий, но объединяет их глубокий патриотизм, активное стремление видеть свою родину процветающей и прекрасной. Впрочем, и время тоже объединяет двух Тхонгов. Ведь, как говорят вьетнамцы, все 40 веков вьетнамской земли смотрят в будущее. С этой мыслью я отправился в путь.

Дороги Вьетнама. Они пролегают по долинам вдоль моря, устремляются к высоким горным перевалам, стрелой пронзают вековые джунгли, соединяют берега рек, взбираются на дамбы, будто любуются красотой малахитовых рисовых полей. Они словно тысячи натруженных рук, накрепко связали различные уголки страны. Вдоль них шумят зеленой листвой старые и молодые деревья, знавшие военные вихри и посаженные после того, как пришел мир. Дороги Вьетнама. Свидетелями скольких разлук они стали. Дети расставались с родителями. Жены прощались с мужьями, ухודившими на фронт.

Я расскажу лишь об одной из вьетнамских дорог — о Дороге № 1, чей порядковый номер точно определяет ее значение для героической республики. Эта трансиндокитайская дорога протяженностью 1722 км начинается в Ханое. Затем устремляется на юг, у Сайгона сворачивает на запад и завершается в камбоджийской столице Пномпене. Дорога № 1 в отличие от других главных артерий Индокитая была построена несколько веков назад, еще до появления колонизаторов. В королевских эдиктах ее называли Дорогой мандаринов, в народе именовали проще — торговым трактом.

Сколько раз я проезжал по этой дороге! Но каждый раз она представляла для меня новой, неизведанной.

... У Ханойского городского вокзала я простился с друзьями. «Газик», лавируя между волнами велосипедистов, обгоняя трамваи, отсчитывал первые километры. Справа осталась улица Кхамтхиен — улица звездочетов, древних мудрецов, ученых. Слева промелькнул парк «Тхонгнят» — «Единство» — с его живописными озерами, изогнутыми мостами, густой зеленью пальм и нежным ароматом цветов.

За слагбаумом — Кимлиен. В этом квартале, носящем имя далекой деревушки из провинции Нгеан, где родился первый президент ДРВ Хо Ши Мин, живут советские специалисты. В суровые годы войны и сейчас, в дни мира, они помогают братской стране.

Пятый километр — Батьмай. Как и улица звездочетов, этот ханойский район был одним из основных объектов бомбардировок, пережитых городом в декабре 1972 года. В руинах, словно переломленное надвое, — центральное здание больницы Батьмай. Оно еще не отстроено: ханойцы утверждали, что смогут полностью восстановить его в течение 1974—1975 гг. Но больница уже работала. Впрочем, она и не прекращала работы. Больные и раненые были переведены в другие, уцелевшие корпуса. Сквозь раскрытые окна видны люди в белых халатах. Из ворот больницы вышел паренек. Он вышагивал рядом с матерью, которая ласково поправляла на мальчугане оранжевый шарф — символ победы. Мать улыбалась: ее сын победил и вместе с ним победили те, кто в больнице Батьмай долгие месяцы боролся за его жизнь.

За Батьмаем — депо, железнодорожные перегоны, механические заводы и мастерские Тханьчи — это южная граница промышленного Ханоя. А дальше — поля. Крестьяне только что высадили рассаду осеннего риса. Тонкие зеленые стебельки поднимались от залитой водой земли, тянулись к небу. Пройдет всего несколько месяцев, и в октябре они принесут второй урожай мирного времени. Как и ожидали, он был довольно высоким и достиг в дельте Красной реки в среднем 5,5 т с гектара. Впрочем, крестьянин из этих мест никогда не скажет заранее, каким будет урожай. И это не из-за суеверия. Он знает, что август и сентябрь — время жесточайших тайфунов. Зарождаясь в Тихом океане, они несутся на землю Вьетнама с огромной разрушающей силой. Если не подготовишься вовремя — погибнет урожай. И ныне, как и в прошлом, вьетнамский крестьянин стремится подготовить всю систему ирригационных сооружений к отпору стихии. Правда, в отличие от былых времен в руках жителей дельты совсем иные технические возможности. На полях, на перемычках дамб я видел сотни насосных станций. Тракторы, бульдозеры, грузовики, присланные из Советского Союза, из других социалистических стран, перевозили землю, строительные материалы. Крестьяне наращивали дамбы, плотины. А рядом, как и многие века назад, по-прежнему трудились старый и добрый друг вьетнамцев — буйвол. Некогда во Вьетнаме бытовала поговорка: когда пришла страдная пора, запрягай самого сильного буйвола. Ныне эта поговорка перефразирована: «запрягай» трактор.

Солнце скрылось за тучами. Начался дождь. Видимость стала крайне плохой. Мы остановили машину. На дорожном указателе надпись: «Провинция Намха».

Дорога № 1 всегда была главной транспортной артерией этого района Вьетнама. Сейчас в провинции — второй по численности населения — проживает свыше 1 млн. 700 тыс. человек. По ней уходили на юг разгромленные части колонизаторов. Здесь наступали в начале 50-х годов регулярные части Вьетнамской народной армии и рабочие отряды, сформированные на Намдинском текстильном комбинате. Многие изменилось за прошедшие почти три десятилетия в Намдине. Текстильный комбинат сегодня ничем уже не напоминает то колониальное предприятие, которое было построено французом-миллионером Дюпре на заре нынешнего столетия.

— Мизерной была тогда оплата труда, — рассказывают ткачи. — Администрация буквально душила нас налогами, штрафами. Работать приходилось с утра до позднего вечера, но не всегда в соломенных хижинах ткачей на столе появлялась пиала с рисом. Только августовская революция 1945 г. принесла подлинное освобождение. И когда в 1964 г. над Вьетнамом нависли грозовые тучи войны, рабочие Намдинского текстильного встали на защиту завоеваний своей революции.

За первые полгода мира полностью восстановлены производственные мощности Намдинского комбината, отстраиваются жилые кварталы, школы, детские сады, ясли. Если в военные годы многие цеха были перестроены для производства бинтов, марли, материалов защитного цвета, то ныне по Дороге № 1 вывозятся с Намдинского текстильного миллионы метров красочных тканей, которыми так гордится вьетнамская земля.

Но Намдинь — это не только город сорока промышленных предприятий. Для меня это еще — город семивековой истории, оплот борьбы за национальную независимость, крупнейший культурный центр Демократической Республики Вьетнам. Об этом здесь говорят даже названия улиц: аллея Литераторов, площадь Стихов, Студенческий переулок.

Прежде я всегда с болью в сердце проезжал по улицам Фули — второго по значению города провинции Намха. Вернее, это были не улицы, а узкие проезды среди кратеров-воронки, груд исковерканного металла: обгоревших железнодорожных вагонов, рельсов, перекрученных взрывами. Руины — это все, что осталось от некогда зеленого городка с уютными домиками под красными черепичными крышами, в которых жило около десяти тысяч человек.

Сегодня я не узнал Фули. Как быстро мирное время меняет облик фронтовых городов! На Дороге № 1 уже засыпаны воронки. Всюду — новостройки. У пристани на реке Дай — новый лесопильный завод. Стволы свежесрубленных деревьев вывозятся отсюда длястроек Намха.

Как только Дорога № 1 расстается с Намха, перед взором открывается сказочный мир. Горбатые, словно верблюжьих спины, отроги гор. Среди них — прозрачные речки,

зеленые рисовые поля, строгие купола католических соборов. Это — Ниньбинь, что в переводе означает «Безопасность и мир». Об этой провинции ДРВ написано, пожалуй, меньше всего. Объясняется это, видимо, тем, что журналисты, как правило, не доезжали до Ниньбиня, желая поглубже познакомиться с Намха. Другие проскакивали Ниньбинь, стремясь быстрее проехать по Дороге № 1 к провинциям «четвертой зоны», к 17-й параллели, где особенно жестоко неистовствовали тайфуны войны.

В Ниньбине находилась древняя столица Вьетнама. Она была расположена неподалеку от Дороги мандаринов на территории нынешнего уезда Зиавьен. Отсюда в течение нескольких столетий уходили вьетнамские воины для отпора полчищам китайских феодалов. Под Хоалы — так называлась столица — была сосредоточена армия полководца Нго Куена. Эта армия сделала дальний переход до северной реки Батьданг и одержала победу над китайскими войсками, отбросив их за пределы Вьетнама.

Лишь в 1010 г. при короле Ли Конг Уане, известном в истории под именем Ли Тхай То (по древнему обычаю вьетнамские короли после смерти получали новое имя, по которому входили в историю. — М. И.), столица из Хоалы была перенесена в Дайля, который был затем переименован в Тханглонг — город Поднимающегося дракона (ныне Ханой). До сих пор вьетнамские археологи ведут в Хоалы раскопки, открывая неизвестные страницы древней истории Вьетнама, борьбы народа за национальное освобождение. Этим работам в ДРВ придается большое значение. Они способствуют дальнейшему укреплению национального достоинства. Вьетнамцы справедливо считают, что патриотические традиции являются той благодатной почвой, на которой вырастают сегодняшние герои.

Здесь, на заводе Ниньбиня, зарождалась национальная литература. Появилась здесь и легенда, объясняющая чередование сухого и мокрого сезонов во Вьетнаме:

«У последнего из королей Хунгов — Хунг вьонга XVIII, — потомка Дракона и Феи, была дочь необычайной красоты по имени Ми Ньонг. Дух гор и лесов Шон Тинь и дух вод Тхюи Тинь просили ее руки. Король же решил отдать свою дочь тому, кто первый принесет свадебные подарки. Шон Тинь приехал во дворец с удивительными дарами. Он привез слона с девятью бивнями, петуха с девятью шпорами, лошадь с девятью гривами. Он-то и увез принцессу в свое царство гор. Это было в период, соответствующий июлю — октябрю. Разгневался Тхюи Тинь и бросил свои воды против Шон Тиня. Но твердо стояли горы. На помощь людям вышли слоны, буйволы, все животные и утомили буйные воды. Но каждый год в одно и то же время между двумя духами вспыхивает снова борьба. Она неизменно завершается победой Шон Тиня: на смену сезона дождей приходит сухой сезон».

Я невольно вспомнил об этой легенде, когда над Ниньбином бушевала гроза. Вспучившие воды речушек, каналов, проток заливали рисовые поля, подходили к скалистым отрогам холмов. Но работы на полях не прекращались. Крестьяне трудились по колено в воде. Для борьбы с наводнением на помощь людям Ниньбиня пришли кооператоры из соседней Намха. Вечером я видел, как друзья из этих двух провинций сидели вместе под навесом деревенского дома. Музыканты аккомпанировали девушкам, которые пели об успехах рисоводов. В песнях непременно говорилось о древних традициях земли Ниньбиня. Я узнал, что одна из местных девушек, Туйет Лау («Подснежник»), пишет стихи.

— О чем они? — спросил я.

— О людях моей родины, — тихим голосом ответила Туйет Лау и прочитала мне стихотворение «Вьетнамская жемчужина». Оно посвящено южновьетнамской героине, которую схватили сайгонцы и жестоко пытали. Но девушке удалось бежать. Сейчас ее руки, пробитые гвоздями, заживают, как затягиваются раны на земле Вьетнама. У Туйет Лау недавно родился сын.

— Кем сын станет? — спросил я.

— Когда ребенок мал, он принадлежит матери. Когда вырастает, он принадлежит народу, — ответила Туйет Лау...

Дождь немилосердно колотил по асфальтовому полотну, когда мы покидали землю Ниньбиня.

Провинцию Тханьхоа — следующую на нашем пути — иногда называют маленьким Вьетнамом — настолько сконцентрированы здесь природные и этнические особенности всей вьетнамской земли. В ее горных лесистых районах, в плодородных долинах рек Ма и Тю, на побережье Тонкинского залива, среди золотистых песчаных дюн живет свыше миллиона человек двенадцати национальностей. Издавна они возделывают рис, добывают соль, водят по морю и рекам рыбацкие сампаны, создают удивительные изделия из бамбука и перламутра, обрабатывают крупнейшие в стране чайные и кофейные плантации. Здесь, в Тханьхоа, на горе До на высоте 30 м ученые обнаружили ручные рубила, хозяйственный инвентарь, относящийся к эпохе нижнего палеолита. В местечке Донгшон были найдены бронзовые орудия, барабаны, глиняная посуда середины первого тысячелетия до нашей эры.

Рисунки на барабанах донгшонской культуры позволяют установить, что древние предки вьетнамцев жили в высоких домах на сваях (так же, как ныне живут люди в

горных селениях Тханьхоа), плавали на длинных многовесельных лодках, украшенных на носу и корме резными изображениями драконов и других фантастических животных, занимались рисоводством, выращиванием фруктовых деревьев, выделкой тканей. Вьетнамские ученые считают, что рисоводство пришло во Вьетнам не из Китая, а, наоборот, было заимствовано китайцами у вьетнамцев. Это доказали раскопки, проведенные в Донгшоне.

Древняя земля Тханьхоа в течение долгих лет подвергалась ожесточенным налетам. Сейчас восстановлены почти все селения, зеленеют рисовые поля, на которых крестьяне вместе с сорняками выпалывают осколки снарядов и бомб.

«Газик» медленно огибал гору, на которой установлен огромный портрет Хо Ши Мина и на красном полотне белой краской выведены слова первого президента ДРВ: «Нет ничего дороже свободы и независимости». За горой — легендарный мост Пасть дракона — Хамжонг.

На Дороге № 1 — около трех тысяч больших и малых мостов. Все они во время войны подвергались бомбардировкам. Свыше 150 тыс. фугасок, магнитных бомб, ракет и торпед сбросили агрессоры на Хамжонг — мост через реку Ма. Но только в декабре 1972 г., на 9-м году войны, мост был поврежден. Сейчас он полностью восстановлен и гордо сверкает новыми металлическими покрытиями, пропускает колонны машин, железнодорожные составы.

Я стою у моста словно зачарованный этим символом негибемого мужества, воли вьетнамского народа — бойца, труженика, созидателя. Быстро несет через Ущелье дракона свои воды река Ма. Под мостом проносятся джонки, сампаны, катера. И люди приветствуют свой Хамжонг.

От моста до провинциального центра Тханьхоа по Дороге № 1 не более десяти километров. Город возник на Дороге мандаринов еще в X в. на месте небольшого военного поселения. Сейчас Тханьхоа — важный экономический и транспортный центр.

В дни мира быстро затягиваются фронтовые раны. Уже исчезли развалины на улицах Чан Фу, Чан Хынг Дао. В небольшой, заново отстроенной гостинице Тханьхоа я повстречал товарища Чинь Динь Чи — члена секретариата Постоянного комитета Национального собрания ДРВ, депутата Национального собрания от провинции Тханьхоа.

Большой революционный путь прошел этот 58-летний человек. Шесть лет провел в казематах острова смерти — Кондао (Пуло-Кондар). В марте 1945 г. бежал из тюрьмы. В декабре 1946 г. он был избран председателем административного комитета провинции Куангнам, был мэром Дананга, второго по величине и значению города Южного Вьетнама. Товарищ Чи — депутат Национального собрания ДРВ всех четырех созывов. В апреле 1971 г. за Чинь Динь Чи отдали свои голоса избиратели провинции Тханьхоа.

— Я довольно часто приезжаю в Тханьхоа, — рассказывал мне товарищ Чи, — бываю на промышленных предприятиях, в сельскохозяйственных кооперативах, помогаю работе административного комитета провинции. Стараюсь знакомить людей Тханьхоа и с опытом работы Советов депутатов трудящихся Советского Союза. Опыт местных Советов СССР нам особенно полезен сейчас, когда во Вьетнаме ведутся восстановительные работы послевоенного развития.

Мы расстались с товарищем Чи в полдень. Его рабочий день буквально хронометрирован. Ему предстояло провести ряд собраний, а вечером предстоял обратный путь в Ханой.

Южнее Тханьхоа начинаются земли провинции Нгеан. Труднопроходимые леса покрывают ее горные районы. Здесь проживают люди шестнадцати национальностей. Хаи, мыонги, тауханы, тауханги, мео... В долинах Нгеана простираются рисовые поля, плантации гевеи, кофе, чая. Здесь цветут прекрасные апельсиновые сады. Они раскинулись по берегам каналов, созданных многие века назад воинами легендарного Ле Лоя. Это ему, как гласит предание, священная черепаха подарила волшебный меч, с помощью которого он разбил войска северных захватчиков.

Винь — главный город провинции Нгеан. Он настолько разрушен, что многие здания придется строить заново.

— Кто-то утверждал, — говорил мне рабочий-строитель Вьен, — что две бомбы в одно и то же место не попадают. В Вине, бывало, три и четыре бомбы рвались в одном месте, оставляя огромную воронку. Здесь и возникло понятие «воронка в воронке». Сейчас Винь, как феникс, встает из пепла.

Больше всего разрушений пришлось на район виньской электростанции и переправы Бентхюи через реку Лам — Голубую. Эта электростанция была построена в конце 50-х годов при помощи Советского Союза. Виньский энергетический комплекс мог до войны обеспечивать электричеством весь юг демократического Вьетнама. В настоящее время электростанция продолжает давать ток, ведутся работы по расчистке и восстановлению разрушенных цехов. Но, конечно, потребуется немало времени, пока электростанция достигнет довоенной мощности.

В Вине мне довелось встретиться с одним из ветеранов вьетнамского революционного движения.

— В 20-е годы я работал в депо Чангтхи, — рассказал Нгуен Ван Хао. — Мы, рабочие, по 14 и более часов в сутки простаивали у станков. Многие падали в изнеможении прямо в цехе. И тогда на их спины сыпались удары кнута или дубинки надзирателя. За малейшее неповиновение грозил штраф, увольнение, а значит, голодная смерть.

В 20-х годах под влиянием Октябрьской революции в России по Вьетнаму прокатилась волна забастовок, ширились выступления крестьян, зарождалось национально-освободительное движение.

Здесь у нас в Вине в начале 1928 г. возник Красный профсоюз. Рабочие выбрали меня секретарем профсоюза депо, а через год в мае мы организовали первую забастовку с требованием сократить рабочий день, прекратить избияния, отменить штрафы.

В ответ последовали массовые репрессии. Семь дней не выходили мы из депо, отбиваясь от жандармов. В поддержку нашей борьбы выступили рабочие других предприятий, крестьяне окрестных уездов, рабочие других провинций. Администрация вынуждена была уступить.

В январе 1930 г. была создана Коммунистическая партия Индокитая. У рабочего класса появился боевой штаб, готовый и способный уверенно руководить революционными действиями, национально-освободительной борьбой. Партия провозгласила программу: изгнать колонизаторов, ликвидировать феодализм, завоевать независимость, создать рабоче-крестьянское правительство, землю передать крестьянам, заводы — рабочим.

На подпольных собраниях, которые, как правило, проходили в рыбацких лодках на реке, в пагодах, мы говорили о том, что придет время, когда во Вьетнаме будет такой же справедливый общественный строй, как в Советской России. И мысль о стране Октября укрепляла в нас веру в торжество нашей борьбы.

Все более широкие слои населения в те годы решительно поднимались на борьбу. В Тханьтонге крестьяне взяли власть в свои руки. Впервые в истории Вьетнама здесь был создан Совет трудового крестьянства. Общинный дом «динь» стал резиденцией первого Народного Совета в Индокитае. В этом же уезде в сентябре 1930 г. был создан отряд красной гвардии. Помещичьи земли были конфискованы и переданы крестьянам. Три месяца продержался Совет в Тханьтонге.

Для подавления восстания колониальная власть бросила крупные соединения экспедиционного корпуса. Несмотря на жесточайшие репрессии, красные знамена с серпом и молотом развевались в селах и городах Нгеана.

Но силы были неравны, и партия приняла решение уйти в подполье. В тюрьмах Вина, Далата были замучены сотни и тысячи активных участников Советов Нгеана.

Октябрьским утром 1930 г. жандармы пришли и за мной в депо. Десять лет тюремного заключения — таков был приговор. Я стал уже не Нгуен Ван Хао, а заключенный № 3452. Средневековые пытки не сломили нас. Сквозь тюремные казематы мы пронесли нашу клятву быть верными делу революции, делу Вьетнама, делу Великого Октября...

В годы империалистической агрессии Нгуен Ван Хао — один из первых вьетнамских коммунистов — вел большую пропагандистскую работу, бывал в различных уголках Нгеана.

— Наши революционные традиции, рассказы о них вселяли силы в молодых борцов за свободу родины, — говорил мне товарищ Хао. — Они помогали нам в годы войны с агрессорами. Помним о боевых традициях мы и сейчас, когда на земле Вьетнама наконец утвердился мир.

У подножья горы Куэт, рядом с электростанцией, Дорога № 1 спускается к водам Голубой реки. Илистое «ползучее» в сторону моря речное дно и быстрое течение не позволяли до сих пор возвести здесь мост. Старенький паром — безотказный труженик, круглосуточно снующий взад-вперед через километровую водную поверхность, — стал незаменимой частью главной артерии Вьетнама.

Уже 5-й год работает здесь невысокий молодой паренек-моторист. В военное время он перевозил грузовики и людей под покровом ночи. Вражеские самолеты буквально дежурили над переправой. Теперь паром не прекращает работы ни на минуту, едва успевает выгрузить партию автомашин, как приходится везти на другой берег новую. В среднем за смену паром делает до двадцати рейсов.

Паренек поторавливал водителей. Повинуясь его жесту, грузовики с ревом вползали на паром, вставали борт к борту. Паром тяжело отчаливал от берега, набирал скорость, преодолевал течение Голубой реки.

На другом берегу Дорога № 1 устремилась в горы. Мы на земле провинции Хатинь, что в переводе означает «Спокойная река». Но в народе эту провинцию издавна именуют бунтарской землей. В XVIII в. здесь укрывались отряды мужественных

тэйшонов¹. И поныне в уцелевших пагодах и домах на алтарях предков — невысокие деревянные столбики из красного дерева — установлены гравюры с изображением Куанг Чунга на боевом слоне.

Десятки крестьянских восстаний вспыхивали в Хатине. В августе — сентябре 1930 г. в нескольких уездах Хатины и Нгеана возникли Советы Нге-Тиня, ставшие прообразом народно-революционной власти во Вьетнаме. Во время войны Сопrotивления с французскими колонизаторами Хатинь была обширным партизанским районом. А когда началась в 1964 г. воздушная война империалистических агрессоров, жители надели суровую солдатскую форму. Бомбы разворотили здесь всю Дорогу № 1, на которой оставались лишь десять немногие километры асфальтного покрытия. Из 144 мостов уцелели только 8. Но дорога продолжала жить.

Ловлю себя на мысли, что вспоминаю об этом, как о далеком прошлом. Минуло всего несколько месяцев после прекращения войны: все воронки засыпаны, сделаны объезды, броды. У каждого разрушенного моста работали строительные бригады.

На одном из хатинских перевалов нас остановила группа девушек.

— Стоп! Дальше ехать нельзя. Неразминировано! — кричит девушка в соломенной шляпе с длинной косой. К шляпе кокетливо приколот красный цветок. — Покинуть машину. Через десять минут будем взрывать мины.

Цветок и мины. Мир и оставшиеся следы войны...

Водитель Кхет ловко развернул «газик», вывел его за поворот дороги. Неожиданно наступила тишина. Люди, словно готовясь к атаке, стояли молча, тесно прижавшись друг к другу. Громыкнул взрыв, за ним другой, третий.

Дым постепенно стал оседать, застилая дорогу. Пожилой человек в крестьянской одежде протянул мне сигарету.

Взрывы в мирное время? К сожалению, в джунглях и горах, вдоль дорог и в приморских песках коварно укрылись многие тысячи мин. Когда их удастся обнаружить и обезвредить? Война окончена, но сколько времени она будет еще напоминать о себе!

Я думал об этом, когда ехал по обширному песчаному плато, замкнутому между рекой Няtle и морем. Где-то поблизости Донгхой — главный город провинции Куангбинь. Здесь словно ощущаешь, касаешься рукой обнаженных нервов израненной земли. У дороги, на краю глубокой воронки, залитой водой, дети играют с буйволом. Животное смешно шлепнулось в желтую жижу, увлекая за собой мальчугана. Паренек выбрался из воды и, громко смеясь, побежал к морю. Даже мирные детские игры проходят там, где оставила страшные следы война.

«Человек должен уметь сам разбудить в себе мужество. Иначе оно не придет к нему никогда», — читаю я надпись в одной из пагод провинции Куангбинь. Есть ли такая мера, которой можно измерить мужество жителей Куангбиня?

Вглядываюсь в лица рабочих, крестьян самой южной провинции ДРВ. Девушка несет на коромысле тяжелые корзины с песком и поет песню о Куангбине. «Куангбинь — моя родная земля. Если спросите, почему в Куангбине новые черепичные крыши, я отвечу, потому что мы знали долгие тяжелые времена».

До установления народной власти Куангбинь действительно была одной из самых отсталых провинций страны. Она занимала площадь 8750 кв. км. Но здесь не было ни одного промышленного предприятия. Работала лишь водонапорная башня да электростанция мощностью в 60 квт. В провинции, население которой насчитывало 500 тыс. жителей, имелась всего одна неполная средняя школа и одна больница.

После 1954 г. земля Куангбиня преобразилась. Выросли промышленные предприятия, школы, больницы, осваивались новые посевные площади. Огромные запасы белых песков стали использоваться для изготовления оптического стекла. Но война разрушила все, что создали трудолюбивые руки куангбиньцев.

Сегодня мирная жизнь возвращается на землю Куангбиня. В городском порту, что расположен в устье реки Няtle, скрипели натруженные хоботы кранов — велась разгрузка небольших судов, доставивших в Донгхой строительные материалы, инструменты, товары. У берега рыбацкие шаланды: в последние дни шел хороший лов. Коператоры успели наладить производство знаменитых соусов «ныок мам», лучших во всем Вьетнаме.

Но главная задача куангбиньцев в период послевоенного развития — увеличение сельскохозяйственного производства. Почвы в Куангбине гораздо беднее, чем в других провинциях. К тому же они размываются в период дождей водой с гор. Ряд районов лежит ниже уровня моря и находится под постоянной угрозой наводнения. Поэтому для увеличения продукции сельского хозяйства необходимо в первую очередь расширять посевные площади, создать современную систему ирригационных сооружений.

Многое для этого делается уже сегодня. На опытной селекционной станции ведутся работы по выведению новых сортов риса. В 1973 г. началось строительство трех

¹ Тэйшоны — так назывались участники антифеодального крестьянского восстания, руководимого национальным героем Вьетнама Куанг Чунгом.

крупных ирригационных систем. В 1975 г. продукция сельскохозяйственных кооперативов должна возрасти на 50%. Это позволит полностью решить проблему продовольствия.

В Куангбине уже существует ряд предприятий пищевой и деревообрабатывающей промышленности, небольшой механический завод. Широкая индустриализация этого района начнется лишь после 1975 г. Намечается строительство ряда предприятий, которые будут специализироваться на производстве и ремонте сельскохозяйственных машин и оборудования. Планируется сооружение предприятий по производству строительных материалов, судоремонтного завода в порту Донгхоя, ряда электростанций.

Восстановление. Сколько раз в истории приходилось вьетнамскому народу возрождать из руин свою страну. И недаром каждый вьетнамец помнит стихи Нгуен Чая, дошедшие до нас сквозь многие столетия:

Лук повесил, снял я панцирь,
Мир встречаю я радостным взором.

Восстанавливать разрушенное порой труднее, чем строить заново. Восстановление — это ликвидация последствий войны, которая, как правило, происходит в условиях нехватки электроэнергии, рабочих рук, материалов. Но в умении преодолеть эти трудности раскрывается вьетнамский характер. Его силу в полной мере ощущаешь в Куангбине и в соседнем уезде ДРВ — Виньлине.

Виньлин долгое время войны был полюсом опасности. И днем и ночью уезд бомбили с воздуха, обстреливали с кораблей и артиллерийских баз, находившихся в Южном Вьетнаме. Но Виньлин выстоял.

Дворцы и пагоды издревле украшали землю Вьетнама. Подземный город, возникший в особом уезде героической республики, никогда не предстанет перед человеком. Он спрятан от глаз под землей. Но его величие в том, что он спас самое главное — жизнь людей. В дни мира люди Виньлина вышли из-под земли. Выходят на поля крестьяне. Отстраиваются дома. Дорога № 1, бывшая долгое время 9 военных лет для Виньлина дорогой жизни, обрела сейчас новый вид. Смолкла над ней орудийная канонада, нет больше самолетного гула. Виньлин строит мирную жизнь.

Главный населенный пункт Виньлина — город Хоса. До войны он славился своими парками и аллеями. Во время налетов деревьев погибли. Сейчас уже поднимаются к небу сеянцы первого послевоенного парка «Единство».

Узкая тропа, ведущая в деревушку Виньмок, змейкой извивалась среди бесчисленных кратеров-воронок. Чем ближе к морю, тем их все больше. Но вот и деревня: несколько хижин среди банановых и кокосовых пальм.

Рядом с тростниковыми домами небольшие участки, на которых поднимались всходы картофея и маниока. В этот ранний час деревня почти пуста. Лишь дети выбежали из хижин и обступили «газик».

Они-то и проводили меня к Чыонг Минь Туану — секретарю местной партийной организации. Туан встретил радушно, пригласил в хижину, где расположился виньмоцкий комитет Партии трудящихся Вьетнама. Эта хижина по своим размерам чуть больше других строений. В комнате на узком деревенском столе — чайник, чашки, пачка сигарет.

Туан — плотный, коренастый человек, с обветренным, волевым лицом. Потомственный рыбак. В кооперативе Виньмок 220 рыбаков. Женщины занимаются выращиванием тех немногих культур, что в состоянии вскормить земля. С августа 1964 г., когда началась война, на деревню — 500 м в длину и 150 м в ширину — было сброшено 39 200 бомб. Но через 8 месяцев после прекращения войны в деревне уже мало что напоминало о суровых днях испытаний: поля заново возделаны, растения скрыли своей листвою раны земли.

Виньмок расположена на вершине холма, между морем и Дорогой № 1. На расстоянии 30 м от него, в море, находится небольшой островок Конко — остров Диких трав — аванпост береговой обороны Демократической Республики Вьетнам. Во время войны большинство из 1200 жителей деревни должны были уйти в глубь материка. Тот, кто остался, обслуживал зенитчиков, заботился о продовольствии.

Вместе с Туаном мы пересекли деревню, и на окраине в траве он показал мне скрытый лаз. Крутая лестница вела под землю и терялась в темноте. Мы спустились при свете керосиновой лампы, шли по узкому подземному ходу, покрытому листьями бамбука. Чем дальше, тем лаз становился уже, уходил глубже под землю. Наконец ход начал расширяться. Можно было распрямить спину. Мы шли по туннелю, находившемуся на 20-метровой глубине.

— Чтобы отрыть это убежище, потребовалось четыре месяца, — рассказывал Туан.

Подземный ход тянулся два километра. Примерно через 20 минут пути под землей показался выход. Мы поднялись на поверхность далеко за деревней, у самого моря. На белоснежном песке возле лодок рыбаки чинили сети. Еще совсем недавно эти люди, занятые ныне мирным трудом, выходили в море под огнем 7-го американского флота, вступали в бой с сайгонскими катерами.

— Был однажды такой случай, — вспоминал Туан. — Мы вышли в море. Оно было спокойным, как сейчас. Внезапно появились катера под сайгонским флагом. Мы решили принять бой. Катера подошли к лодке.

— Господин, мы рыбаки, ловим рыбу, — произнес Туан. Слова эти были сигналом. Рыбаки открыли огонь из автоматов, забросали катер взрывчаткой. С другого катера открыли огонь по лодке. На помощь сайгонцам спешил третий катер.

— Наше положение становилось критическим, — продолжал Туан. — Мы бросились в воду. Вряд ли остались бы в живых. На помощь пришла береговая батарея. Ее меткий огонь повредил еще один катер. Сайгонцам пришлось убраться...

— Мы плыли более двух часов. На расстоянии примерно двух-трех километров от берега нас подобрала спасательная лодка с бойцами Народной армии...

Рыбак вспоминает об этом бое, словно о давнем и неприятном сне.

Вечерело. Пора было возвращаться. Деревня Виньмок наполнилась детьми. Они вернулись из школы. Как, наверное, пустынно и печально было в годы войны здесь без этих ребятишек...

Если взглянуть на карту, Виньлинх расположен в том месте Индокитайского полуострова, где проходит линия 17-й параллели. Здесь несет к Южно-Китайскому морю свои спокойные зеленоватые воды река Бенхай. Но прежде чем проститься с землей Вьетнама, река выгибается двумя полумесяцами, образуя рукава Кыатунг и Кыавьет².

У Кыатунга один берег сравнительно высокий. Он находится на территории ДРВ. Другой — низкий, поросший мелким кустарником. Это — Южный Вьетнам. Я стою на берегу Бенхай у моста Хиенлыонг. Пролеты старого моста рухнули в илистое дно: он был разбит бомбами. Но рядом действует новый деревянный мост под прежним названием Хиенлыонг. Как и раньше, рядом с мостом мачта высотой в 35 м, на которой реет государственный флаг ДРВ.

На другом берегу — красно-голубое с золотой звездой знамя южновьетнамских патриотов — Республики Южный Вьетнам. Завтра на рассвете я переѣду Бенхай. Впереди — освобожденные районы Южного Вьетнама.

Ханой — Москва

² Во Вьетнаме, как правило, все реки в устье получают новые названия.

Словом, образом, намеком...

В конце 50-х — начале 60-х годов казалось невозможным, чтобы в официальной печати Китая открыто звучали голоса против антинародного курса Мао Цзэ-дуна. Год от года все придирчивее и скрупулезнее становилась маоистская цензура, и нелегко было ее обойти. Однако накапливавшиеся в умах и сердцах негодование и протест все же пробивали выход на страницы газет и журналов. Как ни строга была цензура, но ее серьезный изъян давал себя знать: те, кто осуществлял контроль над публикациями, не обладали достаточными знаниями, чтобы уметь понять подтекст, читать между строк. Те же, кто осмеливался поднимать свой голос против «идей Мао Цзэ-дуна», были достаточно гибки, чтобы, обойдя цензуру, метким словом, ярким образом и прозрачным намеком донести до читателя свою критику маоизма.

К подобным авторам — подлинным патриотам, верным идеалам интернационализма, — по праву можно отнести публициста Дэн То и прозаика Лао Шэ.

Ниже публикуются их статьи, которые служат убедительной иллюстрацией вышесказанному.

«Великое пустозвонство» и другие фельетоны

Дэн То

Дэн То участвовал в революционном движении с юных лет. Во время антияпонской войны он был партизаном, вступил в ряды КПК. Как публицист проявил себя впервые в печати освобожденных от японских оккупантов районах Китая.

После победы китайской революции Дэн То возглавлял Всекитайский союз журналов, а с 1955 по 1959 г. руководил центральным органом КПК, газетой «Жэньминь жибао». Будучи вторым секретарем Пекинского горкома КПК, Дэн То вел большую работу среди китайской интеллигенции и в 1961—1962 гг. систематически выступал в печати с критикой маоистского курса. Критика эта была завуалированной, но достаточно ясной для читателя. Всего Дэн То написал свыше 150 фельетонов. В них он говорил о дружеских чувствах к Советскому Союзу, называл нашу страну «учителем» и порицал маоистов, которые, подрывая советско-китайскую дружбу, прежде всего наносили ущерб собственному народу.

Не удивительно, что маоисты смертельно ненавидели Дэн То. Долгое время им не удавалось с ним расправиться. После X пленума ЦК КПК, однако, ему запретили выступать в печати. В 1966 г. началось генеральное наступление на Компартию Китая и Мао Цзэ-дун свел счеты с Дэн То, официально объявленного «контрреволюционером» и «черным бандитом». Жив ли он сейчас — неизвестно.

Обращение к истории — давняя традиция в Китае, и, как убедится читатель, Дэн То с блеском прибегает к историческим аналогиям, запас которых у него поистине неисчерпаем. В этом Дэн То является продолжателем прогрессивных, демократических традиций китайской публицистики, столь высоко поднятой еще в 30-х годах великим Лу Синем.

В публикуемых впервые на русском языке его фельетонах отчетливо видны особенности стиля Дэн То. Здесь и исторические реминисценции, и обращение к современной научной периодике, и анализ фактов и событий современной международной жизни.

Но главное в них — разоблачение «идей всяких лентяев», как назвал Дэн То «идеи Мао Цзэ-дуна», разоблачение «бредовых иллюзий», желания «легким путем стяжать великую славу». Дэн То доказывает, что подобные «идеи» являются проявлением «омерзительной идеологии эксплуататорских классов». Для китайского читателя направленность этих обвинений была тогда совершенно ясной. Сохраняют это свое качество они и сейчас.

Мы продолжаем публикацию некоторых фельетонов Дэн То (первую публикацию см. «Проблемы Дальнего Востока», № 2, 1972 г.), которые войдут в готовящуюся к печати в издательстве «Прогресс» книгу этого выдающегося китайского писателя-публициста.

Великое пустозвонство

Есть люди, страдающие многословием. Они могут без конца болтать на любую тему. Слова сыплются из них, как из рога изобилия. Но после подобных речей вам никак не удастся вспомнить, о чем было сказано.

Примеров этому можно привести множество. Если только быть внимательным, обнаружить таких людей совсем нетрудно. Они необыкновенно высокомерны и снисходительно делятся опытом с окружающими, внушая: «Я храню учение наших предков, согласно которому даже умирающий не смеет падать духом, чтобы не запугивать остальных; я не позволю, чтобы высочайшие человеческие понятия обесценивались».

Разве это, по сути своей не «великое пустозвонство»? Выслушивая людей такого сорта, в большинстве случаев принимают их речь за «восьмичленные сочинения»¹ и язвительно посмеиваются. Я полагаю, что не следует смешивать понятия и именовать такие речи «восьмичленными сочинениями». Мне кажется более подходящим назвать их «великим пустозвонством». Разумеется, в этих речах имеется общее с «восьмичленными сочинениями». Однако же некоторые полагают, что в «восьмичленных сочинениях» было побольше содержания.

Давайте приведем один классический пример стиля «восьмичленных сочинений»: «Небо и Земля — это Полюсы Стран Света и Космоса. Как они величавы и значительны! Они существуют многие миллионы лет, но однажды придет день и их не станет».

Это всего-навсего отрывок из текста, написанного в стиле «восьмичленных сочинений». Когда его читаешь вслух, он звучит недурно. В нем содержится весьма важные понятия: Небо и Земля, Страны Света, Космос, Полюс, и, поскольку фраза весьма звучна, ее приятно слушать. Когда я декламировал эти строки «восьмичленного сочинения», то невольно и не без удовольствия раскачивался из стороны в сторону в такт искусно построенной фразе.

К сожалению, слова с высоким смыслом, которые ныне постоянно употребляются, сохраняют свой прежний, далеко не новый смысл. Следовательно, сколько их ни повторишь — хоть тверди полдня подряд, — яснее мысль не станет. И вот люди говорят долго, но сами не знают о чем. И чем больше они разъясняют, тем больше путаницы и меньше толку. В этом особенность «великого пустозвонства».

Нельзя отрицать, что при некоторых, особых обстоятельствах такое «великое пустозвонство» неизбежно и поэтому в известном смысле необходимо. Но будет поистине ужасно, если оно получит широкое распространение, станет повсюду применяться и превратится в своего рода специальность. Было бы еще хуже, если бы к нему приучили нашу молодую смену и подготовили целую плеяду специалистов-пустозвонов. Ужаснитесь этому и будьте бдительны! Примеры тому уже бывали.

Кстати говоря, в последнее время сын моего соседа в подражание стилю великого поэта² часто занимается «великим пустозвонством». Формально все им написанное совершенно современно, и каждый раз, когда ребенок изготавит стихотворение, он декламирует его с гордостью необыкновенной. Недавно он написал «Оду диким травам», представляющую собой сплошное пустозвонство. Цитирую:

Небо — наш отец,
Земля — наша мать,
Солнце — наша няня,
Ветер с Востока — наш покровитель,
Ветер с Запада — наш враг³,

¹ Восьмичленные сочинения писались в императорском Китае во время экзаменов на занятие чиновничьей должности и были обязательным предметом обучения китайских чиновников.

² В 1957 г., после опубликования восемнадцати стихотворений Мао Цзэ-дуна, в китайской печати появилось множество статей, в которых его называли «великим поэтом», «корифеем».

³ Намек на маоистский лозунг: «Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада».

Мы сами — пучок травы,
 Многие радуются нам,
 Многие ненавидят нас,
 Как всегда — мы не грустим,
 Мы продолжаем расти.

Было ли когда-нибудь на свете такое слабое стихотворение?! Я должен высказать самую серьезную тревогу за судьбу ребенка, который изо дня в день занимается подобной стряпней. Если бы не заглавие, никто не смог бы догадаться, что перед ним «Ода диким травам». Но некоторые превозносят стихи мальчика до небес. А мне непонятно, как они могут хвалить такие стихи?

Высокие слова: небо, земля, отец, мать, солнце, няня, ветер с Востока, ветер с Запада, покровитель, враг — приковывают внимание читателя, но все они употреблены не к месту и превратились в пустые, избитые фразы.

Автор, который так писал, воображал, что его произведение актуально. Но в такой «актуальности» нет ни малейшего следа нашей действительности.

Работая над словом, надо задумываться о том, чтобы в стихотворении оно сохранило свою первоначальную силу, дабы минимальными средствами достичь большой и богатой содержательности. Можно прочесть стихи и другим, если в том есть необходимость. Лишь учтя это, вы обретете способность убеждать людей.

Когда же содержание пустое, то делу не поможет даже употребление самых высоких слов и фраз. Наоборот, чем больше их говорить, тем хуже. Поэтому любителям «великого пустозвонства» я хотел бы посоветовать: друзья, лучше бы вы побольше читали, побольше думали и поменьше говорили. Если же нет силы удержаться, шли бы немедленно на покой и не тратали напрасно своего и чужого времени и сил!

Закон дружбы и гостеприимства

Мы, китайцы, издревле умели лучше всех принимать гостей и любили заводить себе друзей. После же освобождения народ нашей страны с еще большим энтузиазмом и теплотой встречал гостей, приезжавших со всех концов света⁴. Поскольку гостей было очень много, иногда случалось, что, принимая их, мы не успевали обо всем позаботиться. Но если изредка и происходило нарушение правил вежливости, большинство друзей, понимая искренность наших чувств, великодушно нас прощали; некоторые, правда, могли неправильно понять нас. Поэтому товарищи, отвечающие за прием иностранных гостей, должны всемерно как можно лучше выражать наши подлинные устремления, искренность наших чувств. А чтобы научиться этому, нужно воспользоваться богатейшим опытом, накопленным с древних времен, и хорошенько усвоить его, дабы лучше принимать тех, кто приезжает к нам в гости.

Если порассуждать об опыте приема гостей, то прежде всего следует обратиться к эпохе Весен и Осеней и Воюющих царств⁵. В те времена было очень развито общение и гостей бывало много, поэтому почти все мудрецы и писатели той поры высказывались о законах дружбы и гостеприимства. Позднее дипломатическая деятельность китайского императорского двора распространялась на многие государства Средней Азии, Юго-Восточной Азии и Африки; прежние законы дружбы и гостеприимства нашли применение в дипломатии, а потому непрерывно обогащались и развивались. Если найдется человек, который соберет рассеянные материалы на эту тему, он наверняка сможет создать хорошую книгу.

Законы дружбы и гостеприимства у древних, конечно, никак нельзя относить к нашей современности, но и у них найдется кое-что, достойное размышления. Например, Конфуций в комментарии «Сницычжуань» к «Книге перемен»⁶ написал: «Не лести начальству, не груби подчиненным».

Эти слова заключают в себе один из важных принципов дружбы и гостеприимства у древних. «Не лстить» — значит не унижаться и не заноситься; «не грубить» — значит не зазнаваться и не чваниться.

⁴ После победы китайской революции 1949 г. в КНР приезжали специалисты из СССР и других социалистических стран, а также коммунисты и прогрессивные деятели из разных стран мира.

⁵ Эпоха Весен и Осеней: 722—481 гг. до н. э.; эпоха Воюющих царств: 481—256 гг. до н. э.

⁶ «Книга перемен» («Ицзин») — одна из канонических книг конфуцианского пятикнижия. См. «Китайская классическая книга перемен». М., 1960.

В «Книге установлений»⁷ сказано примерно то же: «Нельзя задевать других поступками, манерой или словами». Объяснение этих слов неразрывно связано с принципом «не льсти и не груби». Ведь практически оскорбление действием, манерами или словами — это с точки зрения законов дружбы и гостеприимства худшее зло. Все ошибки в этом деле неизбежно связаны с поступками, манерами и высказыванием, и если наступит день, когда по отношению к другу или гостю будет совершен неверный, ошибочный поступок, или проявлено высокомерное чванство, либо дан на вопрос неискренний, фальшивый ответ, непременно следует, как только будет обнаружена такая оплошность, проявить инициативу самим: обратиться к гостю с искренним заявлением о признании ошибки и принести ему извинения.

В годы «Вечного блаженства» Минской династии⁸ жил ученый по имени Сюэ Хуань, который в книге «Записи о прочитанном» высказал немало верных суждений о том, как принимать друзей и гостей. Одно из них в особенности достойно внимания. Он говорит: «Ведите себя скромно при приеме гостей — скромность никого не унижит, напротив, высокомерие унижит вас самих». Таким образом, он рассматривает скромность как главное в приеме гостей и друзей. Как метко это сказано! Он действительно подметил самое важное. Плохой прием друзей и гостей объясняется главным образом тем, что хозяева нескромны. Заметив недостатки за другими, они постоянно их подчеркивают, унижая гостей и кичась собой.

Сюэ Хуань писал, бичуя такой порок: «Если у человека есть недостатки или его постигли неудачи, не следует выставлять себя благодевающим и ставить в пример для подражания». Сказанное очень важно и наводит на серьезные размышления. Скромность особенно необходимо соблюдать в таких случаях, как спортивные состязания: действительно, здесь неуместно выставлять себя в качестве образца для подражания.

Бывает, однако, и так, что люди согласны объединиться и сплываться с неудачниками, но неспособны скромно держаться с теми, кто сильнее их самих. У древних такой опыт тоже был. Крупный ученый сунского времени⁹ Хэ Тань в книге «Обычные речи западной окраины» считает: «Надо выбирать друзей сильнее себя, которые обычно говорят прямо и дружески; это приносит пользу». Иными словами, надо радоваться, если друг сильнее тебя, это принесет пользу тебе самому, потому что у него можно учиться и расти самому. Товарищи, которые сейчас принимают участие в ответственных международных состязаниях, должны особенно четко усвоить эту истину.

Множество иностранных друзей приезжают ныне в Пекин¹⁰, и они окружены друзьями так, что хочется повторить слова поэта Танской династии Ван Бо из его «Предисловия к беседе тэнского князя»¹¹: «Друзей превосходных — что на небе туч», «высоких гостей — полон зал». Все мы очень рады этому. Наше отношение к друзьям и гостям невозможно сравнить с тем, что знала история любой китайской династии. Ведь мы в столице социалистического Китая, и этим одним сказано все!

Можно ли поедать знания?

Такая тема может показаться странной и удивительной: кто же способен сделать знания съедобными?

Я и сам не ожидал, что в современном мире объявится некий «ученый», проведет «научный эксперимент», совершит «открытие» и сделает вывод, что «знания съедобны». Вы назовете это удивительным? Однако в мире случаются любые чудеса, так что и подобному чуду не стоит удивляться.

Помнится, однажды в своих «Вечерних беседах» я выбрал тему «Не надо зря хвалиться тем, что читаешь книги». Я писал: книги надо читать честно, серьезно садиться за чтение, быть прилежным и не к чему зря хвалиться или выдумывать уловки. В качестве примера я привел Ма Жуна, жившего при династии Поздняя Хань¹². По преданию, он видел во сне, будто ест цветы, а когда проснулся, «оказалось — он

⁷ «Книга установлений» («Лицзи») тоже входит в конфуцианское пятикнижие и считалась священным заветом древности.

⁸ Минская династия: 1403—1425 гг.

⁹ Эпоха Сун: 960—1279 гг.

¹⁰ На самом деле в результате разрыва маоистов с мировым коммунистическим и рабочим движением число иностранных гостей в Китае ко времени, когда был опубликован фельетон, резко сократилось.

¹¹ Написано в 676 г.

¹² Династия Поздняя Хань: 25—220 гг.

постиг все, что когда-либо написано было в Поднебесной». Я отметил тогда: это всего лишь сон иднота — вот и все!

Однако именно в той заметке я предугадал, что найдутся лентяи, которые станут мечтать, чтобы какой-нибудь ученый изобрел для них волшебный способ: например, вместо того чтобы читать книги, взять шприц и сделать инъекцию в башку или же проглотить таблетку, которая равноценна прочтению многих книг. Если бы дело пошло так, то за одно утро можно было бы вырастить множество интеллигентов и специалистов. Вот было бы славно!

Но и тогда я не помышлял о том, что в современном мире действительно объявится «ученый» и поставит такие «научные эксперименты», перед которыми померкнет даже вздор с инъекциями и таблетками.

Из США пришло сообщение, что недавно в Мичиганском университете профессор Макконнелл, ученый и исследователь, объявил о потрясающем «научном открытии»: оказывается — «знания съедобны». Его «новое открытие» было подтверждено успешными опытами над аскаридами.

Вот сведения об этом опыте. Макконнелл обучал аскарид, чтобы они «поумнели» и на определенный раздражитель реагировали определенным образом. В конце концов их реакция доказала, что они приобрели некоторые «познания». Затем Макконнелл брал других аскарид, которые не проходили обучения и совершенно не обладали подобными знаниями». Затем Макконнелл скармливал «обученных» аскарид аскаридам «необученным». Возникла новая ситуация. Стоило только «необученным» аскаридам съесть «обученных», как они тут же «умнели», то есть, не проходя «обучения», могли на определенный раздражитель реагировать определенным образом. Вот каким «успехом» завершился «научный эксперимент» Макконнелла. И он заявил, что обнаружил «новый путь приобретения знаний»: «поедания себе подобного организма, обладающего знаниями». Если рассуждать согласно его выводам, то всякому незнающему человеку, который хочет приобрести знания, лучше всего съесть того, кто обладает знаниями. Таков этот людоедский «научный эксперимент», отражающий природу кровожадного американского империализма!

Не приходится удивляться, что макконнеллы и иже с ними проводят такие «научные эксперименты» и приходят к таким «научным выводам», которые отвечают жестокой сущности американских монополистов и философии бездельников из паразитических классов, чьи мозги заплывли жиром. Вероятно, отпрыски американских богачей мечтают монополизировать знания всего человечества, но, конечно, не хотят трудиться, а надеются прибегнуть к «поседанию себе подобных организмов, обладающих знаниями». Хищное обличье разоблачает их перед всеми как смертельных врагов человеческой цивилизации.

Отсюда нетрудно заключить, что приобретение знаний без труда, подобно всякому присвоению без труда, относится, если говорить по существу, к проявлениям омерзительной идеологии эксплуататорских классов. Но, как бы то ни было, идеи всяких лентяев, с которыми мы сталкиваемся в нашем обществе, не имеют ничего общего с американской людоедской «наукой», которую представляет Макконнелл.

Лентяи, с которыми мы сталкиваемся, хотя и мечтают легким путем стяжать великую славу, в то же время выдвигают множество эксцентричных бредовых «идей» — как это явствовало из примера с Ма Жуном, жившим при династии Поздняя Хань. Но все эти «идеи» остаются бредовыми иллюзиями и не становятся действительностью. Писатели, рассказывавшие об этом, испокон веков прибегали к «воздаянию», чтобы придать своим историям правоучительную окраску.

Например, писатель эпохи Мин, Чэнь Цзи-жу, в произведении «Жемчужный корабль» рассказывает такую историю.

«Лю Цзань был отстающим в изящной словесности и потому заклинал небо мольбами о ниспослании ему литературного дара. Однажды ему приснилось, будто он проглотил золотую черепашку размером с медяк и с тех пор стал отличаться литературными способностями. При дворе госпожи Мэн прослыл ученым, оставил сочинение «Собрание из нефритовых палат». Однажды ему приснилось, что он отрыгнул золотую черепашку, которая бросилась в воду. Спустя недолгое время он умер».

Здесь рассказано о том, как человеку приснилось, будто он проглотил золотую черепашку и сразу же далеко продвинулся на политическом поприще; а потом ему приснилось, будто он отрыгнул золотую черепашку и спустя недолгое время умер. Возможно, найдутся люди, которые будут утверждать, что существует огромная разница между Лю Цзанем, который проглотил золотую черепашку, и Ма Жуном, который ел цветы, хотя и то и другое происходило во сне, один ел растения, другой же проглотил живую тварь. Однако все это случилось во сне, и невозможно приравнять эти случаи к «поседанию» себе подобного организма, обладающего знаниями». Так или иначе, проглоченное ими в конце концов по-прежнему отрывалось обратно!

Если Макконнелл и ему подобные попытаются проводить в жизнь свои «научные открытия», то в обществе макконнеллов люди, подвергающиеся опасности быть съеденными, должны будут сплотиться и заставить людоедов собственной жизнью заплатить

за съеденные жизни. Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь, жизнь за жизнь — вот одно из важнейших достижений человеческих знаний, освоенное в революционной борьбе. Знаний, накопленных человечеством, не съесть, а тот, кто замыслил пожрать их, должен быть готовым к собственной гибели!

*Перевод с китайского и
примечания А. Н. Желоговцева.*

Можно ли всецело полагаться на мудрость?

Некоторые читатели «Троецарствия»¹³ восторгаются мудростью и изобретательностью Чжугэ Ляна¹⁴, что же касается Чжан Фэя¹⁵, то к его доблести, не подкрепленной сообразительностью, относятся, как правило, иронически. В древности у многих знаменитых политических деятелей критерием при подборе подчиненных была степень их мудрости. Мудрость — действительно важное качество для политика. Однако что же это такое — мудрость?

Под мудростью подразумевается ум и смекалка; под сообразительностью — умение разбираться в вопросах и планировать дела. Мудрость является основой сообразительности; только мудрый человек может быть сообразительным.

Но мудрость вовсе не безгранична. Если кто-то возмечтает все знать, овладеть безграничной мудростью — это всего лишь сумасбродные, неосуществимые мечты глупца. Поэтому человеческую мудрость можно разделить на несколько типов: пустая, реальная, истинная, ложная и маленькая. Есть люди, которые с виду производят впечатление очень умного человека, но на деле представляют тип ложного ума или небольшого ума. Их нетрудно отличить от действительно умного ума и тем более большого ума. Когда Сыма Цянь¹⁶ написал «Историю Цинь» («Шиньцзи»), он изобразил Чу Ли-цзы¹⁷ как «человека с большим умом». Чу Ли-цзы в царстве Цинь¹⁸ называли его мудрецом». Но Чу Ли-цзы, обладающего некоторым умом, но не

В истории мы знаем, что в действительности Цянь в своих «Историях» эпохи Воюющих Царств Пин Юань, в царстве Цинь были людьми.

И что же в царстве Цинь Ши-хуаном¹⁸?

Это подтверждает, что нельзя всецело полагаться на ум и мудрость в решении всех вопросов, ничего не выйдет. Уже давно Лао-цзы¹⁹ громко призывал в своей книге «Даодэцзин»: «Отбросьте святость, откажитесь от мудрости, и благосостояние народа возрастет во сто раз». Почему же такие деятели, как Мэн Чан, Пин Юань, Чунь Шэнь, Синь Линь, и другие, не придерживались принципов Лао-цзы?

Всем известно, что государственные деятели шести царств поступали так, как находили нужным: либо придерживались принципа Лао-цзы — отказывались от святости и мудрости, либо действовали слепо и самоуверенно, полагаясь лишь на свой ум. Результаты, естественно, не были хорошими. Пороком этих правителей было то, что они не придавали значения мудрости масс. С этой точки зрения появившееся позднее сочинение «Хуайнаньцзы»²⁰ оказалось более мудрым.

Ученый Ван Лю-ань, живший в Ханьскую эпоху, в своем труде «Хуайнаньцзы» писал: «То, что выполняется общими усилиями, всегда проходит успешно; то, что делается в соответствии с мудростью масс, всегда заканчивается победой». Эта истина совершенно правильна. Смысл ее можно толковать как восхваление мудрости масс. Мы можем углубить эту мысль. Например, говорят, что источником ума и мудрости

¹³ «Троецарствие» — классический роман XVIII в.

¹⁴ Чжугэ Лян (181—234 гг.) — знаменитый полководец и политический деятель эпохи Троецарствия, был первым министром царств Шу и Хань.

¹⁵ Чжан Фэй — один из главных героев романа «Троецарствие». Известен как бесстрашный и мужественный полководец.

¹⁶ Сыма Цянь (род. ок. 185 г.) — великий китайский историк, живший в эпоху Хань.

¹⁷ Циньцы — жители царства Цинь (221—207 гг. до н. э.).

¹⁸ Цинь Ши-хуан — император Циньской династии, объединившей мелкие царства в единую империю. Годы правления: 246—210 гг. до н. э.

¹⁹ Лао-цзы — философ, основоположник даосской философии. Жил в VI—V вв. до н. э.

²⁰ «Хуайнаньцзы» — политический и философский трактат, написанный во II в. до н. э.

могут быть только практические знания. Но ведь практические знания отдельной личности не могут идти в сравнение с таким богатством, как практические знания широких масс. Если один человек совершенно не понимает практической обстановки и у него не хватает элементарных знаний, то у него тем более не может быть какого-то исключительного ума и мудрости.

Отсюда видно, что только подлинно мудрый человек, обладающий всем богатством практических знаний, может отличаться большой сообразительностью и дальновидностью. В истории немало подобных примеров. Так, в «Исторических записках», в разделе «Сага князя царства Юэ — Гоу Цзяня», говорится: «Фань Ли служил у Гоу Цзяня, князя Юэ, отдавая все свои силы, несмотря на трудности. Двадцать с лишним лет он был хорошим советником Гоу Цзяня, и в конце концов разбили царство У²¹, смыв тем самым прежний позор».

Фань Ли не только обладал большими знаниями, но и аккумулировал мудрость масс. Это подкреплялось его дальновидностью, поэтому он и добился успеха. Если утратить эту основу и все его планы принимать за коварные хитрости, то можно перемудрить и в конечном счете потерпеть поражение.

Самые лучшие планы могут исходить только из народных масс. Куан Хэн, первый министр Ханьского императора Юань-ди²², в своей докладной императору писал: «Исходить из широкой мудрости масс — угодно небу». Здесь слова «угодно небу» следует понимать как соответствие естественным, объективным законам. Знаменитый ученый Чжэн Син, живший в период правления Ханьского императора Гуан У-ди²³, также советовал Лю Сю: «Надо в широких народных массах собирать планы и советы». Сын Фань Чжун-яня²⁴ Фань Яо-фу в свое время обращался к Сыма Гуану²⁵ со следующим советом: «Я хотел, чтобы вы скромно относились к мнению народа и не выдвигали только своих собственных суждений. Если вы будете высказывать только свои суждения, невольно тем самым дадите возможность появиться лести».

Эти взгляды людей прошлого правильны. Особенно заслуживают внимания слова Фань Яо-фу о том, чтобы «не ограничиваться собственными суждениями». Некоторые любят хвалиться своими достоинствами, выдают себя за умников, презирают массы, в любом деле выступают с собственными советами, пытаются добиться успеха за счет своей оригинальности, не принимают хороших советов масс. Если люди с подобным пороком не осознают и не исправят его, в один прекрасный день они потерпят поражение.

Из сказанного видно, что всякая мудрость не является чем-то таинственным, не является достоянием немногих талантливых людей, а является достоянием широких народных масс. Разумеется, неправильно целиком отрицать мудрость личности. Однако чрезмерная вера в себя и желание, полагаясь на собственную мудрость, стремиться к успеху за счет своей оригинальности — такие явления еще более порочны. Чжуан-цзы²⁶ говорил: «Если отбросить мудрость, то непременно встанешь на естественный путь, что будет называться великим спокойствием и вершиной порядка». Разве нельзя толковать эти две фразы как подход к делу в соответствии с объективной практикой и естественными законами, а не как идею пассивного бездействия?

Теперь позвольте нам вернуться к теме нашего разговора. Можно ли в конце концов всецело полагаться на мудрость? Ответ на этот вопрос должен быть частью отрицательным, частью положительным. Любая односторонность является ошибочной.

Больше учиться, меньше критиковать

Больше учиться, меньше критиковать — это правильная, заслуживающая нашего внимания мысль. Если мы не понимаем природы какого-либо явления, если у нас недостаточно конкретных знаний о нем, то прежде всего мы должны с подобающей скромностью добросовестно изучить его и ни в коем случае не поступать опрометчиво, не заниматься критиканством и пустыми рассуждениями. Это приводит лишь к ошибкам, вызывает насмешки или причиняет вред. Таков оставленный нам учеными многих веков опыт подхода к учебе и делу. Тот, кто будет пренебрегать этим драгоценным опытом, непременно много потеряет.

²¹ Царство У: 220—280 гг.

²² Юань-ди — годы правления: 48—32 гг. до н. э.

²³ Гуан У-ди — годы правления: 25—58 гг. н. э.

²⁴ Фань Чжун-янь — ученый, философ и государственный деятель XI в.

²⁵ Сыма Гуан (1019—1086 гг.) — политический деятель и ученый, автор знаменитого исторического труда «Цзычжи тунцзянь».

²⁶ Чжуан-цзы вместе с Лао-цзы считается основоположником даосской философии. Жил приблизительно в VI в. до н. э.

Разумеется, нелегкое это дело — написать книгу, создать новое. Но совсем нетрудно, оставаясь посторонним наблюдателем, заниматься только критиканством и пустыми разговорами. В прошлом у многих писателей на создание книги уходила, как правило, энергия всей их жизни. И все-таки они оставались неудовлетворенными работой. Была и в те времена любители придирок, не упускавшие случая покриковать — и так, чтобы унижить писателей, вызвать у них апатию. Минский писатель Лю Юань-ши в своем произведении «Сборник мудрых мыслей» («Сяньбийянь») приводит красноречивый пример, который может служить подтверждением сказанного выше.

Некто Лю Чжуан-юй расценил неточности, обнаруженные в «Истории пяти династий» Оуян-гуна²⁷, как ошибки и продемонстрировал их Су Дун-по²⁸. Су Дун-по ответил: «Когда Оуян-гун закончил писать эту книгу, Ван Цзин-гун²⁹ сказал мне: «То, что Оуян-гун написал «Историю пяти династий», а не «Троецарствие», — это ошибка. Вы должны были это сделать!» Я решительно отказался, сказав, что не осмеюсь взяться за это. Чтобы написать книгу, историк собирает материалы многих веков. Разве можно в такой работе избежать хотя бы маленькой неточности? Я не осмелился принять поручение Ван Цзин-гуна, ибо боялся людей, которые в будущем будут выискивать недостатки».

Об этой истории рассказывается также в книге писателя Минской эпохи Чэнь Цзи-жу «Зеркало чтения» («Душунцин»). В ней автор с глубокой грустью замечает: «Учитель сказал: «Не прочитав всех книг во вселенной, не осмеливайся слишком легко судить о людях прошлого». Я же ответил: «Если бы я смог прочесть все книги во вселенной, то, конечно же, не думал бы с легкостью необыкновенной о людях прошлого».

Посудите сами. «Новая история пяти династий», написанная Оуяном, не составляет по объему и половине «Старой истории пяти династий», написанной Сюэ Цзюй-чжэном. Но она имеет много своих специфических моментов. Этого не зачеркнешь. Тем не менее всегда находятся любители придираться и критиковать, хотя даже сами они в душе осознают никчемность своих придирок. Почему это происходит? Не потому ли, что люди, обладающие глубокими знаниями, страшно любят выискивать ошибки у других, любят покриковать и посудачить о чужих недостатках?

Некоторые же полагают, что они досконально изучили и себя и других, а поэтому удивительно самоуверенны. Они считают себя весьма образованными и свысока относятся к тем, кого критикуют. Но едва ли они задумывались над тем, что сами-то не в силах овладеть всеми знаниями, что и другие не топчутся на месте. Поэтому часто ошибаются. Яркий пример на этот счет дает Лу Ю³⁰ в «Записях в старом учебном флигеле» («Лаосюэань бици»).³¹

Лу Ю писал: «Цзин-гун³¹ пренебрежительно относился к ученому Чэнь Вэнь-гуну и считал его малообразованным человеком. Поэтому посвятил ему следующие стихи: «Он с удовольствием ложился на кровать, подкладывал под голову вместо подушки книгу и спал до захода солнца». Ему же он посвятил следующую надгробную надпись: «Вы не наслаждались книгами». Есть и такое поучение: «Он был чжуаньюанем»³².

Однажды Ван Ань-ши прочитал стихотворные строки: «Дал мне бирюзовую книгу, на страницах которой извивались нероглифы. Они написаны киноварью удивительным стилем гжуань. Но я читал и не мог понять, ворочался до утренней зари». Он подумал, что это стихи Чжэн Ин-фу, и сказал: «Этот человек не знает нероглифов и недостойно звание поэта». Чжэн Ин-фу ответил: «Это не так! Я привел не свои стихи, а Ли Тай-бо»³³.

Не ясно ли из этого, что Ван Ань-ши не был хорошим знатоком поэзии Ли Тай-бо и, пренебрежительно критикуя других, сам попал в неловкое положение. Он ставил себя выше всех — отсюда и его беспардонные оценки. Так поступать никуда не годится!

Ван Ань-ши был крупным политическим деятелем — реформатором Сунской эпохи. У него было много новых идей, но не хватало практических знаний и опыта работы. В произведении сунского писателя Чжан Лэй³⁴ «Собрание просвещенных мыслей» («Миндао цзачжи») говорится: «Ван Цзин-гун, пребывая на посту первого министра, много говорил об ирригации страны. В то время у него было желание произвести осушение озера Тайху. Он говорил, что это даст возможность получить несколько десятков тысяч хороших полей. Все над ним только смеялись. Однажды, когда в разговоре с гостем Цзин-гун упомянул об этом, присутствовавший ученый Лю Гун-фу ответил: «Это осуществить нетрудно». Ван Цзин-гун спросил: «Каким же образом?» Лю Гун-фу

²⁷ Оуян-гун (Оуян Сю): 1007—1072 гг. — политический деятель, ученый и писатель

²⁸ Су Дун-по (1036—1101 гг.) — поэт, политический деятель, философ.

²⁹ Ван Цзин-гун (Ван Ань-ши) — политический деятель-реформатор, поэт XI в.

³⁰ Лу Ю (1125—1210 гг.) — поэт и писатель XII в.

³¹ То есть Ван Ань-ши.

³² Чжуаньюань — студент, только что выдержавший столичные экзамены.

³³ Ли Тай-бо (Ли Бо): 701—762 гг. — великий китайский поэт.

³⁴ Чжан Лэй — поэт и писатель XI в.

ответил: «Вырыть рядом еще одно озеро Тайху и напустить туда воды — и все будет готово!» Ван Цзин-гун расхохотался.

В годы реформ Ван Ань-ши подобных анекдотов было немало. Уже они могут свидетельствовать о том, что многие его преобразования были нереальными, а сам он отличался нескромностью. Это, пожалуй, было самым большим его недостатком.

Из опыта людей прошлого мы должны усвоить одну важную истину: в любом деле надо побольше учиться, поменьше критиковать и быть скромными. Конечно, употребляемые здесь слова «побольше» и «поменьше» нужно понимать в относительном смысле и нельзя их абсолютизировать. Но если говорить о нас, то мы должны больше изучать марксистско-ленинскую теорию и вместе с тем скромно учиться у масс, учиться у жизни. Споры нет, с ошибочными и контрреволюционными явлениями надо вести решительную борьбу. Но это уже выходит за рамки обсуждаемой нами проблемы.

Однако, встречаясь с непонятным для нас явлением, мы должны прямо и открыто признать, что мы этого не знаем. Когда обнаруживаем, что совершили ошибку, не надо бояться открыто признать ее. В произведении писателя Минской династии Чэнь Ци-жу «Цзяньвэньлу» рассказывается такая история: «Сюй Вэнь-чжэнь, будучи инспектором образования в провинции Чжэцзян, увидел в заключительной части сочинения одного сюаца³⁵ такое выражение: «Янь Хуэя огорчало то, что трудно постичь Конфуция». И он отметил: «вымысел». Сюацай, обращаясь к нему, сказал: «Это выражение взято мной из «Образцов письма» Ян Цзы». Сюй Вэнь-чжэнь ответил: «Наверно, я не по заслугам получил ученую степень, так как этой книги еще не читал». Он поклонился сюацу и заявил: «Благодарю за науку!» Все были довольны.

Действительно, если мы раскроем первую книгу «Образцов письма» Ян Цзы, то в конце раздела «Учеба и деятельность» найдем выражение: «Янь Хуэя огорчало то, что трудно постичь Конфуция». Инспектор образования сразу признал свою ошибку и от этого несколько не уронил своего достоинства. Наоборот, он снискал к себе уважение. Не является ли это хорошим примером для потомков?

*Перевод с китайского и
примечания Г. А. Степановой*

Критические заметки

Лао Шэ

Лао Шэ можно вспомнить как о яркой, незаурядной личности и как о выдающемся художнике слова. Его удивительную по стилю и глубине прозу узнаешь сразу: острую сатиру «Записки о Кошачьем городе», роман «Рикша», драматургию периода войны против японских захватчиков, пьесы, созданные после образования КНР и вызвавшие большой интерес: «Фан Чжэнь-чжу», «Лунсюй гоу», «Этому не бывать» и др.

После образования КНР писатель поверил, что теперь перед ним открылся необозримый творческий простор, однако писать становилось все труднее. Следовали одна за другой идеологические кампании против творческой интеллигенции, в литературе насаждались чуждые подлинному творчеству «идеи Мао Цзэ-дуна».

Эти кампании по сути своей были направлены против той части творческой интеллигенции, которая отставала в литературе и искусстве Китая принципы социалистического реализма и противодествовала «эстетическим» концепциям Мао, высказанным им еще в 1942 г. в Яньани.

Мао Цзэ-дуну и его ближайшему окружению того времени не терпелось поскорее увидеть Китай ведущей мировой державой. Они, не считаясь с реальной обстановкой в стране, предпринимают авантюристические действия, цель которых «подтолкнуть» Китай, искусственно ускорить темпы его развития. Видимо, с этой же целью Мао Цзэ-дун решил втянуть в орбиту своих экспериментов и интеллигенцию.

Весной 1956 г. общественности Китая было сообщено о речи Мао Цзэ-дуна, в которой провозглашался курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Отменялись различного рода административные ограничения, декларировалась свобода соревнования в искусстве, признавалось правомерное существование разных течений, научных направлений, в том числе и идеологических.

Спустя год китайские пропагандисты заявят, что целью этих «новшеств» было выявление инакомыслящих. Но после объявления курса «пусть расцветают сто цветов» многие писатели и литературоведы-марксисты воспользовались сложившейся ситуацией

³⁵ Сюацай — первая ученая степень.

и выступили с острой критикой различных сторон действительности. К ним можно отнести и Лао Шэ.

В этот период писатель публикует немало статей, в которых смело и принципиально решает многие насущные проблемы творчества, отстаивает принцип правдивого изображения действительности, выступает против фальши и косности в литературе, а так же в подтексте своих статей разоблачает пагубное влияние культа личности Мао Цзэ-дуна на культурное развитие страны.

Таковы и его статьи, которые впервые публикуются на русском языке. Судя по заголовкам, они посвящены поэзии. Однако, если мы вспомним некоторые события 1957—1958 гг., станет ясно, что здесь Лао Шэ, затрагивая вопрос о поэтическом творчестве, фактически нацеливает свое перо против так называемого «поэтического творчества» самого Мао Цзэ-дуна.

В январе 1957 г. Мао Цзэ-дун опубликовал в журнале «Шикань» («Поэзия»), а также в газетах и других изданиях восемнадцать стихотворений, написанных им в различные годы жизни. В письме к главному редактору журнала «Шикань» Мао Цзэ-дун признал, что-де в стихах «мало поэтичности», что их трудно понять читателю, так как они написаны по образцу древней поэтической формы, пестрят древними выражениями, так называемыми дяньгу¹, понятными лишь пожилым людям, получившим традиционное образование в старом Китае. Несмотря на такую нарочитую «скромность», автор «восемнадцати стихотворений» не возразил тем критикам (среди них особенно изощрялся в лести Го Мо-жо), которые провозгласили его «величайшим поэтом всей эпохи», «гением», «корифеем» и т. д. Статьи, безудержно восхвалявшие «лиру» Мао Цзэ-дуна, появлялись не только в журналах и газетах. Цитатами из них стали «украшать» фарфоровые сосуды и другие предметы кустарного производства, они жирным шрифтом вот уже полтора десятка лет выделяются в различного рода изданиях и даже приводятся как эпитафии к номерам газет.

Вместе с тем стихотворения Мао Цзэ-дуна удивляли своей странной идейной направленностью. Так, например, восхищаясь самим собой как пловцом, он «скромно» намекает на себя как на всемогущего преобразователя Китая. В другом стихотворении — «Север» — он ставит себя в ряд таких владык прошлого, как императоры династий Хань и Тан, таких «героев», как Чингисхан, упрекая их лишь за то, что эти «сыны неба» не умели сочинять стихов.

Массовый читатель, плохо разбиравшийся в заумном слого Мао-поэта, вчитываясь в комментарии. Но и комментарии были довольно поверхностны: в них было больше пресмыкательства перед новоявленным «корифеем», чем разъяснения сути его поэтических излияний.

Через четыре месяца после появления этих «шедевров» Лао Шэ посылает письмо своему другу — поэту, редактору журнала «Шикань» Цзан Кэ-цзя. В нем — ни одной строки о творчестве Мао Цзэ-дуна. И это тогда, когда верноподданные критики буквально захлебывались от восторга, вызванного появлением этих «эпохальных произведений».

Зато в статье Лао Шэ бросаются в глаза явно не случайные, такие, к примеру, фразы: «Как думаешь, не обернется ли это худо для меня?», «Я читатель. Я вправе требовать, чтобы в наше время появились такие же поэты, каким был Ду Фу», «не соревнуйся, мы можем заостенеть», «у всех недостает одного: поэтической глубины», «нужно лишь выдержать размер, расставить рифмы — вот вам и стих в старом стиле!» и т. д.

Через год, в мае 1958 г., Лао Шэ продолжил разговор о поэзии, высказал то, о чем не сказано в письме к Цзан Кэ-цзя. Он поднимает вопрос о древних идиоматических выражениях, тех самых идиомах, которыми перенасыщены стихотворения Мао Цзэ-дуна. И снова в этой статье нет ни слова о Мао Цзэ-дуна, хотя читателю отнюдь не трудно было догадаться, что сама постановка вопроса о «дяньгу» в первую очередь касалась именно его «поэтического творчества».

3 февраля 1974 г. Лао Шэ исполнилось бы 75 лет. «Культурная революция» ответила на вопрос писателя («Как думаешь, не обернется ли это худо для меня?»): Лао Шэ погиб во время хунвэйбиновского мятежа, а его произведения приписаны маоистами к «черным ядовитым травам». Но это только в сегодняшнем Китае. Мир же помнит и чтит Лао Шэ, прекрасного писателя, принципиального человека, пронесшего через всю жизнь добрую улыбку на лице, а в сердце — искреннюю, горячую любовь к людям, честность перед собственной совестью, перед своей родиной.

¹ Дяньгу — застывшее образное выражение или фраза, в которой обязательно содержится скрытый смысл или намек; употребление дяньгу в классической китайской поэзии считалось признаком эрудиции, учености.

Письмо главному редактору журнала «Шикань» Цзан Кэ-цзя

Кэ-цзя!

Спасибо, дружище, за предложение написать статью для «Шиканя»! Но ты меня крепко озадачил. Ведь отлично знаешь, что у меня нет поэтического таланта, и я не только не решаюсь писать стихи, но и весьма затрудняюсь говорить о них. И все-таки, пригласив писать для «Шиканя», тем самым ты записал меня в свои однополчане!

Как думаешь, не обернется ли это худо для меня? Ведь друзья наверняка будут посмеиваться... Но что ж поделаться? Придется поболтать и о поэзии, а уж печатать или не печатать мою болтовню — дело твое.

Я считаю, что в свете нынешнего призыва «пусть расцветают сто цветов», думая о поэзии, нужно вспомнить три поэтические формы: стихи и поэтические строфы старого стиля, стихи нового стиля и популярные песни. Эти три формы неодинаковы, и язык каждой из них отличен от языка других. Методология, подсказываемая лозунгом «пусть расцветают сто цветов», дает возможность утверждать, что каждая из этих трех поэтических форм должна расцветать. Но не только расцветать — каждая по-своему, но и соревноваться между собой, стремиться быть еще прекраснее или самой прекрасной. К сожалению, в нашей действительности дела обстоят отнюдь не так.

Если говорить о произведениях, которые я читал в последние месяцы, то следует заметить, что хотя среди стихов и поэтических строф старого стиля есть хорошие, однако есть и просто набор зарифмованных строк. Новые стихи получили развитие, но совершенных — далеко не много. Что же касается популярных присказок под аккомпанемент барабана — их число крайне немногочисленно. А качество и вовсе не высокое.

Дружище, лучше не опубликовывать это письмо, оно, пожалуй, вызовет неудовольствие многих людей! К тому же надо оговориться, что всего я прочитать не мог, поэтому в своих оценках, разумеется, не могу избежать субъективности, и едва ли это все надо выносить на суд широкого читателя. Если же, к несчастью, мои слова все-таки будут вынесены на суд, наверняка будут споры. Возникновение споров в начальный период осуществления призыва «пусть расцветают сто цветов» — явление неизбежное. Этот призыв воодушевил людей. И конечно же, каждому хочется опубликовать свои произведения, созданные привычным для каждого языком и облеченные в привычную для каждого форму. Это, так сказать, в порядке вещей. Поэтому и тяга всех к опубликованию без предварительного обдумывания, стоит или не стоит опубликовывать то или иное произведение, — тоже в порядке вещей, и большого зла тут нет.

И вот с течением времени такие вопросы, как, например, «ты обращаешься к новому, а я к старому», «ты стремишься подняться, а я хочу расширяться» и т. д., приходят в столкновение друг с другом, хотя у всех них один недостаток: нет созвучности времени. В результате — читатель недоволен. Хорошие же стихи, в какой бы форме они ни были исполнены, обязательно должны быть созвучными времени, притягивающими к себе самого широкого читателя. Лозунг «пусть расцветают сто цветов» вовсе не ограничивается дебатами в отношении поэтической формы, а требует, чтобы произведения ошеломляли, чтобы они были действительно прекрасны. Тогда их будут читать и перечитывать, тогда лозунг «пусть расцветают сто цветов» вызовет настоящий взрыв радости. Так что дело не в том, чтобы продемонстрировать читателю многообразие форм, ни одна из которых не вызывает у него ни любви, ни энтузиазма. Мы должны соревноваться — не так ли?

Всего труднее писать стихи. Это я знаю. Когда я читаю стихи — будь то стихи старого или нового стилей, — я ставлю себя на место поэта и думаю: «Только полюбуйте! Как хорошо использовано слово! Какое исключительно благозвучное звучание этой строки! Сколько сердца вложил поэт в свое произведение!» Однако это преклонение перед поэтом вовсе не означает, что я не могу самым серьезным образом потребовать от поэта, чтобы он писал еще лучше. Я — читатель. Я вправе требовать, чтобы в наше время появились такие же поэты, каким был Ду Фу, хотя и сознаю, что не так-то просто быть подобным ему. Ведь и в Танскую эпоху среди множества талантов Ду Фу был один. И после него никто из поэтов не дерзал достичь такой высоты. Тем не менее поэтам, пишущим стихи в различных стилях, нужно соревноваться! Нельзя уповать на умение только слагать стихи в определенной форме и на право их опубликования. Наш читатель требует подлинно совершенных стихов. Конечно, он требует и хороших рассказов, и хороших пьес: я не хочу все претензии предъявлять лишь поэтам. Но мы сейчас говорим о поэзии, а не о прозе и драматургии.

Не соревнуясь, мы можем закоснеть. В этом случае мы слишком переоцениваем себя, а на самом деле связываем себя по рукам и ногам одной лишь формой и, сохраняя внешне рамки приличия, забываем о том, что такое настоящее творчество. Я считаю абсолютно ненужным формальное разделение поэзии на старый и новый стили при забвении авторской оригинальности и поэтической цельности. Под авторской ориги-

нальностью я подразумеваю умение каждого автора по-своему пользоваться богатством поэтических форм и языка. Под поэтической цельностью же имею в виду поэзию, преисполненную мыслью и чувств в зависимости от формы и языка. Без этого поэтическое творчество превращается в простую формальность. Те стихи в старом и новом стилях, которые я прочитал в последнее время, различны лишь по внешней форме и лексике, но у всех недостает одного — поэтической глубины. Они словно говорят читателю: нужно лишь выдержать размер, расставить рифмы — вот вам и стих в старом стиле! Стоит лишь писать на разговорном языке — вот вам и стихи в новом стиле!

Мне очень бы хотелось, чтобы такой метод стихотворчества был признан неправильным. И пусть уж простят меня подобные стихотворцы за эту прямоту. Мне, повторяю, понятны трудности поэтического творчества. Поэтому я считаю обязательным уважение, а не презрение к поэтам. Я от всей души желаю того, чтобы лозунг «пусть расцветают сто цветов» в поэзии претворялся не формально, чтобы и товарищи редакторы тоже не относились к этому лозунгу формально. Мы действительно жаждем подлинной поэзии!

Если мы не будем соревноваться, не будем заботиться друг о друге, если ты будешь делать свое, а я свое — мы забудем тогда, что такое гранить, полировать и отшлифовывать. Поэт, создающий стихи в старом стиле, но пристально наблюдающий и за поэзией нового стиля, и за популярной поэзией, лишь обогащает себя, дает себе возможность порвать рамки старого стиля и обратиться к творчеству. На самом деле, Ду Фу, создавая стихи в стиле «люйши»², в то же время пробивал путь к новым формам поэзии и не был монотонным. Нынешние же стихи, создаваемые в старом стиле, удивительно «консервативны». По самой своей структуре им недостает новизны и свежести. А ведь они могли бы быть хорошим подспорьем для поэтов, пишущих в новом стиле, как в отношении лексики, так и в отношении размера, ритма, звучания. То же можно сказать и о ритмической поэзии, рассчитанной на аккомпанемент барабана: эта форма имеет немало общего с поэзией старого стиля и взаимодействие с ней принесло бы лишь пользу. Взаимодействие форм, их взаимовлияние — это полезное дело. Мне кажется, нет нужды подробнее разъяснять такую правильную постановку вопроса.

Того я боюсь, что при взаимной конфронтации поэтов станет немислимым соревнование и обмен опытом. А от этого недалеко до презрения друг к другу, до болтовни лишь о себе самом и своих «благоухающих цветах», до такого мнения, что у других, мол, не «благоухающие цветы», а грубые «полевые травы». Это значит, что мы торопимся уйти подальше от курса «пусть расцветают сто цветов». Этот курс предполагает, чтобы мы соревновались, уважали друг друга и ни в коем случае не относились друг к другу с презрением.

Я сам наблюдал: поэт услышал выступление артиста, исполнившего стихи под аккомпанемент барабана, покачал головой и счел, что в стихе этом — деревенские фразы и вообще он, этот стих, достоин осмеяния. Но почему, скажите, этот поэт не помогает деятелю искусства, почему он не способствовал тому, чтобы отшлифовать, совершенствовать стихотворение? Этот вид поэзии рассчитан на слушателя и пользуется любовью у рабочих, крестьян и солдат. Разве он не достоин внимания поэтов-профессионалов?

Если я, поэт, стремлюсь лишь к самосовершенствованию и не думаю о популярном жанре, то кто же другой будет думать об этом? Говоря откровенно, деятели искусства в претензии на наших поэтов. Они кровно нуждаются в новом репертуаре, но мало кто из писателей помогает им. Над этим стоит задуматься. Неужто песни под аккомпанемент барабана нельзя считать поэзией? Взгляните-ка, какие прекрасные фразы есть в «Сказании о городе белого императора»! Но многие из них меня не удовлетворяют лишь потому, что написаны они в духе старины и, когда поются, совершенно непонятны рядовому слушателю. Следовательно, поэт, если бы он взялся за это дело, мог бы поднять уровень этих произведений. А он, видите ли, лишь качает головой и не может, а пожалуй, просто не хочет браться за это дело, словно оно недостойно большой аудитории. Прошу меня правильно понять. Я вовсе не требую того, чтобы поэты сейчас же бросались писать стихи для исполнения под аккомпанемент барабана. Ведь и меня касается вытекающая из курса «пусть расцветают сто цветов» мысль о том, что нельзя уважать лишь себя и презирать других и нельзя также понуждать других, не спрашивая, хотят ли они сами заняться каким-то делом. Я лишь выразил просьбу деятелей искусства к писателям — помочь им в искусстве. Нежелание помочь им, отношение к этому жанру как к слишком «популярному» не приносит никому пользы. Стихи в этом стиле писать не легче, чем в старом и новом стилях.

Наконец-то пришла весна, дружище! Эта зима показалась мне длинной-предлинной, и я вдоволь натерпелся. Отчаянно болела нога. Теперь, пользуясь доброй весной, надо заняться ремонтом дома. Прошлогодние дожди жестоко с ним обошлись. Сейчас пишу тебе письмо, а сынишка декламирует: «Дождь льет-льет, луг цветет, ветер дует —

² Люйши — название одного из жанров китайской классической поэзии.

травы гнет». Мастер-каменщик насвистывает мелодию «Лю Цяо-эр», а плотник напевает что-то из «Большого барабана Западной реки». В западной комнате сестра Чжоу слушает передачу радио о новой поэзии. Может, это и есть как раз «расцвет ста цветов»? Если так, то нынешняя весна, хотя она и запоздала немного, наполнила мое сердце безграничной радостью. Поэтому слушаю стихи под музыку и все время мечтаю о новых, еще более совершенных поэтических творениях.

Писать кончаю. Итак, приходится разорваться на почтовые восьмифэньевые марки. Дружище, желаю буйно цвести твоей поэзии и — будь здоров!

За сим — еще раз привет!

Лао Шэ

О поэтическом сравнении

Поэзия старых форм имеет серьезный недостаток — ее создатели любят обращаться к дяньгу³. В определенном смысле слова дяньгу — это тоже сравнение. Когда понятие «долголетие» выражается словами «южные горы» — это сравнение; когда оно передается через имя долгожителя Пэн Цзу⁴ — это тоже сравнение; напоминая о том, что Пэн Цзу прожил восемьсот лет, мы тем самым выражаем пожелание долгой жизни. Если дяньгу употреблено кстати, оно придает стиху образность и свежесть. Однако чрезмерное обращение к нему может утомлять читателя: стих теряет живость, становится тяжеловесным. Во многих стихах старой формы дяньгу столь многочисленны, что стих теряет поэтическую окраску и читать его скучно.

Стихи, написанные на байхуа⁵, в общем, исправляют эту болезнь — увлечение дяньгу, — и это хорошо. Однако и на байхуа стихотворение не может обойтись без поэтического сравнения. В новой поэзии мы реже обращаемся к историческим аналогиям, зато к сравнениям прибегаем часто, дабы украсить стих. И тут возникает новый недостаток — обилие сравнений. И чем их больше, тем чаще они употребляются вне связи с содержанием, то есть некстати.

Страсть к сравнениям приводит к привычке говорить не по существу: о каком бы предмете или явлении ни заходила речь, обязательно ищут сходства с чем-либо или подобия чему-либо. А это невольно ведет к тому, что стихотворная фраза становится длинной и непонятной и докопаться до истинного смысла невозможно. Мало-помалу стихотворение превращается, так сказать, в «скопище сравнений». Здесь все сравнивается; нет ни одного простого и ясного слова. Конечно же, это болезнь.

Точное и уместное сравнение найти нелегко. А неуместные сравнения просто-напросто не нужны. Сравнение моста через р. Янцзы с древней полукруглой лютней — динем — трудно расценить как находку, поскольку древняя полукруглая лютня очень коротка и невозможно представить ее предметом, переброшенным через воду. Грохот же проезжающего поезда или трамвая не создает мелодии песни и абсолютно не похож на слабый звук лютни. Явно это хуже того, что в действительности, ибо сравнение грохота поезда или трамвая с музыкальным звуком отнюдь не отражает реальности.

Поэтические сравнения отбираются с большим трудом. В поисках нужного образа поэты часто обращаются к предшественникам, чтобы творчески переосмыслить найденные ими сравнения и употребить их в духе своего времени. Однако хотя, к примеру говоря, такое сравнение, как «девичье лицо — лотос, а талия — ива», само по себе неплохое, впоследствии в результате злоупотребления им поэтами школы «Худе юаньян пай»⁶ оно опротивело людям. И уж совсем не подходит такое сравнение в отношении девушек — наших современниц.

Итак, сравнения не по существу вовсе не нужны, а существенные нужно искать, продумывать, совершенствовать. Однако и совершенными, и отшлифованными тоже нельзя злоупотреблять. Лу Фан-вэн⁷ — наш крупнейший поэт — часто писал: «как будто», «похоже, что...». В его стихотворениях то и дело мелькают строки, подобные, к примеру, такой: «читать книги — это то же, что посещать достопримечательные места; посвящать себя Родине — это значит быть верхом на боевом коне», «планируешь — латаешь, будто паутина, щели хижины убогой светятся, подобно ласточкам, таскающим глину». Слишком, слишком уж много сравнений! Они порою лишь ослабляют его поэзию. Зато совсем иначе звучит его знаменитая фраза: «Верю, что государи и полководцы

³ См. сноску 1 на стр. 162.

⁴ Пэн Цзу, согласно легенде, родился в начале II тыс. до н. э. и, прожив 800 лет, был современником чжоуского царя Вэньвана (конец II тыс. до н. э.).

⁵ Байхуа — современный литературный и разговорный язык.

⁶ «Худе юаньян пай» («бачочки и нежные супруги») — формалистическое направление в китайском искусстве начала XX в., оторванное от жизни, от социальных проблем.

⁷ Лу Фан-вэн (Лу Ю): 1125—1210 гг. — выдающийся китайский поэт.

в свое время двинут войска на север и вновь утвердятся в центральной равнине; когда потомки мои будут, поминая меня, совершать жертвоприношения, пусть расскажут мне об этом»⁸. В этой фразе нашел выражение подлинно патриотический дух поэта: «Я умру, но Родину не хочу забыть». Это настоящее стихотворение. Прошли столетия, а оно по-прежнему трогает наши сердца. Не то что те, где через каждое слово натыкаешься на «как будто», «словно», «похоже» и т. д.

Но это не значит, что сравнения вообще не нужны. Речь идет лишь об их целесообразности, уместности, соответствии характеру конкретного случая. Поэзия требует образности. Сравнение — это комплексное мышление, благодаря которому поэтическая образность приобретает особенно яркую выразительность. Образы, соотношенные образов в поэтическом произведении следует сочетать разумно, умело. В противном случае оно окажется сумбурным и даже, можно сказать, просто смешным. Гора Наньшань, которая, весьма вероятно, избежит участи быть разрушенной землетрясением, действительно может существовать длительное время, поэтому она и берется за аналог долголетия. Опасности в этом почти никакой нет. Большие сомнения возникают тогда, когда мост через реку Янцзы сравнивается с древней лютной, которую без особого усилия можно разбить камнем вдребезги (чем лютня древнее, тем она более хрупкая). А попробуйте за короткое время разрушить мост через Янцзы!

Сразу же приведем еще один-два примера:

«Как можно мощь твою измерить
На стебле орхидеи нежной!»

Стебель орхидеи действительно слабый. Зачем же брать его в качестве сравнения?

«Узкая лента Шаньси-Сычуаньской дороги
Подобна дамбе земляной...»

Эта дорога очень длинна, а дамба, какой бы протяженности она ни была, остается «дамбой», ее трудно представить в виде бесконечной дороги. Получается, что эти два образа далеки от совершенства.

«Сао-сао — шелест падающих листьев —
Напоминает плач ее безмолвный».

«Сао-сао» передает соответствующее звучание, похожее на очень легкий шелест. В то же время безмолвно плакать — значит лить слезы, скрывая их. Одно противоречит другому.

Может быть, это придирки? Нет. Поэзия — это гармония, языковой кристалл, который не терпит никаких нарушений в своем строении. Поэтому сравнение в стихотворении должно быть доведено до совершенства. В этом — задача поэта. Не нашел хорошего сравнения — не сравнивай, но и не уходи также от того, чтобы все взвесить, продумать, найти. Когда же пишут на авось, кое-как, не продумывая каждую строку, тогда и людям кажется, что писать стихи — дело совсем нехитрое, которое даже не требует обязательного, тщательного обдумывания и отбора слов и выражений, не требует от поэта мучительно долгого и кропотливого труда. Для развития поэзии это, безусловно, не может принести никакой пользы.

*Предисловие, примечания и перевод с китайского
А. А. Антиповского*

⁸ Фраза из стихотворения Лу Ю «Завещаю сыновьям» («Шиэр»).

Русско-китайские отношения в XVII веке (1686—1691)*

Выход в свет второго тома сборника документов «Русско-китайские отношения в XVII веке» — продолжение ценного издания документов, характеризующих внешнюю политику России и Цинского Китая. Том включает статейный список — отчет русского посла, подписавшего Нерчинский договор, Ф. А. Головина, — являющийся соединением подневных записей событий и текстов входящих и исходящих документов посольства. Статейный список сопровождается рядом приложений, куда входят тексты Нерчинского договора на русском, маньчжурском и латинском языках: записки участников переговоров со стороны Цинского Китая — иезуитов Т. Перейры и Ф. Жербильона; биография члена Цинского посольства Лантяня и перевод рукописи «Пиндин лоча фанлюэ» («Стратегические планы усиления русских»), являющейся систематизированной подборкой китайских архивных документов и материалов, отражающих историю территориальной экспансии Цинской империи в Приамурье. Статейный список Ф. А. Головина в полном виде публикуется впервые. Впервые также публикуются на русском языке все документы, включенные в приложение.

Итак, историческая наука получила важнейшие материалы, которые позволяют объективно оценить Нерчинский договор и охарактеризовать обстановку, в которой состоялся его подписание.

В развернутом историческом введении дана характеристика этого этапа русско-китайских отношений, а в археографическом предисловии освещены приемы публикации

* «Русско-китайские отношения в XVII веке» (документы и материалы). М., изд-во «Наука», 1972, т. II, 884 стр. (Составители: Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников, редактор Л. И. Думан, ответственный редактор С. Л. Тихвинский.)

документов сборника. В историческом введении впервые в нашей литературе проводится анализ русской и зарубежной историографии Нерчинского договора, содержащей противоречивые, часто диаметрально противоположные оценки, отражающие классовые и политические позиции авторов работ.

Впервые в русской литературе оценка Нерчинского договора была дана в работах Г. Ф. Миллера. Используя архивные документы, которые далеко не все дошли до нашего времени, Миллер оценил Нерчинский договор как захват Цинской империей русской территории. Он указал на неидентичность русского и латинского текстов договора и обратил внимание на неопределенность делимитации границы, показал «несостоятельность притязаний Цинской империи на обладание Приамурьем, входившим в XVII в. в состав Русского государства»¹. Работы Миллера вышли в период нового проявления цинской экспансии, завершившейся разгромом Джунгарского ханства. В этой обстановке русское правительство нуждалось в объективной характеристике Нерчинского договора, чтобы быть готовым к возможным осложнениям в отношениях с Цинским Китаем.

Вновь к освещению русско-китайских отношений и роли в них Нерчинского договора вернулся в середине XIX в. В 1846 г. была составлена документально обоснованная Записка советника Троицко-Савского пограничного управления Сычевского. Эта подборка хронологически связанных документов, вероятно, имела практическое предназначение. Она была подготовлена во время проведения экспедиции Академии наук и Главного штаба, предпринятой для установления истинного расположения границы с Китаем к востоку от р. Горбицы. Сычевский подтвердил насильственный для России характер разграничения 1689 г. (33).

А. К. Корсак повторил оценку Нерчинского договора, данную Миллером и Сычевским².

В начале 80-х годов XIX в. вышли сразу две работы, посвященные данной проблеме. Н. Н. Бантыш-Каменский дал подробный обзор экономических и политических связей

¹ Г. Ф. Миллер. Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года. — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению слушающих», 1757, № 4, стр. 305—321.

² А. К. Корсак. Историко-статистическое обозрение: торговые сношения России с Китаем. Казань, 1857.

между Россией и Китаем XVII—XVIII вв. Автор широко использовал важные дипломатические документы³. Столь же большое значение имеет работа Х. Трусевича, в которой были использованы новые документы из архива Министерства иностранных дел⁴. Оба автора независимо друг от друга показали агрессивный характер политики Цинской империи и подтвердили выводы Миллера о насильственном отторжении русских земель по условиям Нерчинского договора.

Обе эти работы вышли после заключения Петербургского договора 1881 г., завершившего процесс разграничения между Россией и Китаем.

Кроме того, освоение русскими Приамурья и установление государственных границ между Россией и Китаем в XVII в. освещалось и в нескольких больших статьях и исследованиях, посвященных русско-китайским отношениям в XIX в. Интерес представляют работы Д. Романова, А. Мидендорфа, М. Венюкова, В. Будничева, Г. Грум-Гржимайло и некоторых других авторов⁵. Особенностью этих работ явилось использование значительного количества первоисточников, подтверждающих принадлежность России Приамурья и Приморья, и указание на взаимосвязь между Нерчинским (1689 г.) и Пекинским (1860 г.) договорами, в результате чего России была возвращена отторгнутая Цинским Китаем в конце XVII в. территория, никогда ему не принадлежавшая до заключения договора 1689 г.

В советской историографии в вопросе о взаимоотношениях между Россией и Цинским Китаем в XVII в. наблюдается несколько этапов. До 1935 г. в советской литературе господствовала точка зрения М. Н. Покровского, который рассматривал рост России как следствие экспансии торгового капитала⁶. Особенно рельефно она отражена в синхронистических таблицах и картах, данных в приложении. Взгляды Покровского нашли отражение в книгах В. П. Саввина и В. Андерсена⁷. В этих работах искажа-

лась историческая правда и давалась грубо тенденциозная оценка русской политики на Дальнем Востоке в XVII в. Взгляды Покровского и его последователей были господствующими в довоенный период, и поэтому, прошла почти незамеченной небольшая работа Б. Г. Курца, в которой Нерчинский договор не только рассматривается как акт агрессии Цинского Китая, но и было отмечено, что «статья его подверглись со стороны китайцев одностороннему толкованию», праведшему «к искажению даже прямого смысла договора»⁸.

Дальнейшее исследование этой проблемы было произведено в работах П. И. Кабанова и П. Т. Яковлевой⁹, в которых дана верная классовая характеристика вопроса. Основные пути в освещении темы намечены в «Истории дипломатии» и «Дипломатическом словаре». В этих капитальных работах Нерчинский договор правильно рассматривается, то есть в связи с последующими договорными актами (стр. 39—40, 52).

Шаг вперед сделал В. А. Александров в труде «Русские на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)», выпущенном в 1969 г. Автор дал четкую характеристику агрессивных устремлений Цинского Китая на Дальнем Востоке и охарактеризовал Нерчинский договор как орудие насильственного отторжения части дальневосточных владений России.

Большой интерес для исследователей представляет приводимый в рассматриваемой книге анализ китайской литературы, которая к событиям конца XVII в. обратилась лишь с середины XIX в. Одна из наиболее ранних работ — «Стратегические планы усмирения русских» — содержала среди других и такой интересный документ, как доклад Военного совета Цинской империи императору Канси по случаю заключения Нерчинского договора. В докладе указывалось: «Русские, чувствуя меру вашего благоволения к ним, вполне согласились с нашим предложением касательно определения границы, и, таким образом, земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав наших владений» (стр. 47, 86). Перевод этого сочинения на русский язык и включение его в приложение к сборнику является значительным достижением составителей и послужит дальнейшему аналитическому исследованию подготовки маньчжурами экспансии против русского Приамурья и событий, связанных с осадой Албазина и ходом Нерчинской конференции.

ской России и СССР с Китаем, 1619—1927. М., 1930.

⁸ Б. Курц. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929.

⁹ П. И. Кабанов. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959; П. Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958.

³ Н. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.

⁴ Х. Трусевиц. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882.

⁵ Д. Романов. Присоединение Амура к России. — «Русское слово», 1859, апрель, стр. 179—200; июнь, стр. 329—388; июль, стр. 91—136; август, стр. 107—171; А. Мидендорф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб, 1860—1878 гг., ч. I — III; М. В. Венюков. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб, 1873.

⁶ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. М., 1923—1924 (изд. 5-е), т. III—IV; «Дипломатия и войны царской России». М., 1923.

⁷ В. П. Саввин. Взаимоотношения цар-

Насильственный характер действий Цинского посольства подтверждается также специальным журналом, составленным в Лифаньюане, в котором подробно освещается как осада Албазина, так и переговоры в Нерчинске¹⁰.

В китайской литературе цинского и особенно гоминьдановского периода некоторые авторы пытались подтвердить «исторические права» Китая на захваченные у русских территории в Приамурье. В этих целях была использована версия об «исконном» владении Цинами землями, находившимися за пределами Нового палисада. Этой цели служили разного рода «Описания», в которых все народы, устанавливавшие торговые и другие контакты с Китаем, объявлялись принадлежащими Китаю. Одновременно в середине XIX в. маньчжуро-китайская историография выдвинула версию о Нерчинском договоре как справедливом и, главное, добровольном акте, который будто бы являлся следствием соглашения сторон (стр. 34).

Принципы территориального размежевания в Приамурье, разработанные цинскими историками, перешли в гоминьдановскую историографию почти без изменений. С таких позиций написаны работы Вэнь Гун-чжи и других историков. Лишь Хэ Хань-вэнь и Цзянь Тин-фу отошли от установившейся традиции и объявили Нерчинский договор «примурфальным договором», в результате которого «Амур — единственный речной путь, связывающий Сибирь с Тихим океаном, оказался полностью блокированным» (стр. 48).

В то же время эти историки рассматривали Айгунский и Пекинский договоры как нарушение «справедливых» условий Нерчинского договора.

В современной китайской историографии вопрос об установлении границ Китая с Россией в конце XVII в. специально не исследовался. В общих трудах китайских историков вначале возобладала точка зрения на Нерчинский договор как на условие сближения двух народов. Однако затем историки КНР вновь вернулись к трактовке Нерчинского договора, принятой цинской и гоминьдановской историографией. Они объявили политику Цинов отвечающей интересам Китая, а Нерчинский договор стали рассматривать как единственный «равноправный» и «справедливый» договор в истории Китая (стр. 35), замалчивая его насильственный характер.

Таким образом, китайские историки в течение многих лет занимаются фальсификацией истории русско-китайского разграничения, стараясь обосновать «исторические права» на русские территории, которые лишь временно, в результате агрессии, находились под властью Цинской империи.

Правильную оценку Нерчинского договора можно дать лишь при условии ясного пред-

ставления о политике, проводимой обеими странами задолго до конфликта и неизбежно осуществляемой в ходе войны. С одной стороны, стояла феодальная Россия, в которой в XVII в. складывался всероссийский рынок, объединивший в одно экономическое и политическое целое огромную территорию не только европейского центра, но и Сибири. Именно в этот период снаряжаются одна за другой экспедиции. Русские землепроходцы, проявив удивительную настойчивость и мужество, утвердились в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Полупустынная до этого страна, слабо заселенная племенами, не имеющими своей государственности, вошла в состав России, получила общерусское законодательство и общее административное устройство. В короткое время Сибирь и Дальний Восток покрылись сетью городов. Прекратились междоусобицы, и поставлен был крепкий заслон разбойничьим нападениям маньчжуров и других соседних племен.

В это же время происходили не менее важные процессы и на европейской части России. Борьба украинского народа против панской Польши под руководством Богдана Хмельницкого завершилась добровольным воссоединением Украины и России, что явилось причиной длительной и упорной борьбы с Польшей и Турцией. Лишь после тринадцати лет борьбы, с 1654 по 1667 г., панская Польша признала факт вхождения Украины в состав России. Но борьба за Украину на этом не закончилась. С претензиями на Украину выступила султанская Турция, борьба с которой шла в 1678—1681 гг., продолжалась затем в 1686—1689 гг. и вновь обострилась в конце XVII в.

Немало было также затрачено усилий за возвращение выходов к Балтийскому морю, захваченных Швецией во второй половине XVI и начале XVII столетия. Хотя решение этой задачи пришлось отложить в связи с борьбой за Украину, тем не менее она никогда не сходила с повестки дня внешней политики России.

Усиление крепостнического гнета во второй половине XVII в. вызвало мощный протест крестьянства. Россию потрясла вторая крестьянская война — под предводительством Степана Разина (1670—1671 гг.). Правительству с большим трудом удалось справиться с крестьянским восстанием. Одним из следствий поражения восстания явилось массовое бегство крестьян и казаков в Сибирь и на Дальний Восток, где они могли укрыться от посягательств на их свободу помещиков и правительственной администрации.

Сколько ни сложны были черноморская и балтийская проблемы, русское правительство должно было уделять внимание также событиям, развертывавшимся на сибирских и дальневосточных рубежах.

Именно в этот период шел процесс формирования Цинской империи. В 40-е годы XVII в. империя Мин, раздираемая внутренними противоречиями, пала под ударами

¹⁰ «Сношения России с Китаем» (пер. А. Леонова). ЦГАДА, ф., оп. 2, д. 1.

восставших крестьян. В 1644 г. она стала легкой добычей маньчжурского племени чжурчженей. Маньчжуры в союзе с китайскими феодалами после упорной и долгой борьбы подавили крестьянское движение и овладели Китаем. Утвердившись внутри Китая, Цины начали агрессивную внешнюю политику. Поставив целью окружить Китай вассальными государственным образованиями, они начали вторжения на территории соседних государств.

В этот период все левобережье и часть правобережья Амура входили в состав России. Здесь размещалось Албазинское воеводство, южнее которого располагались монгольские земли. Рубежи Цинской империи в это время проходили значительно южнее Амура, по линии так называемого Ивового палисада. Территория севернее этой линии не входила в состав собственно Китая. Тем не менее цинские правители, стремясь создать буферные заслоны («земли цзини», то есть «земли сковывания сил»), путем вооруженной агрессии добивались вытеснения русских из Приамурья. В связи с этим цинские правители предприняли ряд вооруженных нападений на Албазин и другие русские поселения на Амуре.

Будучи занятым борьбой с Турцией, русское правительство не могло выделить достаточное количество войск для защиты своих восточных рубежей. Оно направило «великое и полномочное» посольство во главе с Ф. А. Головиным «для договоров и успокоения ссор китайского богдыхана» (10). Головину предстояло решить нелегкую задачу — остановить цинскую агрессию мирными средствами. Сложность обстановки вынуждала Головина действовать весьма осмотрительно, чтобы не допустить втягивания России в войну Джунгарии с Цинским Китаем за обладание монгольскими княжествами. Публикуемые материалы дают возможность установить характер русской политики на Востоке, выявить стремление русского правительства сохранить мир и наладить торговые связи с Китаем. Они показывают, что посольство Головина действовало в исключительно трудной обстановке. Цинское посольство использовало противоречащие международному праву того времени методы шантажа и угроз физической расправы, чтобы вынудить Головина подписать тяжелый договор, по которому от России отторгалась часть Приамурья.

Что же представляет собой Нерчинский договор как правовой юридический документ? Можно ли считать его ненавязанным договором, справедливо разрешающим спорные вопросы и добровольно определяющим отношения между двумя государствами? На все эти вопросы приходится отвечать отрицательно. Этот договор несовершенен как правовой документ. Договорные условия изложены в нем неудовлетворительно. Отсутствие полной идентичности трех редакций договора (русской, латинской и маньчжурской), признаваемых сторонами равнознач-

ными, обусловило произвольное толкование условий договора в выгодную лишь для Цинского Китая сторону (стр. 40—44).

Таким образом, делимитация границы отражена в договоре неудовлетворительно. По этой причине, видимо, не проводились демаркации границы, хотя, судя по тексту договора, цинская сторона получила право постановки пограничных знаков. Существенным также является и тот факт, что ни та, ни другая сторона не ратифицировала договор специальными актами.

Договором предусматривалось право Китая установить стелу (камень с текстом договора). Китайское правительство воспользовалось этим правом и поставило стелу в устье р. Аргунь, на которой привезены тексты договора на русском, китайском, монгольском, маньчжурском и латинском языках. Однако во всех текстах отсутствует указание о том, что неразграниченными остались земли от р. Уды и далее к югу, равно как отсутствует и указание о том, что начальной точкой разграничения служит верховье р. Аргуни.

Договор был составлен в 4-х экземплярах — по одному экземпляру на русском, маньчжурском и два на латинском языках. Каждая сторона скрепляла текст договора составленным на своем языке, печатями и подписями членов посольства, тексты на латинском языке были скреплены подписями и печатями представителей обоих посольств. При размене русское посольство получило тексты договоров на латинском и маньчжурском языках, а китайские представители — тексты договора на латинском и русском языках.

После размена документов каждое посольство дало обещание о следовании условиям договора своим правительством. Китайское же посольство, сверх того, давало клятву никогда не заселять отходящие по договору к Цинскому Китаю земли Албазинского воеводства.

Таким образом, граница не была точно установлена Нерчинским договором, как этого требовало международное право того времени.

Необоснованность территориальных претензий, предъявленных маньчжурской стороной в Нерчинске, была ясна всем участникам посольского съезда. Отсутствие каких-либо доказательств и аргументов было восполнено силой оружия. Цинские претензии поддержало 17-тысячное войско, фактически окружившее все русское посольство и готовое физически расправиться как с самим Головиным и его помощниками, так и начать военные действия против России. Это подтверждает факт применения давления на русское посольство для достижения поставленной цинскими диктаторами цели — захвата русской территории, и опровергает китайскую версию о добровольности и взаимовыгодности Нерчинского договора.

Цинская империя не осуществляла свой суверенитет на захваченной у России территории в силу клятвенного обещания Китайского посольства не воздвигать какие-либо строения на всей этой территории.

При пересмотре условий Нерчинского договора, навязанного посольству Головина силой и по этой причине несправедливого, Россия в середине XIX в. возвратила отторгнутые у нее земли в Приамурье. Айгунский и Пекинский договоры 1858—1860 гг. не были результатом войны и демонстрации военной силы. Они завершили дипломатические усилия русского правительства по восстановлению прав России на законно принадлежавшие ей территории.

Выход в свет второго тома сборника документов «Русско-китайские отношения в XVII веке» — важное событие для всех интересующихся историей международных отношений на Дальнем Востоке. Эти документы полностью разоблачают измышления зарубежных историографов о справедливости Нерчинского договора и добровольности подписания его посольством Головина. Советская историческая наука обогатилась изданием, отвечающим самым высоким требованиям археографии, в чем несомненная заслуга составителей и редакторов.

Помимо обстоятельного введения и археографического предисловия, второй том

снабжен отлично составленными примечаниями. Однако в предисловии следовало бы осветить события, последовавшие за заключением договора, поскольку в них отражена заинтересованность Цинского Китая закрепить достигнутые успехи. Прослышав о начавшихся в 1690 г. переговорах между Головиным и джунгарским посланцем Дархан-Зайсаном в Иркутске и о посылке к ойратскому хану русского посла Григория Кибирева, Кан-си проявил беспокойство и направил Головину угрожающую ноту. Он писал, что в случае заключения союза между Россией и Джунгарией и оказания Галдану помощи «Россияне не только клятвopеступниками себя учинят и нарушат свою верность, но и к возрождению войны явную причину подадут»¹¹.

Такого рода документы важны. Они подтверждают, что Нерчинский договор возник в результате нападения Цинского Китая на Россию и, следовательно, носит насильственный характер.

Л. Г. Бескровный

¹¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 1, л. 348.

За академическим фасадом — подстрекательство

В мире происходят определенные позитивные сдвиги в отношениях между странами с различными общественными системами. Принцип мирного сосуществования становится нормой взаимоотношения между ними. Вместе с тем нельзя не учитывать, что на этом пути еще осталось немало препятствий. В мире есть еще силы, которые выступают против ослабления международной напряженности. Роль такой реакционной силы все активнее играет нынешнее пекинское руководство. Это проявляется, в частности, в стремлении Пекина осложнить свои отношения с соседними странами. Пекинские руководители, на словах выступая за соблюдение принципа мирного сосуществования, на деле игнорируют его. Это обнаруживается и в отношениях Пекина и Индии.

Как известно, открытое проявление китайско-индийского спора по пограничным вопросам относится к 1959 г. Отношение к нему Советского правительства было четко сформулировано. Советский Союз заявил, что обострение спора, оставшегося в наследство от колониальных времен, чревато тяжелыми последствиями не только для китайско-индийских отношений, но и для всей международной обстановки¹. В дальнейшем СССР неоднократно высказывал сожаление об инцидентах на китайско-индийской границе и разоблачал попытки империалистических кругов использовать их для противодействия смягчению международной напряженности². Советское правительство неизменно призывало как можно быстрее ликвидировать спор путем переговоров с учетом интересов как КНР, так и Индии, поскольку затяжка и тем более расширение территориального конфликта противоречат коренным интересам народов Индии и Китая³.

В последние годы на Западе появилось много работ о китайско-индийских отноше-

¹ За сплоченность международного коммунистического движения. М., 1964, стр. 138.

² «Правда», 10.IX. 1959.

³ Заседания Верховного Совета СССР шестого созыва (вторая сессия). М., 1963, стр. 505—506.

ниях. Такие авторы, как А. Лэмб, Д. Вудман, М. Фишер, Л. Роз, Р. Гуттенбэк, А. Рубин и ряд других специалистов при известных недостатках их работ пытаются объективно осветить сущность территориального спора между Китаем и Индией.

Таким работам противостоят книга английского журналиста Невилля Максвелла «Война Индии с Китаем»⁴. Объемистая, обильно снабженная картами, схемами и научным аппаратом, книга может произвести впечатление солидного академического издания.

Руководители Пекина пытаются придать этой книге определенное значение. Чжоу Энь-лай неоднократно рекламировал ее как источник «достоверной» информации по погранично-территориальным проблемам между Китаем и Индией. В частности, в интервью обозревателю газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймсу Рестону в августе 1971 г., повторив известные территориальные притязания и обвинения в адрес Индии, он утверждал, будто книга Максвелла является «очень хорошим доказательством» правоты позиции Китая⁵.

Комплименты Чжоу Энь-лая неудивительны: промаоистская направленность сочинений Максвелла хорошо известна. Еще в начале 1970 г. заинтересованные круги начали делать из Максвелла «специалиста» по пограничным проблемам Китая. Лондонская «Таймс» в то время опубликовала серию его статей, в которой он на основе маоистской концепции и даже с помощью маоистской терминологии всячески расписывал «миролюбие» пекинских лидеров.

Не случайно Максвелл — желанный гость в Пекине. Во время его визитов в Китай ему оказываются необычайные почести и даже организуются поездки на различные участки китайской границы.

Основная часть книги «Война Индии с Китаем» посвящена китайско-индийскому пограничному конфликту, но предварительно автор делает экскурс в историю.

Как известно, нынешнее китайское руководство свои притязания на территорию соседних государств обычно аргументирует «историческими» фактами. Отлично сознавая, что их аргументация находится в вопиющем противоречии с объективными фактами, пекинское руководство стремится расширить сферу обсуждения пограничных

вопросов, чтобы получить больший простор для спекулятивных построений и прямых извращений фактического материала. При этом оно может ссылаться на труднодоступную для читателя, а также традиционно фальсифицированную китайской стороной или вовсе отсутствующую документацию.

По этим пекинским рецептам Максвелл строит исторический экскурс. Выступая в роли защитника территориальных притязаний Пекина, он заодно обеляет и колониальную политику Великобритании. Максвелл пытается доказать, что вина за возникновение нынешнего китайско-индийского спора лежит на... России (?!), поскольку якобы «опыт отношений с Россией научил Китай понимать, что в руках его соседей договор о границах являлся лезвием для урезывания китайской территории; поэтому Китай шарахался от большинства британских попыток установить общие границы с ним»⁶.

Однако в действительности исторический опыт отношений России с Китаем свидетельствует о том, что между китайским государством и его «северным соседом» не существовало каких-либо серьезных противоречий. За все время своих взаимоотношений Россия и Китай ни разу не были в состоянии войны друг с другом, хотя в отдельные периоды между ними имела место напряженность. Объективные реалии исторического прошлого двух стран не давали оснований китайскому феодальному национализму и китайскому буржуазному национализму, зарождавшемуся в середине XIX в., рассматривать Россию в качестве силы, особо угрожавшей Китаю. Даже наоборот, в официальных документах Циньского правительства того периода подчеркивались традиционные дружественные отношения с Россией. Поэтому попытки Максвелла опорочить в целом русско-китайские отношения, придать им односторонне названный характер несостоятельны.

Что касается рвения Великобритании установить границы с Китаем, о котором говорит Максвелл, то хорошо известны всего две такие попытки.

Вопреки утверждению Максвелла ко времени первого английского предложения Китаю о пограничном размежевании в 1847 г.

⁴ Neville Maxwell. India's China War. London, 1971 (2-nd ed.), p. 475.

⁵ Будучи откровенно антииндийской, книга Максвелла вызвала бурю негодования в Индии; вышедшие вскоре после ее появления мемуары Б. Н. Маллика, бывшего директора Разведывательного управления индийского правительства, явились как бы ответом Максвеллу. Как писала индийская газета «Нешнл геральд», они полностью опровергают злоумышленную пропаганду (Невилля Максвелла) против Индии вообще и против Неру в частности.

⁶ Максвелл не оригинален при выборе изобразительных средств; уподобление границы лезвию не ново, и хотя бы из элементарного приличия он должен был упомянуть, что источник его художественного вдохновения — небыстрый лорд Керзон, бывший вице-король Индии, который в начале века писал: «Границы представляют собой лезвия, на острие которых висят современные проблемы войны и мира, жизни и смерти наций». (См.: Curzon. Marquis of Kedleston. The Romanesque Lecture. „Clarendon Press“, 1907, p. 7.)

⁷ Н. Максвелл. Указ. соч., стр. 20.

«опыт отношений» Цинского Китая с Россией по поводу границ отнюдь не был столь устрашающим, как об этом пишет Максвелл. Наоборот, Нерчинский договор 1689 г. и Кяхтинский договор 1727 г. были как раз в руках Цинского правительства «лезвиями для урезывания» чужой территории.

Второе предложение англичан (в 1899 г.) также не заставило китайцев «шарахаться», хотя и по другим причинам: сам же Максвелл пишет, что китайцы молча согласились с предложенной англичанами линией границы⁸.

Следовательно, методика Максвелла рассчитана на то, чтобы навязать читателю ложное представление о первопричинах китайско-индийского спора.

В действительности одна из двух главных причин отсутствия договорных государственных границ между пригималайскими странами тесным образом связана с английской колониальной экспансией в Индии. «События Семилетней войны превратили Ост-Индскую компанию из торговой державы в державу военную и территориальную», — писал К. Маркс. — Именно тогда было заложено основание нынешней Британской империи на востоке⁹.

Колониальное вторжение Великобритании в Индию сопровождалось политическим разбалованием, эксплуатацией и грабежом. Однако некоторые княжества, существовавшие на северо-востоке страны, колонизаторы сохранили. Эти области были редко заселены, труднодоступны и бедны по своим природным условиям. В связи с этим, а также по некоторым политическим соображениям англичане не считали целесообразным захватывать эти княжества, по крайней мере до поры до времени.

В отличие от той территории, которая управлялась непосредственно английской администрацией и получила название Британской Индии, во главе этих княжеств стояли местные феодалы. Они находились в положении вассалов и пользовались некоторой самостоятельностью, хотя она имела призрачный характер и касалась лишь вопросов внутреннего управления. Одним из таких княжеств было Джамму и Кашмир, в которое вошло древнее государство Ладак, территория которого в 1962 г. стала полем ожесточенных боев во время пограничного вооруженного конфликта между Китаем и Индией.

Лишив местных правителей права решать самостоятельно вопросы внешней политики, в том числе пограничные вопросы, английские колонизаторы сами на протяжении многих десятилетий своего господства в этих областях сознательно не проявляли особой активности для установления точной межгосударственной границы. Это давало им воз-

можность в любой удобный для них момент продолжить колониальную экспансию.

Всю эту колониалистскую политику Великобритании в Индии, явившуюся подлинной причиной последующих пограничных споров, Максвелл замалчивает. Он снимает также историческую ответственность и с Цинской монархии за отказ от установления границы Синьцзяна и Тибета с Индией на договорной основе. Причины этого отказа до конца не ясны. Но несомненно одно, что маньчжурские власти, как и английские колонизаторы, не были заинтересованы в решении пограничных вопросов и консервировали возможность продолжения колониальной экспансии.

Сегодня в Пекине умалчивают о том, что на протяжении многих веков императоры Китая вели политику колониального разбоя, порабощения и поглощения соседних народов. Больше того, маоисты гордятся результатами этой колониалистской политики, оправдывают ее и стараются использовать для обоснования собственных территориальных притязаний¹⁰.

Объектами колониалистской политики цинских правителей были Монголия и Тибет. Во второй половине XVIII в. маньчжуры завершили захват Джунгарии кровавой расправой над ойратским населением, которое было почти поголовно истреблено¹¹.

Несколько позже цинские войска захватили Кашгарию — уйгурское государство в Восточном Туркестане; вспыхнувшее в 1864 г. в Восточном Туркестане восстание коренного населения — уйгуров, киргизов, таджиков — против маньчжуро-китайских угнетателей, свергло власть Цинской династии. Однако через 14 лет цинские войска потопили в крови все очаги народного сопротивления и установили строжайший военнопольцейский контроль над местным населением.

Контролируя внешнюю политику Тибета и превратив Синьцзян в свою бесправную колонию, маньчжурские правители лишили их возможности регулировать пограничные вопросы с соседями и сами избегали устанавливать какие-либо границы, которые могли бы закрыть им путь для дальнейшей экспансии. Этот путь они предпочитали держать открытым.

Такая трактовка причин отказа обеих сторон установить границы вполне согласуется с колониалистским характером их политики в тот период. А как объясняет Максвелл? Он пишет: «По логике силы любые империи в фазе экспансии раздвигают свои границы до тех пор, пока не встретят сопротивление сильного соседа, или пока не достигнут физического барьера, или пока не иссякнет движущая сила. Так, в течение XVIII и XIX вв. британская держава расширялась в

⁸ Н. Максвелл. Указ. соч., стр. 34.

⁹ «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 9, стр. 152.

¹⁰ См.: М. С. Капца. КНР: два десятилетия — две политики. М., 1969, стр. 169.

¹¹ См. «Новая история Китая». М., 1972, стр. 38.

Индии, прибирая к рукам полуостровной субконтинент до тех пор, пока не уперлась в огромную дугу Гималаев. Здесь она соприкоснулась с другой державой — Китаем»¹².

Эти теоретизирования Максвелла не оригинальны, они почерпнуты им у идеологов британского колониализма, пытавшихся «научно» обосновать территориальные захваты и расширение границ империи по «логике силы». В том же духе автор изображает и последующие военно-политические процессы в этом районе: «В центральном секторе пограничной зоны, где между ними находились мелкие государственные образования и феодальные владения, началось соперничество за господство над этими пограничными землями, продолжающееся до настоящего времени. На северо-западе и северо-востоке (от этих земель. — Авт.) не было мелких государственных образований, которые могли бы служить буфером, и здесь англичане из соображений безопасности стремились установить границу с Китаем. В этом они успеха не имели, и неудача привела в середине XX в. к пограничной войне между Индией и Китаем»¹³.

Ни здесь, ни в каком-либо другом месте Максвелл ни словом не обмолвился о том, что в середине XX в. благодаря коренным изменениям характера государственной власти в обеих странах, происходившим в результате освобождения от колониального и полуколониального гнета, пограничную проблему можно было решить мирным путем. Умалчивая о возможности разрешения конфликта мирными средствами, он пытается доказать некую неотвратимость вооруженного конфликта в 1962 г.

«Теоретизирования» Максвелла, его система тенденциозных построений призваны представить историю такой, какой она была бы выгодна агрессивно настроенному Пекину. Пытаясь оправдать экспансионистские устремления пекинского руководства, Максвелл прибегает к прямой фальсификации истории. Так, он пытается представить, будто «Непал был создан в XVIII в., когда горкхи (горцы хинду) вторглись в тибетские государства, существовавшие здесь издавна, и объединили их под своей властью»¹⁴.

Мифические тибетские государства, по утверждению Максвелла якобы находившиеся на территории Непала, придуманы автором, чтобы «обосновать» традиционные притязания на пригималайские государства со стороны Китая как «правопреемника» Тибета.

Гегемонистские великоханьские притязания Пекина — одна из причин конфликтной ситуации в пригималайских районах. Оправдывать и разжигать их, как это старается делать Максвелл, — значит играть на руку силам, заинтересованным в раздувании этого конфликта. Позиция Максвелла тем более однозначна, что он для утверждения ее опери-

рует сомнительными данными и доказательствами. Исползволь, но упорно он «закрепляет» за Тибетом Кумаон, где будто бы «фактический контроль осуществляли тибетцы»¹⁵, Сикким и Бутан. Утверждение Максвелла о тибетском контроле в Кумаоне совершенно бездоказательно. Нельзя приять всерьез за доказательство тибетских прав на Сикким тот аргумент, что, видите ли «Лхаса смотрела на Сикким как на зависимую от Тибета территорию»¹⁶. Столь странной логики, как известно, придерживались разве только цинские императоры, которые считали Голландию, как и многие другие абсолютно независимые от них государства своим данником¹⁷. И наконец, Максвелл пишет о фактической зависимости Бутана от Тибета на том основании, что «Лхаса делала по временам попытки установить свой сюзеренитет над Бутаном»¹⁸, ссылаясь при этом на книгу А. Лэмба «Британия и Китайская Центральная Азия»¹⁹. Максвелл приводит лишь часть объяснения А. Лэмба. Все же объяснение не только не подтверждает, а скорее опровергает возможность упомянутого сюзеренитета. А. Лэмб пишет: «В 1880 г. тибетцы, по-видимому, сделали одну из своих попыток предъявить претензию на сюзеренитет над Бутаном. Правители Бутана возмутились, пенлон Паро (местник западного Бутана. — Авт.) издал на Пари (тибетский город в нескольких километрах от границы с Бутаном. — Авт.) и разграбил его»²⁰.

Таким образом, нетрудно убедиться, что Максвелл беззащитив в обращении с историческими фактами, перекраивает историю на свой (читай — пекинский) лад, чтобы оправдать возможные в будущем территориальные притязания Пекина. Позиция Максвелла, прямо скажем, подстрекательская.

С тех же позиций Максвелл «интерпретирует» договорно-правовые и дипломатические документы, относящиеся к китайско-индийской границе. Так, упомянув Тибетско-сикхский договор 1842 г., Максвелл повествует официальную пекинскую версию²¹.

¹⁵ Там же, стр. 38.

¹⁶ Там же, стр. 37.

¹⁷ См.: Л. И. Думан. Традиции во внешней политике Китая. — «Роль традиции в истории и культуре Китая». М., 1970, стр. 210, а также: Н. Morse. The International Relations of the Chinese Empire. London, 1910, vol. 1, p. 48, 59.

¹⁸ Н. Максвелл. Указ. соч., стр. 37.

¹⁹ A. Lamb. Britain and Chinese Central Asia. London, 1960, p. 177.

²⁰ Там же.

²¹ А. Лэмб, на которого Максвелл обычно охотно ссылается, но в данном случае ссылается полным молчанием, считает, что современные китайские публикации по пограничным проблемам «совершенно бесполезны», так как их авторы заняты исключительно оправданием китайских территориальных притязаний и осуждением западного империализма. Указ. соч., стр. X.

¹² Н. Максвелл. Указ. соч., стр. 19.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 37.

том, что граница в этом договоре не определена, и на этом основании делает вывод об отсутствии ее вообще²². Договор 1842 г. действительно не определял межгосударственных границ, но одна из его главных статей подтверждает сохранение ранее существовавших границ между Тибетом и Ладаком. Ни индийская, ни китайская стороны никогда не отрицали, что граница, древняя и традиционная, всегда существовала между Тибетом и Ладаком. Разногласия между ними состоят в том, где именно проходит пограничная линия. Видимо, охотничьи запутавшись, Максвелл тут же приводит фразу из письма китайского наместника в Гуанчжоу в ответ на упомянутое выше первое предложение англичан в 1847 г. принять участие в пограничном размежевании: «...границы этих территорий (т. е. Тибета и Ладака.— Авт.),— говорится в письме,— давно полнокровно и четко зафиксированы»²³. Хотя ответ гуанчжоуского наместника был продиктован в основном желанием избежать участия в пограничной комиссии, но граница действительно существовала, а англичане затеяли демаркацию для фиксации на местности пределов владений тогдашнего правителя Ладака, зависимость которого от англичан могла по мере роста его владений перейти в неповиновение и осложнить их отношения с Цинями.

Максуэлл дает очень «своеобразную» интерпретацию еще одной попытки совместного размежевания в соответствии с упомянутым выше предложением англичан в 1899 г. Он утверждает, что поскольку Цины не отказались от английского предложения о размежевании 1899 г., по которому значительная часть Аксайчина²⁴ должна была принадлежать Китаю, то тем самым они согласились с ним²⁵. Эта версия — целиком плод фантазии Максвелла, она не имеет никаких документальных подтверждений. Даже китайская сторона не выдвигала такой версии ввиду ее явной несостоятельности.

Большая часть книги, как уже говорилось, посвящена конфликту на китайско-индийской границе с применением тяжелой артиллерии, танков и авиации в октябре — ноябре 1962 г. И здесь Максвелл не более достоверен, чем прежде. Пограничные разногласия, возникшие в начале 50-х годов, дол-

гое время ничем себя не обнаруживали. Относящиеся к этим разногласиям документы и материалы того периода имели ту особенность, что вся переписка по дипломатическим каналам между КНР и Индией была закрытой. Используя этот факт, Максвелл извращает позиции сторон. Он подвергает нападкам неизменную и твердую линию, занятую руководителями индийской внешней политики в этом споре, и, в частности, осуждает Неру за «негибкую» позицию по пограничному вопросу. Он пытается доказать, будто «негибкость» Неру и привела к военному конфликту.

В действительности события развивались следующим образом.

С начала 50-х годов в КНР публиковались географические карты, на которых показывались как принадлежащие КНР территории, которые Индия считала своими.

Чжоу Энь-лай объяснял их выход тем, что они достались в наследство от гоминдановских властей и еще не было времени пересмотреть их.

Пограничные претензии Китая официально предъявил Индии лишь в 1959 г. При этом Чжоу Энь-лай заявил, что раньше эти претензии не предъявлялись, поскольку пограничный вопрос еще «не созрел».

Максуэлл приводит в восторг такого рода «гибкость» и пресловутый прагматизм пекинского руководства.

Истинной причиной «гибкости» Пекина был поворот во всей его внешней политике к великодержавному национализму, проявившемуся уже в конце 50-х годов. В отношениях с Индией он привел к открытому вооруженному конфликту 1962 г. Содержание той части книги Максвелла, которая посвящена событиям, непосредственно предшествовавшим войне, отражает позицию пекинской пропаганды по этому вопросу. Разумеется, Максвелл отнюдь не желает, чтобы читатель усмотрел идентичность его трактовки и позиций Пекина. Однако анализ аргументов Максвелла показывает, что он как раз стремится доказать, что китайская пропаганда отражала объективное положение вещей на тот период. Максвелл ссылается на различные документы индийского правительства, не подлежащие огласке. Тем самым он лишает читателя возможности проверить правильность интерпретации источника и соответственно выводов, к которым он приходит.

В результате пограничного столкновения в 1962 г. КНР в западном секторе границы закрепила за собой территорию Аксайчина, от которой не намерена отказываться, несмотря на то, что, по мнению индийской стороны, это достигнуто военным путем и не может считаться законным.

Китайско-индийский вооруженный конфликт встревожил мировую общественность. Так, в середине декабря 1962 г. в Коломбо была созвана конференция неприсоединившихся стран. Пекин, по существу, отверг предложения конференции об отводе войск

²² Н. Максвелл. Указ. соч., стр. 25.

²³ Там же.

²⁴ Аксайчин — второй по величине участок, оспариваемый КНР и Индией, равный по площади Голландии (32 тыс. кв. км). В прошлом — безлюдная территория в северо-западном секторе китайско-индийской границы. В 1957 г. подразделения китайской армии закончили строительство через Аксайчин шоссейной дороги, очень важной для связи Сяньзяна с Тибетом. Со времени вооруженного конфликта 1962 г. Аксайчин находится под контролем КНР.

²⁵ Н. Максвелл. Указ. соч., стр. 34.

за линию контроля, существовавшую до 1959 г., то есть до открытого выдвижения китайской стороной территориальных притязаний и активного продвижения пограничных патрулей в спорных районах. Это предложение было направлено на то, чтобы стороны провели переговоры.

Высказывая свое отношение к реальности таких переговоров, Максвелл пишет: «Повидимому, остается в силе давнее китайское предложение по пограничному вопросу на основе статус-кво»²⁶. Максвелл при этом не выражает своего отношения к данной позиции Пекина. Тем самым он, по сути дела, молчаливо соглашается с требованием

²⁶ Н. Максвелл. Указ. соч., стр. 443.

С позиций марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма

Последовательная политика Советского Союза и других братских социалистических стран, успехи рабочего движения, а также антиимпериалистическая направленность внешней политики большинства развивающихся стран ведут к укреплению позиций мирового социализма. Империализм вынужден считаться с этой реальностью и для сохранения своих позиций ищет всевозможные пути подрыва социалистического содружества изнутри. Свою главную ставку на современном этапе он делает на национализм, и прежде всего на великодержавный национализм маоцзедуновского руководства.

В этих условиях очевидной является контрреволюционная роль правящей верхушки Пекина, полностью порвавшей с принципами социалистической внешней политики. Великодержавный, шовинистический курс пекинских руководителей привел их к смыканию с наиболее реакционными силами в мире и поставил по одну сторону баррикад с империализмом.

Такой авантюристический курс маонистов, противоречащий принципам социализма и пролетарского интернационализма, решительно осуждается печатью коммунистических и рабочих партий, последовательно отстаивающих марксистско-ленинские позиции. Этому вопросу посвящаются многочис-

китайской стороны признать за нею территорию, захваченную вооруженным путем. Это и неудивительно, если учесть его пренебрежительность к решению пограничных вопросов с «позиции силы».

В своей книге Максвелл старательно прячет свою заинтересованность в тенденциозном толковании китайско-индийского конфликта и хотел бы предстать перед читателем объективным наблюдателем. Однако дух всей книги, многие приемы автора не оставляют сомнения в предвзятости его позиции, в его пропекинских симпатиях. Книжке Максвелла, конечно, больше соответствовало бы название одной из ее глав — «Взгляд из Пекина».

Н. С. Карнин

ленные статьи и крупные исследования в социалистических странах. Часть этих материалов вошла в рецензируемый сборник¹.

В сборник включены статьи, опубликованные партийными органами печати социалистических стран в 1972 г. За истекший со времени опубликования этих работ период процесс сползания маоцзедуновского руководства вправо стал еще более отчетливым. Материалы X съезда КПК и последующие за ним внешнеполитические шаги Пекина «говорят о том, — писала «Правда» 16 октября 1973 г., — что пекинские лидеры, отбрасывая «ультрареволюционную» идеологическую маскировку, по всем линиям выступают как сила, враждебная политике в интересах социалистического мира, как сила, противостоящая позитивным процессам, происходящим на мировой арене. Маонистская группировка превращается в прямого союзника наиболее реакционных кругов империализма». Тем не менее материалы сборника не потеряли свою злободневность. Больше того, дальнейшее усиление предательской роли маоцзедуновского руководства в борьбе двух социальных систем лишь раз подтверждает правильность позиции социалистических стран, а также оценюк, данных марксистско-ленинскими партиями антисоциалистической деятельности Пекина.

Сборник состоит из двух больших разделов. В материалах первого раздела анализируется антимарксистская сущность маонистской идеологии, материалы второго раздела разоблачают весь комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов

¹ «Критика теории и практики маонизма». — Сборник статей из периодической печати социалистических стран. Изд-во «Мысль», М., 1973, 261 стр.

внутренней и внешней политики пекинского руководства.

Всесторонний анализ идеологии и политики маоцзэдуновского руководства за последние 15 лет, а в некоторых материалах и за весь период существования КПК приводит авторов к выводу, что правящая верхушка КПК во главе с Мао Цзэ-дуном давно вынашивает планы создания отнюдь не просто могучего и процветающего Китая как органической части мирового социализма. Она мечтала о «возрождении» Китая в националистическом смысле как господствующей и подавляющей другие народы великой державы» (стр. 117). Поэтому все политические шаги группы Мао Цзэ-дуна, начиная с 1957 г., следует рассматривать как средство достижения великодержавных империалистических целей (стр. 139).

События минувших лет показывают, что группа Мао Цзэ-дуна начиная с середины 40-х годов все настойчивее предпринимала шаги к осуществлению своих корыстных планов. Все это она строгайшим образом скрывала не только от мировой общественности, партии и народа, но и от своего ближайшего окружения. Прежде всего Мао Цзэ-дун стремился в кратчайший срок сделать Китай ведущей силой стран социалистического содружества и всего антиимпериалистического лагеря, а КПК (т. е. группу Мао Цзэ-дуна.— Г. А.) поднять до уровня руководящей партии в мировом коммунистическом движении, чтобы подчинить интересам своей политики всю мощь социалистического лагеря, международного коммунистического движения (стр. 117).

Почему, собственно, в середине 50-х годов авторы сочли возможным или необходимым приступить к осуществлению великодержавных планов? Некоторые авторы сборника считают, что этому способствовала своеобразная обстановка, сложившаяся после смерти Сталина и в последующие годы в мировом коммунистическом движении, и социалистическом лагере (стр. 99, 138—139). При этом они отмечают такие моменты, как заявления некоторых буржуазных наблюдателей о том, что после смерти Сталина у Мао Цзэ-дуна появились претензии на теоретическое и политическое руководство в коммунистическом движении (стр. 99). Верно и то, что в 1956—1957 гг., после XIX съезда КПСС, силы социализма в международном масштабе перешли к новому группному наступлению в области идеологии и политики. Животворные идеи XX съезда КПСС побуждали творческую активность коммунистов во всех странах мира. Однако этот процесс сопровождался и определенными существенными трудностями. Дело в том, что на обочине коммунистического движения одновременно активизировались правопопартунистические и ревизионистские силы. Во многих коммунистических партиях, исключая социалистические страны, правопопартунистические силы пытались использовать критику отрицательных явлений куль-

та личности в узкогрупповых целях. В частности, именно ревизионизм проложил дорогу контрреволюционным выступлениям в Венгрии. В этих условиях группа Мао Цзэ-дуна и решила, что наступил удобный момент для осуществления великодержавно-националистических целей (стр. 99, 139).

Такой вывод не вызывает никаких сомнений. Стремление использовать в своих корыстных целях любые сложные повороты в международной обстановке — характерная черта политика Мао Цзэ-дуна. Она проявлялась и в 40-е, и в 50-е годы и составляет основу его стратегии в последние 15 лет. Однако это лишь одна сторона проблемы, и, видимо, не самая главная. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что, во-первых, Мао Цзэ-дун всегда лелеял мечту о сильном Китае, повелевавшем всем окружающим его миром. Это находило проявление в борьбе двух линий в КПК — марксистско-ленинской, интернационалистской и великодержавно-националистической, которую возглавлял Мао Цзэ-дун, умело используя непоследовательность, а часто и просто беспринципность отдельных крупных деятелей первой линии. «Две линии в развитии Китая» весьма подробно рассматриваются в специальной статье сборника (стр. 109—132).

Во-вторых, и это главное, подготовка, ход и решения VIII съезда КПК показали, что в Китае объективно идет процесс формирования и укрепления политической организации общества на социалистических основах. Уже в первой половине 50-х годов Мао Цзэ-дун все отчетливее понимал, что он остается в стороне от тех гигантских преобразований в области надстройки, которые диктовались новыми объективными экономическими условиями. И позднее, когда он будет говорить о том, что «с ним не считались», что «его обходили», то это будет правда именно в этом смысле. Раздвоенность Мао Цзэ-дуна-националиста в первой половине 50-х годов можно понять. Народнохозяйственные успехи Китая тех лет вполне отвечали его великодержавно-националистическим устремлениям. Однако его вовсе не устраивал параллельный процесс формирования и укрепления политической организации социалистического типа. Он делал все, чтобы затормозить этот процесс³, но это было не в его силах по двум причинам: во-первых, значительная часть руководства КПК «физически» ощущала объективную потребность перестройки партии на ленинских принципах демократического централизма, в переходе к научным методам управления народным хозяйством, всем обществом, потребность в подлинно социалистических профсоюзах, комсомоле, других общественных организациях и творческих союзах, которые бы действительно стали помощника-

³ См. «Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна». Изд-во «Мысль», М., 1970, стр. 141—155.

ми партии в мобилизации всех слоев населения на строительство социализма, в воспитании у них социалистического сознания, духа пролетарского интернационализма. Во-вторых, этот объективный процесс дополняется тем важным обстоятельством, что в эти годы внимание всего коммунистического движения в результате обнародования решений XX съезда КПСС было приковано именно к вопросам внутрипартийной демократии и всемерного развития социалистических принципов во всей политической организации общества.

Под влиянием этих двух факторов прошел VIII съезд КПК. Историческая заслуга VIII съезда состоит в том, что он впервые определил необходимость комплексного решения вопросов общественного развития — создание материально-технической базы социализма и дальнейшее развитие и укрепление социалистической политической организации общества. *Реализация этой программы VIII съезда*, несмотря на всю ее непослеловательность как результат противоборства с маоцзэдуновской группировкой, означала *конец великодержавно-националистическим вождениям Мао Цзэ-дуна*.

Косвенным подтверждением такого вывода является бурная деятельность Мао Цзэ-дуна сразу после VIII съезда: кампания «за исправление стиля» — менее чем через два месяца после съезда; борьба «с правыми буржуазными элементами» (осень 1956 г. — лето 1957 г.), выступление на Верховном государственном совещании с речью «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (февраль 1957 г.) и связанная с нею кампания, широкая пропаганда курса «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» (весна и лето 1957 г.).

Это была реакция Мао Цзэ-дуна на усилия КПК создать политическую организацию общества на социалистических основах. Это подтверждается и тем фактом, что конечной целью Мао Цзэ-дуна в ходе «культурной революции» явилась ликвидация основ политической организации, которые были заложены в первой половине 50-х годов в соответствии с характером новых производственных отношений.

Нынешняя политическая организация общества в Китае полностью лишена социалистических основ, если смотреть не на формальные атрибуты, а на содержание внутренней и внешней политики, которой она сегодня служит, и на методы, с помощью которых маоисты пытаются использовать ее для достижения своих великодержавно-националистических целей. В сборнике собран и проанализирован обширный материал по этому вопросу. В сущности, в той или иной степени, в том или ином плане (идеологическом или политическом) все авторы приходят к выводу, что политическая организация в современном Китае носит ярко выраженный характер военно-бюрократической диктатуры. К такому выводу они при-

ходят, анализируя деятельность новой маоистской партии (ее антимарксистские идеологические и организационные основы, антинаучные методы управления народным хозяйством, наукой, культурой, народным образованием и медицинским обслуживанием; антисоциалистические принципы формирования внутренней и внешней политики), деятельность так называемых революционных комитетов, созданных и функционирующих вопреки общепринятым социалистическим принципам народовластия; особое положение в обществе армии, которой маоисты стремятся отвести роль жандарма и главного орудия в системе военно-бюрократической диктатуры; характер «возрожденных» организаций профсоюза и комсомола, женских организаций.

Рассматривая новую политическую организацию в Китае, авторы убеждаются в том, что ее усилия сосредоточены на форсированном создании мощного военно-промышленного потенциала как главного средства достижения великодержавно-националистических целей группы Мао Цзэ-дуна (см., в частности, стр. 131, 155, 238). Это находит выражение в том, что государство стремится всемерно интенсифицировать труд рабочих и крестьян, оставляя неприкосновенным их крайне низкий жизненный уровень; оно устраняется от расходов на развитие гражданских отраслей промышленности, сельского хозяйства, народного образования и медицинского обслуживания населения с тем, чтобы максимум средств использовать для производства военной продукции, и в частности для форсирования ракетно-ядерной программы. Этим же целям служит также милитаризация и военизация всей общественной жизни в Китае, воспитание населения, и особенно молодежи, в духе пресловутого стратегического призыва «не бояться трудностей, не бояться смерти», а также в духе безотчетного самопожертвования по первому призыву Мао Цзэ-дуна.

В ряде статей сборника рассматривается великодержавно-шовинистическая политика группы Мао Цзэ-дуна внутри страны, то есть в отношении к неханьским народам Китая, а также за рубежом — в отношении народов других стран (стр. 157—166, 225—239, 256—259). Мировая коммунистическая общественность давно обратила внимание на тот факт, что маоистское руководство отбросило важнейший ленинский принцип решения национального и колониального вопросов — право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Анализ и разоблачение этой реакционной стороны деятельности Пекина тем более злободневны, что маоисты, пытаясь искусственно создать себе международную опору, заигрывают с развивающимися странами, выдают себя за поборников их интересов и т. д. Разоблачению этой политики группы Мао Цзэ-дуна полностью посвящена статья «Маоистские „теории“ и „третий мир“»

(стр. 70—79), а также ряд других статей, в которых рассматривается внешнеполитический курс маонистов на современном этапе.

Известно, что с первых лет своей великодержавно-националистической деятельности внутри страны и за рубежом маоиздунское руководство стремится придать ей антисоветскую направленность. Маонисты хотели бы создать впечатление, будто борются только против Советской страны, против КПСС. С этой целью они идут на любые, самые грязные фальсификации и авантюры, включая вооруженные провокации против СССР. Между тем у СССР и Китая нет решительно никаких объективных причин для противоборства.

В действительности маонисты с самого начала противопоставили себя всему коммунистическому движению, всему социалистическому содружеству (стр. 64—65). Причем главный удар они решили нанести по КПСС, Советской стране, отдавая себе отчет в том, что авторитет КПСС, мощь СССР прежде всего стоят на пути их великодержавных устремлений (стр. 68). Такова коварная стратегия маонистов. Коммунистическое движение распознало истинные цели и причины антисоветизма маоиздунского руководства, принципиально разоблачает все попытки ослабить единство коммунистического движения, социалистических стран, оторвать и изолировать от них СССР, противопоставить Страну Советов развивающимся странам.

Маоиздунское руководство давно (апрель 1960 г.) развернуло и со все большим остротением ведет открытую борьбу против сплоченности международного коммунистического движения, пытаясь заставить его отказаться от коллективно разработаемой генеральной линии и навязать ему свою авантюристическую линию, подчинить его своим великодержавно-националистическим интересам. О том, как беспринципно, хитро и подло действуют при этом маонисты, рассказывается в статье «Провалы маонизма в коммунистическом движении» (стр. 212—224), а также в большинстве других статей сборника.

Новая политическая организация общест-

ва, которую создали маонисты, не является случайным или стихийным явлением. В ее основе лежит антисоциалистическая, великодержавно-националистическая идеология, которая официально в Китае названа «идеями Мао Цзэ-дуна» (стр. 62).

Авторы сборника рассматривают все основные «идеи Мао» — от «китаизированной диалектики» до идеологических постулатов, которые регулируют всю общественную жизнь в сегодняшнем Китае. В частности, анализу и критике подвергнуты такие категории, как «противоречия» и приложение этого «учения» к вопросам внутренней и внешней политики, «количество и качество» и фетишизация скачков и революций, «роль практики в теории познания», «теория перманентной революции», «роль личности и народных масс» и т. д. Все это приводит авторов к единодушному мнению, что «идеи Мао Цзэ-дуна» — это эклектика элементов конфуцианства, народничества, бланкизма, троцкизма, анархизма и буржуазного национализма (стр. 44). Таким образом, это собрание традиционно-феодалных и мелкобуржуазных взглядов и множества их оттенков, не только не имеющих никакого отношения к революционной теории марксизма-ленинизма, но и в корне враждебных ей (стр. 33).

Основным социальным источником маонистской идеологии, подчеркивают авторы, является двойственный характер мелкой буржуазии, давление мелкобуржуазной стихии на революционное движение. Кроме того, важное значение имеет и субъективный фактор — непоследовательная борьба КПК против националистической идеологии (стр. 62—64). Маонизм, отмечают авторы сборника, будучи одним из самых опасных проявлений современного оппортунизма, несмотря на все свои поражения, представляет собой серьезную угрозу для единства революционных сил, и, пока он не будет полностью разгромлен идейно и политически, борьба против него есть и будет одной из важнейших задач всех марксистов-ленинцев (стр. 223).

Г. А. Алексеев

Экономика и политика современной Японии *

Новое исследование вопросов экономики и политики современной Японии, осу-

* «Япония» (Серия «Экономика и политика стран современного капитализма»). М., изд-во «Мысль», 1973.

ществленное коллективом сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, недавно выпущено в свет издательством «Мысль». Этот труд, сочетающий в себе научное содержание с доступностью изложения, был осуществлен под редакцией д-ра экономических наук Я. А. Певзнера и д-ра исторических наук Д. В. Петрова.

Как указывается во введении к книге, ее основная цель состоит не в анализе прошлых тенденций политико-экономического развития Японии, а в рассмотрении положения,

сложившегося к началу 70-х годов. «Рубеж этот выбран не случайно: именно к этому времени стало очевидно, что если сохранится разница в темпах экономического роста, то Япония, уже догнавшая ведущие страны Западной Европы по общему объему национального дохода и промышленного производства к концу 70-х — началу 80-х годов сравняется с ними и по уровню экономического развития, то есть по объему производства и национального дохода на душу населения» (стр. 8). Далее авторы, прогнозируя перспективы Японии в сфере развития промышленного производства к 1980 г. (когда население страны достигнет 116 млн. человек), считают, что оно будет примерно таким же, каким на ту же дату будет объем производства ФРГ и Франции, вместе взятых.

Книгу можно условно разделить на три больших раздела. В первом из них дается анализ внутренней монополистической структуры и концентрации производства современной Японии. В ней обстоятельно рассматриваются факты, способствовавшие формированию новой структуры японской экономики, которая характеризуется невиданными до сих пор масштабами ее монополизации. Авторы прослеживают взаимосвязь этих сдвигов с изменениями, происшедшими в финансово-монополистической сфере японского капитализма в послевоенный период, когда на смену всемогущим, но архаичным дзайбацу пришли еще более мощные, но современные, быстро приспосабливающиеся к новым условиям финансовые группы, сформировавшиеся главным образом вокруг шестерки коммерческих банков — «Мицуби», «Сумитомо», «Фудзи», «Дайити», «Санва» и банка долгосрочного кредита — «Японского промышленного банка».

Современные японские финансовые группы в значительной степени освободились от старых уз кастовости, замкнутости и консерватизма, решительно стали на путь углубления и расширения монополистических связей, национальной и международной интеграции капиталов. Касаясь характера государственно-монополистических тенденций в развитии японского империализма, авторы монографии рассматривают основные формы вторжения государства в производственный процесс и методы государственной политики, осуществляемой в целях усиления мощи финансовой олигархии, среди которых доминирующая роль принадлежит как мероприятиям финансового и нефинансового характера, так и капиталистическому программированию.

Характеризуя особенности воспроизводства общественного продукта и капитала в современной Японии, авторы подчеркивают, что оно происходит на базе чрезвычайно быстрого технического обновления промышленности и радикального изменения ее структуры. Однако модернизация хозяйственной структуры в Японии — процесс одно-

бокий и противоречивый. Послевоенная аграрная реформа хотя и произвела значительные изменения в японской деревне, но по масштабам, по глубине и по темпам перемены в этом важном секторе японской экономики далеко отстают от сдвигов в промышленности. Более того, «политическая заинтересованность японского правительства в поддержке деревни заставляет его пренебрегать хозяйственными потребностями всей экономики» (стр. 187) и проводить такую аграрную политику, которая отвечает интересам только правящих кругов.

Касаясь усиливающегося процесса урбанизации в Японии, авторы убедительно показывают, к каким сложным, противоречивым и по большей части неблагоприятным последствиям приводит она как в социальном плане, так и в смысле влияния этого процесса на развитие экономики страны. Одной из весьма сложных проблем жизни на Японских островах в связи с урбанизацией стало в последнее время быстро прогрессирующее загрязнение окружающей среды, все более превращающееся в подлинное национальное бедствие.

Во втором разделе книги рассматривается соотношение внутренних и внешних факторов экономического роста и современной внешнеэкономической экспансии японских монополий, направленной на завоевание новых рынков сбыта для продукции динамично развивающейся промышленности, поиск и захват новых источников сырья и закрепление сфер приложения капитала.

Существенную роль в усилении позиций японских монополий в мировом капиталистическом хозяйстве, а также в защите интересов японского империализма на мировой арене в условиях противоборства двух противоположных социально-экономических систем играет внешняя политика японского государства. В книге уделяется особое внимание анализу основного звена внешней политики современной Японии — японо-американскому союзу и разлагающему его противоречиям. Однако авторы подчеркивают, что в современных условиях, «несмотря на обострение противоречий между США и Японией, правящие круги обеих стран стремятся к поискам компромиссных решений» (стр. 350).

Значительное место в рецензируемой работе уделяется анализу отношений Японии со странами Юго-Восточной Азии. Как известно, этот район является традиционной сферой внешнеэкономического и политического проникновения японского империализма. Однако в настоящее время расширение японской экспансии в Юго-Восточной Азии встречает «на пути к достижению этой цели немало серьезных трудностей, связанных со сложным комплексом экономических и политических причин» (стр. 361). В этом районе перед японской дипломатией возникают «все новые и новые проблемы» (стр. 367).

Рассматривая особенности экономических и политических усилий Японии на ру-

Безе 70-х годов, авторы особо отмечают интенсификацию «японской политики в отношении стран Западной Европы. Япония, — пишут они, — стремится установить более тесные политические связи в первую очередь с ФРГ и Англией, но основным направлением остается обеспечение максимально благоприятных условий для развертывания японского экспорта и борьба за полный отказ стран Западной Европы от дискриминационных ограничений в отношении японских товаров» (стр. 377).

В книге также особо рассматриваются отношения между Японией и КНР, причем подчеркивается, что «нормализация отношений с КНР (в результате дипломатического признания КНР кабинетом Танаки. — В. К.) в то же время отнюдь не означает ликвидации противоречий между обеими странами». Совместное заявление обеих стран «не снимает взаимной настороженности и подозрений относительно наращивания военного потенциала. По мере развития китайской экономики, — отмечается в книге, — неизбежно будет обостряться конкуренция с Японией в борьбе за рынки сбыта, прежде всего в странах Азиатско-Тихоокеанского бассейна. Наконец, интересы обеих стран все сильнее будут сталкиваться в борьбе за политическое влияние в этом регионе» (стр. 397).

Авторы справедливо уделяют главное внимание отношениям между СССР и Японией. После нормализации в 1956 г. советско-японских отношений, между нашими странами стали быстро развиваться связи по всем линиям. В настоящее время Япония — один из главных партнеров во внешней торговле Советского Союза с капиталистическими государствами. Между двумя странами успешно развиваются научно-технические, культурные, спортивные и другие связи. Определенное развитие получило экономическое сотрудничество, базирующееся на ряде действующих, а также рассматриваемых экономических проектах в связи с разработкой природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. В книге отмечается, что наиболее развитые отношения между СССР и Японией «в значительной степени будут зависеть от того, в какой мере правя-

щие круги Японии проявят готовность сконцентрировать внимание на тех моментах, по которым позиции СССР и Японии подходят близко друг к другу, и приложить усилия для поисков конструктивных решений в интересах углубления добрососедства между обеими странами на основах строгого соблюдения принципов равенства и взаимной выгоды» (стр. 387).

Заключительный раздел книги посвящен анализу социальных особенностей современной Японии и проблемам внутривнутриполитической жизни страны. Этим проблемам посвящены глава V, «Социальные особенности и экономический рост», а также глава VII, «Основные проблемы внутривнутриполитической жизни». Обе эти главы написаны интересно и дают большой познавательный материал, позволяющий понять особенности социальной структуры японского общества и формы воздействия социальной сферы на развитие экономики страны. Вместе с тем редакторы книги совершенно напрасно, на наш взгляд, разделили эти главы, «вклинив» между ними вопросы внешней политики Японии. Особенности социальной жизни Японии, хотя и в значительной степени трансформировавшейся в послевоенный период, играют столь серьезную и столь специфическую роль, аналогии с которой невозможно найти в какой-либо другой развитой капиталистической стране, что, на наш взгляд, освещение этого вопроса следовало дать более концентрированно, да и снабдить обширные материалы, содержащиеся в обеих указанных главах, более четким политическим комментарием.

В целом же новое исследование советских японистов, посвященное проблемам экономики и политики Японии наших дней, несомненно, будет полезным как для специалистов, так и для широкого круга читателей, проявляющих интерес к стране, которая не только соседствует с нашим Дальним Востоком, но и является крупным партнером СССР во взаимовыгодном сотрудничестве.

В. М. Кузнецов
(г. Владивосток)

Своими глазами

Ваза. Глиняная ваза. Как связан цвет с формой? Керамический сосуд снаружи черный, изнутри красный. Что это означает и откуда это сочетание? А вот цилиндриче-

ская изумрудная ваза, украшенная крупными золотыми листьями виноградной лозы... А за ней возникает огромное блюдо, где по белой глазури идет роспись черно-зелеными красками... Медленно, неторопливо, как бы поворачиваясь со всех сторон в руках мастера, проходят перед нами, блистая красками, керамические изделия японских мастеров. Тарелки, кувшины, чашки... При-знаюсь — никаких особо интимных отноше-

ний к керамике у меня, как, вероятно, у большинства людей, не было. То есть я мог любоваться красивыми изделиями и в какой-то мере оценить их, но прочувствовать и понять высоту искусства, заключенную в этой глиняной живописи, — этого я не умел.

Вот почему книга Н. Т. Федоренко «Краски времени»* стала для меня в каком-то смысле открытием. В сущности, началось это открытие еще с отрывка, напечатанного в «Иностранной литературе», — «Эстетика японской керамики». Уж тогда в этих главах я с интересом прочитал и в какой-то мере познал технологию красоты японской керамики. Из чего возникает эта красота, как она получается, как дается, какой ценой? Да, слово «технология» пожалуй наиболее точно, его можно применять без оговорок, без «как бы». Автор в числе прочего рассказывает и о температурных режимах для обжига керамики, и при каких градусах какие получаются оттенки цвета... И эта конкретность повествования, между прочим, приятна, убедительна, тем более что исходит она даже не от автора, а от самого художника, который увлеченно рассказывает о своей работе автору. Надо сказать, что вообще Н. Федоренко широко пользуется этим приемом. Значительную часть его книги составляют рассказы его собеседников. Художники, керамисты, скульпторы, они, естественно, прежде всего интересуют автора как специалисты своего дела. Они рассказывают о своих работах, о проблемах японского искусства, его истории, обо всем, что занимает их и самого автора. И здесь, именно в этом собственном внутреннем интересе, обнаруживается, проявляет себя давно подмеченный мною закон литературы — увлеченность писателя передается читателю. То, что интересно тебе, пишущему, становится интересно и твоему читателю. Если, конечно, во всем этом присутствует личность писателя, если это пропущено, как говорится, через писательскую душу или судьбу.

В данном случае давний интерес автора к японскому искусству смог быть удовлетворен в течение многолетнего его пребывания в этой стране. Великое множество личных встреч и впечатлений, все виденное, запечатлевшееся, весь этот живой материал, не вычитанный, а полученный из первых рук, лег в основу книги. Ее преимущество в документальности. Автор побывал в мастерских художников, ваятелей, в храмах, осматривал известнейшие коллекции, он добросовестно фиксирует не только свои личные впечатления, но и, что особенно характерно для этой книги, рассказы самих художников, искусствоведов, мастеров. Их размышления о собственном творчестве, о тайнах ремесла, о национальных особенностях японской живописи, о том тончайшем,

* Н. Т. Федоренко. Краски времени. М., изд-во «Искусство», 1972.

неуловимом «чуть-чуть», которое превращает ремесло в искусство и которое сам художник редко умеет анализировать. Тем более ценны те признания, которые автору удается извлечь и у актера Итикава Эноскэ, и у Аракавы, и Огаты... Любое из видений своеобразно связано с личностью художника и в то же время многое раскрывает о тайне японского искусства. «Из сотен, может быть тысяч, чаш и блюд, которые создаются на этом гончарном круге, лишь одна или две приобретают качества, которые характеризуются как художественные. Но порой почти невозможно отличить эту единственную чашу или блюдо от сотен других» — признается художник Аракава. Чрезвычайно любопытное признание! Для самого художника версификация оказывается проблемой; искусство версификации мешает самому создателю, что уж тут говорить о рядовом потребителе, как ему отличить подлинное искусство от подделки? вдохновение от ремесла. И далее Аракава продолжает: «Вряд ли правильно безоговорочно заявлять о непогрешимости оценки или абсолютных мерах определения художественности изделия. Всякие критерии и характеристики относительны. И я не всегда разделяю то, что многими критиками признается наиболее ценным в моих собственных работах».

— Какова же, по вашему, роль личного ощущения художника и не допускается ли вами преувеличение субъективного фактора в творчестве?

— Значение личного ощущения художника в керамическом творчестве едва ли можно переоценить...»

Затем художник поясняет, как его предведение превращается в творение искусства.

«...Лишь очень редко я чувствую, что мною овладевает это счастливое состояние. Тогда я будто осязаю нервными окончаниями пальцев, как возникает нечто необычайно новое».

Может быть, это пояснение неполное, недостаточно, но не знаю, можно ли вообще удовлетворить наше желание знать, как это бывает, как это делается. Наверное, мы должны быть благодарны автору и художнику уже за то, что они открыли перед нами бесконечную сложность проблем творчества, неуловимую душу созидательного процесса.

Однако вернемся к керамике. Как это бывает, по мере чтения всплывали мои собственные впечатления о Японии.

Полутемные, глубокие лавочки в Кисте, тесно уставленные старым фарфором и керамикой. Под слабыми лучами бумажных фонариков молочно просвечивали топки чаш, вспыхивали рельефные напыльвы глазури, эмалевые разводы. Десятки, сотни магазинов, магазинчиков, набитых, как мне казалось, сокровищами, работами древних мастеров. Вспомнились современные уличермаги, ярко освещенные магазины, где

схема выписаны комплекты расписных сервировок с чисто японским легким рисунком. Фарфор занимал особое место в воспоминаниях о Японии. Как теперь оказывалось, он, этот фарфор, остался в памяти от всех наших визитов. Больше запомнилось не что мы ели, а на чем мы ели. Как правило, мы подавались чашками, которые нам подавали в домах, сперва потому, что знали, что японцы так принято, но затем, постепенно входя во вкус этой церемонии, разглядывая и любуясь посудой, мы входили так бы в пристальный утонченный мир, где узор, узор, орнамент обретали значение, где через малое раскрывались пропорции и темпы целой системы жизни. Недаром японцы уделяют такое внимание разнообразию посуды, ее формам, цвету. Федоренко пишет: «В Японии, где рис — главный продукт питания, рисовая чашка образует своеобразный центр столовой посуды. В обязательный набор входят всего лишь несколько предметов — рисовая чашка, пиала для супа, миниатюрные тарелочки и чашечки... Стекло никогда не подается во время японского традиционного обеда. Керамическая посуда соответствует (по особым законам) разнообразным блюдам японской кухни и представляет собой особый мир с его цветом, сочетаниями и комбинациями. Весьма существенное значение придают японцы соответственно керамической посуде каждому блюду, эстетическому взаимоотношению между столовой посудой и спецификой приготовляемой пищи».

Так вот, искусство керамики, оказывается, объединено с бытом, с самой повседневностью жизни японцев, с воспитанием их вкуса, с той неповторимостью художественного осприятия, которая входит в характер народа, в систему его образного мышления. Не случайно, что керамика может играть столь существенную роль в судьбе героя, как это происходит в некоторых повестях замечательного японского писателя Ясунари Савабата.

Эстетика керамики — часть эстетической панорамы японского искусства, которая разворачивается перед нами со страниц книги «Краски времени». Японский театр, история художника Тэссай, образы фигур Саванна, японское зодчество в Киото, Нара, японские парки, храмы, музыка — обо всем этом неторопливо и подробно ведет беседу автор со своими собеседниками. Иногда это превращается в систему «вопрос — ответ», почти журналистское интервью, и тогда собеседники пропадают, пропадает и обстановка беседы, и повествование, несомненно, проигрывает. В большинстве же глав изрядно с диалогом идет описание, собеседники автора предстают как живые люди, мы узнаем их биографию, их работу, их характер. История монаха Сакамото складывается в сюжет, который развивается где-то параллельно с его рассказом о творчестве художника Тэссай Томнока. Рассказ профессора Токийской Академии искусств Ма-

цуда о глиняных фигурках Ханива перебивается рассказом самого автора о Мацуде, об особенностях его научного таланта, и вся глава «Скульптурная летопись» приобретает объемность, добавочную, что ли, проекцию. Там же, где автор переходит на чисто описательную манеру, описывая храмы Никко или космического Будду, то сравнительно с другими главами он проигрывает. Хотя надо отдать должное, сами по себе описания познавательны интересны, содержат множество любопытных сведений. Здесь и исторические экскурсы и описания, идущие от личных впечатлений, рождающие «эффект присутствия», все вместе это создает тот самый «поток информации», который по мнению иных читателей, и составляет ценность литературы. Однако, оказывается, что одной информации для литературы недостаточно. Знания, которые мы получаем от художественного произведения, далеко не самое главное, не эти сведения мы ищем в литературе.

Конечно, и чисто познавательные очерки вполне законный, уважаемый жанр литературы, тем более когда речь идет о путевых очерках. Автор вправе построить всю книгу в виде таких очерков, с историческими обзорами, с любопытными цифрами, таковы, например, цифры, связанные с гигантской фигурой Будды в храме Тодайдзи, — длина лица Будды 5 м; каждый завиток волос на голове — с человеческую голову, а всего завитков — 966; бронзового Будду чистят раз в год, снимая при этом более тридцати ведер пыли! Но в данном случае в книге сосуществуют два, что ли, подхода к материалу — вот этот последний, общепринятый во многих путевых очерках, снабженный множеством сведений, описаний, где личное впечатление сплетено с материалами путеводителей, справочников и исторической литературы, и второй подход, где все как бы свое, найденное и отобранное из многих многих встреч, посещений, рожденное собственным интересом и удивлением, собственные открытия в чужом искусстве, свои раздумья и сомнения... Понятно, что этот второй подход, или метод изображения, — глубоко интимный, личностный — выигрывает, побеждает. И как говорится, слава богу, что большая часть глав обладает именно этим преимуществом личностного открытия.

Книга Н. Федоренко проникнута искренней любовью и уважением к традициям, к своеобразию японского искусства. И это горячее чувство лучше, чем иной академический научный анализ, помогает понять некоторые непривычные для европейца условности — диспропорцию в японской скульптуре, условности в живописи, удивительную связь живописи, поэзии и каллиграфии...

Не случайно автор изображает как фон своего рассказа природу Японии, ее пейзаж, ее обычаи, они помогают проникнуть в образную систему японской эстетики. Постепенно начинаешь ощущать специфику ее законов. Автор пробует также очертить ■

более тонкую особенность — отличие японского от китайского, самобытность японского искусства. На собственном опыте могу подтвердить, что для малонскушенного человека уловить эти различия большей частью невозможно. Вот эта чисто эстетическая, хотя и сложная часть книги читается с нарастающим интересом.

Есть в книге и та трудно объяснимая атмосфера японской жизни в ее лучших проявлениях — неторопливость, уважение к собеседнику, умение слушать оттенки его речи, видение прелести японских церемоний и их глубокого смысла. Есть в ней и много для понимания изящества японских обычаев, то есть все то, что европейцу дается не сразу, а с годами пребывания в Японии, и не просто пребывания, а активной жизни, исполненной стремления узнать, понять культуру этого народа. Эта духовная и, я бы сказал, душевная работа осмысления, может быть, и составляет решающее достоин-

ство этой книги. В нашей литературе ее так-то много можно назвать книг об искусстве, написанных на основе личного восприятия, тем более книг о японском искусстве. Книга Н. Федоренко в этом смысле не только знакомит нас с древним и новым искусством Японии, но и открывает эстетические основы этого искусства, позволяет проникнуть в живую творческую жизнь современного японского искусствоведения, увидеть это искусство через конкретные формы, образцы, в процессе созидания, на вращающемся гончарном круге, в подсыхающих линиях туши...

Успех книги «Краски времени» состоит в том, что она заняла свое место в познании искусства Японии, укрепила связь национальной японской культуры с мировой культурой, способствуя благороднейшему делу взаимопонимания народов.

Даниил Гранин

Монография о современном китайском языке¹

Изучение фонетики китайского разговорного языка возникает в начале нынешнего века. Его причиной послужил растущий интерес к событиям в Китае, который появляется во всем мире. Первое экспериментальное исследование фонетики китайского языка было проведено акад. В. М. Алексеевым². В самом Китае изучение фонетики разговорного языка связано с идеей создания устного государственного языка, единого для всего Китая. Во втором десятилетии XX в. началось исследование живого разговорного китайского языка, которое проводили молодые китайские филологи, обучавшиеся за границей, — Лю Фу и Чжао Юань-жэнь³. При этом Лю Фу пользовался преимуще-

ственно инструментальными, а Чжао Юань-жэнь слуховыми методами. Усилиями этих двух лингвистов в начале 20-х годов были установлены основные фонетические характеристики некоторых наиболее крупных диалектов китайского языка.

После того как были установлены основные факты, относящиеся к тонам современного китайского языка, была поставлена проблема китайской интонации. Эта проблема оказалась не так проста, как можно было ожидать. В самом деле, может ли язык, где каждый слог произносится под определенным тоном, иметь какую-то особую интонацию, при которой контуры тонов сохраняют свою форму. Существовало несколько ответов на этот вопрос, основанных на слуховых наблюдениях, однако для однозначного ответа нужен был эксперимент с применением весьма совершенного научного оборудования.

Ответ на вопрос о соотношении тона и интонации в современном китайском языке был дан не сразу: до 40-х годов интересы исследователей в этой области были сосредоточены на сегментных элементах речи.

¹ Fu Liu. Etude expérimental sur les tons du chinois. Paris — Pékin, 1925, p. 93—112; Yuen Ren Chao. A phonograph Course in the Chinese National Language. Shanghai, 1925, p. 17—37; A Preliminary Study of English Intonation (with American Variants) and its Chinese Equivalents. — "Studies Presented to Ts'ai Pei on his Sixty — Fifth Birthday". Pt. 1, p. 105—156. Peking, 1933.

¹ М. К. Румянцев. Тон и интонация в современном китайском языке (экспериментальное исследование). М., 1972.

² В. М. Алексеев. Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906—1909 гг.). ИАН, VI сер., 1910, № 12, стр. 935—942.

исследование М. К. Румянцева «Тон и интонация в современном китайском языке» — более всестороннее экспериментальное исследование просодической структуры китайского языка.

Просодическая структура китайского языка состоит из трех уровней, соответствующих трем уровням грамматической структуры. Первый уровень образуют морфемы, которые фонологически представляют собой слоги и характеризуются собственным тоном. Вторым образуют слова и другие сочетания морфем, которые характеризуются комбинациями вариантов тонов, зависящими от просодического окружения. Третий уровень образуют фразы, обладающие собственной интонацией, которая организует их и превращает в акустически различные единицы, способные создавать более высокие значения любой величины и степени сложности. Просодия имеет дело с количественными характеристиками лингвистических единиц — их большей или меньшей длительностью — и качественными характеристиками — контуром движения основного тона в произнесении этих лингвистических единиц.

Исследование начинается с количественного анализа просодии современного китайского языка. М. К. Румянцев задается вопросом, что представляет собой слог современного китайского языка как просодической единицы. Человеческая речь протекает во времени. Время, требуемое для произнесения слога, не может быть произвольным, оно определяется тем минимумом, который обусловлен способностью органов речеобразования и органов восприятия воспринять его. И здесь автор приходит к важному выводу, что слог китайского языка характеризуется постоянной длительностью, которая не зависит от числа звуков, входящих в состав этого слога. Иначе говоря, длительность звучания слога не составляет сумму длительностей звучания отдельных входящих в него звуков, а является количественной характеристикой. Она превращает слог китайского языка как лингвистическую единицу и тем самым отличает его от простого сочетания звуков, не входящих в слог. Временная характеристика слога является его основным признаком. Она подчиняет себе все его остальные характеристики. Слог китайского языка, исключая те случаи, когда он выступает как последнее предложение, в качественном отношении характеризуется тоном, но не интонацией. Интонация появляется лишь в предложении. Она налагается на индивидуальные слог и служит специфическим коммуникативным целям. С помощью ее выражается вопрос, утверждение, побуждение, а также завершенность или незавершенность высказывания. Интонация в китайском языке может проявиться только через произнесение слогов, уже имеющих собственный тон, поэтому при исследовании интонации можно говорить о тех изменени-

ях, которые интонация вносит в тоны слогов. В исследовании М. К. Румянцева показан механизм этих изменений: под влиянием интонации приходят в движение частотные уровни произнесения тонов, интервалы частот, в которых они произносятся, время звучания, но контурная характеристика остается неизменной.

Интонация повествовательного предложения китайского языка связана с его синтаксической структурой через его актуальное и синтагматическое членение: каждому синтагматическому членению одного и того же предложения соответствует особая интонация. Так, например, последовательность слов «цзи бу чила» в зависимости от интонации может быть организована в два предложения с различным содержанием. В первом случае между словом «цзи» — *курица* и словами «бу чила» — *не будет есть* — может быть установлена предикативная связь — *курица есть не будет*, но может быть установлена и объективная связь при неопределенном источнике действия — *курицу есть не будут*. Интонационные различия между этими двумя предложениями создаются практически изменением звучания первого слова этого предложения по всем указанным показателям. В первом предложении слово «цзи» звучало 270 мсек, во втором — 320 мсек, в первом предложении частота основных колебаний его была 200 Гц, во втором — 240 Гц. Наконец, пауза, которая представляет собой знак интонационной границы между двумя частями предложения, в первом предложении продолжается 40 мсек, а во втором — 120 мсек.

Как уже указывалось, интонация организует поток речи, превращая его в последовательность фонологически и акустически различных отрезков, соответствующих некоторому его смысловому членению. Однако смысловое членение может быть весьма сложным: одна целостная интонация может состоять из некоторого числа незавершенных интонаций. Наличие завершенных и незавершенных интонаций представляет собой общий признак всех языков мира, однако ее выражение в различных языках бывает различным. М. К. Румянцев показал, что в китайском языке интонационной завершенностью характеризуются различные типы зависимых предложений. Основным участком, где проявляется интонационная незавершенность, является последнее слово соответствующего предложения, то есть в китайском синтаксисе конец зависимого предложения маркируется интонационно. Интонационная незавершенность создается сочетанием трех акустических признаков последнего слова: увеличение времени звучания, усиление интенсивности звучания, повышение частоты колебаний его основного тона. Наоборот, интонационная завершенность синтаксической единицы создается сокращением времени звучания, ослаблением его интенсивности, снижением колебаний основного тона.

Вопросительная интонация во всех языках характеризуется особым интонационным контуром, который образован движением частоты основного тона голоса говорящего на протяжении всей фразы. В китайском языке, как показали и М. К. Румянцев и его сотрудники, дело обстоит несколько иначе. Вопросительное предложение отличается от соответствующего ему по составу повествовательного предложения тем, что последний ударный слог или сочетание ударного слога с редуцированным произносится в более высоком регистре при одновременном увеличении длительности произношения этих частей фразы. Локализация сосредоточения информации о вопросительном характере предложения была установлена экспериментом, при котором из повествовательного предложения, записанного на магнитную пленку, вырезался последний слог и заменялся последним слогом из соответствующего вопросительного предложения. При прослушивании этого сконструированного предложения оно воспринималось как вопросительное.

Показав зависимость интонации простого предложения от его синтаксической структуры в указанном выше смысле, места внутри синтаксического целого, характера коммуникации, М. К. Румянцев задает вопрос, который волнует многих лингвистов, работающих в области синтаксиса: можно ли говорить о существовании интонационных различий между синтаксическими единицами с разными типами грамматической связи между своими элементами? Иначе говоря, существует ли интонационное различие между словосочетанием «мэй хуа» — *прекрасные цветы* — и простыми предложениями «хуа мэй» — *цветы прекрасны*, «май хуа» — *продавать цветы*? Подробное исследование этого вопроса привело к очень важному выводу, что интонационная дифференциация предикативного и определительного типа связи осуществляется лишь в сильной интонационной позиции, в интонационно выразительной речи. Нам представляется, что такая формулировка зависимости интонации от типа грамматической связи внутри синтаксической единицы все же оставляет место для иллюзий относительной возможности ее существования, которое еще должно быть выявлено особо.

Материалы, представленные в монографии, убедительно показывают, что в действительности такой зависимости не существует. Характеристики предложений с объективной связью типа «май хуа» — *продавать цветы* — в монографии специально не рассмотрены, однако можно полагать, что и здесь должно наблюдаться сходное положение вещей.

Проблема интонации простого предложения и интонационных различий между синтаксическими единицами с различными типами грамматической связи выходит далеко за пределы синтаксиса. Одной из характерных черт грамматики китайского языка яв-

ляется наличие единых типов связи между морфемами в слове и между словами в предложении. Так, например, наряду с предложением «дань да» — *печень велика* — имеется слово «даньда» — *храбрый*, наряду со словосочетаниями «хэй бань» — *черная доска*, «то чуань» — *тянуть судно* — существуют слова «хэйбань» — *классная доска*, «точуань» — *баржа* и т. п. Акустически различные слов и словосочетаний, составленных из одних и тех же морфем, имеет важное значение не только в практическом, а также и в теоретическом плане, так как представляет собой единственный формальный признак, с помощью которого можно отличать слова от словосочетаний, построенных по тем же моделям.

Раздел, посвященный этой проблеме, конечно короче других, но и те материалы, которые приведены М. К. Румянцевым, вполне достаточны для того, чтобы составить предварительное представление о просодическом различии между словом и словосочетанием, состоящим из одних и тех же знаменательных морфем. Одним из различий между словами и соответствующими словосочетаниями является более краткое время звучания слов независимо от типа грамматической связи, наличие паузы длительностью 20—40 мсек между элементами словосочетания, большее время звучания первого элемента словосочетания по сравнению с первой морфемой слова. Таким образом, различие между словами и соответствующими им по составу словосочетаниями выявляется достаточно последовательно. Однако представленные М. К. Румянцевым результаты исследования не дают пока никаких оснований для различения их по типам связи. Единственным отличием словосочетаний с предикативной связью от словосочетаний с определительной и объективной связью является то, что в словосочетании с предикативной связью второй элемент звучит выше и интенсивнее, чем второй элемент в слове, а в остальных — первый. Впрочем, достоверность такого различия, вероятно, должна быть дополнительно проверена. Иначе говоря, в современном китайском языке существуют просодические критерии различения слов и словосочетаний, но нет критериев для различения типа грамматической связи между элементами любой уровня грамматической структуры.

Эксперимент, проведенный М. К. Румянцевым, охватывает все основные проблемы просодии современного китайского языка. Из экспериментальных данных следуют весьма важные выводы. И так как в монографии они рассеяны во многих главах, то здесь их хотелось бы снова напомнить и присоединить некоторые другие, которые там отсутствуют.

Одной из основных просодических черт лингвистических единиц китайского языка является время их звучания. Как уже указывалось выше, длительность звучания слогов в китайском языке одинакова, незави-

симо от их фонемного состава. Именно поэтому любое отклонение звучания слога от некоторой стандартной длительности используется в китайском языке в качестве средства для выражения некоторых грамматических отношений. Эти отношения можно охарактеризовать как выражение зависимости и независимости соответствующих лингвистических единиц от слога до сложноподчиненного предложения. Всякое увеличение времени звучания связано с большей значимостью и независимостью соответствующей лингвистической единицы, и наоборот, сокращение времени звучания ассоциируется с меньшей значимостью и зависимостью лингвистической единицы. Увеличение длительности одной из морфем, входящей в состав лингвистических единиц более высоких уровней, служит пограничным сигналом, с помощью которого осуществляется синтагматическое деление речи.

Другой просодической чертой, которая также связана с временем звучания, является пауза, представляющая собой просодию нуля лингвистической единицы. Ее длительность важна в той же мере, что и длительность ненулевых лингвистических единиц. В современном китайском языке существуют два типа пауз: малая, длящаяся 20—40 мсек, и большая, длящаяся 100—120 мсек. Данные М. К. Румянцева показывают, что малая пауза представляет собой пограничный сигнал между словами в предложении, большая — пограничный сигнал между предложениями и указатель изменения порядка слов. Нулевая пауза встречается между элементами двусложного слова. Различение нулевой и ненулевой пауз ведет непосредственно в область китайской ритмики. Двусложное слово без паузы между составляющими его морфемами представляет собой наряду со слогом основную метрическую и ритмическую единицу китайской речи. М. К. Румянцев показал, что метрическая структура трехсложного слова бывает другой: в таких словах первые две морфемы произносятся без паузы, а третья отделена от них малой паузой. Это означает, что трехсложное слово является не просто сочетанием трех равноправных слогов, а имеет более сложную структуру, состоящую из бинома и отдельного слога. Экспериментальное установление просодической структуры многосложных слов китайского языка закладывает основы для дальнейших исследований в области китайской метрики, ритмики, стихосложения.

Третьей просодической чертой современного китайского языка является высота основного тона лингвистической единицы. Как уже указывалось выше, при описании движения высоты основного тона некоторого отрезка речи фактически приходится говорить о наличии восходящих и нисходящих его частей. Восходящее движение основного тона характерно для зависимых синтак-

сических единиц, нисходящее — для независимых. М. К. Румянцев их называет соответственно незавершенными и завершенными высказываниями.

Использование высоты основного тона синтаксических единиц неоднозначно. Повышение основного тона характерно не только для зависимых синтаксических единиц, но также и для вполне завершенных вопросительных предложений. Для различения этих двух случаев использования повышения основного тона М. К. Румянцев вводит понятие контекста как основного критерия различения. Однако можно представить себе и чисто формальный критерий различения этих двух случаев. Как известно, завершенная независимая синтаксическая единица характеризуется понижением основного тона к ее концу. Поэтому признаком повествовательного предложения является понижение основного тона к его концу. Независимо от того, какое количество зависимых синтаксических единиц с повышением основного тона оно содержит в себе. Таким образом, просодию каждого повествовательного предложения можно представить себе как последовательность контуров, которые завершаются нисходящим, а каждое вопросительное — как последовательность контуров, завершающуюся восходящим.

Все описанные выше черты просодической структуры китайского языка непосредственно связаны также с актуальным членением предложения: для указания исходной точки коммуникации характерно повышение основного тона синтаксической единицы, для указания центра коммуникации — понижение. Но и здесь между использованием повышения основного тона в качестве признака зависимых синтаксических единиц и в качестве признака исходной точки коммуникации существует важное различие в виде паузы, которая может иметь разную длительность в зависимости от того, нарушен или не нарушен порядок слов.

Перечисленные просодические признаки — длительность, пауза, высота основного тона — служат для осуществления коммуникативного задания синтаксических единиц — для выделения данного и нового, главного и второстепенного — и никак не связаны с собственно грамматической структурой синтаксических единиц китайского языка.

Глубокое и всестороннее исследование тона и интонации современного китайского языка, проведенное М. К. Румянцевым, — заметное явление не только благодаря тщательному изучению фактов, но также, и это самое главное, из-за тех теоретических выводов, которые вносят изменения и уточнения в наше понимание самой природы китайского языка.

М. В. Софронов

Дж. К. Эммерсон о «японской дилемме»*

Недавно в Токио вышла в свет книга Дж. К. Эммерсона** «Вооружение, иены, могущество. Японская дилемма». В этой солидной по объему работе (420 стр.) прослеживается процесс возрождения вооруженных сил страны. Автор анализирует характер и масштабы перевооружения Японии, источники ее экономического роста и расширения политического влияния на международной арене, особенно в Азии. «Отвлекаясь от наших провалов и разочарований в других районах Азии, мы возлагаем надежды на Японию,— пишет автор во вступлении к книге.— Но можем ли мы освободиться от своих разочарований с такой легкостью? Отнесутся ли японцы к своей роли с должной ответственностью? Почему они медлят? Почему они держат двери своей экономики плотно закрытыми перед нами, обогащаясь в то же время в торговле с нами? Возьмут ли они на себя ответственность за оборону в регионе? Если да, то как будет воспринято это в Азии? Что мы ожидаем от Японии и что Япония ожидает от нас? Какова будет политика Японии в отношении Китая? Станут эти соседние страны друзьями или врагами и какое это окажет влияние на баланс сил в Азии? Вот вопросы, на которые я попытаюсь ответить в своей книге» (стр. 4).

Дж. Эммерсон дает ответы на эти вопросы в сугубо «научной» и «объективной» форме, то есть вполне в духе своего бывшего шефа-профессора Э. Рейшауэра, но за всем этим явно просматриваются корыстные интересы США.

Он подчеркивает, что в его задачу не входило исследование исторических проблем, «хотя современные проблемы едва ли могут быть объяснены без обращения к прошлому». Он обращается главным образом к недавнему прошлому страны, ко времени ее оккупации.

Подчеркивая свое стремление быть беспристрастным и объективным в поисках ис-

* John K. Emerson. Arms, yen and power. The Japanese dilemma. Foreword by Edwin O. Reischauer. Ch. E. Tuttle Company, Tokyo, 1973.

** Дж. Эммерсон много лет (начиная с 1945 г.) жил и работал в Японии, куда он приехал в качестве офицера американских оккупационных сил. В 60-х годах он был министром-посланником в посольстве США в Токио.

тины, автор во второй главе утверждает, что «энергия огромного аппарата американских оккупационных сил была сконцентрирована на разоружении, демилитаризации и демократизации Японии» (стр. 38). Но вслед за этим он вынужден признать, что основа японской военной мощи — японские монополии, — в сущности, не пострадала за годы оккупации, что армия была восстановлена под новой вывеской, в руководстве страной были оставлены представители прежней военно-бюрократической верхушки, которые, вполне естественно, стремились проводить политический курс, не имевший ничего общего с политикой ее действительной демократизации и демилитаризации.

Автор утверждает, что «угроза милитаризма была преувеличена; не было необходимости использовать огромную силу американской и союзной оккупации, чтобы уничтожить чудовище, которое прекратило свое существование уже 15 августа по приказу императора» (стр. 39). Однако в последующих главах книги, противореча себе, он рассказывает о быстром возрождении и деятельности правых милитаристских организаций в Японии. Анализируя особенности «японского воинственного национализма», имеющего давние традиции и глубокие корни в определенных кругах японской ответственности, Эммерсон дает почувствовать, сколь реальна в глазах народов соседних азиатских стран, испытавших на себе в прошлом жестокость японской оккупации, угроза японского милитаризма.

Автор признает, что предпринятые в первый период оккупации попытки штаба Макартура подготовить новую конституцию Японии с помощью японских руководителей оказались безрезультатными, поскольку последние стремились лишь к тому, чтобы оставить в стране «все, как было», и оказывали упорное сопротивление проведению каких-либо реформ (стр. 42—51).

Противоречивой представляется и оценка автором новой японской конституции, подготовленной в штабе Макартура, особенно ее 9 статьи, запрещающей Японии создание армии и военного потенциала. Справедливо указывая на важное значение этой статьи, автор, в сущности, оправдывает энергичную деятельность японских правящих кругов, направленную на возрождение армии и военной мощи страны, начавшую осуществляться с 1950 г. при активной помощи со стороны Вашингтона. «Американцы,— прямо признает Эммерсон,— старались ускорить перевооружение Японии» (стр. 78).

Автор настойчиво подчеркивает стремления известных кругов Японии (особенно в правящей Либерально-демократической партии) осуществить «тотальное вооружение» страны, в том числе ядерное вооружение, пересмотреть конституцию, ликвидировав ее 9-ю статью (стр. 113—119). Эммерсон отмечает, что это оказывалось невозможным до сих пор прежде всего из-за решительного

сознания широкой общественности страны ее демократических, антивоенных взглядов. Он признает, что перевооружение Японии осуществляется во многом в обход конституции и что во влиятельных кругах страны «конституционным» считают даже возможное оснащение «сил обороны» ядерным оружием; разумеется, делает оговорку Эммерсона, исключительно в «оборонительных целях» (стр. 129).

Значительный интерес представляет для читателей общей концепции книги большой раздел, посвященный изложению истории создания «сил обороны», наращиванию их вооруженного состава, их перевооружению самым современным оружием (исключая ядерное)... анализу политики японского правительства в вопросе военных ассигнований, перевооружению, современному состоянию и оснащению вооруженных сил Японии. Автор особенно останавливается на трудностях перевооружения японской армии, которая, как она признает, далеко не пользуется авторитетом и популярностью в японском обществе. Однако Эммерсон считает вполне реальной перспективу превращения Японии в военную державу, поскольку, по его мнению, «важные интересы Японии связаны с производством вооружения, с финансовыми и экономическими вопросами и с проблемами «безопасности» (стр. 387). Он обращает внимание на то, что «удвоение к 1975 г. военных расходов в соответствии с новой оборонной программой поставит Японию на первое место в мире» по военной мощи. Если эти расходы, рассуждает Эммерсон, будут продолжаться только нынешними темпами, то к 1980 г. они достигнут 6 млрд. долл. в год (стр. 137). Автор указывает на быстрый растущий экспорт японской военной техники в развивающиеся страны, подчеркивая при этом, что поставки японского вооружения разрешены лишь в страны так называемого «свободного мира».

Большой раздел книги посвящен перспективам ядерного вооружения Японии. Всесторонне исследуя эту важную проблему, автор указывает на то, что главным препятствием на пути ядерного вооружения являются причины не финансовые и не технические, а политические: оппозиция общественности внутри страны и за рубежом, а также отрицательное отношение к перспективе ядерного вооружения Японии со стороны США. Несмотря на наличие в определенных кругах Японии настроений в пользу ядерного вооружения, Эммерсон тем не менее считает, что в обозримом будущем Япония не будет создавать собственного ядерного оружия, предпочитая американский «зонтик» (стр. 339). Сохранение этого «зонтика» автор рассматривает в качестве необходимого элемента американо-японского военного союза, залога его прочности и эффективного средства укрепления американского контроля над вооружением Японии. Это вооружение не должно, конечно, угрожать интересам США, но в то же время оно

должно отвечать планам американской стратегии в Азии, изложенной в доктрине Никсона.

Значительная часть книги посвящена анализу американо-японских отношений в послевоенные годы, их современному состоянию и возможным перспективам дальнейшего их развития. В свете этих отношений автор рассматривает все другие внешнеполитические аспекты развития Японии, в том числе японо-советские и японо-китайские отношения, а также политику Токио в развивающихся странах Азии. Необходимо иметь в виду, что в течение ряда лет Эммерсон изучал взаимоотношения Японии с ее азиатскими соседями, в столицах которых он побывал много раз. Автор признает, что политика Японии в отношении азиатских стран, хотя она все еще «лишена военного острия», носит экспансионистский, агрессивный характер и что эта политика вызывает в странах Азии растущее недовольство. «Японское «присутствие» в Юго-Восточной Азии,— пишет он,— ничем не отличается от американского, и «безобразный японец» сейчас вытесняет «безобразного американца» в качестве распространенного отрицательного типа» (стр. 305). Знаменательное признание!

Не менее важным является признание и того факта, что торгово-экономическая политика Японии, ее финансовая, техническая и иная «помощь», равно как и характер японских инвестиций в азиатских странах, подчинены исключительно целям получения максимальных выгод для нее самой и мало учитывают интересы стран-получателей (стр. 305—307).

Эммерсон приводит многочисленные факты, свидетельствующие о глубокой обеспокоенности общественности азиатских стран политикой Японии, которую не только обвиняют в «экономическом империализме», но и подозревают в подготовке к военной активности в Азии в целях «защиты» своих экономических и иных интересов в регионе. «Нужда Японии в защите своих капиталовложений и экономических интересов в Юго-Восточной Азии,— пишет он,— может расти наряду с быстрым ростом ее капиталовложений» (стр. 307).

Эммерсон подробно рассматривает в своей книге вопрос о перспективах японо-американских отношений и сотрудничества. Останавливаясь на причинах обострения американо-японских противоречий за последние годы, автор утверждает, что эти противоречия касаются главным образом торговой и экономической областей и не оказывают серьезного влияния на самое основание взаимоотношений Японии и США. Он с удовлетворением отмечает, что Япония остается верной всемирному союзу с США, что правящим кругам страны до сих пор удается преодолевать сопротивление оппозиции в парламенте и протесты широких демократических («левых») кругов, недовольных зависимостью Японии от США. «Некоторым американцам,— пишет он,— трудно понять,

как японские правительства могли столь успешно и последовательно поддерживать американскую политику в Юго-Восточной Азии, в то время как интеллектуалы и комментаторы метали громы и молнии против США, а опросы населения показывали абсолютное осуждение американской политики во Вьетнаме» (стр. 378).

Вместе с тем он признает, что в перспективе эти отношения будут испытывать всевозрастающие осложнения. «Активное участие Японии в осуществлении совместной политики в Азии является ключом к реализации целей доктрины Никсона. Однако, судя по всему, японцы не проявляют желаний взять на себя роль «жандарма в Азии». В то время как их заставляют играть «ключевую роль в Азии», японцы справедливо задают вопрос: что они получают взамен от США?» (Стр. 379)

По мнению автора, Япония не заинтересована сейчас в быстром сокращении американского военного присутствия в Азии, поскольку это заставило бы ее «заполнить вакуум», взяв на себя функции (в том числе и военные) в борьбе против национально-освободительных движений. А это в свою очередь заставило бы Японию полностью обеспечивать собственную оборону, что неизбежно привело бы к милитаризации страны. Отсюда он делает вывод о «целесообразности» американского военного присутствия в Азии, о «необходимости» сохранения американских военных баз в Японии и укрепления американо-японского «договора безопасности». В результате «независимость» Японии от США в военной, экономической и иных областях будет увеличиваться. «Силы обороны» Японии, пишет он, уверуют в свою мощь по мере нарастания этой мощи в процессе выполнения 4-го и 5-го «планов обороны» (стр. 399). Он надеется, что Япония в недалеком будущем возьмет на себя активную роль не только в обеспечении собственной обороны, но также в обороне Южной Кореи и, возможно, Тайваня, разделив с США полицейские функции в районе Дальнего Востока и во

всей Азии, оставаясь, однако, при этом «ядерным зонтом» старшего партнера в военному союзу.

Иными словами, перед нами не новая попытка «обосновать» «ключевую роль» Японии в реализации американских планов в Азии. Автора беспокоит то, что открыт переход правящих кругов страны к политике перевооружения (возможно, и ядерного может заставить «японское большинство» склониться «влево», к одобрению «политической нейтралитета». «Если бы такое случилось, пишет он,— это бы привело к разрушению японо-американских отношений» (стр. 382).

Не отрицая жизненно важного для Японии сохранения мирных условий в Азии в мире, признавая, что Японии «никто не угрожает», автор в то же время считает целесообразным и даже неизбежным создание всеми мощными вооруженных сил, оснащенных всеми видами современного оружия (в том числе ядерного). В сущности, Эммерсон предлагает Японии единственно возможный, на его мнению, курс: оставаться в сфере американской политики, действуя в качестве младшего партнера под американским контролем и в американо-японском военном союзе. Всякое иное решение «японской драмы», по его мнению, должно привести к фактически полному вооружению Японии, к ее фактической милитаризации или к «беспомощному нейтралитету».

Автор отстаивает все те же концепции «сдерживания» борьбы прогрессивных сил в Азии, хотя это и не носит столь открытого и однозначного характера, как в книге некоторых других американских авторов. Эммерсон просто не мыслит возможности создания в Азии такой структуры межгосударственных отношений, которые отвечали бы коренным интересам как Японии, так и всех других стран региона, исключив тем самым и войну из этих отношений и направив их развитие в русло сотрудничества и мирного сосуществования.

А. П. Марков

**Драматургия
А. Н. Островского
в Китае
[1920—1950 гг.]**

В мае 1973 г. в Костроме состоялась Межвузовская юбилейная научная конференция «А. Н. Островский и русская литература», посвященная 150-летию со дня рождения великого драматурга. В ней приняли участие профессоры и преподаватели педагогических вузов РСФСР, Украины, Белоруссии, Азербайджана и Армении, а также ученые-литературоведы из ИМЛИ им. А. М. Горького, ИВ АН СССР и других научных центров Москвы и Ленинграда. На конференции было заслушано сорок докладов, в том числе два о распространении творческого наследия драматурга в странах зарубежного Востока.

С докладом «А. Н. Островский на Востоке» выступила Л. Р. Левина (Москва), которая отметила, что с произведениями А. Н. Островского в странах Востока стали знакомиться после Октябрьской революции: в Китае — с 1921 г., в Японии — с 1923 г., в Индии, Турции и Иране — в 40-е годы, в других странах, например в странах Ближнего Востока, — в 50—60-е годы. Как правило, пьесы драматурга первоначально переводились на национальные языки с языков-посредников — английского и французского, — но впоследствии все чаще с русского. В Японии в разное время были переведены «Гроза», «Снегурочка», «На всякого мудреца довольно простоты», «Доходное место», «Лес». Однако на японской сцене ставилась только комедия «Лес» (в начале 30-х годов, а затем и в 60-е годы). В Корее была осуществлена постановка пьес «Безымянные виноваты» (1946) и «Лес» (1956). К 125-летию со дня рождения А. Н. Островского, в 1948 г., в Монголии была поставлена комедия «Не в свои сани не садись», которая в течение шести лет оставалась в ре-

пертуаре Музыкально-драматического театра и шла с неизменным успехом. Значительным явлением театральной жизни Монголии стал также спектакль «Гроза», поставленный в 1953 г.

О драматургии А. Н. Островского в Китае доклад на конференции сделал кандидат филологических наук М. Е. Шнейдер, автор публикуемого материала.

В начале нашего века в статье «О силе сатанинской поэзии» (1907)¹ молодой Лу Синь впервые познакомил китайскую читающую публику с русской литературой. На примере творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя он раскрыл ее свободолюбие, реалистичность и народность. Позже Лу Синь в известной статье «Приветствую литературные связи Китая и России» (1932) назовет русскую классику лучшим учителем и другом китайского народа.

Поистине триумфальное шествие русской литературы по китайской земле непосредственно связано с так называемой «литературной революцией», проходившей в русле антифеодалного, антиимпериалистического, демократического движения «4 мая» 1919 г., которое развернулось в Китае под влиянием Октябрьской революции.

Объяснение причин резко возросшего и, можно сказать, первостепенного интереса в Китае в конце 10-х — начале 20-х годов к русской литературе мы находим у Цю Цю-бо, одного из выдающихся деятелей новой китайской культуры, впоследствии видного руководителя КПК. «Изучение русской литературы приобрело в Китае широкий размах, — писал он в марте 1920 г. — В чем причина этого? Главная причина заключается в том, что в результате красной большевистской революции в России произошли величайшие политические, экономические и социальные сдвиги, революция всколыхнула весь мир и оказала влияние на развитие идей во всех странах. Всем захотелось понять сущность этой революции, ближе познакомиться с культурой России — и вот внимание человечества оказалось прикованным к России, к русской литературе. А так как в китайском обществе, где так много мрачного и трагического, люди искали новых путей в жизни, их сердца не мог не взволновать докатившийся до них неслыханный доселе грохот крушения старого общества. Поэтому и у нас все заинтересовались Россией, а русская литература стала ориентиром для китайских писателей»².

¹ Лу Синь. Полн. собр. соч. Пекин, 1956, т. 1, стр. 194—234.

² Цю Цю-бо. Очерки и статьи. М., 1959, стр. 89.

В январе 1921 г. двенадцать прогрессивных писателей, критиков и переводчиков иностранной литературы (Мао Дунь, Е Шэнтао, Гэн Цзи-чжи, Чжэн Чжэнь-до, Го Шаоюй, Ван Тун-чжао, Сюй Ди-шань и др.), многие из которых впоследствии стали известными писателями и исследователями литературы, основали в Пекине «Общество изучения литературы». Главной своей целью они провозгласили создание «литературы для жизни» — такой литературы, объектом которой станут, как говорилось в опубликованном ими манифесте, «кровь и слезы униженных и оскорбленных»³.

Поняки «литературы для жизни» привели молодых китайских литераторов к русской классике с ее последовательным демократизмом, вниманием к «маленькому человеку», высоким гуманизмом и великолепным художественным мастерством, свободолобием и общительной направленностью.

Вслед за произведениями И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, А. М. Горького, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и других писателей в Китае стали появляться переводы пьес А. Н. Островского. Самым первым его произведением, переведенным и изданным в Китае в 1921 г., была «Гроза», сразу же обратившая на себя внимание. Ее перевел с русского языка известный популяризатор русской классики Гэн Цзи-чжи. Уже на следующий год драма вышла вновь в «Сборнике русской драматургии»⁴.

В общем, с 1921 по 1959 г. из сорока восьми творений драматурга вначале с английского, а затем все чаще непосредственно с языка оригинала на китайский язык было переведено пятнадцать пьес А. Н. Островского.

Почему наследие русского драматурга неизменно вызывало в Китае тех лет столь пристальный интерес? Объясняется это прежде всего тем, что пропагандисты творчества А. Н. Островского стояли на просветительских позициях. В его «пьесах жизни», в которых он, по его же словам, стремился «объяснить законы жизни», деятели китайской культуры видели воплощение своих собственных идеалов — демократическое переустройство общества, раскрепощение личности посредством введения всеобщего образования⁵. Иными словами, молодые китайские литераторы почувствовали в драматур-

гии Островского «великий заряд демократической энергии»⁶.

Существенную особенность творчества русского драматурга подметил Сюй Цзи-чжи находившийся в 1921—1922 гг. в Москве в качестве первого в Советской России корреспондента китайской прогрессивной прессы. Он писал: «Русские писатели всегда выступали против мешанства, но самым важным и неутомимым из них был Островский»⁷.

Автор первого в Китае «Краткого очерка истории русской литературы» (1924), в следствии выдающийся ученый, профессор Чжэн Чжэнь-до так охарактеризовал творение русского драматурга: «Островский занимает такое же место в русской драматургии, как Толстой и Тургенев в русской прозе. Он возвышается словно одинокая сосна среди леса, и поистине нет никого, кто мог бы стать вровень с ним»⁸. А несколько лет спустя, в предисловии к переведенным им с английского на китайский язык пьесам «Бедность не порок» Чжэн Чжэнь-до подчеркивая значение творчества драматурга, отметил: «В истории мирового театра был лишь один Шекспир, кого можно сравнить с ним (Островским.— М. Ш.)»⁹. Такая высокая оценка, безусловно, отражала мнение переводовой китайской общественности того времени.

Энтузиастам переводческого дела, как читающей публике, была близка и понятна воссозданная в сочинениях Островского мрачная, сонная, полная предрассудков жизнь, протекающая за глухими заборами Замоскворечья. То же «темное царство», то же бесправие женщины, придавленной патриархальным домостроем, те же рожденья самодуры и вездесущие свахи, коверкающие жизнь молодых людей, — все это обнаруживалось в традиционных китайских дворцово-обнесенных со всех сторон глинобитных стенах.

Интересный факт приводит профессор В. А. Филиппов в своем докладе «Островский за рубежом». Китайка, в прошлом одна из его слушательниц, а затем актриса участница постановки «Грозы», состоявшейся в Пекинском народном театре в конце 50-х годов, так объясняет успех спектакля: «Уж очень сюжет этой пьесы близок нам. Дело в том, что в Китае мать семейства особенно если она вдова, имеет главную власть над всеми. И сколько мы, женщины, терпели от этой власти». Приведя эти слова китайской женщины, В. А. Филиппов писал:

³ В. Сорокин, Л. Эйслин. Китайская литература. Краткий очерк. М., 1962, стр. 127—130.

⁴ Помимо «Грозы», в «Сборнике русской драматургии» (Шанхай, 1922) были помещены произведения Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

⁵ М. Е. Шнейдер. «Синь шэуэй» и «Жэньдао» — журналы движения «4 мая». — В кн.: «Движение „4 мая“ 1919 года в Китае». М., 1971, стр. 178—181.

⁶ А. Штейн. Мировое значение Островского. — «Вопросы литературы», 1961, № 5, стр. 110.

⁷ Цзян Гуан-цы. Русская литература. Шанхай, 1927, стр. 191.

⁸ Чжэн Чжэнь-до. Краткий очерк истории русской литературы. Шанхай, 1927, стр. 76.

⁹ Гэ И-хун. А. Н. Островский в Китае. — «Дружба». Пекин, 16. VI. 1956.

«Оказывается, такая, казалось бы, специфическая наша русская тема перекликается с китайской жизнью»¹⁰.

«Нам нужна новая литература, литература общественная, реалистическая... основанная на любви к людям», — писал еще в конце 1919 г. выдающийся ученый, популяризатор марксизма-ленинизма в Китае Ли Да-чжао. И далее: «Богатство и глубина мыслей, научных взглядов, твердые принципы, высокие художественные достоинства, дух гуманизма — вот та новая почва, на которой цвести новой литературе»¹¹. И вполне закономерно, что зачинателем такой новой литературы в Китае, «литературы для жизни», привлекали в драматургии Островского, что отметил еще А. В. Луначарский, его реализм, внимание к социальной действительности, к быту, к этическим проблемам и в то же время необыкновенная простота, ясность, убедительность его художественной формы¹².

Общезвестно, какой популярностью в Китае испокон века пользуется театр. И в этой связи уместно вспомнить слова А. Н. Островского: «Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии — для всего народа».

Китайского зрителя привлекало в пьесах Островского требование, сформулированное им самим. «Молодой публике, — писал драматург, — нужен на сцене глубокий вздох, на весь театр, нужны непритворные теплые слезы, горячие речи, которые лились бы прямо в душу».

В Китае отмечались все юбилейные даты жизни и творчества русского драматурга — 100-летие и 125-летие со дня его рождения, 70-летие со дня смерти и, наконец, 100-летие первой в России постановки «Грозы». К этим датам публиковалось немало переводных (главным образом с русского языка) оригинальных работ о творчестве художника. Особого упоминания заслуживает сборник «Изучение Островского» (Шанхай, 1948), составленный из статей русских, советских и китайских авторов и богато иллюстрированный. В предисловии от редакторов сборника подчеркивалось международное значение творчества русского драматурга. «Его пьесы, — говорилось в предисловии, — стали достоянием всех народов мира»¹³. В том же году в шанхайском издательстве «Эпоха» вышел перевод книги А. Л. Штейна «Островский» (переводчик Цзян Лу).

Глубоко прав известный литературовед Гэ И-хун, назвавший Островского «одним из тех иностранных драматургов, которых больше всего любит наш народ». Далее он писал: «За последние тридцать с лишним лет многие его произведения были изданы на китайском языке, а также часто появлялись на сценах Китая. Некоторые из его произведений экранизированы»¹⁴.

Так называемая разговорная драма возникла в Китае в противовес традиционной музыкальной драме. «По мере развития революционного движения в Китае традиционный театр в его неизменном виде все меньше отвечал запросам передовой части общества. Это побудило часть театральных деятелей, и прежде всего интересующуюся театром молодежь, обратиться к европейской («разговорной») драме с ее богатыми реалистическими и революционными традициями, с ее огромным опытом отображения современной действительности»¹⁵. Первыми постановками разговорной драмы в Китае были: «Дама с камелиями» Дюма-сына и «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу (1907), «Флория Тоска» (1909). Впервые постановка современной европейской социальной драмы «Профессия миссис Уоррен» Б. Шоу состоялась в Шанхае в октябре 1920 г.¹⁶. В 20-х — 30-х годах большим успехом у китайских зрителей пользовалась «Нора» (впервые поставлена в Китае в 1913 г.) и другие драмы Г. Ибсена. Социальный театр Островского пришел на китайскую сцену несколько позже. Но именно он наряду с драматургией Чехова и Горького оказал наиболее глубокое влияние на новое китайское драматическое искусство¹⁷, на таких его представителей, как Ся Янь, Тянь Хань, Чэнь Бай-чэнь, Цао Юй и другие.

«Бедность не порок» была первой в Китае пьесой Островского, поставленной в апреле 1936 г. в одном из шанхайских театров режиссером Чэнь Нин-цю¹⁸. Успех спектакля во многом предопределил дальнейшую судьбу произведений русского драматурга в Китае. В 40-е годы ставился, в частности, «Лес». Как сообщает болгарский журнал «Театр», последней постановкой А. Н. Островского перед «культурной резолюцией», просуществовавшей до 1962 г., была комедия «На всякого мудреца довольно простоты»¹⁹. С тех пор русский драматург нахо-

¹⁴ Гэ И-хун. А. Н. Островский в Китае. — «Дружба». Пекин, 16. VI. 1956.

¹⁵ В. Ф. Сорокин. Основные этапы развития драматического театра в Китае. — В кн.: «Вопросы культурной революции в Китайской Народной Республике». М., 1960, стр. 251.

¹⁶ Там же, стр. 251, 254.

¹⁷ Гэ Бао-цюань. Библиография китайских переводов пьес А. Н. Островского. — В кн.: «Изучение Островского», стр. 237.

¹⁸ Линь Линь. Островский на китайской сцене и экране. — Там же, стр. 247.

¹⁹ «Театр». София, 1962, № 10, стр. 59.

¹⁰ В. А. Филиппов. Островский за рубежом. — В кн.: «Материалы ежегодных конференций, посвященных великому русскому драматургу А. Н. Островскому 1956 и 1957 годов». М., ВТО, 1958, стр. 86.

¹¹ Ли Да-чжао. Что такое новая литература? — Цит. по кн.: «Материалы по истории китайской литературы новейшего времени». Пекин, 1959, т. 1, кн. 1, стр. 19—20.

¹² «Литературная газета», 7. II. 1973.

¹³ «Изучение Островского». Шанхай, 1948, стр. 1.

дится, как и вся русская классика, в опале.

«Грех да беда на кого не живет», «Бесприданница» и «Без вины виноватые», прежде чем увидеть свет рампы в Китае, перерабатывались. Нередко переводчики и режиссеры изменяли место действия и имена действующих лиц, стремясь приблизить русские пьесы к условиям китайской жизни. Так, шанхайская труппа «Муравей» в июле 1937 г. показала два спектакля по пьесе «Грех да беда на кого не живет», названной в китайском варианте «Любовь и ненависть». Видный китайский драматург и режиссер Хун Шэнь с труппой «Новый Китай» в 1947 г. поставил в шанхайском театре «Бесприданницу» под названием «Делец». Переработанный вариант драмы «Без вины виноватые» — «Царица сцены» — в 1945 г. ставился шанхайской драматической труппой под руководством режиссера Цзо Линя на сцене парижской Гранд Опера²⁰. В 1947 г. на шанхайской киностудии «Культура» по переработанной драме был снят фильм, который назывался «Мать и сын».

Однако наибольший триумф в Китае выпал на долю «Грозы». Как отмечается в сборнике «Изучение Островского», она «стала самой любимой пьесой китайских зрителей из всех зарубежных пьес»²¹.

Поставленная впервые Шанхайским обществом актеров-любителей в январе 1937 г.

²⁰ Линь Лин. Указ. соч., стр. 253.

²¹ «Изучение Островского». Шанхай, 1948, стр. 1.

«Гроза» не сходила с китайской сцены вплоть до конца 50-х годов. В отличие от многих других зарубежных пьес драма в Китае без всяких переработок и артефактов играла ее в русских костюмах. В течение двадцати с лишним лет «Гроза» входила в репертуар театральных коллективов Шанхая, Пекина, Нанкина, Чэнду, Чунцин, Куньмина, Гуйлина, Чанша и других городов. По свидетельству очевидцев, в тяжелые годы антияпонской войны этот спектакль сыгранный в оккупированном Шанхае (1938 и 1939 гг.)²² для воинов 8-й армии борющихся с японскими агрессорами (1947) усиливал ненависть к темным силам старого мира, укреплял веру в успех борьбы²³.

Таким образом, можно сказать, что, начиная с 20-х годов, вплоть до «культурной революции», у А. Н. Островского в Китае было много подлинных ценителей, благодарных читателей и заинтересованных зрителей. Запрет, наложенный маоистами на зарубежную классику, лишил китайский народ и бессмертных творений великого русского писателя, являющихся ценнейшим достоянием мировой литературы.

²² Линь Лин. Указ. соч., стр. 24. Произведения А. Н. Островского на китайской сцене. — «Дружба», Пекин, 4. II. 1956.

²³ Му Цзы. Спектакль, близкий сердцу зрителей. — «Дружба». Пекин, 1959, № 1, стр. 32.

Встреча обществоведов в Таллине

В столице Эстонской ССР, во дворце Тоомпеа, в зале заседаний Верховного Совета республики, 28—30 ноября 1973 г. состоялась научная сессия «Борьба марксизма-ленинизма против буржуазной идеологии по проблемам государства». Эта встреча обществоведов была созвана Научным советом по проблемам зарубежных идеологических течений при секции общественных наук президиума Академии наук СССР и отделением общественных наук Академии наук Эстонской ССР.

В работе сессии приняли участие председатель Научного совета по проблемам зарубежных идеологических течений академик

М. Б. Митин, чл.-корр. АН СССР М. С. Стрелович, чл.-корр. АН Латвийской ССР В. А. Штернберг, академик АН Эстонской ССР В. А. Маамяги, чл.-корр. АН Украинской ССР А. Шлепаков, директор Института государства и права АН СССР доктор юрид. наук В. Н. Кудрявцев, другие ученые, представляющие различные отрасли общественной науки, представители центральной и республиканской печати.

Научную сессию открыл первый секретарь ЦК КП Эстонии И. Кэбин. От имени ЦК КП Эстонии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Эстонской ССР он приветствовал гостей.

Настоящая сессия, сказал тов. И. Кэбин, посвящена одной из самых актуальных проблем современной идеологической борьбы — между капитализмом и социализмом — борьбе марксизма-ленинизма против буржуазной и ревизионистской идеологии и вопросам государства.

Роль государства в современном мире возрастает как в социалистических, так и в капиталистических странах. В странах социалистического содержания государства является главным орудием строительства

социализма и коммунизма. Достижения социалистических стран в строительстве нового общества, подъем рабочего и национально-освободительного движения, углубление кризиса капитализма создают новые благоприятные условия для дальнейшего мирного наступления на империализм.

Ряд новых важных теоретических проблем возникает на нынешнем этапе идеологической борьбы в условиях наметившейся разрядки международной напряженности, когда все более широкое признание получают принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В этой борьбе противники коммунизма стремятся использовать все возможности для протаскивания в страны социализма, и в первую очередь в Советский Союз, буржуазной идеологии, делают ставку на раскол социалистического содружества, на разжигание националистических тенденций. Нельзя забывать, продолжал тов. И. Кэбин, что есть государства, где влиятельные круги добиваются, чтобы мир и впредь лихорадила напряженность, чтобы росли военные бюджеты, продолжалась гонка вооружений. В идеологической борьбе «эксперты» по советским, а точнее, по антисоветским делам заботятся отнюдь не о защите неких гуманистических идеалов, о чем они много разглагольствуют, а о том, чтобы дискредитировать социализм, подорвать его идеологию.

Мы противопоставляем нашим идейным противникам, их фальсификациям реальную правду жизни, на которой строятся все наши научные обобщения. Под такой подлинной правдой жизни вопреки буржуазным и иным антикоммунистическим идеологам мы подразумеваем не вырванные из общего социального контекста отдельные факты и фактики, а прежде всего основные, решающие закономерности, процессы и тенденции в развитии социалистической общественной жизни.

С докладом «Современное буржуазное государство и идеологическая борьба» выступил председатель Научного совета академик М. Б. Митин.

Охарактеризовав основные особенности современного буржуазного государства, докладчик отметил, что монополистическая (буржуазия, используя политический и идеологический аппарат государства, изощренную социальную демагогию, пытается ослабить накал классовых борьбы, растворить рабочее движение в системе буржуазного парламентаризма, замаскировать господство монополий и финансовой олигархии. Одновременно империализм прибегает к террору и насилию, превращает буржуазную демократию в настоящий фарс. О какой демократии, о каком «свободном мире» могут говорить сейчас представители буржуазного общества, когда на глазах всего мира расстреляна демократия в Чили, зверски убит избранный всенародным голосованием президент Альенде!

Формально-юридически, указал М. Б. Митин, политическая система современных капиталистических стран — это представительная парламентская демократия, однако фактически власть в этих странах находится в руках монополий или даже военно-промышленного комплекса. Демократия как политическая реальность в буржуазных странах в настоящее время сводится к нулю. Правительство, имеющее за собой послушное партийное большинство в парламенте, фактической ответственности перед парламентом не несет. Фракция правящей партии подчиняется правительству по партийной линии, так как правительство, по сути дела, есть партийный штаб правящей партии.

Мы далеки от того, сказал докладчик, чтобы недооценивать способность капиталистической системы приспосабливаться к меняющейся действительности. Однако весь характер диалектического развития капитализма в нашу эпоху имманентно связан с дальнейшим углублением и серьезным обострением антагонистических противоречий и конфликтов, появлением все новых очагов внутренней напряженности, кризисной ситуации в капиталистическом обществе.

Затем докладчик остановился на некоторых проблемах государства в истолковании буржуазной и ревизионистской идеологии и на идеологической деятельности буржуазного государства.

В заключение академик М. Б. Митин сказал:

Нам, представителям общественной науки, нужно более обстоятельно заниматься сложнейшими диалектическими процессами, происходящими ныне как в общественном экономическом базисе современного капитализма, так и во всех разделах надстройки, изменениями в государственно-политической области и во всех сферах духовной жизни буржуазного общества. Наша научная сессия, как комплексная по своему характеру, призвана в этом отношении сыграть серьезную роль.

Директор Института государства и права АН СССР доктор юрид. наук В. Н. Кудрявцев в своем докладе «Проблемы пропаганды советского права в свете борьбы с буржуазной идеологией» коснулся, в частности, некоторых аспектов идеологической борьбы маоистского руководства современного Китая против нашей страны и социалистического содружества. Он указал, что маоисты упрекают советскую законность в «излишнем либерализме», в «отходе от революционных принципов», что они используют в своей антисоветской и антисоциалистической пропаганде теорию конвергенции, разработанную буржуазными пропагандистами.

Институт Дальнего Востока АН СССР был представлен на сессии доктором эк. наук, проф. Е. А. Коноваловым, выступившим с докладом «Теория и практика маоизма по проблемам государства при социализме».

Выдвигая на первый план перед своим народом и всем миром задачу «создания мо-

гучего, процветающего, великого Китая», сказал докладчик, маоисты противопоставили эту цель классовым, групповым и личным интересам трудящихся Китая. Социально-экономическое развитие страны при маоистском режиме является примером постепенного отрыва и противопоставления «общегосударственных интересов» коренным интересам трудящихся. Специфичность положения в Китае заключается в том, что маоисты эксплуатируют социалистические формы государственности, отношения собственности, первоначальные успехи и подлинные преимущества социализма, которые имели место в первые годы после победы народной революции в Китае.

Трудящиеся Китая сейчас лишены возможности реализовать плоды существования общественной собственности в стране. Система распределения, действующая в Китае, противоречит социалистическим принципам распределения, приводит к тому, что рабочий класс и трудовое крестьянство уже на протяжении полутора десятилетий лишены возможности повышения уровня их жизни в зависимости от увеличения количества и качества своего труда.

Установление военно-бюрократической диктатуры в Китае лишь до поры до времени может быть совместимым с сохранением социалистической оболочки общественной собственности на средства производства. В конечном же счете либо должна претерпеть изменения социальная форма государства с его коренными целями и надстроеными институтами, либо государствен-

ная собственность переродится в ту или иную форму государственно-бюрократического капитала, эксплуатирующего в своих целях трудящиеся массы, подчеркнул докладчик.

Экономическая политика маоистского государства, сказал далее Е. А. Коновалов, не соответствует объективным потребностям китайского народа, находится в противоречии с экономическими законами социализма и превратилась в тормоз экономического развития страны. Отлучение рабочих от демократических форм управления производством, искажение социалистических принципов распределения, пренебрежение при этом материального стимулирования — все это противоречит коренным интересам китайских трудящихся.

Политика группы Мао Цзэ-дуна, сказал в заключение докладчик, оторванная от реальных потребностей Китая, нарушающая требования объективных экономических законов, во все большей мере утрачивает социалистическое содержание. В этом состоит бесперспективность и историческая обреченность политического режима Мао Цзэ-дуна и его сторонников.

На заключительном заседании участники сессии заслушали доклад первого заместителя председателя правления агентства печати «Новости» А. И. Власова «Современная идеологическая борьба и буржуазная пропаганда».

Б. В. Стасов

Сдано в производство 28. XII-73 г. А06533 Подписано к печати 8. II-74 г.
 Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 5³/₄. Печ. л. 16,1. Уч.-изд. л. 19,52.
 Изд. № 18862. Заказ 2709. Цена 50 к. Тираж 14550.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 Москва Г-21, Zubовский бульвар, 21

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов Московской области